

Родная ДАДОГА

№ 1-2 (59)' 2022

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А. В. (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — публицист, секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУНДЕЕВ Владимир Васильевич — генеральный директор АО «47 ТРЕСТ», Почетный строитель России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты и сайта «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дагдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отделения СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — поэт, лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — художник, член-корреспондент Российской академии художеств.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Владимир Путин Президент России. «Преданность Отчизне — главная ценность, надежная опора независимости России».....	5
Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). Вавилонское дело: от времен Хама и Сильного Зверолова до наших дней	46
Наталья Нарочницкая. Латинский Запад и Православный Восток: Два пути апостасии — один драматический итог на пороге Третьего Тысячелетия. <i>Выступление на V Конгрессе «Cultura Europea», Памплона, Испания</i>	87
Владимир Большаков. Крестный путь Царской Семьи и современность	112

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Проханов. Коды Победы	15
Виталий Даренский. Четвертая Отечественная война — за восстановление России	23
Александр Щипков. Армия как общественный институт	34
Александр Кугай. Местное самоуправление в России: история и современность	129

ПОЭЗИЯ

Андрей Ребров	39
Игорь Изборцев	43
Валентина Ефимовская	135
Войислав Караджич	138
Магомед Ахмедов	208
Александр Панкратов-Черный	214
Александр Орлов	243
Дмитрий Филиппенко	246

Точка зрения

Александр Казин. К вопросу о русской идеологии.....	98
Анатолий Степанов. Отец и спаситель Российской Империи. <i>К пониманию мотивации преобразований первого русского Императора Петра Великого</i> ..	103

ЛЕКЦИЯ

Митрополит ТИХОН (Шевкунов). Нас ведет Господь. <i>Духовные ориентиры, по которым необходимо строить жизнь христианам сегодня</i>	141
--	-----

Родная речь

Юрий Лощиц. Кириллица и глаголица. <i>Глава из книги о Кирилле и Мефодии</i> ...	150
---	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир Крупин. Перебирая давние записки о Пушкине	167
Елена Заславская. Сквозь смерть — к жизни	201

Связь ВРЕМЕНИ

Владимир Малышев. Достоевский и... коронавирус	182
--	-----

Пути ПОЗНАНИЯ

Галина Скотникова. «...Что было и что есть на Руси»: В. В. Розанов «Среди художников»	188
--	-----

Северная СТОЛИЦА

Борис Подопригора. Родом с Исаакиевской площади	217
---	-----

ПРОЗА

Михаил Зарубин. Строитель. <i>Новелла</i>	226
Виктор Потанин. А гуси летели высоко, высоко. <i>Из новой повести</i> «На семи холмах»	235

Слово РЕДАКЦИИ

«На посту!» Журналу «Родная Ладога» 15 лет	248
--	-----

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:
https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret
<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>
<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

История и современность

Владимир ПУТИН
Президент России

**«ПРЕДАННОСТЬ
ОТЧИЗНЕ —
ГЛАВНАЯ
ЦЕННОСТЬ,
НАДЕЖНАЯ ОПОРА
НЕЗАВИСИМОСТИ
РОССИИ»***

*Материалы взяты с сайта:
www.kremlin.ru

Редакция журнала «Родная
Ладога» благодарит за содей-
ствие ПРЕСС-СЛУЖБУ Пре-
зидента РФ.

«О проведении специальной военной операции»

*Обращение Президента России
В. В. Путина к гражданам России
и военнослужащим Вооруженных
сил Украины 24 февраля 2022 года*

Уважаемые граждане России!
Дорогие друзья!

Сегодня вновь считаю необходи-
мым вернуться к трагическим собы-
тиям, происходящим на Донбассе,
и ключевым вопросам обеспечения
безопасности самой России.

Начну с того, о чем говорил в
своем обращении от 21 февраля те-
кущего года. Речь о том, что вызы-
вает у нас особую озабоченность и
тревогу, о тех фундаментальных
угрозах, которые из года в год шаг
за шагом грубо и бесцеремонно соз-
даются безответственными полити-
ками на Западе в отношении нашей
страны. Имею в виду расширение
блока НАТО на восток, приближе-
ние его военной инфраструктуры к
российским границам.

Хорошо известно, что на протя-
жении тридцати лет мы настойчиво
и терпеливо пытались договориться с
ведущими странами НАТО о принци-
пах равной и неделимой безопасности
в Европе. В ответ на наши предложе-
ния мы постоянно сталкивались либо
с циничным обманом и враньем, либо
с попытками давления и шантажа, а
Североатлантический альянс тем вре-
менем, несмотря на все наши протес-
ты и озабоченности, неуклонно рас-
ширяется. Военная машина движется
и, повторю, приближается к нашим
границам вплотную.

Почему все это происходит?
Откуда эта наглая манера разгова-
ривать с позиции собственной ис-
ключительности, непогрешимости и
вседозволенности? Откуда наплева-

тельское, пренебрежительное отношение к нашим интересам и абсолютно законным требованиям?

Ответ ясен, все понятно и очевидно. Советский Союз в конце 80-х годов прошлого века ослаб, а затем и вовсе развалился. Весь ход происходивших тогда событий — это хороший урок для нас и сегодня, он убедительно показал, что паралич власти, воли — это первый шаг к полной деградации и забвению. Стоило нам тогда на какое-то время потерять уверенность в себе, и все — баланс сил в мире оказался нарушенным.

Это привело к тому, что прежние договоры, соглашения уже фактически не действуют. Уговоры и просьбы не помогают. Все, что не устраивает гегемона, власть предрежащих, объявляется архаичным, устаревшим, ненужным. И наоборот: все, что кажется им выгодным, преподносится как истина в последней инстанции, продавливается любой ценой, хамски, всеми средствами. Несогласных ломают через колено.

То, о чем сейчас говорю, касается не только России и не только у нас вызывает озабоченности. Это касается всей системы международных отношений, а подчас даже и самих союзников США. После развала СССР фактически начался передел мира, и сложившиеся к этому времени нормы международного права, — а ключевые, базовые из них были приняты по итогам Второй мировой войны и во многом закрепляли ее результаты, — стали мешать тем, кто объявил себя победителем в холодной войне.

Конечно, в практической жизни, в международных отношениях, в правилах по их регулированию нужно было учитывать и изменения ситуации в мире и самого баланса сил. Однако делать это следовало профессионально, плавно, терпеливо, с учетом и уважением интересов всех стран и при понимании своей ответственности. Но нет — состояние эйфории от абсолютного превосходства, своего рода современного вида абсолютизма, да еще и на фоне низкого уровня общей культуры и чванства тех, кто готовил, принимал и продавливал выгодные лишь для себя решения. Ситуация начала развиваться по другому сценарию.

За примерами далеко ходить не нужно. Сперва без всякой санкции Совета Безопасности ООН провели кровопролитную военную операцию против Белграда, использовали авиацию, ракеты прямо в самом центре Европы. Несколько недель непрерывных бомбежек по мирным городам, по жизнеобеспечивающей инфраструктуре. Приходится напоминать эти факты, а то некоторые западные коллеги не любят вспоминать те события, а когда мы говорим об этом, предпочитают указывать не на нормы международного права, а на обстоятельства, которые трактуют так, как считают нужным.

Затем наступила очередь Ирака, Ливии, Сирии. Нелегитимное использование военной силы против Ливии, извращение всех решений Совета Безопасности ООН по ливийскому вопросу привело к полному разрушению государства, к тому, что возник огромный очаг международного терроризма, к тому, что страна погрузилась в гуманитарную катастрофу, в пучину не прекращающейся до сих пор многолетней гражданской войны. Трагедия, на которую обрекли сотни тысяч, миллионы людей не только в Ливии, но и во всем этом регионе, породила массовый миграционный исход из Северной Африки и Ближнего Востока в Европу.

Подобную судьбу уготовили и Сирии. Боевые действия западной коалиции на территории этой страны без согласия сирийского правительства

и санкции Совета Безопасности ООН — это не что иное, как агрессия, интервенция.

Однако особое место в этом ряду занимает, конечно же, вторжение в Ирак, тоже без всяких правовых оснований. В качестве предлога выбрали якобы имеющуюся у США достоверную информацию о наличии в Ираке оружия массового поражения. В доказательство этому публично, на глазах у всего мира Госсекретарь США тряс какой-то пробиркой с белым порошком, уверяя всех, что это и есть химическое оружие, разрабатываемое в Ираке. А потом оказалось, что все это — подтасовка, блеф: никакого химического оружия в Ираке нет. Невероятно, удивительно, но факт остается фактом. Имело место вранье на самом высоком государственном уровне и с высокой трибуны ООН. А в результате — огромные жертвы, разрушения, невероятный всплеск терроризма.

Вообще складывается впечатление, что практически везде, во многих регионах мира, куда Запад приходит устанавливать свой порядок, по итогам остаются кровавые, незаживающие раны, язвы международного терроризма и экстремизма. Все, о чем сказал, это наиболее вопиющие, но далеко не единственные примеры пренебрежения международным правом.

В этом ряду и обещания нашей стране не расширять ни на один дюйм НАТО на восток. Повторю — обманули, а выражаясь народным языком, просто кинули. Да, часто можно слышать, что политика — грязное дело. Возможно, но не настолько же, не до такой же степени. Ведь такое шулерское поведение противоречит не только принципам международных отношений, но прежде всего общепризнанным нормам морали и нравственности. Где же здесь справедливость и правда? Одна лишь сплошная ложь и лицемерие.

Кстати, сами американские политики, политологи и журналисты пишут и говорят о том, что внутри США создана в последние годы настоящая «империя лжи». Трудно с этим не согласиться — так оно и есть. Но не надо скромничать: США — это все-таки великая страна, системообразующая держава. Все ее сателлиты не только безропотно и покорно поддакивают, подпевают ей по любому поводу, но еще и копируют ее поведение, с восторгом принимают предлагаемые им правила. Поэтому с полным на то основанием, уверенно можно сказать, что весь так называемый западный блок, сформированный США по своему образу и подобию, весь он целиком и есть та самая «империя лжи».

Что касается нашей страны, то после развала СССР при всей беспрецедентной открытости новой современной России, готовности честно работать с США и другими западными партнерами и в условиях фактически одностороннего разоружения нас тут же попытались дожать, добить и разрушить уже окончательно. Именно так и было в 90-е годы, в начале 2000-х годов, когда так называемый коллективный Запад самым активным образом поддерживал сепаратизм и банды наемников на юге России. Каких жертв, каких потерь нам тогда все это стоило, через какие испытания пришлось пройти, прежде чем мы окончательно сломали хребет международному терроризму на Кавказе. Мы помним это и никогда не забудем.

Да, собственно, и до последнего времени не прекращались попытки использовать нас в своих интересах, разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ

изнутри, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека. Этому не бывать, никогда и ни у кого этого не получалось. Не получится и сейчас.

Несмотря ни на что, в декабре 2021 года мы все-таки в очередной раз предприняли попытку договориться с США и их союзниками о принципах обеспечения безопасности в Европе и о нерасширении НАТО. Все тщетно. Позиция США не меняется. Они не считают нужным договариваться с Россией по этому ключевому для нас вопросу, преследуя свои цели, пренебрегают нашими интересами.

И, конечно, в этой ситуации у нас возникает вопрос: а что же делать дальше, чего ждать? Мы хорошо знаем из истории, как в 40-м году и в начале 41-го года прошлого века Советский Союз всячески стремился предотвратить или хотя бы оттянуть начало войны. Для этого в том числе старался буквально до последнего не провоцировать потенциального агрессора, не осуществлял или откладывал самые необходимые, очевидные действия для подготовки к отражению неизбежного нападения. А те шаги, которые все же были в конце концов предприняты, уже катастрофически запоздали.

В результате страна оказалась не готова к тому, чтобы в полную силу встретить нашествие нацистской Германии, которая без объявления войны напала на нашу Родину 22 июня 1941 года. Врага удалось остановить, а затем и сокрушить, но колоссальной ценой. Попытка ублажить агрессора в преддверии Великой Отечественной войны оказалась ошибкой, которая дорого стоила нашему народу. В первые же месяцы боевых действий мы потеряли огромные, стратегически важные территории и миллионы людей. Второй раз мы такой ошибки не допустим, не имеем права.

Те, кто претендуют на мировое господство, публично, безнаказанно и, подчеркну, без всяких на то оснований объявляют нас, Россию, своим врагом. Они, действительно, располагают сегодня большими финансовыми, научно-технологическими и военными возможностями. Мы знаем об этом и объективно оцениваем постоянно звучащие в наш адрес угрозы в сфере экономики — так же, как и свои возможности противостоять этому наглому и перманентному шантажу. Повторю, мы оцениваем их без иллюзий, предельно реалистично.

Что касается военной сферы, то современная Россия даже после развала СССР и утраты значительной части его потенциала является сегодня одной из самых мощных ядерных держав мира и, более того, обладает определенными преимуществами в ряде новейших видов вооружения. В этой связи ни у кого не должно быть сомнений в том, что прямое нападение на нашу страну приведет к разгрому и ужасным последствиям для любого потенциального агрессора.

Вместе с тем технологии, в том числе оборонные, меняются быстро. Лидерство в этой области переходит и будет переходить из рук в руки, а вот военное освоение прилегающих к нашим границам территорий, если мы позволим это сделать, останется на десятилетия вперед, а может, и навсегда и будет создавать для России постоянно нарастающую, абсолютно неприемлемую угрозу.

Уже сейчас, по мере расширения НАТО на восток, ситуация для нашей страны с каждым годом становится все хуже и опаснее. Более того, в по-

следние дни руководство НАТО прямо говорит о необходимости ускорить, форсировать продвижение инфраструктуры Альянса к границам России. Другими словами — они ужесточают свою позицию. Продолжать просто наблюдать за тем, что происходит, мы больше не можем. Это было бы с нашей стороны абсолютно безответственно.

Дальнейшее расширение инфраструктуры Североатлантического альянса, начавшееся военное освоение территорий Украины для нас неприемлемы. Дело, конечно, не в самой организации НАТО — это только инструмент внешней политики США. Проблема в том, что на прилегающих к нам территориях, — замечу, на наших же исторических территориях, — создается враждебная нам «анти-Россия», которая поставлена под полный внешний контроль, усиленно обживается вооруженными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием.

Для США и их союзников это так называемая политика сдерживания России, очевидные геополитические дивиденды. А для нашей страны — это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа. И это не преувеличение — это так и есть. Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету. Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили. Они ее перешли.

В этой связи — и о положении в Донбассе. Мы видим, что те силы, которые в 2014 году совершили на Украине госпереворот, захватили власть и удерживают ее с помощью, по сути, декоративных выборных процедур, окончательно отказались от мирного урегулирования конфликта. Восемь лет, бесконечно долгих восемь лет мы делали все возможное, чтобы ситуация была разрешена мирными, политическими средствами. Все напрасно.

Как уже говорил в своем предыдущем обращении, нельзя без сострадания смотреть на то, что там происходит. Терпеть все это было уже просто невозможно. Необходимо было немедленно прекратить этот кошмар — геноцид в отношении проживающих там миллионов людей, которые надеются только на Россию, надеются только на нас с вами. Именно эти устремления, чувства, боль людей и были для нас главным мотивом принятия решения о признании народных республик Донбасса.

Что считаю важным дополнительно подчеркнуть. Ведущие страны НАТО для достижения своих собственных целей во всем поддерживают на Украине крайних националистов и неонацистов, которые в свою очередь никогда не простят крымчанам и севастопольцам их свободный выбор — воссоединение с Россией.

Они, конечно же, полезут и в Крым, причем так же, как и на Донбасс, с войной, с тем чтобы убивать, как убивали беззащитных людей каратели из банд украинских националистов, пособников Гитлера во время Великой Отечественной войны. Откровенно заявляют они и о том, что претендуют на целый ряд других российских территорий.

Весь ход развития событий и анализ поступающей информации показывает, что столкновение России с этими силами неизбежно. Это только вопрос времени: они готовятся, они ждут удобного часа. Теперь претендуют еще и на обладание ядерным оружием. Мы не позволим этого сделать.

Как уже говорил ранее, Россия после развала СССР приняла новые геополитические реалии. Мы с уважением относимся и будем так же отно-

ситься ко всем вновь образованным на постсоветском пространстве странам. Мы уважаем и будем уважать их суверенитет, и пример тому — помощь, которую мы оказали Казахстану, который столкнулся с трагическими событиями, с вызовом своей государственности и целостности. Но Россия не может чувствовать себя в безопасности, развиваться, существовать с постоянной угрозой, исходящей с территории современной Украины.

Напомню, что в 2000—2005 годах мы дали военный отпор террористам на Кавказе, отстояли целостность нашего государства, сохранили Россию. В 2014 году поддержали крымчан и севастопольцев. В 2015-м применили Вооруженные Силы, чтобы поставить надежный заслон проникновению террористов из Сирии в Россию. Другого способа защитить себя у нас не было.

То же самое происходит и сейчас. Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей, кроме той, которую мы вынуждены будем использовать сегодня. Обстоятельства требуют от нас решительных и незамедлительных действий. Народные республики Донбасса обратились к России с просьбой о помощи.

В связи с этим в соответствии со статьей 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой народной республикой и Луганской народной республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции.

Ее цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные, кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации.

При этом в наши планы не входит оккупация украинских территорий. Мы никому и ничего не собираемся навязывать силой. Вместе с тем мы слышим, что в последнее время на Западе все чаще звучат слова о том, что подписанные советским тоталитарным режимом документы, закрепляющие итоги Второй мировой войны, не следует уже и выполнять. Ну что же, что ответить на это?

Итоги Второй мировой войны, как и жертвы, принесенные нашим народом на алтарь победы над нацизмом, священны. Но это не противоречит высоким ценностям прав и свобод человека, исходя из тех реалий, которые сложились на сегодня за все послевоенные десятилетия. Также не отменяет права наций на самоопределение, закрепленное в статье 1 Устава ООН.

Напомню, что ни при создании СССР, ни после Второй мировой войны людей, проживавших на тех или иных территориях, входящих в современную Украину, никто никогда не спрашивал о том, как они сами хотят обустроить свою жизнь. В основе нашей политики — свобода, свобода выбора для всех самостоятельно определять свое будущее и будущее своих детей. И мы считаем важным, чтобы этим правом — правом выбора — могли пользоваться все народы, проживающие на территории сегодняшней Украины, все, кто этого захочет.

В этой связи обращаюсь и к гражданам Украины. В 2014 году Россия была обязана защитить жителей Крыма и Севастополя от тех, кого вы сами называете «нациками». Крымчане и севастопольцы сделали свой выбор —

быть со своей исторической Родиной, с Россией, и мы это поддержали. Повторю, просто не могли поступить иначе.

Сегодняшние события связаны не с желанием ущемить интересы Украины и украинского народа. Они связаны с защитой самой России от тех, кто взял Украину в заложники и пытается использовать ее против нашей страны и ее народа.

Повторю, наши действия — это самозащита от создаваемых нам угроз и от еще большей беды, чем та, что происходит сегодня. Как бы тяжело ни было, прошу понять это и призываю к взаимодействию, чтобы как можно скорее перевернуть эту трагическую страницу и вместе двигаться вперед, никому не позволять вмешиваться в наши дела, в наши отношения, а выстраивать их самостоятельно — так, чтобы это создавало необходимые условия для преодоления всех проблем и, несмотря на наличие государственных границ, укрепляло бы нас изнутри как единое целое. Я верю в это — именно в такое наше будущее.

Должен обратиться и к военнослужащим вооруженных сил Украины.

Уважаемые товарищи! Ваши отцы, деды, прадеды не для того сражались с нацистами, защищая нашу общую Родину, чтобы сегодняшние неонацисты захватили власть на Украине. Вы давали присягу на верность украинскому народу, а не антинародной хунте, которая грабит Украину и издевается над этим самым народом.

Не исполняйте ее преступных приказов. Призываю вас немедленно сложить оружие и идти домой. Поясню: все военнослужащие украинской армии, которые выполняют это требование, смогут беспрепятственно покинуть зону боевых действий и вернуться к своим семьям.

Еще раз настойчиво подчеркну: вся ответственность за возможное кровопролитие будет целиком и полностью на совести правящего на территории Украины режима.

Теперь несколько важных, очень важных слов для тех, у кого может возникнуть соблазн со стороны вмешаться в происходящие события. Кто бы ни пытался помешать нам, а тем более создавать угрозы для нашей страны, для нашего народа, должны знать, что ответ России будет незамедлительным и приведет вас к таким последствиям, с которыми вы в своей истории еще никогда не сталкивались. Мы готовы к любому развитию событий. Все необходимые в этой связи решения приняты. Надеюсь, что я буду услышан.

Уважаемые граждане России!

Благополучие, само существование целых государств и народов, их успех и жизнеспособность всегда берут начало в мощной корневой системе своей культуры и ценностей, опыта и традиций предков и, конечно, прямо зависят от способности быстро адаптироваться к постоянно меняющейся жизни, от сплоченности общества, его готовности консолидировать, собирать воедино все силы, чтобы идти вперед.

Силы нужны всегда — всегда, но сила может быть разного качества. В основе политики «империи лжи», о которой говорил в начале своего выступления, прежде всего лежит грубая, прямолинейная сила. В таких случаях у нас говорят: «Сила есть, ума не надо».

А мы с вами знаем, что настоящая сила — в справедливости и правде, которая на нашей стороне. А если это так, то трудно не согласиться с тем, что именно сила и готовность к борьбе лежат в основе независимости и су-

веренитета, являются тем необходимым фундаментом, на котором только и можно надежно строить свое будущее, строить свой дом, свою семью, свою Родину.

Уважаемые соотечественники!

Уверен, что преданные своей стране солдаты и офицеры Вооруженных Сил России профессионально и мужественно исполняют свой долг. Не сомневаюсь, что слаженно и эффективно будут действовать все уровни власти, специалисты, отвечающие за устойчивость нашей экономики, финансовой системы, социальной сферы, руководители наших компаний и весь российский бизнес. Рассчитываю на консолидированную, патриотическую позицию всех парламентских партий и общественных сил.

В конечном счете, как это всегда и было в истории, судьба России — в надежных руках нашего многонационального народа. А это значит, что принятые решения будут выполнены, поставленные цели — достигнуты, безопасность нашей Родины — надежно гарантирована.

Верю в вашу поддержку, в ту непобедимую силу, которую дает нам наша любовь к Отечеству.

**Президент России — Верховный Главнокомандующий
Вооруженными Силами Российской Федерации
Владимир Владимирович Путин выступил
на военном параде в ознаменование 77-й годовщины
Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов**

Уважаемые граждане России!

Дорогие ветераны!

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики!

Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Поздравляю вас с Днем Великой Победы!

Защита Родины, когда решалась ее судьба, всегда была священной. С такими чувствами подлинного патриотизма поднимались за Отечество ополченцы Минина и Пожарского, шли в атаку на Бородинском поле, бились с врагом под Москвой и Ленинградом, Киевом и Минском, Сталинградом и Курском, Севастополем и Харьковом.

Так и сейчас, в эти дни вы сражаетесь за наших людей на Донбассе. За безопасность нашей Родины — России.

9 мая 1945 года навеки вписано в мировую историю как триумф нашего единого советского народа, его сплоченности и духовной мощи, беспримерного подвига на фронте и в тылу.

День Победы близок и дорог каждому из нас. В России нет семьи, которую бы не опалила Великая Отечественная война. Память о ней не меркнет. В этот день в нескончаемом потоке «Бессмертного полка» — дети, внуки и правнуки героев Великой Отечественной. Они несут фотографии своих родных, погибших солдат, которые навеки остались молодыми, и уже ушедших от нас ветеранов.

Мы гордимся непокоренным, доблестным поколением победителей, тем, что мы их наследники, и наш долг — хранить память о тех, кто сокру-

шил нацизм, кто завещал нам быть бдительными и сделать все, чтобы ужас глобальной войны не повторился.

И потому, несмотря на все разногласия в международных отношениях, Россия всегда выступала за создание системы равной и неделимой безопасности, системы, которая жизненно необходима всему мировому сообществу.

В декабре прошлого года мы предложили заключить договор о гарантиях безопасности. Россия призывала Запад к честному диалогу, к поиску разумных, компромиссных решений, к учету интересов друг друга. Все напрасно. Страны НАТО не захотели нас услышать, а это значит, что на самом деле у них были совершенно другие планы. И мы это видели.

В открытую шла подготовка к очередной карательной операции на Донбассе, к вторжению на наши исторические земли, включая Крым. В Киеве заявляли о возможном приобретении ядерного оружия. Блок НАТО начал активное военное освоение прилегающих к нам территорий.

Таким образом, планомерно создавалась абсолютно неприемлемая для нас угроза, причем непосредственно у наших границ. Все говорило о том, что столкновение с неонацистами, бандеровцами, на которых США и их младшие компаньоны сделали ставку, будет неизбежным.

Повторю, мы видели, как разворачивается военная инфраструктура, как начали работать сотни зарубежных советников, шли регулярные поставки самого современного оружия из стран НАТО. Опасность росла с каждым днем.

Россия дала упреждающий отпор агрессии. Это было вынужденное, своевременное и единственно правильное решение. Решение суверенной, сильной, самостоятельной страны.

Соединенные Штаты Америки, особенно после распада Советского Союза, заговорили о своей исключительности, унижая тем самым не только весь мир, но и своих сателлитов, которым приходится делать вид, что они ничего не замечают, и покорно все это проглатывать.

Но мы другая страна. У России другой характер. Мы никогда не откажемся от любви к Родине, от веры и традиционных ценностей, от обычаев предков, от уважения ко всем народам и культурам.

А на Западе эти тысячелетние ценности, судя по всему, решили отменить. Такая нравственная деградация стала основой циничных фальсификаций истории Второй мировой, разжигания русофобии, восхваления предателей, издевательства над памятью их жертв, перечеркивания мужества тех, кто добыл и выстрадал Победу.

Нам известно, что американским ветеранам, которые хотели приехать на парад в Москву, фактически запретили это делать. Но хочу, чтобы они знали: мы гордимся вашими подвигами, вашим вкладом в общую Победу.

Мы чтим всех воинов союзнических армий — американцев, англичан, французов — участников Сопротивления, отважных солдат и партизан Китая — всех, кто разгромил нацизм и милитаризм.

Уважаемые товарищи!

Сегодня ополченцы Донбасса вместе с бойцами Армии России сражаются на своей земле, где разили врага дружинники Святослава и Владимира Мономаха, солдаты Румянцева и Потемкина, Суворова и Брусилова, где насмерть стояли герои Великой Отечественной войны — Николай Ватутин, Сидор Ковпак, Людмила Павличенко.

Обращаюсь сейчас к нашим Вооруженным Силам и к ополченцам Донбасса. Вы сражаетесь за Родину, за ее будущее, за то, чтобы никто не забыл уроков Второй мировой. Чтобы в мире не было места палачам, карателям и нацистам.

Сегодня мы склоняем головы перед светлой памятью всех, чью жизнь отняла Великая Отечественная война, перед памятью сынов, дочерей, отцов, матерей, дедов, мужей, жен, братьев, сестер, родных, друзей.

Мы склоняем головы перед памятью мучеников Одессы, заживо сожженных в Доме профсоюзов в мае 2014 года. Перед памятью стариков, женщин и детей Донбасса, мирных жителей, которые погибли от безжалостных обстрелов, варварских ударов неонацистов. Мы склоняем головы перед нашими боевыми товарищами, которые пали смертью храбрых в праведном бою — за Россию.

Объявляется минута молчания.

(Минута молчания.)

Гибель каждого нашего солдата и офицера — это горе для всех нас и невосполнимая утрата для родных и близких. Государство, регионы, предприятия, общественные организации сделают все, чтобы окружить заботой такие семьи, помочь им. Особую поддержку окажем детям погибших и раненых боевых товарищей. Указ Президента об этом сегодня подписан.

Скорейшего выздоровления желаю раненым солдатам и офицерам. И благодарю врачей, фельдшеров, медсестер, медицинский персонал военных госпиталей за самоотверженную работу. Низкий поклон вам за то, что боретесь за каждую жизнь — часто под обстрелом, на передовой, не жалея себя.

Уважаемые товарищи!

Сейчас здесь, на Красной площади, плечом к плечу стоят солдаты и офицеры из многих регионов нашей огромной Родины, в том числе те, кто прибыл прямо из Донбасса, непосредственно из зоны боевых действий.

Мы помним, как враги России пытались использовать против нас банды международных террористов, стремились посеять национальную и религиозную вражду, чтобы изнутри ослабить, расколоть нас. Ничего не получилось.

Сегодня наши бойцы разных национальностей вместе в бою, прикрывают друг друга от пуль и осколков как братья.

И в этом сила России, великая, несокрушимая сила нашего единого многонационального народа.

Сегодня вы защищаете то, за что сражались отцы и деды, прадеды. Для них высшим смыслом жизни всегда были благополучие и безопасность Родины. И для нас, их наследников, преданность Отчизне — главная ценность, надежная опора независимости России.

Те, кто сокрушил нацизм в годы Великой Отечественной войны, показали нам пример героизма на все времена. Это поколение победителей, и мы всегда будем равняться на них.

Слава нашим доблестным Вооруженным Силам!

За Россию! За Победу!

Ура!

Александр ПРОХАНОВ

КОДЫ ПОБЕДЫ

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата СП России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмосковье, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Идеолог духовно-нравственной традиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

*Так победим!
Эта битва — крошечная,
беспощадная, не знающая аналогов,
в ней задействованы
все имеющиеся ресурсы.*

Превращенный в руину громадный Мариуполь — это военная спецоперация. Горы сгоревшей брони от Киева до Донецка — это военная спецоперация. Эскадры российских кораблей на рейде Одессы, громящие украинские бастионы, — это военная спецоперация. Полевые лазареты, полные крови и стонов, — это военная спецоперация. Украинские вертолеты, долбящие русский Белгород, — это военная спецоперация. Русские пленные, которым бандеровцы выкололи глаза, отрубили пальцы, отсекали детородные органы, — это военная спецоперация. Всеобщая мобилизация в Донецке и Луганске, когда под ружье ставятся и юноша, и старик, — это военная спецоперация. Отнесемся с уважением к этому штабистскому словосочетанию. Нет, это не война. Не станем употреблять грозное, раскаленное слово «война». Спецоперация по ее завершении имеет результат — удачный или неудачный. Война кончается победой или разгромом и поражением.

На Украине решается судьба России. И об этом знает каждое русское сердце, бьется ли оно среди взорванных цехов «Азовстали» или стучит в груди сельской учительницы в бедной вологодской деревушке. Война — громадное, непомерное, живущее в русском сознании великое сакральное слово, как слово Россия и слово Победа.

Можно ли назвать Куликовскую битву с Пересветом, Ослябей и Дмитрием Донским военной спецоперацией? Можно ли назвать Ледовую сечу с Александром Невским

Знамя Победы, водружаемое воинами Донбасса на освобожденных землях

военной спецоперацией? Можно ли назвать Бородинское сражение с Кутузовым и Багратионом военной спецоперацией? Найдется ли скопец из команды тыловых пропагандистов, что рискнет назвать Сталинградскую битву военной спецоперацией?

Битва, которую Запад ведет с Россией, имеет линию фронта от Аляски до Кейптауна, от Лиссабона до Хоккайдо. Эта битва — крошечная, беспощадная, не знающая аналогов, в ней задействованы все имеющиеся в распоряжении сражающихся сторон ресурсы. Сверхточное оружие, производственная мощь заводов, источники энергии, будь то ветряки, газовые турбины или ядерные реакторы. В этой битве схлестнулись наземные и воздушные армии, сражаются мировые разведки, схватываются на явных и неявных встречах дипломаты.

Один из главных ресурсов в этой глобальной битве — воля. Воля народа, воля лидера, воля национальной элиты. В русском сознании слово «война» пробуждает глубинные реликтовые чувства, превращающие русское мышление в оборонное сознание. Это оборонное сознание, побуждающее народ на великое терпение и жертвы, имеет в своей сердцевине идею Победы. Победа позволяет русским людям терпеть нестерпимое, достигать недостижимое, опрокидывать натиск тьмы, желающей России гибели необратимой, на все века. Сегодняшняя схватка на Украине — не локальный конфликт. Воскрешен гитлеровский план «Барбаросса», не оставляющий России места на земле, а русскому народу места в мировой истории.

Идет кровавая сеча, и как осторожно вещает об этом государственная пропаганда. Измотанные, закопченные военные корреспонденты — безупречные герои. Но их репортажи — крайне сжаты. Из дня в день показы-

вают развалины, причитающих беженцев и погорельцев, малочисленных кающихся нацистов и хлебные буханки, которые русский солдат укладывает в трясущиеся руки бездомной старухи. Но это лишь отблеск реальности. Почему на телевизионных каналах не звучат патриотические песни, не звенят патриотические стихи? Почему так часто суждения высокоумных экспертов напоминают несвежие заспанные матрасы?

Воля народа — как стальной кипяток в мартеях народной битвы. Этот кипяток столь же драгоценен, как пороховой двигатель гиперзвуковых ракет, как позывные комбатов, ведущих бронетехнику на штурм укрепрайонов. И беда, когда в этот кипяток вываливают груды ледяного мусора, останавливающего кипение. Таким ледяным мусором было заявление Мединского после переговоров в Стамбуле. Таким мусором было присутствие на этих переговорах Абрамовича, одного из самых ненавистных персонажей ельцинской эпохи. Появление этих персонажей вызвало панику, растерянность, надрывную тоску русских патриотов, для которых предательство, измена являются частью огромного горького опыта по сбережению России. Враги ликовали, хохотали, свистели в два пальца вслед отступавшим от Киева русским бронеколоннам.

Если идет спецоперация, то вполне допустимо появление Абрамовича, а также возвращение в Россию Чубайса, а также триумфальное возвращение украшенной лентами кровавой барыни Собчак и Урганта, и Галкина, и примадонны Пугачевой, и Ходорковского, и похудевшего в тюремном заточении Навального. Нет, все это недопустимо. Если в мире идет вселенская битва, то в ней возможен только один исход — Победа, извечная, сопутствующая России во все времена ее тысячелетней истории, закрепляющая ее в мироздании на веки веков.

Первое слово, которое произносит русский ребенок, едва научившись говорить, есть слово Победа. Последнее слово, остывающее на устах уходящего в иные миры старика, есть слово Победа.

Состоялся обмен русских и украинских пленных. Пленные ВСУшники возвращались к своим накормленные, умытые.

Ужасен был вид переживших плен русских воинов. Их выколотые глаза сочились кровавым гноем. Из отрубленных рук торчали окровавленные кости. Оскопленных молодых мужчин несли на носилках. Военные врачи и медсестры рыдали, принимая их в госпиталях.

Борьба на Украине вступает в новую фазу. Русская благородная ярость вскипает, как волна, та волна, что в 1945 смыла фашизм, та огненная стальная волна, что смает бандеровцев.

*Сначала били самоходки.
Потом мы шли на этажи.
Сходясь, зубами рвали глотки,
Но спор решали штык-ножи.*

Русская спецоперация на Украине — это удар по великому обнулению

«Грады» рвут Донецк и Луганск. Воздушные бои над Киевом. Танковые схватки на улицах Харькова. Десантные корабли на рейдах Одессы.

Лазареты брызжут кровью. Пленные с глазами смертников. Погорельцы с детьми на руках. Не правда ли, «Европа — наш общий дом»? Не это ли — «новое мышление»? Не они ли — «общечеловеческие ценности»? Мы платим страшную цену за разгром, который учинили над Россией в 1991 году.

Нас лишили великих пространств, великих заводов и технологий. У нас отняли культуру и науку. Нам внушали, что мы — русские фашисты, наследники палачей и вертухаев. Нас заставляли каяться, лишали воли к жизни и воли к историческому творчеству. Мы уцелели благодаря русскому чуду, той таинственной божественной силе, которая не давала России исчезнуть во все времена ее великих трагедий.

Россия стерла французскую губную помаду. Сняла с головы парижскую шляпку. Перестала петь песенки итальянских бульваров. Россия знает, как носить телогрейку, как крутить на военных привалах «козью ножку», как играть в блокадном Ленинграде симфонию Шостаковича, как кидать к подножию Мавзолея фашистские штандарты. Тогда, в 1945, в этом ворохе фашистских знамен можно было разглядеть штандарт Тевтонского ордена, гербы польских шляхтичей, треуголку Наполеона, флаги Антанты. Эта груда знамен век от века будет расти. И сегодня в этом разноцветном ворохе тряпья сине-звездный флаг Евросоюза, звездно-полосатый флаг США, флаг болгарских «братушек», флаг японских арийцев Востока. Все народы, все племена идут на Россию. Что ж, кончен перекур. Пора за вековечное русское дело.

Мы не умрем с голода. Не будем носить обноски. Не пересядем с самолетов на ишаков. Взамен убитых Гайдаром отраслей вновь в великих трудах создадим производства, способные выпускать лучшие в мире автомобили, моднейшие сюртуки и пальто, вкуснейшие сыры и деликатесы. Мы не пустим в экономику тех, кто сгубил народные деньги в зарубежных банках. Тех, кто, обобрав народ России, вывез за кордон несметные миллиарды и отдал их в руки врагов. Мы вернем в наши школы русскую историю, русскую литературу, русскую культуру и прогоним тех, кто сознательно в течение десятилетий превращал русских детей в бессмысленное плотоядное скопище. Мы закроем чудовищную клоаку, отравлявшую телевизионными мерзостями наши души и создавшую сатанинский шоу-бизнес, который сегодня с крысиной паникой разбежался с русских подмошков.

Военная спецоперация на Украине — это огромный кровавый умывальник, под которым Россия и Украина умываются слезами и кровью. Гремит кровавый рукомойник, и мы промываем себе глаза. Бои на Украине — это защита Донбасса, это разгром натовских военных структур, это подавление фашистского реванша, это предотвращение ядерных взрывов. Но это еще одно великое предотвращение. Запад предлагает миру свой проект «великого обнуления». Проект, в котором стираются все грани, все различия, вся цветущая сложность человечества. Исчезают границы государства, мужчины и женщины, добро и зло, свет и тьма, ад и рай. Этот проект, как черный вар, ползет на мир, ползет на Россию. Победа «великого обнуления» — это стратегический проигрыш человечества, в котором меркнет все человеческое и остается жестокий синтез биоматериала и «цифры».

Русская спецоперация на Украине — это удар по великому обнулению. Это испарывание чехла, который Запад набрасывает на мир. Россия вновь, как во все времена, берет на себя грозную, одной ей посильную работу —

превращение тьмы в свет. Ад, каждые сто лет открывающий свои врата и выпускающий на Россию тысячи демонов, отступает перед натиском русского рая. Среди невзгод и угроз, среди ненавидящих хрипов и предательских визгов проступает русский победный код. Русские верят в неизбежность Победы. Русские знают, что Победа дается в великих непрерывных трудах. Русские знают, что отступление и падение кончается рывками вперед. Что русские перед лицом вражеских полчищ не одиноки, и с ними не только армия и флот, но и Бог, и в русской судьбе присутствует русское чудо. Русские в час беды забывают все свои внутренние распри и становятся огромным, единым, непобедимым народом, объединенным вокруг вожда. Русские знают, что их Победа — это Победа всемирная, вселенская, ибо Россия обугленная, окровавленная, ожесточенная остается в белых одеждах и является душой мира.

От «спецоперации» к «войне народной». Русская Мечта является важнейшей сущностью нашего военного грозного времени

Восемь лет пропаганда в жестяные трубы дудела, что Украина — гнилое яблоко, в нем черви, у нее нет плоти, нет власти, нет оружия, она — упавший с древа плод, который можно поднять и положить в карман. А на деле русские войска, вступившие на Украину, увидели страну-крепость, пролом в которой нужно выбивать по малому камушку.

Жестяные трубы пропаганды все восемь лет молчали о России, отделялись легковесными суждениями, лакированными картинками, целлулоидными образами. И когда случилась специальная военная операция, вместо этой парадной, лакированной, целлулоидной России появился оползень. С фасада государства сползала гнилая отсыревшая штукатурка, и вместо нарядных виньеток появилась жестокая голая арматура.

Каков враг, с которым мы воюем на Украине? Кто они, засевшие в «Азовстали»? Кто контратакует русские войска под Харьковом, оттесняя их обратно к границе? Украина мобилизована. Волна за волной резервисты бросаются на фронты, затыкая дыры и пробоины, нанесенные русскими ракетами и самолетами. Украина управляема до такой степени, что оказалась способной под русскими бомбардировками и обстрелами не прерывать потоки боеприпасов, солдат, продовольствия, валом идущие из Европы на украинский фронт.

Украинская пропаганда сформировала образ врага в лице России и русских не только в исконно антирусских западных украинских землях, но и на востоке, в русских городах Донбасса, в Одессе, Днепропетровске. Украина сумела встроить себя в гигантский синтезированный Запад, именуемый НАТО, подключить к своей войне с русскими могущественную западную экономику, военный потенциал, оружейные заводы, средства разведки и тотальную, всеохватывающую глобальную пропаганду, которая демонизировала Россию в глазах миллиардов людей. И это превращает Украину в наконецник жестокого копыа, нацеленного на Россию.

Помимо американских крупнокалиберных гаубиц, турецких «Байрактаров», норвежских ракетных комплексов «земля-море» на вооружении украинской армии стоит мистическое, огненное, помещенное в сердце воююще-

Битва за Сталинград

го украинца чувство — раскаленный факел, который в свое время Гитлер сумел зажечь в душах немецких солдат, бросив их на покорение мира. Украинский фашизм — та грозная, загадочная реальность, которая, как раскаленный черный фонтан, вырвалась из преисподней и является силой, оплодотворяющей своей черной спермой весь прочий мир.

Украинский фашист думает о себе как о лучшем человеке Земли, у ног которого лежит и тлеет увядающее человечество. И он, украинский фашист, отвергает падшее земное человечество и становится небожителем, населяющим черное небо фашизма. У украинского фашиста есть таинственная огромная черная родина, из которой берет начало «богоподобный» украинский народ. У украинского фашиста есть страна, простирающаяся от Карпат до Урала, от Черного моря до Балтики. У украинского фашиста есть письменность, на которой изъяснялись боги и которой солдаты нацбатальона испещряют свои тела. Есть орнаменты, состоящие из молний, свастик и драконов. Этот фашистский огонь, идеи фашистского величия и превосходства несут под бронежилетами украинские нацбатальоны. Этот ненавидящий огонь, сливаясь с громом «Градов» и «Ураганов», направлен на Россию, на русских, вовлекая в этот удар всю мощь объединенного Запада, спаянного идеей фашизма.

Русские полки ведут в бой не только свою сверхсовременную технику, свои «Кинжалы», «Калибры», не только возрожденную современную армию с новыми военными структурами, с новым качеством командира и бойца. Они не только отрабатывают тактику новой современной войны, основанной на господстве в воздухе, войне в больших городах, точечном уничтожении военной структуры противника. Но русские полки несут с собой оружие Русской Победы — глубинное, живущее в душе каждого русского

человека, каждого русского солдата чувство, превращавшее пахаря в ратника, школьного учителя во фронтового разведчика, обыденного служащего в героя и мученика. Этот победный код, всплывающий в русском человеке не сразу, иногда сквозь дремоту и апатию, этот огненный код пробуждается и делает русского человека непобедимым.

На украинских полях сражений **бьются насмерть** украинские фашистские коды и коды Русской Победы. Эта война не освещается в военных сводках. Но за исходом этой войны следят мистики, историософы, экстрасенсы, священники, ибо схватка этих кодов определяет ход специальной военной операции. Эти коды, как и боевые подразделения, нуждаются в постоянной подпитке, постоянном восполнении, и русское сознание с каждым месяцем войны становится все в большей степени оборонным сознанием, победным сознанием. Эти коды, пробуждаясь на огненной передовой, в глубоком тылу, превращают специальную военную операцию в народную войну.

Победный код — это та глубинная, исконная энергия, которая влечет русского человека к исполнению его божественной мечты о справедливом, могучем, сильном, **цветущем государстве**, где нет насилия, тьмы, порабощения. Где покорены все формы несправедливости, и одна самая страшная из этих форм покорена — смерть.

Русская Мечта — это мировоззрение русского народа, воплощенное в русских народных сказках, в проповедях великих православных мистиков, в творчестве великих русских языкотворцев, гениев Серебряного и Золотого веков, в прозрениях русских космистов и в деяниях большевиков, мечтавших построить на Земле Небесное Царство.

Эта мечта, попадая в огни и пожары, выглядит как обугленная русская икона, как простреленное в боях красное победное знамя. И сегодня этот победный код, Русская Мечта, является важнейшей сущностью нашего военного грозного времени.

Зеленский — не клоун, не шут, не паяц, как его пытается изобразить все та же пропаганда своими жестяными нерихонскими трубами. Зеленский — это зловещая колба, в которой совершается таинственный химический процесс, где либеральное, западное, гуманистическое соединяется с фашистским, древним и беспощадным. Где шоу-бизнес превращается в Освенцим, публицистика — в расовую теорию, права человека — в пленных солдат, которых мучители подвергают кастрации. Будем внимательно следить за Зеленским. Будем смотреть, как на его лице смещается ось симметрии, и оно превращается **в свастику**.

В России начинаются великие перемены, начинаются грозные времена. Государство, которое создавалось Гайдаром и Ельциным, страна, где шоу-бизнес превратился в искусство осквернения и хуления, это государство осыпалось. И нам в условиях боевых действий приходится строить новую экономику, индустрию, находить новые формы управления, создавать новую элиту, черпая ее с поля боя и оборонных заводов. Мы создаем экономику Русской Победы, индустрию Русской Победы, элиту Русской Победы, искусство Русской Победы. И такая победная страна ведома лидером Русской Победы.

У русской армии, у России помимо людских резервов, резервов экономического производства есть гигантский не использованный нами исторический резерв, который мы держим под спудом и который мы должны

расчехлить, как расчехляют сверхмощные орудия. Перестанем драпировать Мавзолей. Он является не гробницей или саркофагом. Он является алтарем, с которого генералиссимус Сталин в сорок первом провожал Бессмертные полки под Волоколамск и Истру. А в сорок пятом, огненном, принимал пламенный Парад Победы.

На Волге, у священной русской реки, стоит великолепный град — место священной победной битвы. Имя ему — Сталинград. И оно должно вновь засверкать, как бриллиант в Звезде Победы.

*В святой Софии Златодева,
Войду и припаду к стопам.
И выпью в завершение дела
Победы огненный стакан.*

ВЫШЛА КНИГА

Реки помнят свои берега: роман. / М.: Вече, 2021. — 448 с. — Серия «Проза нового века».

Роман известного русского писателя Николая Иванова «Реки помнят свои берега» — пронзительное повествование о современной жизни, роман-сага о семье брянского лесника, бывшего партизана Фёдора Буерашина, охраняющего зараженный Чернобылем лес. Волей офицерской судьбы младший из его сыновей «разведзверь ГРУ» капитан Егор Буерашин во время выполнения задания попадает в плен в Южной Америке. Выстояв и преодолев невероятные трудности, он возвращается на родину в день, когда рушится Советский Союз, вместо звания Героя Советского Союза получает должность в охране Б. Ельцина. На его глазах происходят события в Беловежской Пуще, которые он не может предотвратить. Затем служба в негласном наружном наблюдении, бомжевание ради того, чтобы проникнуть в качестве «камерного полковника» в тюрьму к ценному свидетелю. Но наступает октябрь 93-го, и он вновь остается один на один со своей судьбой. Еще ждут его в родном селе Журиничи племянники-сироты да учительница Вера...

Самого Николая Иванова (председателя Союза писателей России, автора многих книг и лауреата престижных литературных премий) называют «окопным писателем» — за его стремление добывать материал для своих произведений непосредственно в «горячих точках».

Виталий ДАРЕНСКИЙ ЧЕТВЕРТАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА — ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИИ

Виталий Юрьевич Даренский — родился в 1972 г. в г. Луганске, окончил ист. факультет Донецкого гос. университета, преподавал в университетах г. Луганска, во Владивостоке. Член СП России, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Луганского нац. университета им. Т. Шевченко. Победитель международного поэтического конкурса «Русская Голгофа», лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва», также международных конкурсов исследовательских работ Библийско-богословского института св. Апостола Андрея и Фонда святителя Марка Эфесского. Автор более 400 научных публикаций. **Живет в Луганске.**

Мы — свидетели поворотного события в истории

Освобождение Украины от марionеточного неонацистского режима на самом деле не сводится исключительно к военным действиям. Это мощное поворотное событие в истории самой России, означающее ее окончательное возвращение в статус великой державы и запускающее процесс внутренних преобразований, в результате которых очень скоро мы увидим уже совсем другую страну — полностью самодостаточную и независимую от Запада.

Экономические санкции Запада столь же необходимы для создания суверенитета российской цивилизации, как и отодвигание фактических границ НАТО от Белгорода до Карпат, которое достигается только военной операцией, поскольку Запад уже не оставил России другого выбора. Наша страна оказалась в отчаянном положении — в стратегическом отношении полностью аналогичном тому, когда враг в декабре 1941 года стоял под Москвой. Западная граница Российской Федерации фактически стоит на рубежах Руси времен Ивана III, а в условиях современной войны это означает почти беззащитность Москвы даже и без применения ядерного оружия. В этой ситуации каждый километр отодвигания на запад территории, фактически контролируемой НАТО, — чрезвычайно важен.

Если в военном отношении операция на Украине имеет то же значение, как и контрнаступление под Москвой в 1941 году, то не менее важна она и на других фронтах — экономическом, идеологическом и национальном. Никогда иначе невозможно было заставить российскую экономическую элиту стать элитой национальной и прекратить вывод капиталов за рубеж. Теперь это сде-

дает сам Запад даже и без участия нашего государства. И никак иначе невозможно было завершить процессы импортозамещения в важнейших отраслях — но санкции заставят сделать это. **Президент России и его команда нашли гениальный способ завершить суверенизацию России руками самого Запада, который именно этой суверенизации больше всего боится. Заставить врага воевать против самого себя — высшее достижение стратегии. Главный проигрыш Запада от санкций, которые он вводит против России, измеряется не в долларах и евро, а в намного более ценной субстанции — в потере им политических и экономических рычагов давления на Россию.**

Исходя из этого, операция на Украине имеет характер **Отечественной войны** — пусть и далекой по масштабам (к счастью) от тех отечественных войн, которые приходилось России вести ранее, однако стратегический и исторический ее смысл именно такой. Этот факт следует положить в основу *публичного дискурса* о современных событиях. Как и следовало ожидать, ныне публичное пространство заполнено потоками русофобской лжи и мерзости, которым противостоит только официальная позиция России. В публичном пространстве до сих пор не выработан алгоритм уничтожения русофобской лжи. Легко уничтожать ложь в конкретных ситуациях, но этого еще недостаточно — нужно уничтожить само ее основание. Подобно тому, как перед атакой наземных войск ракетные войска и авиация уничтожили военные базы и инфраструктуру, точно так же нужно было и в публичной сфере сразу уничтожить аргументы так называемых «антивоенных акций». Самый простой и эффективный аргумент против них такой: «Россия ведет войну за само свое существование — войну отечественную. Поэтому все, кто выступает против этой войны — выступает против России, является ее врагом и предателем». Что было бы с теми, кто вышел бы с лозунгами «Нет войне!» во время Великой Отечественной войны? Вопрос риторический.

Аргумент второй. На Украине Россия не ведет войну против этой страны, а проводит освободительную операцию — подобно тому, как в 1945 году русская армия брала Берлин не для того, чтобы захватить Германию, а для того, чтобы уничтожить нацизм. С этой же целью российская армия берет Киев в году 2022-м. К сожалению, в данный момент не только среди явных русофобов, но и среди некоторых «патриотов» есть очень наивные люди, которые тоже требуют «как можно быстрее начать переговоры», «чтобы не проливалась кровь». Этим инфантилам следует настоятельно объяснять, что для того, чтобы больше действительно никогда не проливалась кровь, нужно взять Киев и заставить нацистов капитулировать. А если этого не сделать, то не только зря погибнут те, кто сейчас героически воюет, но и потом война неизбежно возобновится и крови прольется намного больше. **«Блаженны миротворцы»: но миротворцы — это те, кто уничтожает сам источник войны, а не те, кто предательски плюет им в спину.** Миротворцы — это те, кто штурмует Киев, а не лицемерные тыловые крысы, твердящие «Нет войне». Когда в 2014 году Украина уничтожала Донбасс, они были на ее стороне.

Это касается третьего, национального аспекта войны. Отечественные войны России приводили к огромному подъему национального самосознания и консолидации народа. Точно так же будет и в этот раз, даже несмотря на намного более скромные масштабы происходящего. Но и их оказалось

вполне достаточно для того, чтобы разворошить русофобский гадюшник и максимально высветить врагов России внутри страны. Естественно, что не будет по отношению к ним никаких «репрессий», но клеймо *пораженцев* они поставили на себя навсегда и его никогда не забудут. Это огромный шаг к очищению российского культурного, информационного и образовательного пространства от явных и скрытых врагов России. Однако в этом вопросе нам нельзя надеяться только лишь на государство, но следует активно проявить гражданскую инициативу — создать общественные организации, которые бы зафиксировали всех, кто идеологически поддерживал врага и плевал в спину русской армии во время новой отечественной войны. Нельзя допустить, чтобы эти люди и в дальнейшем «промывали мозги» народу, занимая почти все информационное и культурное пространство России.

Происходящие события консолидируют народ не только внутри самой России, проведя четкий водораздел между подлинными патриотами России и «нерусью окаянной» (независимо от их национальности). Такой раздел уже происходил в 2014 году, но сейчас он стал еще более четким и глубоким. Консолидация теперь вышла за рамки России и фактически разделила весь глобальный мир на наших друзей и врагов. Даже на Западе оказалось много адекватных людей, которые понимают причины действий России. Но за пределами коллективного Запада — почти весь мир фактически сейчас на стороне России, поскольку она борется за общее дело разрушения мировой диктатуры Запада и построение справедливого мироустройства.

Для православных людей эта **Четвертая Отечественная война имеет вполне определенный религиозный и даже эсхатологический смысл**. Как бы ни относиться лично к В. В. Путину, но объективно, то есть в соответствии с православным пониманием истории, Россия В. В. Путина в данный момент ведет войну против апостасийной цивилизации антихриста, защищая само существование Катехона — «удерживающего», каковым в настоящий момент является Россия. И каким бы далеким от Церкви ни было большинство народа в современной России вследствие большевистского ига XX века, но совершенно очевидно, что Россия как государство в настоящий момент осталась последней защитой Православия в современном мире. Без России весь остальной православный мир беззащитен и обречен на быструю гибель, которая уже и началась в виде Варфоломеевского раскола. **Нынешняя операция имеет и прямой смысл *русской реконкисты* — спасения Киевской митрополии от затягивания ее в раскол и отпадения от Православия.**

В свое время статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» появилась неожиданно и сразу же заставила многих теряться в догадках — какие именно будущие стратегические проекты и решения во внешней и внутренней политике она предвещает? В свете происходящих событий это стало понятным. Стоит напомнить, что тезис о том, что «русские и украинцы — это один народ» на официальном уровне не звучал уже более 100 лет. До событий 1917 года в русской и мировой классической науке (историографии, этнографии, лингвистике и т. д.) было аксиоматическим положение о том, что русский народ состоит из трех этнических групп — великороссов, малороссов и белорусов. Отличия между ними — этнические, а не национальные. Именно по научным, а не каким-то идеологическим критериям. Идеология пришла уже в XX веке и заслонила

собой научный подход к этой теме. Большевики создали идеологию «трех братских народов», а украинские националисты («мазепинцы», как их называли сто лет назад) внушали своим adeptам, что это не только не «братские», а изначально враждебные народы. Но в обоих этих случаях произошел отход от многовекового сознания единства русского народа.

Для сравнения также стоит напомнить, что 100 лет назад на землях основных европейских стран проживали народы, почти не понимавшие языка друг друга, но благодаря очень жесткой ассимиляторской политике теперь мы имеем практически однородные в языковом отношении массивы немцев, французов, британцев, итальянцев и т. д. Но 100 лет назад языки баварцев и саксонцев различались между собой намного больше, чем малороссийский и великороссийский диалекты русского языка, а, например, большая часть жителей Италии тогда вообще не понимала итальянского литературного языка и т. д. Тем самым, процессы в Европе и в России в XX веке текли в противоположных направлениях — унификация в Европе и искусственный этнический раскол в России, в результате которого были сконструированы «украинцы» и «белорусы», а русскими стали считаться только великороссы. Но по европейским стандартам «украинцы» и «белорусы» — это нонсенс.

В настоящий момент на Украине начался социальный хаос, бегство «элиты» и реальное безвластие. «Упоротые» националисты опираются на определенную часть населения, которая хотя и является меньшинством в стране, однако весьма активна, агрессивна и консолидирована. Кроме того, многие из них имеют опыт карательных операций в Донбассе. В этой ситуации после переучреждения нового государства на территории Украины будет необходимой специальная политика денацификации страны, которая должна проводиться на уровне государственной программы.

В истории имеется ценный прецедент проведения денацификации в послевоенной Германии. В восточной ее части, находившейся под контролем СССР, она проходила в более жесткой форме, чем в западной, которая позже стала называться ФРГ. Однако в обоих случаях этот процесс был достаточно безболезненным и не сопровождался массовыми репрессиями. Наказания нацистских преступников имели «точечный» характер, лишь на основании судебных расследований, а основная масса населения при этом никак не была затронута, хотя формально можно было считать, что с нацистским режимом сотрудничали все без исключения. Благодаря такой аккуратной политике процесс денацификации был осуществлен быстро и эффективно. Важную роль в нем сыграло и новое законодательство, запрещавшее нацистские организации и пропаганду их идеологии. То же самое необходимо будет сделать на Украине с учетом того, что многие из украинонацистов попытаются замаскироваться под весьма нейтральными политическими «вывесками».

Второй аспект состоял в работе с массовым сознанием, которое перед этим много лет подвергалось массовой нацистской пропаганде. Весьма похожая ситуация в настоящее время имеет место и на Украине, где уже *de facto* официальной является бандеровская идеология, которая в 1940-х годах фактически была разновидностью нацизма и гитлеризма. Тем самым, на Украине придется повторить тот же самый путь культурной денацификации, который в свое время прошла Германия. Тот немецкий опыт нужно будет использовать и в сфере антинацистского законодательства, и в сфере

культурной политики, в первую очередь, в сфере перестройки образования. В политической и административной сферах совершенно необходимой будет люстрация кадров — запрет на эти виды деятельности тем лицам, которые работали на ответственных должностях в административной сфере и в политике после 2014 года, либо были активными пропагандистами. Без проведения денацификации Украина будет всегда оставаться в состоянии латентной гражданской войны и политического хаоса.

После завершения операции по демилитаризации и денацификации Украины перед Россией встанет весьма сложная задача обустройства этой территории. Хотя Президент России В. В. Путин ранее неоднократно напоминал, что агрессия Украины против Республик Донбасса приведет к ликвидации украинской государственности, однако это не означает, что это произойдет одномоментно. Операция по демилитаризации и денацификации Украины ликвидирует нацистский марионеточный режим на ее территории, но до полной реинтеграции этих территорий в состав единого Российского государства еще должен пройти определенный переходный период, на протяжении которого Украина будет восстанавливаться как дружественное России государство, а политической интеграции будет предшествовать интеграция экономическая. Но для этого должна произойти полная смена политической и экономической элиты на украинской территории.

Государство «Украина» представляло собой весьма специфическое явление даже на фоне остальных современных failed state — «несостоявшихся государств», которые не в состоянии поддерживать свое существование в качестве жизнеспособной политической и экономической единицы. Эта специфика состоит в том, что нынешнее украинское государство, с одной стороны, было изначально нежизнеспособно и обречено на вымирание и распад, но с другой — активно использовалось для нанесения максимального вреда России как главному геополитическому конкуренту Запада. Смысл создания Украины как государства для Запада изначально состоял именно в этом, включать Украину в «европейское сообщество» и тем более в «золотой миллиард» изначально никто не собирался. Украина изначально была для Запада своего рода «инструментом одноразового применения» по принципу — «использовал и выбросил». И это естественно, поскольку Украина как инструмент геополитической войны Запада против России сама является частью исторической России. Тем самым ее кураторы из Вашингтона рассчитывали достичь одновременно сразу двух целей: с одной стороны, сначала создать для России разнообразные проблемы с помощью этого враждебного ей государства, а с другой — параллельно привести к ничтожеству само это государство, чтобы его территория в будущем не стала для России фактором ее усиления. Запад понимает, что Украину рано или поздно придется вернуть в качестве исконной русской территории, но он рассчитывает вернуть России территорию Украины только как пустыню, а не как развитый регион. Происходящие ныне события перечеркивают этот гнусный план, который был бы наихудшим и для России, и для Украины.

Естественно, что такая стратегия не может быть озвучена ни в каких официальных документах, однако она легко прочитывается аналитически, исходя из общих процессов, происходящих на Украине после 1991 года. Если бы Запад действительно хотел включить Украину в свое цивилизационное сообщество (в «Европу», как это называют на Украине), то его политика

по отношению к ней была бы примерно такая же, как к Польше — она включала бы в себя реальные инвестиции на сотни миллиардов долларов, включение Украины в европейские структуры, НАТО и т. д. Но ничего подобного с самого начала Запад делать не собирался, а от самой Украины ничего не зависело. Внутренние инвестиционные возможности страны мизерны и в основном принадлежали местным олигархам, а к настоящему времени уже практически исчерпаны. Западные инвестиции в основном шли в банковскую сферу — т. е. в реальности были не инвестициями, а как раз наоборот — каналами выкачивания из страны основной части прибылей. В этой ситуации Украина уже обречена была всегда оставаться бедной страной «третьего мира» с полностью коррумпированной государственной системой.

В таком состоянии страна могла существовать достаточно долго, но ее неизбежный крах приблизили два новых фактора: 1) внутренний — старение и вымирание населения и бегство из страны самой трудоспособной его части, что привело к катастрофической депопуляции, еще большему обнищанию и уничтожению экономики; 2) два государственных переворота в виде так называемых «майданов», которые уничтожили остатки государственного суверенитета и привели к власти в стране полностью управляемую извне колониальную администрацию и установили авторитарный режим, полностью уничтожив всякую возможность мирной смены режима и возрождения страны.

Единственным условием выживания и возрождения народа, живущего на территории современной Украины, является переучреждение государства. Сохранение того государства, которое существует на данной территории в настоящее время, неизбежно привело бы к почти полной депопуляции этой территории, и как следствие — разделу ее на зоны ответственности между сопредельными государствами. Учитывая темпы депопуляции, это может произойти в ближайшие 20–25 лет. Единственной возможностью избежать такого развития событий является не просто смена правящего режима, а полное переучреждение государства на этой территории. Новое государство может иметь иное название, но суть дела не в этом, а в том, что в его основу должен быть положен новый реальный общественный договор между народом и новой властью, основанный на интересах народа, проживающего на данной территории. Если же такая власть, основанная на новом договоре, не возникнет, то переучреждения государства не произойдет. А это, в свою очередь, будет означать только одно — дальнейший безальтернативный путь вымирания и бегства народа, крах нынешнего антинародного государства.

Государство, возникшее на территории нынешней Украины в 1991 г., изначально не было самостоятельным политическим субъектом и пыталось выстраивать свою политику, ориентируясь на своих западных покровителей. С другой стороны, ему приходилось поддерживать нормальные отношения с Россией, от которой Украина была и остается экономически зависимой по объективным причинам. В таком положении Украина некоторое время даже имела возможность небольшого экономического роста в начале 2000-х годов, но этот процесс был насильственно прерван первым «майданом» 2004 года. Как известно, Украина является единственной из всех стран «бывшего СССР», которая так и не смогла восстановить уровень советского ВВП 1990 года. Второй «майдан» 2014 г. сделал процесс разрухи уже необратимым.

Этот процесс будет идти до своего логического завершения в виде разрушения экономики и государства, обвальной депопуляции и социальной катастрофы — в том случае, если не будет реализован альтернативный вариант будущего в виде переучреждения государственности на этой территории.

Каким образом это может произойти? Объективной основой бытия любого государства является общественный договор между ним и народом, проживающим на его территории. Общественный договор, на котором было основано государство на территории Украины в 1991 г., был основан на обещании государства обеспечить народу не только развитие, но и вхождение в новую общность, которую на Украине называют «Европой». За прошедшие 30 лет оба эти обещания не только не выполнены, но процесс идет вообще в прямо противоположном направлении. Вместо развития Украина быстро вымирает, а вместо «Европы» она стала одной из отсталых стран «третьего мира». Этот факт власть на Украине традиционно объясняет якобы «неготовностью» страны к интеграции «в Европу». Такое «объяснение» ориентировано на невежественного обывателя, является обманом и манипуляцией сознанием масс. На самом же деле интеграция «в Европу» не зависит от чьей-то готовности, а является «техническим» процессом, который обеспечивается мощными инвестициями и включением страны в евроструктуры.

Отмеченное в прошлом году 30-летие «независимости» Украины позволяет сделать выводы относительно целой исторической эпохи. Эти выводы достаточно очевидны. Став марионеткой Запада, Украина все равно объективно остается частью русской цивилизации — и не только по языку и остаткам культуры, но и по абсолютно объективным экономическим критериям, поскольку Запад рассматривает Украину в своем экономическом пространстве только в качестве пустой сырьевой периферии. Никаких инвестиций, которые могли бы подтянуть ее хотя бы до уровня Польши, туда изначально делать не предполагалось — планировалась лишь долговая удавка, которая и работает весьма успешно, убивая остатки экономики.

Все это прикрывалось невероятно лживой и лицемерной фразой о том, что «Украина должна сначала сама построить у себя Европу», — то есть в условиях, когда в стране не остается ни копейки на какие-то инвестиции, поскольку всю прибыль через свои банки отсюда высасывает тот же Запад, строящий на этом грабеже нищих стран свое воровское «благополучие». Запад понимает, что, убивая Украину, на самом деле он убивает часть не своей, а именно русской цивилизации — со своими так не поступают. Давно известно интервью Дж. Сороса, в котором он проговорился о целях Запада на Украине: по его словам, Украина Европе не нужна, она останется России, но в итоге Россия получит пустыню, которая станет для нее лишь обузой. То есть, уничтожая Украину, «хозяева мировых денег» на самом деле уничтожают Россию — по частям, сначала расколов ее на «независимые» государства, как они к этому всегда и стремились. Обычно спорят о степени достоверности упомянутого интервью, однако, по сути, это даже неважно, поскольку к точно такому же выводу приводит и объективный анализ происходящих процессов.

За 30 лет Украина потеряла треть населения и почти всю промышленность, не говоря уже о территориях — Крыме и Донбассе. Никаких предпосылок к тому, чтобы повернуть вспять процесс деградации и вымирания, — нет и не предвидится. Еще через 30 лет территория Украины

превратится почти в пустыню, которая при наихудшем сценарии развития событий будет разделена на сектора, контролируемые соседними государствами. Единственный шанс у этой территории не быть в перспективе заселенной иммигрантами — выходцами из Азии и Африки — это полная смена государственности, без которой невозможно изменение этой катастрофической ситуации.

Нет сомнений, что весь нынешний правящий класс Украины прекрасно осведомлен об этой перспективе. Поэтому все они, начиная с самого президента Зеленского, имеют иностранные паспорта и недвижимость за рубежом. Украину они рассматривают исключительно как удобное временное место ведения своего полукриминального бизнеса, но в перспективе жить здесь не собираются (а их дети давно уже учатся и живут на Западе). Это оккупационная власть в самом буквальном смысле слова. Они уедут, оставив здесь умирающее население, которому уже скоро нечем будет платить пенсии. Тем самым, без радикального изменения государства в ближайшие десятилетия Украину ждет только медленная смерть.

Поэтому совершенно закономерно, что уже в 2021 г. руководство Российской Федерации озвучило принципиально новые тезисы относительно взаимоотношений с Украиной. В частности, Президент В. В. Путин озвучил тезис о том, что жители Украины и России являются одним народом, искусственно разделенным в результате катастрофических событий XX века.

Статья В. В. Путина об Украине означает фундаментальный поворот в политике России: если ранее речь шла о сотрудничестве братских народов и, более того, часто даже и о безвозмездной помощи Украине (еще ранее президент также озвучивал цифры фактической донорской помощи России Украине в виде низких цен на газ и др.), то теперь ситуация принципиально изменилась. После того как Украина, полностью находясь под внешним управлением, развязала войну на Донбассе против проживающего там русского населения и позиционирует себя как страну, находящуюся в состоянии войны с Россией, эта политика, ориентированная на братскую помощь, стала невозможной. Теперь речь идет только о том, что Российская Федерация берет под защиту проживающее на Украине русскоязычное большинство ее населения. Это уже было сделано по отношению к народу Донбасса и является последним предупреждением.

В свою очередь, недавняя статья Д. А. Медведева об Украине стала уже логическим завершением публичного формулирования новой стратегии России по отношению к этой стране. Основной тезис этой статьи о полной невозможности иметь дело с той властью, которая сложилась на Украине под внешним управлением, и том, что Россия будет ждать столько, сколько нужно, пока на этой территории возникнет уже новая, договороспособная и вменяемая власть, означает начало принципиально нового периода истории.

Каким образом может происходить переучреждение государственности на территории Украины как конкретный политический процесс? В условиях мирного развития событий, то есть медленного гниения, «пусковым механизмом» этого процесса стал бы крах ее экономики и политической системы, что неизбежно приведет к социальному хаосу. Крах экономики уже неизбежен как следствие ее долгой деградации и катастрофического сокращения доли трудоспособного населения.

В условиях общего экономического и политического коллапса начались бы выступления населения во главе с бывшими боевиками, воевавшими против Донбасса, у которых на руках имеется большое количество оружия. В этой ситуации неизбежно были бы попытки переустройства государства, исходящие от этих боевиков, исповедующих неонацистскую идеологию. Но поскольку эти люди не способны ни к какой созидательной деятельности и не имеют поддержки у основной массы населения, то они не имели бы успеха, но только дальше раскручивали бы сценарий гражданской войны. Однако события последних дней, к счастью, остановили этот наихудший для Украины сценарий развития событий и создали совсем иную перспективу.

Ход операции на Украине оказался показательным во многих отношениях. Во-первых, он показал, что русофобская «пятая колонна» в России вовсе не так сильна и не так велика в общей доле населения России, как может показаться, если судить по социальным сетям. Русофобы активны и агрессивны в виртуальной реальности, а в реальности настоящей трусливы и малочисленны. Основная масса населения России поддерживает операцию и очень хорошо понимает ее необходимость. Вместе с тем, много оказалось и представителей «диванных войск», которые почему-то считали, что должен произойти «блицкриг» за неделю. Такое мнение говорит не о большом уме. Стоит хотя бы вспомнить две кампании в Чечне, которая меньше Украины по площади и по населению в 20 раз — эти кампании длились по нескольку месяцев, даже не считая последующей борьбы с подпольными террористами.

Кроме того, с самого начала ставилась задача максимально сократить потери как среди собственных войск, так и среди мирного населения — а это сразу же означает медленное продвижение с долгой осадой городов. Кроме того, РФ использует мало войск — исключительно контрактников — и поэтому с самого начала Украина имеет превосходство в личном составе в три раза, которое сохраняется и дальше в силу мобилизации на Украине. Хотя население Украины массово прячется от мобилизации и бежит за границу, но кого-то и призывают — фактически, «на убой». Стратегия российской армии состоит в минимизации контактных боев и разгроме противника за счет господства в воздухе и многократного превосходства в артиллерии. Это «классическая» война XXI века. Так воевали и американцы в Ираке — однако, в отличие от них, русская армия старается спасти мирное население.

Ход военной операции демонстрирует тот отрадный факт, что Россия опять начала жалеть жизни своих солдат. Слава Богу, «пушечным мясом» не воюют, и это самое главное. Затягивание войны по причине стратегии войны в городах, прикрываясь мирными жителями, избранной украинской армией (эту стратегию уже окрестили «войной подонков»), — лишь продляет агонию украинской армии и увеличивает страдания и потери украинского населения, и не более того.

Сейчас многие задают вопрос о причине вывода российских войск с востока от Киева. Войска убрали правильно и вовремя — зачем им там стоять без толку, если Киев брать собираются в последнюю очередь? Сейчас главная задача — замыкание большого котла вокруг Славянска, а потом уже останется фактически просто добивание украинской армии, поскольку все ее боеспособные части останутся в котле. Вероятнее всего, этот большой котел ликвидируют значительно быстрее, чем Мариупольский, поскольку

там уже не спрячешься в огромном городе, а укровойска уже будут без горячего и деморализованы. Правильная стратегия обороны была выбрана и на южном направлении. Контратаки на Херсон оказались только во вред украинской армии — она там ничего не добилась и потеряла всю технику. Украинцев там просто гнали на убой, зато показали для Запада красивую картинку.

Во-вторых, быстро стало понятно, что максимально цивилизованный вариант войны, при котором только уничтожается украинская армия и ее инфраструктура, а затем меняется власть на Украине на более вменяемую, не получится. Не получится в силу того, что украинская армия воюет по методу террористов — прячась в городах и прикрываясь мирным населением. Это затягивает операцию, приводит к жертвам среди мирного населения и уже не оставляет возможности сохранить Украину как целостное государство. Уже официально заявлено представителем МИД РФ Марии Захаровой: «Главный шанс на существование Украины в собственных границах, Украины суверенной, Украины независимой они уже упустили». Создание военно-гражданских администраций (ВГА) на освобожденных территориях означает, что на них уже не будет юрисдикции Украины и у них иное политическое будущее. На территории исторической Новороссии и в Харьковской области, вероятнее всего, произойдет создание народных республик по модели 2014 года с последующим их принятием в состав Российской Федерации. Судьба остальных территорий будет зависеть от геополитических раскладов.

В-третьих, война, естественно, показала и ту сферу, где Россия пока что является слабой и где она должна срочно наращивать силы. Это сфера информационно-войны. Конечно, какой-то минимум информационной войны отрабатывается, по крайней мере, в отношении населения Российской Федерации. Западной пропаганде противопоставлена внутренняя русская информационная среда, которая более-менее защищает народ России от прямой манипуляции вражеской пропагандой. Но этого явно недостаточно. Пришлось срочно ввести уголовное наказание за фэйки о российской армии — но это заставило замолчать только самых наглых пропагандистов. В целом же информационная война против России внутри самой России продолжает вестись — хотя и не в столь откровенной, но не менее эффективной форме. Огромное влияние на молодежь вузов имеет русофобская «интеллигенция». Формально они не нарушают никаких законов, но при этом совершенно свободно навязывают молодежи свою прозападную антирусскую идеологию. Борьба за молодежь — это и есть борьба за Россию, в перспективе даже более важная, чем военная операция. Что же делать в этой ситуации?

Было бы очень важной и эффективной мерой проведение в вузах и других местах сбора молодежи специальных лекционных курсов о текущих событиях, их исторической и геополитической подоплеке. В этих вопросах, как правило, молодежь очень плохо разбирается — даже и те, кто считает себя «образованными». Для этих лекционных курсов (всего несколько лекций на каждом факультете) можно подобрать хороших лекторов из разных городов России, имеющих научные степени, опыт работы со студентами и четкое патриотическое мировоззрение. Такие группы лекторов могли бы оперативно перемещаться по разным городам и заниматься просветительской работой, важность которой сейчас трудно переоценить.

Кроме того, эти лекторы неизбежно будут вступать в споры с теми людьми из числа преподавателей вузов, которые враждебны по отношению к действиям России. Тем самым, эти люди уже будут публично проявлять себя, а не «подпольно» заниматься своей агрессивной антирусской пропагандой, развращая молодежь. Вообще, феномен русофобской «интеллигенции», уже разрушившей однажды Россию в 1917 году, снова становится огромной национальной проблемой. Будучи узкими специалистами в отдельных сферах науки, эти люди являются полными невеждами во всем остальном и не обладают нормальным «природным» умом и чувством Родины. Поэтому их влияние на молодежь поистине катастрофично. Безусловно, русофобская пропаганда должна быть под таким же жестким законодательным запретом, как и фэйки о российской армии. К сожалению, эту опасность нынешняя российская власть еще не осознает в полной мере.

Хотя общие потери в ходе операции и не сопоставимы с серьезными войнами, тем не менее, это большой народный подвиг с тяжелыми жертвами. Поэтому нужно довести начатое до конца и не повторить ошибку 2014 года. Главной ошибкой тогда стала надежда как-то цивилизованно договориться с Украиной. Российской власти нужно понять раз и навсегда: с Украиной никогда нельзя ни о чем договариваться, поскольку она всегда обманет. Государство, изначально основанное на лжи, иным быть не может. Можно будет договариваться не с этой Украиной, а с тем государством, изначально дружественным России, которое нужно будет создать на этой территории.

Однако проблема современной Украины состоит в том, что в ней нет никаких альтернативных общественных сил, которые могли бы осуществить переустройство государства в столь сложной ситуации. Эти силы были полностью подавлены после государственного переворота 2014 года. Тем самым, переустройство государства на территории Украины произойдет иным путем. Вероятнее всего, временно власть перейдет в руки той части украинских военных, которые ведут себя адекватно, отказываясь от ведения боевых действий против братского народа и не подчиняются диктату нацистов. Эти военные могут подписать официальную капитуляцию и сформировать временные органы управления на период до проведения новых выборов. До выборов должна быть осуществлена полная люстрация лиц, связанных с предшествующей властью, и любые русофобские силы на Украине запрещены законом. Очевидно, что если не будет «обнулена» украинская государственность, то в противном случае на ее обломках уже легально создадут вооруженный до зубов форпост НАТО. Очень важно и поменять официальный дискурс: главное — отказаться в от оперирования понятием «Украина» как чем-то целостным и природно данным. Украина — это конгломерат искусственно отторгнутых от России русских территорий, и не более того. И сейчас происходит их естественное возвращение.

Александр ШИПКОВ

АРМИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

Александр Владимирович Шипков — родился в Ленинграде, российский политический философ, общественный деятель, социолог религии. Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии религии и религиозоведения философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Заместитель Главы ВРНС, член СП России. Автор многих книг и статей. Награжден орденами св. блгв. кн. Даниила Московского III ст.; прп. Сергия Радонежского III ст.; прп. Серафима Саровского III ст. и др. Живет в г. Тарусе.

В школьных учебниках по обществознанию рассматриваются категории власти и права, уделяется много места экономическим и политическим отношениям, но ничего не говорится о таком фундаментальном институте общества как армия. Кстати, так же как о Церкви. Но если отношение авторов к Церкви можно объяснить инерцией секуляристских и атеистических стереотипов, то игнорирование армейской проблематики рационально необъяснимо. Данный пробел необходимо восполнить.

Запрос в обществе на все, связанное с темами Победы, противостояния нацизму, обороноспособности и суверенитету, не уменьшается. Это видно хотя бы по нашему искреннему, добровольному и массовому участию в миссии «Бессмертного полка».

Музыка и слова «Священной войны», исполненные высокого трагизма, сегодня, как и прежде, вызывают у миллионов людей подлинный катарсис. Это произведение является вторым — неформальным, неофициальным — гимном России. И если под звуки официального гимна каждый гражданин обязан встать по закону, то неофициальный — порождает в каждом из нас такие чувства, когда мы не встать просто не можем. Это происходит потому, что тема Победы и независимости России — одно из фундаментальных оснований нашей гражданской религии. И разговор об армии как общественном институте предполагает обращение именно к этой, сакральной стороне русского гражданского самосознания.

Современный статус армии как общественного института

В XIX веке стараниями Клаузевица и других военных теоретиков

возобладали принципы интегральной войны, означающие, помимо разгрома армий противника, разрушение гражданской инфраструктуры и массовые жертвы среди мирного населения. В XX веке англичане и немцы прибавили к ним принципы расовой войны, начиная с буров и заканчивая евреями и русскими.

Мы живем в эпоху гибридной войны, поэтому рост расходов на оборонку один из закономерных процессов нашего времени, и он не должен удивлять.

Единство народа и власти, увы, далеко не всегда возможно, особенно если власть действует вопреки интересам народа. Но народ и армия едины всегда, при любых режимах, при любом строе, поскольку армия служит не власти, а народу, защищает его и Родину. Именно поэтому в 1917 г. февралю разваливали армию в первую очередь.

Внешняя агрессия всегда направлена на народ: так, нацистская пропаганда утверждала, что вермахт воюет со «Сталиным и большевизмом», но на деле Германия вела войну с русским народом, которую она называла расовой войной. С армией народ един независимо от режимов и в любых исторических обстоятельствах.

Армия — не просто военная машина, это общественный институт. Она является третьим основанием социальной стабильности. Церковь, школа и армия (религия, образование, оборона) — это триада национального суверенитета. И потому это основные объекты разрушения при ведении гибридной войны.

Известные строчки из стихотворения «Бородино» говорят о командире так: «Слуга царю, отец солдатам». Именно «отец солдатам», поскольку кадровый состав армии должен существовать как большая семья. Как и обычная семья, это «малая Церковь» или ее подобие, во всяком случае, к этому идеалу армия должна стремиться. Поэтому воинство, его снаряжение и оружие освящаются Церковью, когда речь идет о войне за правое дело.

Армия ни в коем случае не механическое соединение людей, просто связанных контрактом с государством. В первую очередь это союз людей, соединенных духовными узами друг с другом, с народом и с Богом.

Армия, наряду с Церковью и школой, является гарантом исторического выживания, воспроизводства общества и его традиций. Поэтому армия имеет не только контракт с государством, но и многоуровневые культурные и духовные связи с обществом.

Армию нельзя подставлять, списывая на нее ошибки стратегического планирования и информационной политики.

Армия нуждается в уважении и поддержке — как моральной, так и материальной: недаром сказано, что народу, который не хочет кормить свою армию, придется кормить чужую. Военнослужащий должен иметь достаточный уровень жизни и социального обеспечения.

Офицерство и его социальное служение

Офицерский состав — это душа армии. Офицеры — сословие в высоком смысле этого слова, не в смысле привилегий, а в смысле ответственного служения. Особая роль офицерства предполагает и особый кодекс чести. В России до революции офицерство представляло собой особую культуру

внутри официальной общероссийской культуры. В СССР военные кадры во многом пришлось создавать с нуля. Их подтягивали к необходимому культурному уровню, но кодекс чести офицера по-прежнему существовал, офицерам доверяли, они были неформальными представителями государства.

Погоны были сакральны.

Единство армии и народа ставит на первое место вопрос о нравственном и культурном уровне нашего офицерства. Сегодня следовало бы создать для него отдельные общеобразовательные структуры.

Необходимо дать офицерам базовое представление об основных исторических конфликтах — сформировать представление о Первой мировой войне, о Крымской войне. Именно с этой целью я бы предложил составлять ежегодный список литературы, рекомендуемой офицерам для чтения. В него могут входить и «Севастопольские рассказы» Толстого, и «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, и «Записки кавалериста» Николая Гумилева. Не менее важной темой является Гражданская война. Сегодня, после Крымского консенсуса, офицер не может быть ни «белым», ни «красным», он должен понимать, что гражданская война в целом — зло, но примеры воинской доблести есть и с «белой», и с «красной» стороны, потому что за народ воевали и те и другие (к сожалению, воевали не с теми, с кем следовало). В этом заключается идея национального консенсуса.

Преодоление либеральных стереотипов

Сегодняшние молодые офицеры и солдаты (кстати сказать, как и священники) — это вчерашние школьники. Учились эти ребята в 2000-е по либеральным учебникам. Результат такого образования мы наблюдаем сейчас. Абсурдны и недопустимы тезисы: «Надо было сдать Москву — пили бы сейчас баварское» или «Немцы не хотели воевать, их заставили». Воевать наши противники хотели, умели и стремились к этому. Информационная атака, направленная против русской идентичности, предполагает взлом мировоззренческих паттернов (образов, шаблонов, систем), которые связаны как с темой Победы, так и с темой внешнего геноцида русских в XX веке.

Память о Победе планомерно выбивается из коллективного сознания новых поколений. В либеральной среде 9 мая начинается дежурная истерика на тему «победобесия». Небольшая социальная группа стремится ввести цензуру — определять модели поведения большинства, запретить детям надевать пилочки и гимнастерки.

Релятивизация национальной драмы нас не устраивает.

Сделать историю идеологически стерильной невозможно. Не надо разбивать лоб о невыполнимую задачу, но необходимо выстроить концепцию истории в рамках наших национальных интересов: условия, задачи, оптимальное решение. Для этого в русской истории должен быть выделен главный ее субъект — народ и определена роль народа в конфликтах. Например, у России как жертвы агрессии есть требования, связанные с возмещением ущерба. Цифры этого ущерба следует обновить и опубликовать.

В любой картине мира кроме доминант есть и оппозиции, наряду с образами друзей и союзников есть образы врагов. Этого не следует стесняться. Обществу, которое не знает, кто его враги, другое общество скажет: «В таком случае мы объясним вам, кто ваши враги». Так сегодня русским

объясняют, что их враги — это православные священники и омовцы с ростовардейцами, а друзья — политические правозащитники и международное волонтерство.

Для воспитания и обучения офицерского состава не годится позиция абстрактно-исторического морализма, следует забыть такие либеральные стереотипы, как суд истории, коллективная вина, армия вне идеологии и т. п. Если народ не формулирует свою идеологию, он будет вынужден принять чужую.

Понимание воинского служения и воинской доблести

Переход на контрактный принцип формирования армии неизбежен, однако сами слова «контрактный», «контракт», как показывает наблюдение, не приживаются в коллективном сознании. Добровольность службы сочетается с внутренней потребностью в защите своей страны, которое живет в душе многих новобранцев и офицерского корпуса независимо от формальной стороны дела. Этот факт свидетельствует о том, что российская армия, превращаясь в профессиональную по принципам комплектования, в то же время остается народной, чувствует себя важной и наиболее ответственной частью общества.

Именно это самосознание является главным условием для изживания армейской дедовщины — уродливого и разлагающего явления, которое пустило корни в хрущевскую оттепель, когда в армию хлынул поток амнистированных заключенных.

Воинская доблесть в русской традиции должна служить стратегии и тактике, а не противоречить им. Самопожертвование должно иметь высокую цену. Надо беречь армию и людей, учить солдат беречь себя. Но и политика умиротворения агрессора, лозунг «не отвечать на провокации» — все это бывает не менее губительным, чем фанатизм. Например, превентивные действия России в Сирии нужны в том числе и для того, чтобы нам не пришлось воевать в Севастополе и Калининграде.

Русская историческая миссия и военная доктрина

Военная история глубоко национальна. Герои войны должны почитаться в обществе с не меньшим пиететом, чем основатели государственности и знаменитые деятели искусства: Иван Третий, святой благоверный князь Александр Невский, Михаил Ломоносов, Александр Суворов, Александр Пушкин — фигуры одного ранга.

Россия как наследница Византии сохраняет мир христианских ценностей: коллективного спасения, справедливости, любви, равноправия, альтруизма, целомудрия, цивилизационного равенства и соотнесенности с небесным идеалом. Этот мировоззренческий комплекс мы защищали в войнах XX столетия от воинствующей экспансии радикального модерна.

Согласно Евангелию: *Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5:39), мы можем и должны подставлять под удар левую щеку. Но речь идет о своей щеке. Щеку ближнего мы должны защищать. Христос требует от нас милосердия и прощения, но не пацифизма: *Не мир пришел Я принести, но меч* (Мф. 10:34). Пацифизм был бы

прекрасен, если бы пацифистским стал весь мир, но это утопия. Односторонний пацифизм — всегда капитуляция. Именно поэтому, согласно «Чину благословения воинских оружий», благословляются не только воины, но и воинские доспехи, «и меч, и сабля». Когда Церкви предлагается запретить освящать те или иные виды оружия — это значит, что ее хотят столкнуть с армией. Но у армии и Церкви близкие цели: армия защищает народ физически, а Церковь — духовно.

Все это отражено в русской воинской традиции. А, например, тезисы немецкой военной доктрины — это война на уничтожение, интегральная война, расовая война. Англо-американская традиция — война за прибыль на людях, безграничная экспансия, принцип управляемого хаоса, колонизация под вывеской модернизации, мания глобального контроля. В русской воинской традиции война воспринимается как заступничество и защита слабых, как война с неправдой — за правду.

С нашей стороны справедливая война ведется не ради захвата территорий — кроме случаев, когда мы возвращаем свои территории, — но ради восстановления нравственного миропорядка. Поэтому русская армия относится к своему делу как к сакральному деланию. Вот почему подвиг солдат Великой Отечественной и День Победы пронизаны христианским мироощущением. Против русского народа велась расовая война на уничтожение, поэтому погибшие в ней — мученики. К защите христианской нравственности от нацистской идеологии (в христианстве *нет ни Еллина, ни Иудея* (Кол. 3:11)) присоединялась защита родной земли («почвы»), которая со времен Крещения Руси воспринимается как сосуд истинной веры.

Эта идея объединяет многих и многое. Эта идея может принимать как религиозные, так и светские формы, но не может исчезнуть из культурной памяти. Отношение к армии соответствует ей в полной мере.

ПОЭЗИЯ

Андрей РЕБРОВ

РУССКИЙ ВОИН

*Героическим
освободителям Донбасса*

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 г. в Ленинграде. В 1993 г. стал одним из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском (где получил благословение на творчество) и других монастырях оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь правления СП России, член Императорского Православного Палестинского Общества, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного государства. Главный редактор журнала «Родная Ладога». **Живет в Санкт-Петербурге.**

РАТНИК

Неравного сраженья смолкли звуки.
И вран кружит над тучей
мертвых тел...

А он лежит ничком,
расправив руки,
Стяжавший оперенье вражьих стрел;
Лежит —
крестом —
под скорбным небом бледным,
Как будто землю силится обнять.
И ждет его
в свой светлый сонм победный
Пернатая Архангельская рать.

* * *

Хоронили юношу-солдата...
И старик, счищающий с лопаты
Сыру землю вечного пути,
Обронил как будто виновато:

«Жизнь прожить —
не поле перейти».

И лицом, иссушенным увечьем,
Полыхнув, как плачущие свечи,
Юный воин, выживший в той сечи,
Возразил на старческую речь:

«Не хватило жизни человечьей,
Чтобы поле сечи пересечь».

НА ЗАКАТЕ

Кружится вран над старой бороздою,
Где солнца щит ржавеет в ковыле.
И небеса — красны, как поле боя,
Как поле битв, истекших на земле.

И на кресте заросшем и былинках,
На каждой пяди вечности —
окрест —
Горят, горят дождинки,
как кровинки,
Как кровь солдат, излитая с небес.

РУССКИЙ ВОИН

Он брел по жизненным просторам —
Как суждено: то — вверх, то — вниз...

И родовым глубинным взором
Вбирал намоленную высь.

Он умирал от крестной раны
В земле, в траншее полевой,
Но вновь из пашни фронтовой, —
С библейской силой зерновой —
Как на стерне, возрастал живой
Знать, в небе прадеды-крестьяне
Молились с ангельским стараньем
О дольней ниве родовой.

Знать, Горней Родиной хранима,
Русь — под заоблачным крестом —
Стоит, как древний храм незримый,
На всхожем поле боевом.

* * *

Земной поклон соборным судьбам вашим —
Апокрифам смирения и битв,
Изографы холмов и хлебных пашен,
Российские слагатели молитв,

Заветным книгам в пыльных переплетах,
И звездной пыли в буквицах ветвей,
И с колокольни дерзкому полету,
И устремленью кроткому церквей,

И деду, ввысь вздымающему плугом
Родную землю, тихому коню,
Коньковой кровле — вышним долгим лугом
Умчавшей в Вечность древнюю родню.

Всем вам, родимым — ратникам, крестьянам, —
Святой Руси, светящей из икон —
На ниве мирной и на поле бранном
Обретшим небеса, — земной поклон.

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

Митрополиту Константину (Горянову)

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах, сумняшеся ничтоже
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаною вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:

Шел монах без усталости и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

И вновь,
теперь уже гранитной
Своею грудью —
от врага
Ты заслонить готов их спешно
На все лихие времена. —
Как будто в той тени крошечной
Идет священная война.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

И краснеет
 свежей раной
Лист кленовый
 на груди.

✻ ✻ ✻

И говор чуждый то и дело
Сечет,
 течет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь,
 сплоченные молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

✻ ✻ ✻

И не от тех ли встречающих лиц,
В блокадной мгле синевших,
Из отчих теплился зениц
Заветный свет нездешний?

И полыхает синевой
Сыновний взор бесстрашный...
Небесный огонь Руси Святой —
В очах и душах наших.

СВЕТ ТИХИЙ

...И реки вернутся в свои берега
Под своды священных ветвей,
Воспрянув от смертного сна, на врага
Воскресшие главы церквей

Подымутся в ратных шеломах, и ширь
Обрящет былинную весть
О том, что Кощея сразил богатырь
Из наших таинственных мест.

Лишь русское солнце затеплит в лесах
Купели крестильных озер, —
Во дланях благих вознося образа,
Покинут пещерный затвор

И схимные старцы, и нищенский люд,
И витязи древних былин...
На миг Святогора кольчужная грудь
Сверкнет из-под рясы земли...

И реки вернутся в свои берега,
И станет вдруг ясно тебе,
Что ныне страшнее меча для врага
Свет тихой лампадки в избе.

Игорь ИЗБОРЦЕВ

«ПОБЕДУ, ВНУК, НЕ ЗАБЫВАЙ...»

Игорь Изборцев (Смолькин Игорь Александрович) — прозаик. Родился в 1961 г. в Пскове. В 1984 г. окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ. Член СП России. Председатель Псковского отделения СП РФ. В различных издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова вышли в свет восемь книг прозы. Печатался на страницах журналов: «Наш современник», «Москва», «Православный па-ломник», «Благодатный Огонь», «Русский дом», «Балтика» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. кн. Александра Невского, им. Ф. М. Достоевского, «Золотой Витязь». Живет в Пскове.

ЧТОБЫ СКОРЕЕ ПОБЕДИТЬ

Чтобы скорее победить,
Я русской речью мог бы стать —
И слово нужное сказать,
И не сдаваться научить.

Я бы хотел утесом стать,
Я стать горою был бы рад,
Чтобы собою закрывать
От пуль идущих в бой солдат.

Я облаком хотел бы стать,
Чтобы целительным дождем
Солдатам раны омыwać,
Чтоб им все беды — нипочем!

Я громким эхом мог бы стать
И песней русскую звенеть,
Чтоб веселее побеждать,
И чтоб — не страшно умереть...

Чтобы победное «ура»
Летело мощно над Днепром,
Вселяя ужас в стан врага
И умножая их разгром.

Я бы хотел молитвой стать,
И козни вражьи разбить,
Чтоб веру в сердце умножать
И поскорее победить!

АНГЕЛ И ДВЕ ДУШИ

На Украине степь да степь,
На Украине лес да лес,
Там Ангел на земную крепь
Сошел невидимо с небес.
Осину грыз речной бобер,
Журчал невесело ручей,
Шуршал под ветром трав ковер,
Змея скользила меж камней...

Задумчив Ангел неземной,
В глазах его застыла грусть,
К селу идет лесной тропой,
Он невесом, но тяжек путь.
Забрать он должен две души,
Двух бывших жителей села,
Ни мор, ни язва, ни болезнь —
Война их жизни забрала...

Когда-то школьные друзья,
Делили парту на двоих,
И были — «не разлей вода»,
Так отзывались о них.
Но злая развела судьба:
Ушел в фашистский стан один,
Другой лелеял ордена —
От деда, бравшего Берлин,
И старый дедовский наказ:
«Победу, внук, не забывай...».
Свечу он ставил всякий раз
В монастыре в победный май...
И вот их вновь война свела
Средь взрывов, пламени и мук,
Средь их горящего села:
Звезду и волчий черный крюк,
«Вольфсангель» и с Христом хоругвь,
Салют и смрадный черный дым...
Столкнулись в лоб. «Опомнись, друг,
И не стреляй! — сказал один.
Другой же выстрелил в ответ,
Помедлил чуть, потом добил...

Вздымался над селом рассвет,
И Ангел с неба вниз спешил...
Один убит, другой убил,
Но сам был пулею сражен —
СС дивизии шеврон
От гибели не защитил...
Небесный вестник — среди села,
И две души стоят пред ним:
Одна — как яркая звезда,
Вторая — смрадный черный дым.
Крыла развел небесный гость,
Вот-вот, и всех их призовут
В полет среди несметных звезд
На справедливый Божий суд...

На Украине степь да степь,
На Украине лес да лес,
Там Ангел на земную крепь
Сошел невидимо с небес.
Осину грыз речной бобер,
Журчал невесело ручей,
Шуршал под ветром трав ковер,
Змея скользила меж камней...

МЫ ВЕРНЕМСЯ С ПОБЕДОЙ!

Послушайте! Вы слышите, как бьется
В печурке тесной грозовой огонь?
Как песня фронтовая та поется,
И ей аккомпанирует гармонь?

То с Запада под перестук колесный
Солдаты возвращаются домой...
Овеян славой май победоносный,
Повержен враг, покончено с войной!

Поет «Катюшу» первый Украинский,
Поют «Землянку» Брянский и Донской,
И запекает третий Прибалтийский
Про «экипаж машины боевой»!

И не тоскует боле глас солдата,
И смерть осталась где-то позади...
А впереди — победный сорок пятый,
И всё, о чем мечталось, — впереди...

Там впереди... О том ли были думы?
Никто из них предположить не мог,
Что Киев, Харьков, Запорожье, Сумы
Опять растопчет вражеский сапог...

Опять, подобно черной смрадной туче,
Возьмет фашист на Украине власть,
Научен он преследовать и мучить,
Умеет он невинных убивать!

Но что это? Вы видите, как грозно
Идут полки вперед, чеканя шаг,
Идут — Москва, Саранск, Казань и Грозный,
Балтийск, Анапа, Волхов, Аркадак...

Идут твои потомки, «сорок пятый»,
Чтоб как всегда — спасти, освободить,
Чтобы за зло ответил виноватый,
Чтобы бесповоротно победить...

Послушайте! Вы слышите, как бьется
В печурке тесной грозовой огонь?
Как песня фронтовая та поется
И ей аккомпанирует гармонь?

То с Запада под перестук колесный
Солдаты возвращаются домой...
И их встречает май победоносный!
Повержен враг! Покончено с войной!

ВЫШЛА КНИГА

Большаков В.

Преступление и покаяние. Судьба русской цивилизации». М.: Достоинство. — 792 с., 620 илл.

В книге представлен богатый фактический материал, который показывает, как на протяжении столетий исподволь нарастала сила, враждебная исторической России.

Не единожды русская государственность была на грани гибели, переживая братоубийственные смутные времена, или, говоря научным языком, системные кризисы российской государственности. Окончательный исход этой борьбы, судьба русского народа и государства Российского решается сегодня, сейчас и зависит от каждого из вас. Автор призывает читателей на основе собранного им оригинального исторического материала поразмышлять о русской судьбе, следуя той неоспоримой истине, что верить надо не тому, кто знает ответы на все вопросы, а тому, кто ищет их.

История и современность

Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)

ВАВИЛОНСКОЕ ДЕЛО: ОТ ВРЕМЕН ХАМА И СИЛЬНОГО ЗВЕРОВОЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не сможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: «этот человек начал строить и не мог окончить?»

Евангелие от Луки 14:28–30

Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею».

Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего».

Евангелие от Матфея 4:5–7

Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе.

Послание к Ефесянам 2:19–21

В глубоких шахтах на всех континентах нашей планеты напряжен-

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

но притаились смертоносные ракеты с атомными боеголовками, готовые в любой момент превратить Землю в пепел. Политиков удерживает от их применения в войне за блага земные только страх, ибо победителей не будет. Но не это более всего опасно для современного человечества.

Нарушение климатических закономерностей вследствие безжалостного нашего отношения к богоданной природе приводит к небывалым наводнениям, пожарам, эпидемиям. Но не это более всего опасно для современного человечества.

Страшнее то, что в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова, пустея, оскверняются и разрушаются христианские храмы, что происходят бесовские опыты над человеческой психикой и плотью. В ужас приводят жителей западного мира толпы беженцев из разбомбленных НАТО стран Азии и Африки, переселяющихся в благополучные европейские страны и безжалостно разграбляющие их. При попустительстве постхристианских властей Западной Европы переселенцы безнаказанно уничтожают христианскую культуру, убивают священников и внедряют свои первобытные порядки, неосознанно подтверждая софизм немецкого философа Фридриха Ницше, что «Бог умер».

Да, это страшная примета нашего времени. Но только ли нашего? И каково будущее человечества, подвергающегося сегодня невиданным этическим, биологическим и социальным вызовам? На эти и многие другие важные вопросы — самые конкретные, самые убедительные ответы дает, как всегда, Библия.

1. И ПЕРЕСТАЛИ СТРОИТЬ ГОРОД...

Бытие сложно и не определяется только природной ипостасью. Если бы жизнь являлась лишь биолого-физиологической субстанцией, то для нее требовалась только подходящая для развития среда, в которой человечество являлось бы конечным событием. Но человек наделен духовным стремлением, изобретательными способностями, последние ныне, в постоянных поисках «новенького», привели к такому положению дел, что становится проблематичной сама возможность дальнейшего существования человеческого рода, отказавшегося учитывать божественные законы бытия.

По мысли Отцов Церкви, в частности, Василия Великого¹, Божественная воля стоит за всяческим движением-изменением в природе. Божественное повеление становится законом природы в момент Творения и устанавливается Словом Божиим — Логосом, так же, как и мыслительные способности людей, сотворенных по образу Божию (Бытие 1:27). Выдающийся православный богослов современности Владимир Лосский разъясняет: «Ибо Бог создал из ничего совершенно новое произведение — космос, который — не плохая копия Бога, а произведение желанное, “задуманное” в “Божественном Совете”. Действительно, в богословии Восточной Церкви Божественные идеи, как мы видели, представляются в динамическом аспекте сил, волений, творческих слов»². Церковь открывает нам тайну нашего

¹ См.: *Василий Великий, святитель*. Беседы на Шестоднев. М., 1999. С. 142.

² *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 181.

спасения, а не «секреты» той вселенной, которая, может быть, и не нуждается в спасении.

Законы природы промыслительны, ими определяется целесообразность существования вещей, согласующихся со здравым смыслом, красотой и гармонией. «А из этого последовательно вытекала предложенная в слове теория, из которой мы узнаем, — пишет святитель Григорий Нисский, — что в человеческом составе ум управляется Богом, а умом управляется вещественная наша жизнь, когда она в естественном состоянии, а когда отклонится от естества — отчуждается и умной энергии»¹.

Но так ли хорошо мы понимаем названные категории? Обратим внимание на слова «умная энергия», потому что энергия человека часто бывает направлена на зло; это особо ярко проявляется в энергии непомерной гордыни и ненависти, энергии, способной сталкивать большие массы людей. Подобная энергия может и объединять людей в мощный единый коллектив, спаянный общей идеей. Впервые архетип такого социального явления дан в Библии.

Кажется, именно здравый смысл (ум) и горделивое стремление к славе руководили идеологами и строителями известной Вавилонской башни (по-церковнославянски: «столп», отсюда «столпо-творение», а не от слова «толпа»). Вспомним эту поучительную историю. *«На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар² равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: **построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон³, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле»*** (Бытие 11:1–9).

Этот яркий в зримых образах, но сложный в духовном понимании библейский сюжет очень современен. Закономерен вопрос, что плохого в том, что сплоченное племя «сынов Ноевых» (Бытие 10:32), возродившееся после Потопа человечество, говорившее на одном праязыке, решило обезопасить свои земли от нового потопа? А то плохо, что их вождь — «сильный зверолов» Нимрод (из поколения Хама), убедивший своих соплеменников

¹ Нисский Григорий, святитель. Об устройении человека / Пер., прим. и послесловие В. М. Лурье. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1995. С. 38.

² Земля Сеннаар (евр. — Шинеар), или Шумер — южная Месопотамия, где развилась древнейшая городская цивилизация Востока. Именно там появились письменность, календарь, начатки математики, астрономии, медицины. Библейский город Эрех (Урук, Ур) открыт в наши дни археологами.

³ Вавилон — переводится как «смешение». Столица Халдеи, позднее Вавилонского царства. По Геродоту, Вавилон расположен по обоим берегам р. Евфрат. Своей формой город представлял совершенное подобие четырехугольника, построенного на огромной равнине. Толщина окружавших его стен была такова, что по их поверхности можно было проехать шести колесницам в ряд.

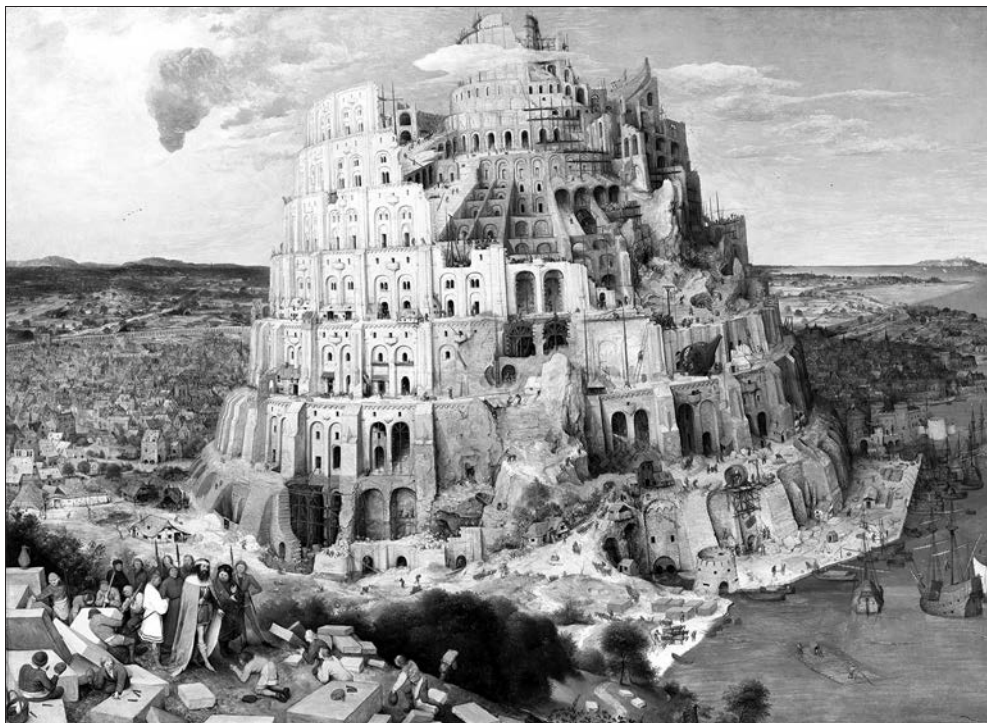
построить башню, забыл или усомнился в обещании Бога более не насылать на род людской Потоп. *«И сказал Господь (Бог) в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся»* (Бытие 8:21–22). *«И сказал Бог Нюю и сынам его с ним: вот, Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными; поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли»* (Бытие 9:8–11). Т. е. указано не только человечество, но и мир животных.

Но жители тех мест, одержимые страшными воспоминаниями, которые передавались из поколения в поколение, поверили не Богу, а своему сильному горделивому вождю и активно взялись за общее дело. Господь Иисус Христос в истории Потопа проводит аналогию со Своим Вторым Пришествием. Как до-Потопная цивилизация (цивилизации) была крайне развращена: *«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время...»* (Бытие 6:5), точно так же будет и перед Вторым Пришествием; и как тогда совершился грозный приговор Божественного Суда над всем грешным миром, точно так же повторится и в момент Страшного Суда над нашей цивилизацией. О том же говорит апостол Петр: *«...потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и гибели нечестивых человеков... Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда»* (2 Петр. 3:6–7, 13).

Строители Вавилонской башни научились делать кирпичи из глины, обжигать их, обмазывать их земляною смолою, типа асфальта, и выкладывать из них стену. Все это было в действительности, что подтверждено археологическими находками и научными исследованиями. И обуяла гордыня этих каменщиков от своей прозорливости и умения. Ведь небывалая, *возвеличивающая* создавший ее род башня строилась, так как ее строителям хотелось *«сделать себе имя»*. Но почему это дело не понравилась Господу, спустившемуся на землю посмотреть на это строительство «великого и счастливого будущего»?

Здесь, во избежание недоразумений относительно того, как Бог мог «сойти и посмотреть» на стройку, сделаю отступление и поясню, что такое антропоморфизмы и антропатизмы в Библии (человекоподобие — от греч. *ἄνθρωπος* — человек и *μορφή* — вид, образ, облик, *πάθος* — страсть, чувство)¹. Это понятия, означающие перенесение присущих человеку свойств (образа, отдельных форм тела, чувств и страстей) на Бога, а также отражающие представление Его в образе человека. Антропоморфизмы и антропатизмы являются неизбежным следствием прежде всего непостижимости Бога, а также ограниченности человеческого языка и не только. Образный

¹ Православная энциклопедия. Том II. М., 2001. С. 709.

Питер Брейгель старший «Вавилонская башня». 1563 г.

*Руины Вавилонской башни. Располагаются на берегах Евфрата, примерно в ста километрах от современной столицы Ирака Багдада.
Современное фото из открытых источников*

язык Священного Писания прибегает к антропоматизмам для передачи личного опыта богочеловеческих отношений.

Так это поясняет один из Святых Отцов Церкви Иоанн Дамаскин (VIII в.): «А так как мы находим, что в Божественном Писании весьма многое символически сказано о Боге очень телесным образом, то должно знать, что нам, как людям и облеченным этою грубой плотью, невозможно мыслить или говорить о Божественных, и высоких, и невещественных действиях Божества, если бы мы не воспользовались подобиями, и образами, и символами, соответствующими нашей природе. Поэтому, то, что сказано о Боге очень телесным образом, сказано символически, и имеет очень возвышенный смысл, ибо Божество — просто и не имеет формы. Итак, очи Божии, и вежди, и зрение да поймем как силу Его — созерцательницу всего, с одной стороны, и — с другой, как знание Его, от которого ничто не скроется, да поймем вследствие того, что у нас при посредстве этого чувства происходит и более совершенное знание, и более полное убеждение. Уши же и слух — как склонность Его к милости и как расположенность к принятию нашего моления... Гнев же и ярость — и как ненависть к пороку, и как отвращение»¹.

Некоторые еретики учили, что Бог обладает человеческими свойствами и чувствами, т. е. антропоморфичен. В Библии говорится об очах, лице, руках Божиих. Еретики понимают это буквально, памятуя, что раз Бог сотворил нас по образу и подобию Своему, то обладает всеми членами и свойствами человеческими и во всем остальном подобен людям. На самом деле, это надо понимать в высшем, духовном смысле, основывать свои представления в соответствии с тем, что способности Бога бесконечны в сравнении с нашими слабыми силами.

Важным является комментарий в известной Толковой Библии под ред. А. П. Лопухина: «Господь снисходит на землю, когда, не предоставляя последующих событий воле людей, Он готовится чудесным образом построить их планы. Господь снисходит видеть город и башню, потому что создание их доказывало глубокую порчу души, и этим выражением указывается на то, что Господь обратил особое внимание на грешников и решил предпринять меры к разъединению их (Властов)»².

Итак, «посмотрев» на Вавилонское дело, Господь сделал так, чтобы «увял» единый язык сынов Адама, чтобы перестал понимать каждый из них ближнего своего, чтобы рассеялся люд по лицу всей земли, чтобы было прекращено строительство города и башни. Необходимость строительства города для расплодившегося народа — это понятно, но башня до небес — зачем? Повторим, Библия дает ответ: чтобы «сделать себе имя» (Бытие 11:4) — это желание одно из проявлений гордыни, которая является сатанинским грехом.

Толкователи этой библейской истории отмечали, что люди, строя башню, желали сделать себе имя, *прежде* чем рассеяться по земле. В Торе это

¹ Иоанн Дамаскин, св. Точное изложение Православной веры. Репринт. Пер. Бронзов А., СПб., 1894. Книга I, глава XI. О том, что говорится о Боге телесным образом. С. 30–32 / Ростов-на-Дону: Приазовский край, 1992.

² Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: Изд. преемников П. Лопухина. Изд. 2-е. СПб., 1904–1913. Т. 1: Ветхий Завет / Книга Бытия. С. 80.

звучит немного иначе: не «*прежде нежели*», а «*чтобы не расселяться*»... «И сказали они (друг другу): “Давайте построим себе город и башню, главою до небес; и сделаем себе имя, чтобы мы не рассеялись по лицу всей земли”. И сошел Йеова посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Йеова: “Ведь народ один и, язык один у всех; и вот все что начали они делать — совершат, все, что бы они ни задумали сделать — сделают! Сойду же, и смешаю там язык их, чтобы они не понимали речи друг друга”. И рассеял их Йеова оттуда по всей земле; и они перестали строить город» (Бырейшит 11:4–8).

Но ведь Бог повелел потомству Ноя наполнять землю. А люди не желали расселяться. Они строили себе город и возводили до небес башню спасения от потопа. Это ли не ослушание Божьего завета? Это ли не богопротивное поведение? Такую спасительную башню от земли до Неба можно построить богочеловеческим трудом (синергия), если в основании этой башни, ее краеугольным камнем, будет Христос — что есть Церковь, но об этом ниже.

Расселяясь по Земле, люди должны были наполнить ее собою, работать на ней, включать человеческое в общеприродное и общеприродное в человеческое. В тех местах Месопотамии (это древний Шумер, сейчас южный Ирак) нефть находится у самой поверхности земли, и выходящие нефтяные газы горели круглый год. Вавилонские градостроители вообще не желали жить в Природе. Собственно, они и положили начало нашей прагматичной городской цивилизации. Их деятельность была внеприродной и принципиально самоценной. Ведь они осознанно не использовали для строительства башни природный строительный материал, а сами делали кирпичи, сами готовили скрепляющую их смолу.

Важно не только это. Следует знать и о том, что тогда, на заре после-Потопной человеческой цивилизации, люди представляли себе небо как твердь. Поэтому они всерьез полагали, что можно построить башню до самого неба в буквальном смысле этого слова. И таким образом взять под контроль и небо, и Бога, а в случае повторного потопа, если Бог «обманет», элита сможет пересидеть в башне. Ясное дело, что в башне всему населению не хватило бы места, поэтому избранные, беспощадно эксплуатирующие народ, готовили там место только себе любимым. Власть неизбежно поработает и обманывает народ, каким бы режимом эксплуатация ни прикрывалось.

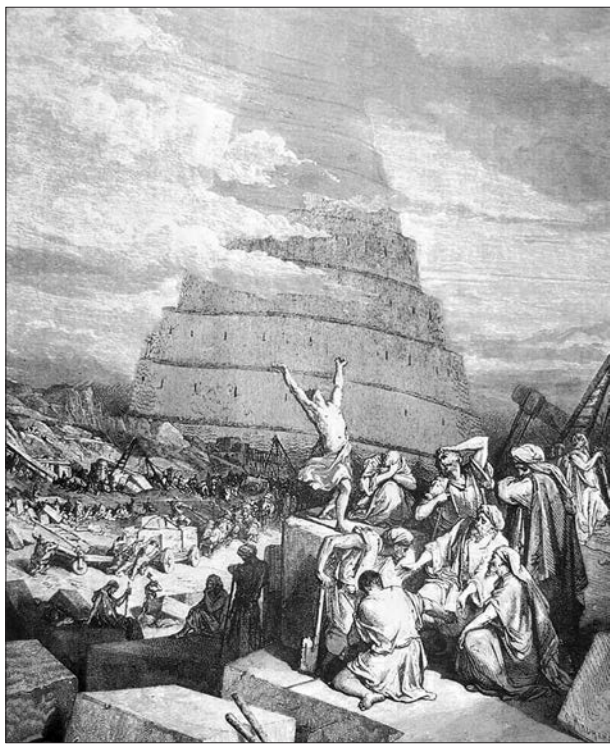
В предании древних народов еще сохранялась память о Потопе, когда «*разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей*» (Бытие 7:11–12). Люди полагали, что смогут взять под контроль вот эти, условно говоря, люки — «окна небесные», из которых на землю хлынула вода (что-то напоминает попытку создания климатического оружия). Некоторые древние комментаторы говорят, что на вершине строящейся башни стояли лучники, стреляли в небо и следили, когда застрянет там стрела, чтобы знать, сколько еще строить. Бог избавил народ от этого бессмысленного и озлобляющего людей труда якобы ради уверенности в светлом будущем (без Бога). В библейской древности имя Нимрод стало нарицательным: «*потому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом Богом*» (Бытие 10:9). На людей тогда смотрели как на рабочий скот, как на животных, которых Нимрод обманом уловлял, загонял в стойло, управлял и заставлял исполнять свою

волю. Выражение «сильный зверолов» употребляется в Библии не раз. Доминирующие черты характера у зверолова — хитрость, коварство, умение заманить в ловушку. Это указывает, что он мог успешно справляться и с озверевшими (по-современному: использовать криминалитет в своих целях, как делают всегда вожди революций — например, Яков Свердлов).

В Библии рассказывается о том, **что** произошло. Но что **могло** произойти в результате вавилонского строительства? Неизвестно, но ясно, что ничего хорошего. Таким образом, конец «Вавилонской истории» — это очевидное проявление милости Божией к человечеству, а не наказание. Это и вразумление нам нынешним.

Кстати, подобные сообщения о башне есть у древних индейцев Мезоамерики. Возьмем предание тольтекского мифа древней Мексики, где сохранились, особенно в Теотиуакане, гигантские ступенчатые пирамиды типа вавилонских зиккуратов для человеческих жертвоприношений; мавзолеев Ленина очень на них похож: «Когда после потопа немногие люди уцелели, и после того, как они успели размножиться, они построили высокую башню... Но языки их вдруг смешались, они не смогли больше понимать друг друга и отправились жить в разные части земли»¹. Поразительно то, что не только у древних евреев и шумерийцев название места «Вавилон» — «Баб-Эль» означает «Ворота Бога», но то же самое название башни в дословном переводе с разных языков существует во всех преданиях индейцев Америки.

О том, что некогда люди говорили на одном языке, свидетельствуют и раннеиндийские, и буддийские (в том числе и тибетские) тексты, и письменные памятники древнего Вавилона. Это единство языка утверждает известная яфетическая (по имени Иафета, третьего сына Ноя) теория выдающегося русского лингвиста абхазского происхождения Н. Я. Марра².

Г. Доре. Падение Вавилона. Гравюра

¹ Цит. по: Горбовский А. А. Загадки древнейшей истории. М., 1971. С. 50.

² Согласно теории Марра, с которой он выступил в 1923 г., все языки мира произошли от «четырех элементов». Идея «яфетических языков» рассматривается не как генетическая, а как некая классовая общность. К «яфетическим языкам» Марр причислял грузинский, мегрельский, сванский и чанский, а позже стал причислять и некоторые другие мертвые языки, доказывая их родство с семитскими языками.

Думаю, сегодня нам древний вавилонский конфликт становится более ясным, мы лучше начинаем понимать, от чего предостерегал людей Бог. Наиболее проявляется смысл этой истории в том, что так было наказано стремление человека к внешней, общественной, оторванной от Бога и природы деятельности, в процессе которой невозможно внутреннее духовное совершенствование. Именно в этой деятельности оскудевают свойства человеческой души. Этот духовный закон имеет физическое подтверждение, выраженное Вторым началом термодинамики, представляющим закон об энтропии, то есть саморазрушении. Этот закон доказывает, что в **замкнутой системе** (когда внутрисистемные элементы не взаимодействуют с внесистемными элементами) энтропия в случае неравновесных процессов возрастает, достигая разрушающего систему максимума и, как следствие, хаоса.

Преодоление замкнутой системы, разъединение сотрудников в результате «увядания» их общего языка, понимания друг друга в достижении единой ошибочной цели, способствует возвращению каждого из них к своей душе, к духовному труду, к осознанию иных смыслов человеческой жизни. Сегодня это возвращение усложняют, например, современное сетевое общение, замкнутые социальные компьютерные сети.

Вавилонское строительство можно назвать противобожеским делом. Спустившись, посмотрев и разрушив его, Бог создал отдельные национальные общности, отдельные государства, по-своему чувствующие и понимающие Бога. Но вавилонская идея могущества, в основе которой лежит сатанинская гордыня, не угасла. И мы знаем, что в истории многочисленные тираны, чтобы «сделать себе имя», заставляли в богоборческом порыве провоцировать и поощрять вражду к Богу — «и не отстанут они от того, что задумали делать» (Бытие 11:6). И не отстали поныне, с горечью констатируем мы в XXI веке нашей эры.

Вавилонское дело заводило человечество в нравственный тупик. А Бог возвращал людей к духовной работе путем, предполагающим преодоление препятствий, грозящих подчас гибелью. Так происходило духовное становление людей, народов, государств, так формировалась история. Так разрушилось богопротивное дело, имевшее целью политическое объединение племен под властью одного вожака, притом наглого и нечестивого Нимрода. Предотвращался разлив нечестия. Иначе весь мир, заразившись грехом, сделался бы большим и повторилась бы история с извращенной допотопной человеческой цивилизацией/цивилизациями, но только в другой форме.

Еще три с половиной тысячи лет назад Бог, заботясь о людской нравственности, дал евреям через Моисея важные и понятные заповеди. Но, несмотря на все строгости Моисеева Закона, отклонения от них продолжали существовать. В начале христианской эры апостол Павел, будучи сам этническим евреем, предупреждает от национальной гордыни: *«Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона, и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины: как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: “не прелюбодействуй”, прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступле-*

нием закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников» (Послание к Римлянам 2:17–24).

История ничему не учит. Хуже того, по оригинальной мысли современного политического психоаналитика Э. Фромма: история вовсе не стремится очеловечить человека. Напротив, она нередко пытается вытравить в нем истинно человеческое, извратить его природу. «Конечно, — подчеркивает исследователь творчества Э. Фромма П. С. Гуревич, — многие исследователи и до американского ученого обращали внимание на негативные стороны человеческого существа, но Фромм выступает как последовательный аналитик того зла, которое заключено в человеке. Теперь, когда человечество прошло через опыт массовых насильственных экспериментов с человеческим материалом, нужно сказать, без преувеличения: история эта также и процесс расчеловечения человека»¹. В этих условиях у людей всего два пути: преодолевая препятствия, совершенствоваться в любви к Богу, к жизни в духе; или погибнуть в плотских уладах, в психических пороках или в нью-йоркских башнях-близнецах. Симптомы обособленности были показаны еще на заре человечества, в первой Книге Библии.

Пример отношений Адама и Евы, рассмотренный Э. Фроммом, помогает понять и предвидеть дальнейшие отношения строителей Вавилонской башни. «Осознав свою обособленность, они [Адам и Ева] сделались чужими, потому что еще не научились любить друг друга (это совершенно ясно видно из того, как Адам защищается, обвиняя Еву и не пытаясь ее защитить). Понимание человеческой обособленности без воссоединения в любви и есть источник стыда. Осознание этого — источник чувства вины и тревоги. Глубочайшая потребность человека, таким образом, это потребность преодолеть свою отчужденность и выбраться из тюрьмы одиночества»². Именно в такую тюрьму загонял строителей Вавилонской башни Нимрод. «Человек лишился бы рассудка, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы и дотянуться до других людей, как-то соединиться с ними и с внешним миром»³.

В этой связи актуально звучит святоотеческое толкование преп. Максима Исповедника, поясняющего «Что означает башня, построенная в Сеннааре». «Строим и мы башню всякий раз, когда, **двинувшись с востока**, то есть отделившись от познания [Бога], мы приходим к **земле Сеннаар**, то есть к страсти чревобесия. Ведь **Сеннаар** переводится как «**бдение зубов**». Затем мы и **строим башню** — плотские страсти ставим превыше всего и строим, сопрягая страсть со страстью **даже до небес**, ведь ревнующие о суетных [благах] никак не желают остановиться, но имеют к ним ненасытное стремление. Бог же прекращает возведение башни и **смешивает языки** всякий раз, когда ради пользы Он, воспитывая нас, препятствует нашему пороку. Ведь всякий раз покоренного скверною блуда Он наказывает болезнью, а поработанного чревобесием вразумляет нуждою. Он будто сокрушает башню страстей, одновременно **смешивая и языки**: сдержав болезнью блудника, непрерывно помышлявшего о блуде, Он делает его поглощенным забо-

¹ Гуревич П. С. Видный мыслитель XX столетия // Фромм Э. Душа человека: Перевод. М.: Республика, 1992. С. 8–9.

² Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2021. С. 23–24.

³ Там же. С. 22.

той о здоровье тела, будто смешивая язык постоянного попечения о похоти» (Толкование на Бытие 11:2)¹.

Воздвигая эту башню, люди, ослепленные своим умением, хотели поставить памятник своему выдающемуся искусству, т. е. прославить себя в веках. А может быть, воплощали порочные замыслы создать такой «опорный пункт владычества», с которого удобно было бы простираť свою власть на мир. Тут вспоминается и башня Газпрома, которую обладатели больших денег страны хотели возвести в самом центре Санкт-Петербурга, чтобы она была городской доминантой и превышала (затмевала) самые высокие храмы города, являясь победным символом превосходства мамоны, денег, материального над духовным. А может, современные вавилонские строители надеются, зная божественное пророчество о всеобщем рассеянии народов (Бытие 9:25–27), помешать разделению (автономии, независимости), соорудив мировой центр управления, объединяющий всех подчиненных вавилонской идее Сильного Зверолова, по-нашему — глобализации.

«И сделаем себе имя» (Бытие 11:4) — вот те, повторяющиеся рефреном в наше время слова, впервые отмеченные в Библии, свидетельствующие о властолюбивых, богопротивных намерениях вавилонских строителей. Эту фразу с репутационным смыслом можно видеть и в других местах Библии — 2 Царств 8:13; Исаия 63: 12–14; Иеремия 32:20, что свидетельствует об исторической значимости и реальности Вавилонского события. Поучительна и его предыстория, связанная с потомками Ноя, в частности, с его сыном Хамом и внуком Ханааном.

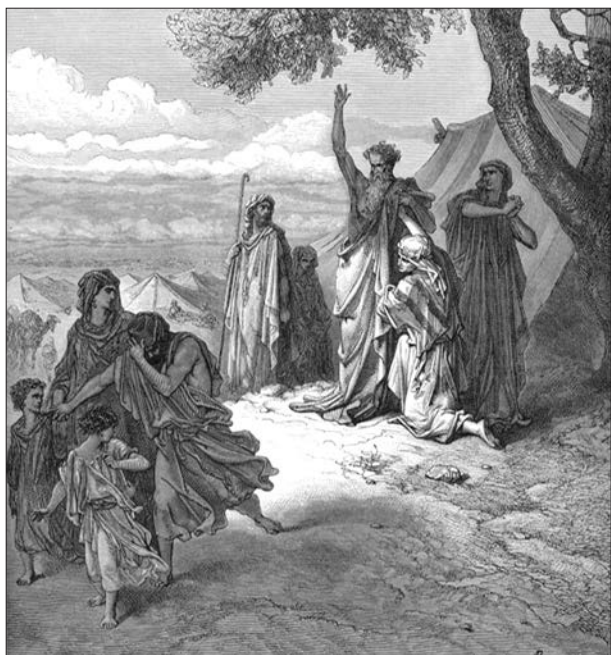
2. ХАМ И ХАМСТВО

Сегодня имя библейского персонажа Хама («горячий») превратилось в нарицательное, даже оскорбительное. Оно стало синонимом нечестивости, бесстыдства, рабства и похабства. Но, чем же так провинился сын праведного Ноя перед людьми?

Как известно, Бог решил очистить человечество Потопом, оставив в живых только семейство праведного Ноя, у которого было три сына — Сим, Хам и Иафет. От них началась новая после-Потопная цивилизация. «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник» (Бытие 9:20), и он же становится первой жертвой опьянения. Это говорит о двойственном характере цивилизации, которая таит в себе многие опасности, одна из которых — Вавилонская башня. История с Хамом и его сыном Ханааном достаточно известна. Согласно Библии, Хам повел себя постыдным образом, увидев в шатре обнаженным своего отца Ноя, который был пьян. Хам, смеясь в присутствии своего сына Ханаана, рассказал братьям про слабость отца своего (Бытие 9:22), то есть «поругался его падению». Что же произошло на самом деле, почему так рассердился Ной, узнав о проступке сына? Это очень краткое место трактуется по-разному. Возможно, какие-то детали, в силу их постыдности, и не приводятся. Но что-то произошло действительно страшное, такое, что вызвало проклятие на тысячелетия.

¹ Максим Исповедник, *прп.* Вопросы и недоумения. Никея. Святая гора Афон. М., 2010. С. 71–72.

В Талмуде существует две трактовки описанного события. Так, персидский раввин Рав (Абба бар Айбу) считает, что Хам кастрировал Ноя в ответ на то, что тот проклял его четвертого сына, Ханаана. Таким образом, Хам якобы предотвратил появление четвертого сына у самого Ноя. В свою очередь раввин Самуэль полагает, что Хам содомизировал своего отца по аналогии с другим библейским инцидентом, в котором была использована фраза «и увидел»: *«И увидел ее Сихем, сын Еммораевея, князя земли той, и взял ее, и спал с нею, и сделал ей насилие»* (Бытие 34:2).

Г. Доре. Ной проклинает Ханаана. Гравюра

Существует также более поздняя версия, по которой Хам вступил в сексуальную связь не с отцом, а с матерью, так как выражение «открыть наготу» в некоторых частях Библии означает иметь связь с женой данного мужчины: *«Наготы брата отца твоего не открывай и к жене его не приближайся: она тетка твоя»* (Левит 18:14)¹.

Однако большинство библеистов придерживаются традиционной версии, по которой фраза «увидеть наготу» или «открыть наготу» не обязательно связана с сексуальной сферой. Хам унижил своего отца, очищенного Потопом, принявшего от Бога закон гуманности, насмешкой, тем, что обратил на его слабость внимание своих братьев, которые поступили мудро: *«Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего»* (Бытие 9:23).

В представлении древних людей взирать на гениталии обнаженного отца, что сделал Хам, обратить внимание — значило отбирать его потенцию. В ветхозаветном обществе почитание родителей было священным, и уж, конечно, никому не позволялось надсмехаться над их наготой. Поэтому сложные талмудические версии вряд ли имеют реальное значение, тем более, если бы совершился сексуальный грех, то зачем Хаму было хвастаться им перед братьями.

За грех Хама расплачиваться пришлось его сыну Ханаану, которого Ной проклял, пророча ему и его потомкам рабское существование:

¹ John Sietze Bergsma, Scott Walker Hahn. Noah's Nakedness and Curse on Canaan (Genesis 9:20–27) (англ.) // Journal of Biblical Literature. 2005. Spring (no. 124.1). P. 25–40. Цит. по: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хам> (дата обращения 12.01.2022 г.)

«и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Бытие 9:25).

Это наказание исполнилось, так как во внуке Ноя Ханаане и его последователях не было искры Бога, это были предтечи древних культов Ваала и Астарты, нравов жителей Содома¹. Понятие «ханаанское зло» — стало распространенной характеристикой подонков, хулиганов, мерзавцев, которые свершают свои скверные дела без надобности, по зову своей черной натуры: *«злой человек из злого сокровища выносит злое»* (Матфей 12:35). Без надобности, ради собственного злого удовольствия они могут избить старика, облить бензином и поджечь бомжа, обидеть ребенка, просто так или ритуально умучить до смерти безобидное животное и т. п. В притче о плевелах, которые выросли на поле, Господь говорит: *«Поле есть мир; доброе семя — это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол...»* (Матфей 13:38–39). С тех пор и поныне не уменьшилось «ханаанское зло», заключающееся в том, что части человечества неведом стыд, сочувствие, жалость, сопереживание. Теща свою психику, они руководствуются одним принципом — «я так хочу!». Это принцип раба — маниакального раба своих прихотей, наслаждений, своих тленных ценностей. Но всякий раб имеет своего хозяина, и у этих есть тот, кто в разные времена прикрывает свою рогатую морду разными личинами.

Проступок Хама по отношению к своему отцу Ною в Библии показан одним из страшных грехов, имеющем далеко идущие последствия. Это очень важно понимать сегодня, во времена апологии жестокости, культа плоти, неверия. Хотя в условиях современного транспонирования нравственности, отказа большей части человечества от Бога и Его заповедей, поступок Хама может показаться безобидным происшествием, как и то, что по древнему иудейскому преданию Хам считается изобретателем идиолов. Рассмотрим его поступок с точки зрения далеко идущих последствий.

Из трех племен Ной благословил племя Сима, родоначальника семитских народов:

*Благословен Господь Бог Симов;
Ханаан же будет рабом ему.
Да распространит Бог Иафета;
и да вселится он в шатрах Симовых;
Ханаан же будет рабом ему.*

(Бытие 9:26–27)

Вот как это место объясняется в Толковой Библии Лопухина: «Комментаторы обращают внимание на различие божественных имен в двух последних стихах: в благословении Симу Бог назван Иеговой, т. е. Богом завета и откровений, в благословении же Иафета — Элогимом. Т. е. универсальным Владыкой и Творцом мира. Количественному распространению иафетитов отвечает и его интеллектуальное превосходство: метафизика Индии, философия Греции, стратегия Рима и вся современная мировая цивилизация

¹ Подробнее о древних омерзительных культах и божествах см. книгу *Константин (Горянов), митрополит «Чаша Господня и чаша бесовская»*. СПб.: Родная Ладога, 2020. С. 26–70.

обязана своим существованием и процветанием, главным образом, гению иафетитов.

Иафету со временем предрекается господствующее положение даже над потомством Сима. И, действительно, это пророчество оправдалось в двояком смысле: и в смысле политическом, когда римляне, потомки Иафета, покорили иудеев и разрушили самый Иерусалим, и в религиозном, когда вместе с Израилем в Церковь Христову вступали язычники (Ефессянам 2:11–15). “Посредством этих благословений, изреченных Симу и Иафету, он (Ной), кажется мне, предвозвестил призвание двух народов, именно: через Сима — иудеев, так как от него произошел патриарх Авраам и народ иудейский, а через Иафета — призвание язычников” (Иоанн Златоуст, 30 беседа).

Закljučая детальный комментарий пророчества Ноя, мы должны сказать, что это — одно из самых знаменательных сказаний, обнимающее в общем схематическом очерке главные течения всей последующей истории человечества, олицетворенное в судьбе трех сынов Ноя, как родоначальников всего последующего человечества: здесь и возлюбленный первенец Ноя — Сим, которому предрекается особое божественное благоволение, здесь и неблагодарный Хам, которому возвещается отвержение, рабство, здесь и младший сын — Иафет, на судьбе которого имело исполниться евангельское пророчество, что “последние да будут первыми”, первыми как в культурно-историческом, так и в христианско-религиозном смысле¹.

Евангелист Лука в 3 главе в родословии Иисуса Христа упоминает имя Сима. *«Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев... Каинанов, Арфаксадов, Симов, Ноев, Ламехов...»* (Лука 3:23, 36). Здесь необходимо сделать пояснение. Иисус Христос на самом деле не был сыном Иосифа, Он Сын Божий. Автор не случайно уточняет — *«как думали»* тогда в еврейском народе, — зная, что Иисус Христос является Сыном Божиим. Так говорит о Благовещении евангелист Лука: *«И сказал ей ангел: “Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца”. Мария же сказала ангелу: “Как будет это, когда я мужа не знаю?” Ангел сказал ей в ответ: “Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; по этому и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим”»* (Лука 1: 30–35).

У евангелиста Матфея в родословии Иисуса Христа Сим не упоминается. Апостол Павел именует Иисуса Христа вторым и последним Адамом: *«Так и написано: “первый человек Адам стал душою живущею”; а последний Адам есть дух животворящий... Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба»* (1 Коринфянам 15:45, 47). *«Посему, как одним человеком (Адамом) грех вошел в мир, и грехом — смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили... Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар*

¹ Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: Изд. преемников П. Лопухина. Изд. 2-е. СПб., 1904–1913. Т. 1: Ветхий Завет / Книга Бытия. С. 41.

праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа... Посему как преступлением одного — всем человекам осуждение, так правдою одного — всем человекам оправдание к жизни» (Римлянам 5:12, 17–18). Приведем также свидетельство апостола Петра: «...зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас...» (1 Петра 1:18–20).

Родоначальник ханаанеян — Ханаан, сын Хама, *будет рабом ему* (роду Сима). Это пророчество в полной мере исполнилось на хананеях, которые израильянами, потомками Сима, частью истребляемы, частью покоряемы были от времен Иисуса Навина до Соломона (XIII–X вв. до Р. Х.).

Распространил Бог и второго сына Ноя — Иафета (Бытие 9:22). Действительно, потомки Иафета заняли Европу, Малую Азию и весь север, который потом был, по выражению историка Иордана, *гнездом и рассадником народов*.

А потомки Хама, его внук Нимрод, сын Куша, племянник Ханаана, будучи вождем, взялся за сооружение Вавилонской башни. Слава сего человека стала причиной того, что Моисей говорит о нем отдельно от его братьев. Имя Нимрод означает — *бунтовщик* или *горделивец*. «*Сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов пред Господом (Богом)*» (Бытие 10: 8–9). Слова сии могут означать как то, что Нимрод искусен был в звероловстве, так и то, что этим искусством достиг он власти над людьми. *Сильный пред Богом* есть то же, что сильный без примера между человеками¹. Тогда еще «*На всей земле был один язык и одно наречие*» (Бытие 11:1). Причиной к разделению народов стало начавшееся Нимродом столпотворение. Для чего он это делал? Не только, чтобы *сделать себе имя*, но и чтобы его соплеменники, как было предсказано, не рассеялись (или — *прежде* чем рассеяться) по лицу всей земли. На языке Священного Писания *сотворить имя* значило *снискать славу* (2 Царств 7:13; Иеремия 32:20).

Как поясняет святитель Филарет Московский (Дроздов), «Таким образом, одною из побудительных причин к столпотворению было славолубие; другою причиною (если следовать простому изложению текста еврейского) было желание воспрепятствовать рассеянию и разделению человеческого рода, чего предварительно могли опасаться по смыслу Ноева пророчества. Вероятно, что племя Хамово, которому наиболее угрожало сие пророчество, прежде прочих племен получило мысль по возможности удерживать всех их в состоянии соединения постановлением одного всеобщего средоточия и столицы мира; дабы ускользнуть от возвещенного ему проклятия рабства, поспешало ко всеобщему владычеству. Нетрудно судить, достойно ли было наказания предприятие, толико противное известной воле Божией, и справедливо ли Премудрый называет его *единомыслием зла* (Прем. Соломона 10:5)»².

Сегодня мы видим, как расплодилось племя, характеризующееся «*единомыслием зла*», сколько последователей Хама («горячий»), которых этот

¹ См. подробнее: Филарет Московский (Дроздов), святитель. Толкование на книгу Бытия. Ч. 1. https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/tolkovanie-na-knigu-bytija/ (дата обращения 12.01.2022 г.); <https://bible.by/fater/1/11/4/> (дата обращения 14.02.2022 г.)

² Там же.

родоначальник наградил страстью, навязал им темперамент как основную характеристику личности. Но ведь чем разгоряченнее человек, тем зримее его отчужденность от окружающей среды, его замкнутость на своих желаниях, страстях. Что недавно безнаказанно вытворяли *горячие* восточные парни в новогоднюю ночь на площади перед Кельнским собором — массовые изнасилования белых женщин — известно всем.

Потомки Хама строили башню с сознанием своего бессмертия. Самосознание в этом деле не приветствовалось. Его заменило понятие «мы» или «массы». По сути, создавалось тоталитарное общество, опробованное тысячелетия спустя в СССР и отраженное, в частности, в романе Евгения Замятина «Мы» (1921–1922)¹. Эта антиутопия показывает трагическую судьбу личности в будущем Едином Государстве «всеобщего равенства и счастья», в прозрачном «стеклянном раю» без Бога. Советский писатель показал проблему коммунистической политики. Пролеткультовцы восславили мистического Пролетария, работника, который преодолевает в себе несовершенства естества, чтобы превратиться в социальный автомат. Граждане лишаются индивидуальностей, получают номера вместо имен (цифровизация). Главный критерий в этом обществе не качественная духовная характеристика индивида, а количественная — массы («большевики»). Номера живут в одинаковых комнатах со стеклянными стенами. Не стоит забывать о поглощении духовной стороны жизни стремлением к техническому прогрессу как таковому. Дьявольский парадокс заключается в том, что сознание своей включенности в коллектив единомышленников может приводить к состоянию подъема, вдохновения, ощущения своих необычайных возможностей, своего творческого потенциала, своего равенства Творцу («Древний Бог и мы за одним столом»; «победил древнего Бога»). Эту особенность массового сознания Замятин одним из первых почувствовал и передал, дал понять, какой властью она обладает над человеком, как возносит и поработывает его. Самой престижной профессией считается математик (сейчас — программист). Есть Хранители, которые занимаются обеспечением безопасности и соблюдением правил. Для граждан честь рассказать в Бюро Хранителей о нарушениях — у Замятина это как пародия на исповедь².

Россия «проходила» свою Вавилонскую башню. Еще свежи в памяти те времена, когда народу, чувствующему существование Высшей силы,

¹ Замечательно, что роман «Мы» впервые был опубликован на английском языке в 1924 г. в Нью-Йорке, впервые на русском напечатан в 1952 г. там же. В России роман увидел свет только в 1988 г., будучи опубликованным в журнале «Знамя».

² Замятин Е. И. (1884–1937). Отец — православный священник. З. окончил с золотой медалью Воронежскую гимназию в 1902 году. Продолжил учебу на кораблестроительном факультете Петербургского политехнического института. В это время увлекся социалистическим учением, вступил во фракцию большевиков РСДРП, входил в боевую дружину Выборгского района и принимал активное участие в жизни революционной студенческой молодежи. Был дважды арестован. В марте 1916 г. З., как опытный инженер, был командирован царским правительством в Англию для участия в строительстве ледокольных пароходов «Святой Александр Невский», который потом переименовали в ледокол «Ленин» (выведен из состава в 1968 г.), а ледокол «Святогор» в 1927 г. стал «Красин» (ныне судно-музей). В 1917 г. З. вернулся в Россию и с Октябрьской революцией связывал немалые надежды. Оставаясь убежденным социалистом, он критиковал политику большевистского правительства во время Гражданской войны. В 1922 г. З. провел почти месяц в тюрьме ГПУ, однако благодаря стараниям друзей приговор был отменен. Иммигрировал из СССР, умер в Париже.

стремящемуся к Высшей Правде, подсовывали идею о том, что нет ничего выше силы и правды самого человека, т. е. смертной твари, которую на основе марксистско-ленинского учения пытались возвысить, наделяя правом на насилие. Создавался новый коммунистический миф, в который не только верили, но и которым жили. Гениальный философ современности А. Ф. Лосев так поясняет его подоплеку: «С точки зрения коммунистической мифологии, не только “призрак ходит по Европе, призрак коммунизма” (начало “Коммунистического манифеста”), но при этом *“копошатся гады контрреволюции”, “воют шакалы империализма”, “оскаливает зубы гидра буржуазии”, “зияют пастью финансовые акулы”,* и т. д. Тут же снуют такие фигуры, как “бандиты во фраках”, “разбойники с моноклем”, “венценосные кровопускатели”, “людоеды в митрах”, “рясофорные скулодробители”... Кроме того, везде тут *“темные силы”, “мрачная реакция”, “черная рать мракобесов”;* и в этой тьме — *“красная заря”* “мирового пожара”, *“красное знамя”* восстаний... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии. Итак, миф возможен без религии»¹.

Психология стройки очень хорошо передана в философской повести А. Платонова «Котлован» (1930). Эта поучительная история о том, что невозможно построить красивое будущее «общепролетарского дома» на костях и рабском труде.

Литературные произведения на эту тему ряда иностранных авторов подтверждают, что идея Башни (это свойство библейского архетипа) — явление вневременное и внациональное. Т. е. не только советское. Вспомним роман Дж. Оруэлла «1984» (опубл. в 1947 г.), в котором уже на более близких к нам по времени аналогиях показан тоталитаризм в высшем своем проявлении. Его ужасы автор познал собственной судьбой, пришедшейся на времена возникновения и установления в Европе и Азии страшнейших военных диктатур. Оруэлл, обожженный событием Второй мировой войны, в своем романе показывает, как будто сильно утрированный, но имеющий реальные подоплеку, мир человеконенавистнического тоталитаризма. Абсурдный, он пугает правдоподобием. Главное, что писатель, предвидя, показывает систему, которой невозможно противостоять, ее необходимо не допускать. Изображая культ личности во власти, регулирование и контроль над всеми сферами обывательской жизни, Дж. Оруэлл пытается показать, как хрупка и иллюзорна свобода. Названный антиутопией, этот роман имеет глубокие реально-исторические корни, уходящие в кирпичи земли Сеннаар.

Американский политолог Э. Фромм, весьма оригинально истолковывая марксистское учение (Маркс хороший, а марксисты-коммунисты, грубые насильники, — плохие)², пишет: «Нигде нет большей путаницы и искажения Маркса, как в изображении советских коммунистов, реформ-коммунистов и капиталистических критиков социализма»³. Главный тезис Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Защищая Маркса, Фромм пишет, что «понятие “революционная практика” подводит нас к одному многотрудному и широ-

¹ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 97.

² Этот пассаж с Марксом возможно объясняется следующим фактом биографии Эриха Фромма, который является одним из основателей фрейд-марксизма. Его мать — Роза, отец — Нафтали были детьми раввинов.

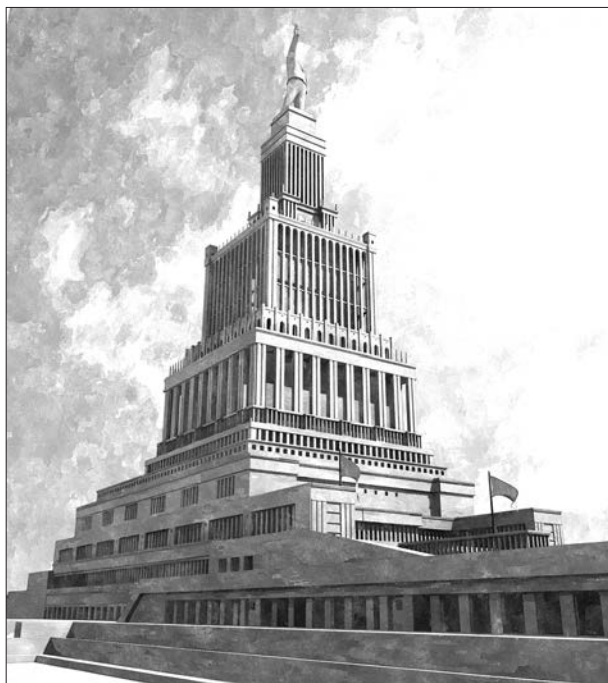
³ Фромм Э. Душа человека: Перевод. М.: Республика, 1992. С. 394.

ко оспариваемому понятию марксистской философии — к понятию “насилие”... Западная демократия — это наследница великой английской, французской и американской революций; русская революция февраля 1917 г. и немецкая революция 1918 г. в свое время горячо приветствовались Западом, несмотря на то, что они были совершены с применением насилия. Так что возмущение современного Запада против применения насилия явно зависит от того, кто применяет силу и против кого ее направляет»¹. Прекрасная, очень верная и современная мысль, особенно в связи с последними событиями на Украине.

3. ЧЕЛОВЕК МАССЫ И ГРЯДУЩИЙ ХАМ

Не вдаваясь в утопические лозунги и подлинные цели большевистской революции, вспомним ее фантастические архитектурные проекты, ее «Вавилонские башни». Это, например, «Башня III Интернационалу» Татлина, «Храм общения народов» А. Родченкова, «Дворец Советов» на месте взорванного Храма Христа Спасителя и т. п. В новой советской реальности новый город понимался, как «центр мира», как «начало истории», как «оплот мировой революции». Талантливый архитектор А. В. Щусев мечтал в 1924 г. о том, какой станет в будущем Москва: «Взглянем на Москву с высоты аэроплана в 1950 году... Вместо Охотного ряда высится силуэтами стройных башен в небе большой дворец СССР с колоссальной аудиторией на 10 тыс. человек. Вокруг здания на кронштейнах и консолях скульптурные изображения великих деятелей на пользу человечества. Дворец СССР всю ночь освещен прожекторами и будучи выстроен из белого уральского мрамора особенно эффектен на фоне темного ночного неба» [Музей архитектуры имени А. В. Щусева. Из неразобранного архива А. В. Щусева, л. 9–10]².

Большевики предлагали реформировать не только город, но и психику человека, его быт, даже сон. Таково, например, предполагаемое устройство нового быта, провозглашенное идеологом рево-

Макет 320-метрового Дома Советов. 1937 г.

¹ Фромм Э. Душа человека: Перевод. М.: Республика, 1992. С. 386–387.

² Цит. по: Барышева Е. В. Советские архитектурные проекты: утопия и реальность / Е. В. Барышева // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 339.

«Мир и свобода в Совдепии. Л. Д. Троцкий».
Плакат времен гражданской войны

люции Л. Троцким (Бронштейном): «Даст революция новый быт? Как не дать — даст. Но этот быт, как и вся общественность, будет слагаться не слепо, как коралловые рифы, а строиться сознательно, проверяться мыслью, направляться, исправляться. Перестав быть стихийным, быт перестанет быть и застойным. По мере того, как человек начнет воздвигать дворцы на вершине Монблана и на дне Атлантики, регулировать любовь, питание и воспитание, повышая средний человеческий тип до уровня Аристотеля, Гете и Маркса, он придаст своему быту не только яркость, богатство, напряженность, но и высшую динамичность. Едва отложившись, оболочка быта будет лопаться под напором новых технико-культурных изобретений и биопсихических достиже-

ний»¹. Этот пламенный революционер умел ловко обмануть доверчивый русский народ, но сам, будучи масоном высокого градуса, этот народ на деле глубоко презирал. Аристотель, Гете и Маркс — но ни одного русского имени. Он не скрывал свое убеждение, что если для мировой революции потребуется уничтожить девяносто процентов русских — то это хорошо... Русские — это охапка, связка дров, чтобы разжечь пожар мировой революции.

А вот рекомендации архитектора Николая Кузьмина для «подопытной русской человеческой массы»: «Научная организация материальных частей архитектуры (свет, цвет, форма, вентиляция и т. д.), или, вернее, научная организация работы — это есть одновременно и организация эмоций человека, являющихся прямым следствием производительности, т. е., например, повышение работоспособности человека является источником его радости»².

В Советской России, ставшие прекрасной иллюстрацией нескончаемости «Вавилонского дела» (свойства библейского архетипа), создавались проек-

¹ Лев Троцкий. Проблемы культуры. Культура переходного периода, 1927 год. Цит. по: Десять утопических проектов советских авангардистов <https://arzamas.academy/mag/611-utopist> (дата обращения 07.11.2021 г.)

² Там же.

*Храм Спас-на-Сенной, церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы.
Фото из открытых источников, 1959 г.*

ты аэрогородов (Лазарь Хидекель), города на рессорах (Антон Лавинский), города с верхним фасадом (Александр Родченков), города, висящего над экватором (Виктор Калмыков), летающего города (Георгий Крутиков) и т. п. Чем не обособленные в своей узкой идее преемники вавилонских идеологов?

Ничему из задуманного наследниками строителей Вавилонской башни сбыться не удалось. Но для воплощения марксистской идеи было разрушено огромное количество исторических зданий по всей России (СССР). Известно, что Маркс и Энгельс были русофобами, их идеи живы поныне и по-прежнему воплощаются в жизнь, например, на Украине¹. Показательны примеры разрушений из недавнего времени правления известного борца с религией Никиты Хрущева. Он считал, что на новую красоту в градостроительстве уходит слишком много денег и ее не поддерживал, кроме небезызвестных «хрущевок». Но и культурное наследие, оставшееся с прошлых веков, он сохранять не пытался. Так по указу Хрущева постройку необходимого ему по идеологическим соображениям *современного* Кремлевского Дворца решили проводить *обязательно* в Кремле, вождь даже не согласился использовать место, оставшееся после взорванного Храма Христа Спасителя. В итоге пришлось частично разрушить старые постройки внутри Кремля: Оружейную палату 1807–1810 гг., офицерские казармы времен Николая I. Потом, когда в 1962 г. Хрущев подписал указ о новой волне сносов церквей и храмов, в Ленинграде были уничтожены красивейшая церковь Спас-на-Сенной, греческая церковь Дмитрия Солунского, историческое здание, единственное в своем роде. На ее месте построили киноконцертный зал «Октябрьский». Список разрушений огромен. Но и большевистские безумные архитектурные проекты не состоялись. Опять по воле Бога?

¹ См. подробнее: *Андреев Н.* Карл Маркс: сжечь Одессу... разрушить Севастополь... Чем на самом деле была Россия для ее всеильного «учителя», родившегося 200 лет назад — 5 мая 1818 года // Журнал «Родина». 2018, № 5 (518). С. 68–73.

*Храм Спас-на-Сенной после разборки куполов.
Фото из открытых источников, 1961 г.*

Понятно, что в первых строителях земного рая для избранных (народ — это прикрытие, ширма) Господь увидел носителей земного зла, которым могло быть заражено в дальнейшем все человечество. После разделения языков человек начал различать «чужих» и «своих», появились обособленные народы, усложнилось существование. Это и было предусмотрено Божествен-

ным действием в Вавилоне. Усложнение жизни было необходимо не только для элиты, но и для всех способных думать, для понимания смысла жизни. Но это нужно было людям, осознающим существование в мире высших смыслов. Потомки Хама и Нимрода продолжали укоренять свою идею обесценивания простой человеческой жизни, обезличивая личности, создания послушной, однообразной человеческой массы, своих «Шариковых и Швондеров».

Во все века русской истории человеческая личность понималась как творение Божие. Русские правители и цари в большинстве показывали пример служения, добродетели, жертвенности. Они в полной мере осознавали свою ответственность за вверенную им страну перед Господом. Времена бывали всякие, как и характеры царей, но Ивану IV Грозному удалось создать русское соборное Царство, сплотить народ, что помогло сдюжить и страшную Смуту XVI—XVII вв., и разграбление иноземцами русских богатств. Много ослабило внутригосударственные скрепы устранение Петром I соборных традиций Руси; возникла цивилизационная пропасть между властью «со скобленным рылом» во вшивых париках и коротких штанишках и простым народом. Последующим Венценосцам выпало каждому свое непростое поприще. Екатерина II показала пример политического служения. Павел I начал восстанавливать законность, единую для элиты и народа, чем вызвал недовольство первой, использованное англичанами для заговора с целью убийства Павла I. Александр I Благословенный спас Отечество от Наполеоновских орд, представлявших собой объединенную Европу, ополчившуюся против России. Николай I отодвинул на век революционные потрясения. Александр II взял на себя решение одной из самых сложных проблем — отмены крепостного права, избежав гражданской войны (такой, как была в США). Александр III выстраивал внутригосударственные связи на основе исторической традиции. Самый страшный вызов принял на себя Царь Николай II.

Так говорит о царском подвиге известный русский философ В. И. Бильшаков. «Николаю II досталось тяжелое наследство. Глубокая трещина прошла через всю Россию. Демократические реформы 1905—1907 годов — это еще одна попытка пересадить на русскую почву чуждую, разрушительную для русской государственности модель западной парламентской демократии. Под-

рывные силы использовали парламентскую трибуну для грязной травли государя. 1 ноября 1916 года в Государственной думе Милюков произнес свою “историческую” речь, в которой он, не имея в своем распоряжении ни единого доказательства, обвинил императрицу в измене.

Клевета сделала свое дело. Города, веси, армия наполнялись отзвуками этих подлых обвинений.

Николаю II, когда верность ему и присяге уступила место измене, ничего иного не оставалось, как, уповая на волю Господа, принять насильственное отречение от прародительского престола. Будучи истинным православным царем, он не видел выхода в установлении с помощью верных штыков кровавой диктатуры. Отречение государя Николая Александровича не слабость и безволие, а поступок величайшей силы. Это сознательное, жертвенное предание себя в руки врагов, дабы не силой политической власти, а силой христианской жертвы победить их.

Почти семь десятилетий питались русские люди одной лишь революционной ложью, потом ей на смену пришла ложь демократическая. Плохие Ленин, Троцкий и Свердлов заменялись «хорошими» Гучковым, Милюковым, Родзянко и Корниловым. А страшная трагедия России, разделившая русских людей на два непримиримых лагеря, так и остается непреодоленной — с помощью хитроумных манипуляций. Настало время отделить зерна от плевел. В течение XX века русские люди смогли переварить откровенно богоборческое учение марксизма-ленинизма, извлечь из него позитивные начала и направить в разумное русло.

По всем человеческим меркам, по всем земным законам и расчетам Россия должна была бы сегодня пылать в огне непрекращающейся гражданской войны, гибнуть во мраке и гладе хозяйственной разрухи, безвластия, беззакония и хаоса. На месте России должна была бы возникнуть духовная пустыня. Вместо этого медленно, но неуклонно происходит пробуждение религиозно-национального самосознания»¹.

Царь Петр Алексеевич Романов. Художник Филипп Москвитин. 2008 г. Холст. Масло

¹ *Большаков В. И. Судьбы русской сакральности // Изборский клуб. № 3 (89), 2021. С. 27.*

*Св. Царь Николай. Фрагмент. 1999 г.
Тихонова Пустынь. Иконописец
Филипп Москвитин*

Но это сейчас, а тогда...

В предреволюционные времена русские интеллектуалы и аристократы лучше многих в мире понимали опасность массового сознания. Как пророчески восклицал Д. Мережковский, «Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб есть хам, а воцарившийся хам и есть чорт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный чорт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам»¹. Мережковский отчетливо понимал, что грядущее царство Хама страшно своим позитивизмом, сугубо здравым смыслом, тем, что оно от мира сего. Что это царство без Бога и без Его заповедей, а значит, царство насилия.

Революционеры — строители такого царства, как и вавилонские строители, чьи лучники запускали в небо стрелы, проверяя его высоту, были убеждены, что Небо — продолжение земли. И те и другие строили реальные царства для себя и

царство массовое, обманное для усредненных людей, для абсолютной посредственности (см. Великий Инквизитор). Или, как называл их Герцен, «паюсной икрой, сжатой из мериад мещанской мелкоты»². Понятие «человек массы», его дисгармоничную физиологию понимал Блок, отделяя его от понятия «народ». «Чернь требует от поэта служения тому же, чему служит она: служение внешнему миру; она требует от него “пользы”, как просто говорил Пушкин; требует, чтобы поэт “сметал сор с улиц”, “просвещая сердца собратьев” и пр.»³.

Человек массы — явление не только революционное, характерное для русской действительности. В большой степени это примета европейского мира, вспомним Английскую буржуазную революцию и ее лозунги, не за-

¹ Мережковский Д. С. Грядущий хам // Полн. собр. соч. М., 1991. Т. XI. С. 34.

² Там же. С. 6–7

³ Блок А. А. О назначении поэта // Цит по: Голубков М. М. Русская литература XX в. После раскола. М.: Аспект Пресс. 2001. С. 77.

Шарииков и Швондер. Кадр из фильма В. Бортко «Собачье сердце», снятого в 1988 г. по мотивам одноименной повести М. Булгакова

будем марш «пустых кастрюль» по парижским улицам в конце XVIII века. И в XX в. масса становится хорошо управляемым политехнологами механизмом истории, который в полной мере исследовал в 30-е годы известный испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет. И сегодня его оценки звучат абсолютно современно. «Масса — это средний человек. <...> Это совместное качество, ничейное и отчуждаемое, это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип. <...> В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. <...> Масса — это посредственность, и, поверь она в свою одаренность, имел бы место не социальный сдвиг, а всего-навсего самообман. Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. <...> Масса сминает все непохожее, недюжинное, личностное и лучшее»¹.

Человек массы представляет, что все лучшее в мире из сферы техники, культуры, должны (по принципу утилитаризма) удовлетворять его потребности, они его интересуют опосредованно, но не сами по себе.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 309—311.

Сегодня весь мир становится массой, и чем более он отступает от Бога, тем плотнее, темнее и более зловещей становится эта масса. Вот непрекращающиеся последствия рабского состояния, обретенного наследниками Хама. Современная Европа, постепенно отступившись от Бога, сегодня оказалась в положении такого раба, забыв библейскую мудрость: *«Ибо вот, удаляющие себя от Тебя гибнут; Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя»* (Псалом 72:27). То есть предпочитающего Царству Божию царство мира сего. И не просто предпочитающего, но клеветующего на Бога и его святых, на своих соплеменников, остающихся верными небесным смыслом бытия. Раньше это противостояние прикрывалось якобы объективностью прогресса, требованием современности. Европа покорила власть зла, допустила его приоритет в обществе, в человеке и стала воспевать это извращение. Надругалась над целомудрием. Потеря целомудрия и начало разврата в нашей, после-Потопной цивилизации, восходит ко временам Хама. Вопрос о целомудрии жизни связан со святостью, с соблюдением естественного закона о размножении и нравственной чистоте человека и хранением души от страсти и греха блуда.

Дьявольское оружие — ложь и клевета, извращение Божьего Завета, осквернение христианского символа, каким от начала человеческого бытия была радуга. *«И будет радуга в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле»* (Бытие 9:16). Сегодня содомиты пытаются похитить этот символ, оборачивают радужные флаги вокруг своих омерзительно раскрашенных тел, вывешивают эти флаги над посольствами государств, распространяют в детских учреждениях. Вздывают на поддельной фотографии содомитский флаг над рейхстагом, как знак уже дьявольской победы. Даже в реальности сегодня его накидывают на аналои в католических церквях и демонстративно, причем в Германии, ксендзы массово заявляют о своей гомосексуальности. В США (штат Айова) 30-летнего Адольфо Мартинеса в 2019 г. осудили на 16 лет тюрьмы за срыв им с церкви флага ЛГБТ и его сожжение. Флаг висел на Объединенной церкви Христа.

Еще пример. Известная Джен Псаки покинула должность пресс-секретаря Белого дома, а на ее место назначена Карин Жан-Пьер, ультралевая чернокожая лесбиянка. Ее «жена» — журналистка CNN.

Глумление над христианскими символами, общечеловеческими победами производится открыто, оно всячески поощряется властными темными силами. Зависимости и следствия понятны: человек без Бога теряет человеческий облик, *волосатое темя* его уподобляет грешника зверю. Но есть единственный путь спасения: *«Благословен Господь всякий день. Бог возлагает на нас бремя, но Он же и спасает нас. Бог для нас — Бог во спасение; во власти Господа Вседержителя врата смерти. Но Бог сокрушит голову врагов Своих, волосатое темя закоснелого в своих беззакониях»* (Псалом 67:20–22).

Не только библейская, но и современная история подтверждает слова Псалма: *«удаляющие себя от Тебя гибнут»*. Для правильного понимания происходящего в современном мире требуется религиозный взгляд на Европейскую и мировую историю, высшие критерии, богословское понимание происходящего, так как причины современных кризисов и трагедий произрастают не из настоящего и не из минувшего века, а из времен Библейских.

Сегодня опять большая часть человечества стремится обрести единый язык, люди, не знающие американского говора, лишены многих возможностей жизни: полноценного образования, путешествий по миру, участия в политических дискуссиях, понимания статей в мировых периодических изданиях. Модные англицизмы (уикенд, бойфренд, тинейджер) и экзотизмы (чизбургер, айфон, памперс и т. п.) затрудняют общение с молодежью, которая все больше и больше теряет понимание ценности рода, семьи, ответственности перед родителями, как и родители перед детьми. Так же как библейский Хам, который не чувствовал и не понимал ценности рода. Английский (американский жаргон) тотально стал языком международного общения. Сегодня даже жители Сербии, Украины, Прибалтики делают вид, что, зная его, не понимают русского языка. Они игнорируют общение, если человек обращается к ним не на языке богатейшей в мире страны, созывающей на строительство своей «Американской башни» народы мира с намерением превращения их в рабов «избранной» нации.

Современные революции: социальные, сексуальные и др. преобразовали страны Запада так, что Заповеди Божии потеряли там свою значимость, а иногда уголовно преследуются. Чем ни Вавилонская история? А борьба за однополярный мир? Это постепенно исполняющийся Апокалипсис в процессе. В конечном итоге — победа однополярного мира во главе с антихристом. Правда, временная.

4. БАШНЯ ИЗ ЧЕРЕПАХ

Кажется, близок последний приговор послушавшимся провозглашенных Богом Заповедей Божиих: *«и осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней»* (Книга Левит 18:25).

А пока не *свергнула* нас земля, ученые в спешном порядке, пытаются защититься от этой неизбежности, решают более высоких степеней сложности задачи о мире и бытии в нем. Так знаменитый физик Стивен Хокинг во спасение материального мира поставил самонадеянный вопрос: «Будет ли необходимость в идее Создателя, когда нам станет понятен замысел Бога?»

Как вспоминал философ, логик, математик Бертран Рассел, однажды после его лекции по астрономии одна пожилая слушательница уличила его в том, что он ошибается, что на самом деле мир — плоская тарелка, которая стоит на спине гигантской черепахи. Рассел поинтересовался: на чем тогда стоит эта черепаха? «На другой черепахе, — ответила старушка. — А та — на другой. И так далее». Женщина была убеждена в существовании бесконечной башни из черепах. Комментируя этот случай из жизни Рассела, Стивен Хокинг не спорит с женщиной, сомневаясь в очевидности всех существующих ныне представлений о Мироздании: «Пройдет время, и эти ответы, может быть, станут столь же очевидными, как то, что наша Земля вращается вокруг Солнца, а может быть, столь же нелепыми, как башня из черепах»¹. Но ведь подобную башню строит и он сам, пытаясь вслед за Эйнштейном создать единую теорию существования Вселенной, т. е. уподобиться Богу, поняв Его замысел. Эйнштейн вовремя остановился, осознав, что любая тео-

¹ Хокинг С. Будет ли необходимость в идее Создателя, когда нам станет понятен замысел Бога? // Наука и религия № 8, 1991. С. 11.

рия лишь свод законов и правил, что это всего лишь математическая модель. Поэтому, существуя одновременно, — две подтвержденные экспериментом теории — теория относительности и квантовая механика — не совместимы. Они не могут быть одновременно правильными. Красноречиво в этом смысле стихотворение современной петербургской поэтессы Валентины Ефимовской «Мечта Эйнштейна» (*О единой теории строения Вселенной*):

*Небес необорима глубина,
До звуков сфер не дотянуться слухом,
И формула Эйнштейна неполна
Без вектора Божественного Духа.
Вселенную способен ли держать
Фундамент из материи не вечной?
Кто искушает разум измерять
Безмерность мира массой конечной?..
По формуле в стремление просвещенном,
Ученый, ничего ты не создашь
Мудрей молитвы Божьей «Отче наш»,
Что стала миру мерой и законом...¹*

Современные аналитики верят в возможность создания такой теории, которая станет доступной пониманию не только специалистов, но и простого человека. Это будет триумф человеческого силы и разума?! Или с нами произойдет то, что Бог сделал со строителями Вавилонской башни? Перспективы не радужные. Надежда только на то, что любая теория имеет временный характер, является лишь гипотезой, которую нельзя доказать и утвердить на все времена. Остается верить, что у вавилонской истории есть не только темная, но и светлая сторона. Хотя пророчество Ноя о судьбе Хама и его потомков сбылось, но Священное Писание предрекает², что некогда, хотя и поздно, во Христе и потомство этого грешника (Египет, Эфиопия. Пс. 67:32) будет освобождено от рабства, и будет служить Богу, и для него станет милосердной земля *«которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой Египтяне, и дело рук Моих Ассирияне, и наследие Мое Израиль»* (Исаия 19:25).

А в принципе, как влияет форма земли на нравственность человечества? Наверное, никак, если вспомнить, что все в мире относительно, и в четырехмерном мире трехмерный объект будет видеться плоскостью, так же как двумерный по отношению к одномерному не может быть плоским. И нет сомнения, что существует три кита, на которых держится мир: это Любовь, Красота, Вера в Бога.

5. ОЧИСТИТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ

Но как же велико сопротивление этим «китам» на протяжении всей истории существования человечества, не понимающего, что, нарушая

¹ Ефимовская В. В. Обратная перспектива. Избранные стихи, поэмы. СПб., 2018. С. 71.

² См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репр. Изд. П. П. Сойкина. Т. II. С. 2265.

Божии законы Мироздания, оно рискует исчезнуть из истории мира. К нашему ужасу, мы сегодня наблюдаем сумасшедше возрастающее упорство, с которым человек, как говорится, пилит ветвь, на которой сидит. Эта ситуация удовлетворяет планы глобальных западных элит, убежденных в своей неуязвимости ни при каких катаклизмах — древний библейский архетип¹ — пересидеть катастрофу в Башне (сейчас, наверное, в бункере). Задача современных идейных наследников *«сильного зверолова»* и каменщика Нимрода состоит в уничтожении христианского населения планеты, оказывающего еще некоторое сопротивление претендентам на мировое господство.

Остальные, менее развитые народы, в расчет западной «элиты», кокетливо называющей себя «англо-саксами», скрывающей свое хамское происхождение, не берутся: одних, как североамериканских индейцев, можно уничтожить нехитрыми способами — подкупом, убийством, искусственной эпидемией оспы, других — с помощью хитроумных «цветных» революций или провокаций на военные столкновения, как в XX в. было с Россией и Германией. Политический и идеологический союз этих двух мощных государств позволил бы держать под контролем большую часть мира. Понятно, что претендентам на мировое господство это не нравится. Так это положение поясняет публицист Владимир Можегов: «Россия и Германия являются наследниками единой христианской Римской империи: одна Восточной (Византия), другая Западной (Карл Великий и Оттоны) ее частей. О чем, кстати, никогда не забывали ни русские цари, ни наши враги. И что нашло всеобъемлющее отражение в геополитической теории Макиндера, которую можно сформулировать так: **для обеспечения геополитического господства англосаксов необходимо во что бы то ни стало разрушить союз России и Германии. Ибо только этому союзу под силу сокрушить мировое господство англосаксонского мира.** На разрушение самой возможности такого союза и был потрачен Англией, а затем США весь XX век. С этой целью и были развязаны в XX веке две горячие и одна холодная мировые войны. Так обстоят дела и сегодня.

К сожалению, возможности союза двух самых родственных в мире народов англичане понимали гораздо лучше нас, лучше немцев, лучше всех славянофилов (обуреваемых утопическими идеями объединения славян), и западников, и евразийцев вместе. Будучи хозяевами дискурса, англичане умело направляли русскую мысль, пестуя все удобные себе идеологии в ущерб единственной, по-настоящему им опасной — идеи союза России и Германии и восстановления христианской Римской империи.

Дважды стравив Россию и Германию в опустошительных войнах, англосаксонские элиты добились тотального ослабления силы русской и германской крови. А вместе с тем — и гибели традиционной Европы в целом. Задача, которая стоит перед глобальной элитой нынешнего века — уничтожение/сокращение уже белой расы в целом, как основного носителя имперской и христианской идеи. А значит — и единственного потенциального конкурента глобалистского антихристианского проекта. Именно ради этого

¹ Об актуальности библейских архетипов см.: Константин (Горянов) митрополит. Богословие бытия и вызовы природе человека от Потопа до настоящего времени // Родная Ладога, № 4, 2021. С. 61–98.

глобальные культуртрегеры вели и продолжают вести сегодня работу по демонизации образа России в Европе и образа Германии в России»¹. Напомним, что немецкая слобода под Москвой появилась еще в начале XVI в. при отце Ивана Грозного — Великом князе Василии III.

Наступление наших врагов продолжается, потому что мы сами им помогаем, разрыхляя мощное, тысячелетнее ядро своей православной цивилизации. Мы должны понимать, что длительное время Россия находится под угрозами, не только военными, но и метафизическими, способными привести ее к гибели. И самая страшная из них — втягивание на западный путь развития, предполагающий отказ от Бога, на путь расчеловечивания.

Понятно, что как христианское государство, Россия глобалистам не нужна, она видится им только как огромная спасительная территория. Как вероятный новый Ноев Ковчег, где они могут пересидеть кару Божию. О таком возможном развитии событий могут мечтать только люди наивные или абсолютно неверующие, потому что если случится всемирная атомная война, «мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут», — справедливо отметил на заседании дискуссионного клуба «Валдай» православный, воцерковленный Президент России В. В. Путин. Божия кара настигнет безбожников в любом укрытии.

А пока всего этого не произошло, именно нам придется нести в мир «очистительные смыслы». Россия действительно может стать спасительным Ковчегом, но не в качестве территории для существования отродья Хама, а в качестве нравственного государства духовной консолидации, обращенного к религиозной и культурной традиции. Россия — единственная в мире страна, имеющая опыт, позволяющий создать многонациональное общество на принципах гармоничного согласия, действительно, Ковчег, который сегодня уже идеологически разрабатывается и имеет название «Русский Ковчег».

И в этом смысле не лишне вспомнить исторические аналогии и закономерности, выявленные выдающимся современным писателем и церковным историком Н. М. Коняевым (1949–2018), сопряженные с пониманием сущности России, ее будущего и всего мира. «...постепенно происходит осознание того непреложного факта, что именно империя Чингисхана была непосредственной предшественницей Российской империи... Поразительно, но ведь и наследница ее, Советская империя, практически совпадала своими границами с ними. Воистину, в этом смысле наша страна — феноменальное, небывалое в мировой истории образование. Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империиобразующими этносами создавались эти три государства, но совпадала их территория, на которой — лучше ли, хуже ли! — но обеспечивалось выживание всех включенных в империю народов. Когда же империя благодаря враждебным силам разрушалась, она снова возникала уже на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но в тех же самых границах»².

Н. М. Коняев такое настойчивое совпадение поясняет тем, что эта извечная империя нужна Богу, и мы, и все народы нашей страны должны

¹ *Можегов В.* Ось империи // Изборский клуб. № 3 (89), 2021. С. 32.

² *Коняев Н. М.* Рождение и крах Великой Скифии. Ульяновск: Алдоор, 2021. С. 6.

понять и исполнять то, что предназначено нашей стране Богом. Пока это не удастся. Но будем надеяться на милость Господню!

Писатель-историк, продолжая перечисление совпадений, объединяющих три империи, существовавшие на территории нашей страны, отмечает и то, что, будучи непобедимыми в сражениях, гибли эти империи очень сходно: непостижимым образом распались без каких-либо внешних вторжений — и могущественная империя Чингисхана, и великая Российская, и Советская империи. Писатель подтверждает свое наблюдение словами Черчилля.

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России, — писал человек, которого очень трудно заподозрить в сочувствии нашей стране.

— Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена».

По этим словам Уинстона Черчилля, еще в марте 1917 г. «русская армия держалась, фронт был обеспечен и победа — бесспорна...»¹

В связи с названными историческими фактами Н. М. Коняев призывает осуществить анализ причин гибели этих империй. Такой анализ не предпринимался ни в дореволюционное, ни в советское, ни в постсоветское время. Но писателю основной механизм, имеющий библейские архетипы, понятен: «В XXI веке для нас, живущих на отвоеванной гуннами у готов земле, этот вопрос не нуждается в поисках ответа. Мы видим, как легко черное становится белым, а белое становится черным, как мгновенно забывают потомки Каина о правде и истине, если только это направлено против нас, если это нацелено против народов нашей страны... Историю и сейчас пишут потомки Каина»². Добавлю: не задумывающиеся, что и они смертны, что и им не спастись в огне мирового идеологического противостояния, подкрепляемого атомным оружием. Очевидны библейские аналогии.

Но и образ спасительного Ковчега сегодня обретает все более зримые черты, конкретные характеристики и требования. Одно из основных — отказаться от идеологического западного влияния. Запад для России — смертельная стратегическая ловушка. Зачем нам подражать странам, не справляющимся с собственными трудностями, когда у России огромный национально-исторический потенциал. Перед нами красноречивый пример Украины, которая сознательно предоставила себя в пользование отродью Хама, и сама стала хамской, изнасилованной, разоренной. Сильный Зверолов (собираТЕЛЬНЫЙ образ) переформатировал Украину в Антироссию, превратив ее в символическую бутылку с «коктейлем Молотова». Украинский народ этому отродью не нужен, они заигрывают с ее правителями лишь для того, чтобы натравливать их армию на Россию, которая в результате своей несомненной военной победы получит разоренную страну, пустыню, обузу на долгие годы.

Так разъясняет основные современные вызовы, стоящие пред Россией, известный российский философ Вардан Багдасарян. «Итак, основные пять вызовов, ответом на которые должна стать новая идеологическая консоли-

¹ Коняев Н. М. Рождение и крах Великой Скифии. Ульяновск: Алдоор, 2021. С. 7.

² Коняев Н. М. Переселение народов. Ульяновск: Алдоор. 2021. С. 315.

дация (и при условиях эскалации конфликта, которого, по-видимому, не избежать — мобилизация) российского общества.

Первый вызов — глобальное доминирование и мировое господство как конечная цель этого доминирования, что идеологически продвигается через космополитизм и низкопоклонство перед Западом. Второй вызов — расчеловечивание человека, индивидуализм и постиндивидуализм. Обобщенно эти угрозы можно выразить через понятие наступления “антицивилизации”. Третий вызов — идеология расового и цивилизационного превосходства, новая фашизация мира. Четвертый вызов — глобальный рынок, рыночный человек, капитализм и посткапитализм. Пятый вызов — технологические и ресурсные (в рамках существующей системы) преимущества противника.

<...> Ответом на технологические преимущества противника может стать русский ответ соединения технологического и духовного развития, что даст синергический эффект и в итоге — преимущества перед противником.

Как это всё можно выразить посредством формулы? В поиске такой формулы целесообразно обратиться к прошлому России. Ответы, аналогичные предложенным выше, уже давались в российской истории. Но они не давались целостно, будучи акцентированы в разных исторических модификациях на разных сторонах русской альтернативы. В этой недоверженности и состояли причины катастроф: гибели в двадцатом веке вначале Российской империи, а потом СССР, а ранее — Древней Руси и Московского царства. Отсюда и формула — Россия царская + Россия советская. Этот синтез позволит выйти на новый уровень идеологического строительства, станет локомотивом нового русского прорыва. Можно эту формулу выразить и иначе: Развитие с опорой на Традицию»¹.

Соглашусь с уважаемым ученым, пишущим слово «Традиция» с заглавной буквы, как положено писать слова «Бог» или «Церковь», добавив, что фундаментом русской Традиции во все времена было и остается Православие, Русская Православная Церковь. Именно она является для нашего народа незримым спасительным Ковчегом, и Башней спасения, и «*столпом и утверждением истины*» (1 Тимофея 3:15). Именно там звучит не искаженный Символ веры, именно там провозглашаются «очистительные смыслы» бытия, именно там спасается Россия и ее народ. Но есть и опасности.

Обращает внимание частое присутствие римского папы как заинтересованного лица в интеграционных процессах на просторах Евразии. Это указывает на то, что процессы эти имеют не только экономическую основу. Задача папы иезуита в новом евразийском партнерстве, в первую очередь религиозная: именно под началом римского понтифика должны происходить «интеграционные» процессы в религиозной сфере. Папа римский — фигура, которая возглавляет процесс создания единой мировой суперрелигии для всемирного государства, так называемого «общего дома».

Но на какой идейной основе все это должно как-то интегрироваться? Как полагает писатель И. Романов, — по всей видимости, на интегрированной идейной основе, т. е. на винегрете, где всего по чуть-чуть. «Мешать ложкой этот винегрет будет папа римский... Фраза Бжезинского “Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России” — это не просто угроза выжившего из ума

¹ Багдасарян В. Образ Ковчега // Изборский клуб. № 3 (89), 2021. С. 96.

злобного старика. Это реальная стратегическая схема, по которой действуют сегодняшние мировые кукловоды, собирающиеся в известных и малоизвестных закрытых и полужакрытых клубах.

Русский народ, отрекшийся от Бога и своего Царя, где-то в глубине своего сердца сохранял христианскую веру, христианскую надежду и христианскую любовь. Время Советского Союза истекло. СССР не оправдал в полной мере надежд мировых кукловодов на уничтожение России и русского народа. 30 лет после падения СССР стали промежуточным этапом, переходом к новому ключевому проекту — окончательному уничтожению русского народа, который в лице своих лучших сынов остается носителем истинной веры Христовой и идей Русского Православного Царства. В планах архитекторов нового мирового порядка — завершение строительства Всемирного антихристового царства. Строители-каменщики торопятся»¹.

Не Россией заложено божественное здание Церкви, но оно ею возвышается из века в век, ей от Бога вменено из поколения в поколение сбережение Храма. Церковь — вот истинный, устремленный в Вечность духовный столп. *«Сие пишу тебе, надеясь вскоре прийти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины»* (1 Тимофея 3:14–15).

Выдающийся православный богослов XX века В. Н. Лосский (1903–1958) поясняет феномен Церкви с помощью образа: являющейся апостолу Ерму Старицы, которая в его видениях раз от разу все молодеет. Старица, объясняющая Ерму устройство башни — Церкви, и есть сама Церковь. *«Церковь есть средоточие вселенной, среда, в которой решаются ее судьбы. Все призваны войти в Церковь, ибо, если человек — микрокосмос, то Церковь, по святому Максиму Исповеднику, — “макроантропос”. Она возрастает и формируется в истории, вводя в свое лоно избранных и соединяя их с Богом. Мир стареет и ветшает, а Церковь непрестанно оживляется и обновляется Духом Святым, источником ее жизни. В определенный момент, когда Церковь достигнет полноты своего роста, установленного волею Божией, внешний мир, истощив все свои жизненные силы, умрет, и Церковь явится тогда в своей вечной славе Царствием Божиим. Она откроется тогда как истинное основание тварных существ, которые воскреснут в нетлении, чтобы соединиться с Богом, ставшим “все во всем”»*². Вот — настоящее спасительное для всего человечества здание.

Спасительна именно эта башня, а не вавилонская, будучи проектом Творца, а не твари, существуя вопреки рациональному пониманию и в противоположность извечному человеческому вавилонскому стремлению: *«Приступая к Нему (Христу), камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом»* (1 Петра 2:4–5). Каковы эти духовные жертвы, — может в полной мере понять человек воцерковленный, участвующий в жизни Церкви, знающий ее историю.

¹ Романов И. А у Бога Свой Промысл. В лукавых планах мирового правительства строительство мегагосударства Большая Евразия // Русский Вестник. № 24 (1094), 2021. С. 6.

² Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 134.

«Таким образом, мы можем сказать, — пишет Лосский, — что в своем христологическом аспекте Церковь представляется нам абсолютной непоколебимостью, незыблемой основой, о которой говорит апостол Павел: *“Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом”* (Ефесянам 2:19–22)»¹.

Учение о Церкви восходит к раннехристианским временам и аллегорически изложено в книге откровений «Пастырь»² апостола Ермы³. Там оно излагается в виде взаимосвязанных образов: строящейся башни, молодеющей старицы, чудовища — знамения скорых гонений, ветвей разного вида, вод, камней различной конфигурации и др. Все они апеллируют к образу башни-Церкви. Под видом строящейся башни, явленной апостолу Ерму в его Видениях, в частности, в третьем из них, излагаются нравственные уроки человечеству.

Если вкратце, то суть 1-го образа, главного и наиболее развернутого: здание Церкви покоится на Христе — древнем камне с новой дверью, через которую верующие входят в Царство Божие. Церковь основана «на водах», т. е. на фундаменте Крещения, и составляется из камней-верующих: в основание ее положены древние праведники (ветхозаветные патриархи и пророки), священнослужители (апостолы, учителя, епископы, пресвитеры, диаконы; грань между последними тремя степенями еще недостаточно четкая), одни из них живы, а другие умерли, также в основание Церкви положены мученики; стены состоят из верных и успевших покаяться. Задача проповеди Ермы заключается в очищении Церкви, в строении которой сделан перерыв, чтобы грешники покаяться и могли быть снова положены в башню. К покаянию необходимо обращаться как можно быстрее, т. к. башня будет скоро построена, после чего наступит кончина мира.

Все люди-камни относятся к 12-ти различным типам-горам, одни из которых входят в Церковь, другие — нет, а прочие — могут войти только через покаяние; стать частью Церкви невозможно без крещения и вхождения в нее. Церковь устрояют ангелы, а надзирают за ней добродетели. Перефразировкой этого видения является образ верующих-ветвей, соответствующий образу гор: награда сохранившим свои ветви-души зелеными и сделавшим их плодоносными — венцы от ангела.

Образ Старицы (объясняющий Ерму устройство Церкви — этой спасительной Башни), являющейся со все более молодым и веселым лицом,

¹ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 145.

² См. Приложение в конце статьи. Этот пример раннехристианской литературы является прекрасным, образным, самостоятельным художественным произведением, открывающим нам истинные пути спасения от гибели и духовной, и физической.

³ Ерм (Герма) — апостол от 70-ти. Епископ г. Филипп во Фракии. Упоминается в Послании ап. Павла к Римлянам. «Пастырь» Ермы, книга откровений, данных автору, имела большой авторитет в древней Церкви. Она содержится в числе канонических книг в Синайском кодексе. Ее цитируют св. Ириней Лионский, Тертуллиан, Климент Александрийский, Ориген. Св. Афанасий Великий относит ее, как и «Дидахи», к неканоническим книгам. Скурат К. Е. Святые отцы и церковные писатели (I–V вв.): Учеб. пособие. Воронеж, 1998. С. 33–35.

обозначает обновление Церкви через откровение, способствующее ее очищению. Чудовище, грозящее пожрать Ерму, т. е. верующего, — будущие напасти, отождествляемые отчасти с концом света (толкование красного цвета), которым подвергнется Церковь и после которых спасутся праведники, у них будет «одно тело, один разум, один ум, одна вера, одна любовь»¹.

Одна из центральных тем этого Видения — идея строящейся единой Церкви, существование которой определяется деятельностью верующих. Церковь объединяет и праведников, и некогда живших пророков, и раскаявшихся людей: все они в будущем смогут найти свое место под ее духовными сводами. Но не сейчас, а когда Церковь будет достроена, т. е. состоится Второе Пришествие. И пока строительство Церкви не завершено, у грешников есть надежда спастись покаянием, но по завершении строительства каяться будет уже поздно. В своих Видениях Ерм показывает разные степени греха и возможности его искупления, если только это не тяжкие грешники — вероотступники и враги христианства.

Вопросы вероучения в книге Ермы непосредственно не излагаются. Но в ней встречаются глубокие мысли и выражения, прежде всего о Боге. «Един есть Бог, все сотворивший и совершивший, приведший все из ничего в бытие. Он все объемлет, Сам будучи необъятен, и не может быть ни словом определен, ни умом постигнут» (Заповедь I). Бог всемогущей силой Своей создал Свою святую Церковь и все сотворил из ничего ради святой Церкви Своей (Видение 2, 4).

Суть Церкви много проясняют работы русского философа В. Н. Лосского: «Могли бы мы не впадать в искушения, в сомнения, если бы Дух Святой постоянно не восполнял человеческую немощь, если бы исторические ограничения не преодолевались бы всегда, если бы неполнота не превращалась всегда в полноту, подобно тому, как вода превратилась в вино на браке в Кане Галилейской? Сколько людей проходят мимо Церкви, не замечая сияния вечной славы в облике смирения и уничижения. Но разве многие узнали Сына Божия в “муже скорбей”? Нужно иметь очи, чтобы видеть, и чувства, раскрытые навстречу Духу Святому, чтобы узнавать полноту там, где внешнее око видит одну ограниченность и недостаточность»².

К этому следует добавить, что «ни один дар не принимается в Церкви без помощи Божией Матери — Начала Церкви прославленной. Как достигшая предела становления, Она главенствует над судьбами Церкви и вселенной, которые еще раскрываются во времени. Тайна Церкви запечатлена в двух этих совершенных личностях: Божественной Личности Христа и человеческой личности Матери Божией»³.

Господь через Церковь простирает свои объятия нам для нашего спасения, но мы их, кажется, не видим, и проходим мимо. А для мнимого спасения изобретаем все новые и новые виды смертоносного оружия. Современный петербургский поэт Андрей Ребров посредством поэтических образов показывает, что победа достигается на духовном поле брани, когда мы следуем духовному водительству.

¹ См.: Православная Энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 615.

² Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 185.

³ Там же. С. 147–148.

*Шел чернец строкой незавершенной,
Посох придержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.*

*А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятных танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.*

*Шел монах без усталы и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копье¹.*

*Церковь Покрова на Нерли.
Владимирская область. Памятник 1165 г.*

Но мы упорствуем в своем заблуждении, что можем защититься от врага только все совершенствующимся боевым оружием. И все чаще и чаще звучат мнения о возможности ядерной войны (в разных масштабах): хамово отродье «*сильного зверолова*» мира не хочет и, обложив Россию со всех сторон не только военными базами, но изматывая провокациями в политике, экономике, культуре и даже в спорте, надеется одержать победу. Так мудро и образно о возможной войне говорит Президент В. В. Путин, «Да, для человечества это будет глобальная катастрофа. Для мира это будет глобальная катастрофа. Но я все-таки как гражданин

¹ Ребров А. Б. Зоркая свеча. Избранные стихотворения разных лет. СПб.: Родная Ладога, 2013. С. 187.

России и глава российского государства хочу задаться вопросом: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?»¹

Если перевести вопрос из области политики в область культуры и литературы, которые сегодня претендует на звание духовных учителей человечества, то следует согласиться с известным санкт-петербургским философом А. Л. Казиным, осмыслившим в историко-нравственном плане выдающийся, но не широко известный роман Л. Леонова «Пирамида». В частности, на его основе ученый делает выводы: «...русская — классическая по происхождению, хотя и отчасти соблазнившаяся модерном — культура к концу XX века уже наигралась с чертом, как мистически, так и социально. Слишком дорого стоил России допуск летящих демонов в литературу, музыку, живопись, театр — разрушение последнего Царства их рук дело»². А. Л. Казин в своей новой книге исследует происхождение, развитие и дальнейшие намерения так называемой «демонической общности (антицеркви)», выстраивающей материалистическую парадигму существования, ведущую к истощению земного бытия вплоть до его аннигиляции посредством деятельности темных сил. Эта деятельность, без сомнения, в первую очередь направлена на разрушение ядра православно-русской цивилизации.

Успех в противостоянии подобным замыслам во многом зависит от нас. От нашей любви к Богу, от нашего отношения к ближнему, к собственному греху. От духовного нашего очищения. От понимания — или ты с дьяволом и со злом, и тогда тебе нет дела до России и ее будущего, или ты с Богом, и тогда осознаешь ее и свою жизнь в категориях Вечности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Апостол Ерм

Пастырь

Видение III

Строение башни, изображающей церковь

1. Однажды было мне, братья, следующее видение. После того как я много раз постился и молил Господа об откровении, которое было обещано мне чрез ту старицу, ночью явилась старица и сказала:

— Так как ты очень просишь и желаешь знать всё, то приходи в поле, и около шести часов я явлюсь тебе и покажу то, что нужно тебе видеть. Место же выбери сам.

И я избрал место прекрасное, уединенное. Но, прежде чем я успел назвать ей это место, она сказала:

— Приду, куда желаешь.

¹ Слова Президента России Владимира Владимировича Путина из интервью для фильма «Миропорядок 2018» (2018), которые он произнес, отвечая на вопрос о последствиях начала ядерной войны.

² Казин А. Л. Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. СПб.: Российский институт истории искусств; Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 129–30.

Итак, братья, заметил я часы и явился на поле, к месту, куда назначил ей прийти. И вижу я поставленную скамью, на ней льняная подушка, а над скамьей простерта парусина. Видя такие приготовления, между тем как никого нет на месте, я изумился, волосы у меня поднялись, и ужас объял меня оттого, что я был один. Но придя в себя и вспомнив славу Божию, я ободрился и, преклонив колена, исповедал Богу свои грехи, как всегда. Вот пришла старица с шестью юношами, которых я прежде видел, и, ставши позади меня, слушала, как я молился и исповедовался перед Богом. Коснувшись меня, она молвила:

— Перестань молиться только о грехах своих, молись и о правде, чтобы часть из нее получил ты для дома своего.

Взяв меня за руку, она привела меня к скамейке и велела тем юношам:

— Идите и стройте.

Когда мы остались одни, она сказала мне:

— Садись здесь.

— Госпожа, пусть прежде сядут пресвитеры.

— Я тебе говорю, — наставляла она, — садись.

Я хотел было сесть по правую сторону, но она рукою показала, чтобы садился я по левую сторону. Когда опечалился я, что не позволила сесть мне по правую сторону, она проговорила:

— Не печалься, Герма. Место по правую сторону принадлежит тому, кто уже угодил Богу и пострадал за имя Его. У тебя много недостает для того, чтобы сидеть с ними. Но оставайся в простоте своей, как прежде, и будешь сидеть с ними, равно как и все, кто будет творить дела их и претерпит то, что они претерпели.

II. Я сказал ей:

— Госпожа, я желал бы узнать, что они претерпели.

— Слушай: лютых зверей, бичевание, темницы, кресты ради имени Его. За это принадлежит правая сторона святыни им и всякому, кто пострадает за имя Божие, а остальным — левая сторона. Но для тех и других, и для сидящих по правую сторону, и для сидящих по левую, — одни и те же дары обетования; только сидящие по правую сторону имеют некоторую честь. Ты желаешь сидеть по правую сторону с ними, но у тебя много слабостей. Очисти себя от своих слабостей, и все недвоедушные должны очиститься к тому дню от своих слабостей.

Сказав это, она хотела удалиться, но я бросился к ногам ее и умолял ее Господом, чтобы явила мне обещанное видение. И она опять взяла меня за руку, подняла и посадила на скамейку по левую сторону и, поднимая какой-то блестящий жезл, спросила:

— Видишь ли большую работу?

— Госпожа, ничего не вижу.

— Неужели не видишь против себя великой башни, которая на водах строится из блестящих квадратных камней?

Действительно, строилась квадратная башня теми шестью юношами, которые пришли с нею. Многие тысячи других мужей приносили камни. Некоторые доставали камни со дна, другие из земли и подавали тем шести юношам, они же принимали их и строили. Камни, извлеченные со дна, сразу клали в здание, потому что они были гладкие и ровные и так плотно

примыкали один к другому, что соединения их нельзя было заметить, и башня казалась возведенной из одного камня. Камни же, принесенные из земли, не все использовались для строительства. Некоторые из них строители откладывали, потому что были они шероховаты, или с трещинами, или светлы и круглы и не годились для здания башни. А некоторые камни они раскалывали и отбрасывали далеко в сторону. И отброшенные камни, видел я, падали на дорогу и, не оставаясь на ней, скатывались: одни в место пустынное, другие попадали в огонь и горели, иные падали близ воды и не могли скатиться в воду, хотя и стремились попасть в нее.

III. Показав мне это, старица хотела удалиться, но я сказал:

— Госпожа, какая польза мне видеть, но не понимать, что значит это строение?

Она отвечала мне:

— Любопытный ты человек, если желаешь понять значение башни.

— Действительно, госпожа, я желаю понять и возвестить братьям, чтобы и они возрадовались, услышав это, и прославили Господа.

— Услышат многие. И, услышавши, некоторые возрадуются, а другие восплачут; впрочем, и последние, если, услышавши, принесут покаяние, также будут радоваться. Выслушай теперь объяснение башни, я открою все, и не докучай мне более об откровении. Откровения эти закончились, ибо имеют предел. А ты не перестаешь требовать откровений, потому что настойчи́в. Итак, башня, которую видишь строящейся, — это я, Церковь, которая явилась тебе теперь и являлась прежде. Спрашивай же, что хочешь, о башне, и я открою тебе, чтобы возрадовался ты со святыми.

— Госпожа, если однажды сочла ты меня достойным того, чтобы все открыть мне, то открой, — просил я старицу.

— Все, что следует открыть тебе, откроется, только бы сердце твое было с Господом и ты не сомневался, что бы ни увидел.

— Госпожа, — спросил я ее, — почему башня построена на водах?

— И прежде я говорила тебе, — отвечала она, — что ты любопытен и усердно изыскиваешь; ища — найдешь истину. Слушай же, почему башня строится на водах: жизнь ваша через воду спасена и спасется. А башня основана Словом всемогущего и преславного имени и держится невидимою Силою Господа.

IV. Я на это сказал ей:

— Величественное и дивное дело! А кто, госпожа, те шесть юношей, которые строят?

— Это первозданные ангелы Божи́и, которым Господь вверил все свое творение для того, чтобы они умножали, благоустроивали и управляли Его творением: их силами и будет окончено строительство башни.

— А кто те остальные, которые приносят камни?

— И это святые ангелы Господа, но первые выше. Когда окончится строительство башни, они все вместе будут ликовать около башни и прославлять Господа за то, что совершилось строительство башни.

— Желал бы я знать, — сказал я, — какое значение и в чем различие камней.

И она отвечала мне:

— Разве ты лучше всех, чтобы тебе это было открыто? Есть более достойные, которым следовало бы открыть эти видения. Но, чтобы прославлялось имя Божие, тебе это открыто и еще откроется ради тех, кто имеет сомнение в сердце своем, будет ли это или нет. Скажи им, что все это истинно и что ничего нет ложного, но все твердо и крепко основано.

V. Выслушай теперь и о камнях, на которых возведено здание. Камни квадратные и белые, хорошо приходящиеся один к другому своими соединениями, это суть апостолы, епископы, учителя и дьяконы, которые ходили в святом учении Божиим, надзирали и свято и непорочно служили избранныкам Божиим, — как почившие, так и живущие еще доселе, — которые всегда пребывали в мире и согласии и слушали взаимно друг друга: потому-то они и в здании башни хорошо примыкают один к другому. А камни, извлекаемые из глубины и закладываемые в здание и соприкасающиеся с прочими камнями, вошедшими в здание, это суть те, которые уже умерли и пострадали за имя Господа.

— Госпожа, я желаю знать, кого означают другие камни, которые достали из земли.

— Те, которые неотделанными кладутся в основание башни, означают людей, которых Бог одобрил за то, что они жили праведно пред Господом и исполняли Его заповеди. А которые приносятся и кладутся в само здание башни, это суть новообращенные к вере и верные. Ангелами призываются они к совершению добра, и потому не нашлось в них зла.

— А те камни, которые откладываются в сторону возле башни?

Она ответила:

— Это те, которые согрешили и желают покаяться; потому они брошены невдалеке от башни, что будут пригодны, если покаются. Посему желающие покаяться будут тверды в вере, если только принесут покаяние теперь, пока строится башня. Ибо когда строительство окончится, то им уже не найдется места в самом здании, и они, отверженные, только останутся лежать при башне.

VI. Желаешь знать, кто те камни, которые раскалывают и отбрасывают далеко от башни?

— Желаю, госпожа.

— Это суть сыны беззакония, которые уверовали притворно и от которых не отступила неправда всякого рода; потому они не имеют спасения, что не годны в здание по несправедности своей, — они расколоты и отброшены далеко по гневу Господа за то, что оскорбили Его. А значение прошлых камней, которые во множестве видел ты сложенными и не использованными в строительстве, таково. Шероховатые суть те, которые познали истину, но не остались в ней и не находятся в общении со святыми, потому они и не годны. Камни с трещинами — это суть те, которые держат в сердцах вражду друг к другу; будучи вместе, они миролюбивы, но, разойдясь, обретают в сердцах злобу. И эта злоба — трещины в камнях. Камни меньшего размера — это те люди, которые, хоть и уверовали, но имеют еще много неправды, поэтому они коротки.

— Кто же, госпожа, белые и круглые камни, что тоже не идут в здание башни?

Она отвечала мне:

— Доколе ты будешь глуп и неразумен? Ты обо всем спрашиваешь и ничего не понимаешь. Белые и круглые камни — это те, которые имеют веру, но имеют и богатства века сего; и когда придет гонение, то ради богатств своих и попечений они отрекутся от Господа.

— Когда же будут они угодны Господу?

— Когда отсечены будут богатства их, которые их утешают, тогда они будут полезны Господу для здания. Ибо как круглый камень, пока не будет обсечен и не лишится некоторых своих частей, не сможет стать квадратным, так и богатые в нынешнем веке, если не лишатся своих богатств, не смогут быть угодными Господу. Прежде всего ты должен знать это по себе самому: когда ты был богат, был бесполезен; а теперь ты полезен и годен для жизни; ты и сам был из числа тех камней.

VII. Прочие же камни, которые ты видел, были отброшены далеко от башни, катились по дороге и с дороги скатывались в места пустынные, означают тех, которые, хотя уверовали, но, по сомнению своему, оставили истинный путь, думая, что они могут найти лучший. Но они обольщаются и бедствуют, ходя по путям пустынным. Камни, упавшие в огонь и горевшие, означают тех, которые навсегда отказались от живого Бога и которым, по причине преступных похотей, ими творимых, уже не приходит мысль покаяться.

— Кого же означают камни, которые падали близ воды и не могли скатиться в нее?

— Тех, которые слышали Слово и желают креститься во имя Господа, когда приходит им на память святость истины, но потом они уклоняются и опять предаются своим порочным пожеланиям.

Так она окончила объяснение башни. Но я, будучи настойчив, спросил ее:

— Есть ли покаяние для тех камней, которые отброшены, и будет ли им место в этой башне?

Она сказала:

— Есть для них покаяние; но в этой башне не найдут они места, а попадут в иное, низшее место, причем тогда, когда они пострадают и исполнятся дни грехов их. И за то они будут переведены, что приняли Слово истинное. И тогда избавятся они от наказаний своих, когда содрогнутся сердцем от порочных дел, ими сотворенных, и они покаются. Если же они не опомнятся, то не спасутся из-за упорства своего сердца.

VIII. Когда я перестал спрашивать старицу обо всем этом, она предложила:

— Хочешь увидеть еще что-то?

И так как я очень желал увидеть, то радость отразилась на лице моем. Взглянув на меня, она улыбнулась и спросила:

— Видишь семь женщин вокруг башни?

— Вижу, госпожа.

— Башня эта по распоряжению Господа ими поддерживается. Слушай теперь об их действиях. Первая из них, которая держит башню руками, называется Верою; посредством нее спасаются избранные Божии. Другая же,

которая перепоясана и ведет себя мужественно, называется Воздержанием, она — дочь Веры. Кто последует за нею, будет блажен в своей жизни, ибо удержится от всех худых дел и всякой злой похоти и станет наследником вечной жизни.

— Кто же другие пять, госпожа?

— Дочери одна другой. Одна называется Простотою, другая Невинностью, третья Скромностью, четвертая Знанием, пятая Любовью. Поэтому, когда исполнишь дела матери их, тогда сможешь и все соблюсти.

— Хотел бы я знать, госпожа, какую каждая из них имеет силу?

— Слушай, — отвечала она, — силы их одинаковы: они связаны между собою и следуют одна за другою, как и рождены. От Веры рождается Воздержание, от Воздержания Простота, от Простоты Невинность, от Невинности Скромность, от Скромности Знание, от Знания Любовь. Действия их чисты, целомудренны и святы, и кто послужит им и будет в силе исполнять дела их, тот будет иметь обитель в башне со святыми Божиими.

Я спросил ее о времени, не конец ли уж теперь. Но она громко воскликнула:

— Неразумный человек! Неужели не видишь ты, что башня все еще строится? Когда башня будет построена, тогда и будет конец. Не спрашивай у меня ничего более. И этого напоминания и обновления душ ваших достаточно для тебя и для всех святых. Не для тебя одного это открыто, но чтобы ты возвестил всем. Итак, по прошествии трех дней ты, Герма, должен уразуметь следующие слова, которые имею сказать тебе, чтобы ты довел их до ушей святых, дабы, слушая и исполняя их, очистились от своих неправд — и ты вместе с ними.

История и современность

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ

ЛАТИНСКИЙ ЗАПАД И ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК: ДВА ПУТИ АПОСТАСИИ — ОДИН ДРАМАТИЧЕСКИЙ ИТОГ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

*Выступление
на V Конгрессе «Cultura
Europea», Памплона,
Испания*

¹ По согласованию с автором материал публикуется по варианту, представленному на сайте Н. А. Наротchnицкой. <https://www.narotchnitskaya.com/in-archive/религиозно-философские-основы-культ.html>. Расширенный вариант см. в книге *Наротchnицкая Н. А. Россия и русские в мировой истории*. М.: Международные отношения, 2005.

Культура в интерпретации Освальда Шпенглера — продукт человеческого духа — как и любая система ценностей имеет философскую основу и отражает определенную интерпретацию смысла и путей человеческой истории и собственного места в ней.

Что же является религиозно-философскими основами европейской культуры — этими религиозно санкционированными и поэтому абсолютными этическими параметрами христианской культуры вообще? Это очевидное представление о земной жизни как об испытании перед жизнью вечной и Царстве Божием, о четких границах добра и зла и свобода воли — Дары Святого Духа, а также идея этического равенства людей, которая не позволяет относиться к любому человеку как средству для целей другого и подвергает и царя, и раба единому Суду на основе одних и тех же критериев, обобщенно изложенных в Заповедях и Нагорной проповеди, истолкованных также Св. апостолом Павлом.

Эти основополагающие представления о смысле и целях человеческой жизни и породили христианскую культуру, которая представила

Наталья Алексеевна Наротchnицкая — известный ученый, общественно-политический деятель, родилась в Москве в академической семье, с отличием окончила МГИМО. Владеет четырьмя иностранными языками, работала в Секретариате ООН. Была депутатом IV ГД РФ. С 2007 г. по настоящее время является президентом некоммерческой организации «Фонд изучения исторической перспективы». Имеет многие российские и международные награды и премии. С 2017 г. — член Общественной палаты РФ. Автор фундаментальных трудов по истории, философии, международным отношениям, по внешней политике России, проблемам становления национально-государственного сознания. **Живет в Москве.**

миру уникальные достижения во всех сферах человеческой деятельности — от государствовоительства до искусства и техники. Причем эти достижения отличает не только величие масштабов, но и уникальная универсальность нравственной парадигмы, впечатляющая этическая цельность.

Интерпретация верховной власти — как власти от Бога, а значит, как служения, породила невиданное ранее отношение к правам и обязанностям правителя, который становился воплощением этического идеала и долга в противоположность языческому — *Quod licet Jovi non licet bovi* (что дозволено Юпитеру — не дозволено быку).

Идея тождества греха и преступления, проистекающая из всеобъемлющего характера христианских заповедей, составляющих нравственную парадигму и побудительный мотив всей осознанной жизни христианина, стала этической основой правового сознания и философии права, что породило корпус права, в котором закон следовал нравственной оценке религиозного канона.

В области хозяйственной деятельности доминирующим принципом (по крайней мере исходным) становилась этика достаточности, но не прибыли. Это определило круг нравственно оправдываемых побудительных мотиваций к экономической деятельности, исключавший ростовщичество, осужденное в Священном Писании.

Художественное сознание, пронизанное христианским духом, породило каноны искусства и литературы, живописи и архитектуры, породило само четкое представление о том, что во всех областях творчества может быть красота и уродство, норма и извращение, гармония и какофония, хороший и плохой вкус. Все это провозглашало и подтверждало, что критерии добра и зла в параметрах художественного и интеллектуального выражения человеческой природы — есть абсолютные, но не относительные понятия.

Великая европейская культура в собирательном смысле этого понятия была порождена грандиозным испытанием свободной воли человека и страстями и муками его души в метаниях между осознаваемым долгом следовать добру и вызовами и соблазнами зла. Эта культура породила героя как воплощенный долг. Пламенное и естественное желание человека выразить эту борьбу, пронизывающую всю полноту его духовной, физической, семейной, общественной, национально-государственной и хозяйственной жизни породило невиданное разнообразие жанров и форм.

Где апогей, в чем предпосылки подъема и причины творческого упадка параллельно с ходом «прогресса» и обретением все большей «свободы»? Что такое на самом деле Возрождение и Просвещение, с которыми принято связывать подъем европейской культуры?

Эпоха гуманизма, Возрождение утратили эсхатологичность мысли, а вселенские устремления окончательно материализуются, что и было пресловутым «прогрессом». После Просвещения, отдавая безусловный приоритет внешним атрибутам свободы, позитивному праву и пренебрегая критериями свободы внутренней, философский либерализм неизбежно утрачивал побуждение к духовному идеальному, еще присущее древу гуманизма, на котором либерализм вырос как плод. Но гуманизм был детищем все же христианского духа с его приматом идеального, горнего (отсюда героизм европейской культуры), погубленного прометеевской гордыней. Отход от религиозного содержания категории личность неизбежно отбрасывал к до-

христианскому, даже до-аристотелевскому и до-платоновскому толкованию человека, его прав, свободы. Уже с Платона и его непревзойденного для своего времени определения человека как смеси животного и божественного, свобода имела смысл прежде всего ради вознесения человека на его «звездную родину», построения «града Божия» (Бл. Августин). Равнодушный к внутренней свободе, либерализм все отчетливее обнаруживал черты третьесословного либертарианства, рожденного реформацией и ростовщиком, который становится «привоем», генетически побеждающим в гибриде, ибо судьба подвоя — быть срезанным до корней...

Постепенно опустошая свою душу, человек одновременно обожествлял свою земную природу, извратив идею богоподобия в богоравность, человек логически шел к идее человекобожия. Излюбленный образ Возрождения — человек-титан, Прометей, требующий у Бога отдать ему его (человека!) землю («Muss mir meine Erdedo chlassen steh'n!» — «...землю же мою оставь мне!» — Гете). Теперь человек — властелин земли и провозглашает свое право вершить ее делами и обустраивать ее уже «по собственному образу и подобию». Неизбежное при этом сосредоточение на земных потребностях приводит в конечном итоге «Возрождение» к вырождению духа и высших ценностей — религиозных, национальных в сциентистский скепсис, — утрату нравственной «ответственности за судьбу мира» (Ф. М. Достоевский). Отчуждение становится темой западноевропейской позитивистской философии. О нем размышляли материалисты от К. Маркса до Г. Маркузе в нашем веке

Материалистическая философия не увидела в исследуемом феномене следствие отчуждения человека от метафизических корней его Божественной природы. Но именно отчуждение становится постепенно философской парадигмой ранее героической европейской культуры.

К середине XX в. либерализм в крайних теориях окончательно стер границу между добром и злом, возвышая индивида вне этих категорий и утверждая «абсолютный суверенитет взглядов и наклонностей человека в его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была...» Явное отступление от основополагающего начала Нового Завета о природной греховности человека, который только нравственной аскезой может преобразиться из Адама ветхого в Адама нового — *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»* (Матфей 5:3).

Когда были постепенно утрачены абсолютные критерии добра и зла, красоты и уродства, то есть каноны прекрасного — красота, гармония, норма были объявлены скукой и пошлостью. Извращение, отклонение от нормального стало считаться развитием от простого к сложному... В мире исчезает понятие «неблагородного поступка», нарушающего Канон — указание о соотношении поступка к Добру и злу, оставляя место лишь «некорректному» — нарушающему Закон — определенные правила поведения. «Свободный индивид», полностью поработанный своей плотью и гордыней, исповедует нигилизм по отношению ко всем традиционным ценностям, внутренний нарциссизм для души и гедонизм для тела.

Накануне XX столетия православная Россия не была частью той западноевропейской цивилизации, что выросла на рационалистической философии Декарта, идейном багаже Французской революции и протестантской этике мотиваций к труду и богатству. Вальтер Шубарт («Европа

и душа Востока» М., 1998), анализируя различия между романо-германским и русским типами сознания, нашел весьма интересную аналогию: западный прометеевский индивид и русский иоанновский человек... Эти типа оба были подвержены искушению разными путями, но одной и той же идеей земного рая.

Даже в XVIII в. православная Россия все еще отвергала ростовщичество и жила «по правде», а не по праву, а право все еще следовало за религиозным каноном, так как грех отождествлялся с преступлением. В то время как западноевропейская либеральная интерпретация свободы сводилась все более к вопросу «свобода от чего?», православная Россия продолжала ценить внутреннюю свободу, само определение которой неотделимо от вопроса «свобода для чего?». Было ли это осуществлением Святой Руси? Этот идеал был неосуществим — ни западный, ни русский православный христианин не мог вместить всю полноту Его Слова. И Запад, и Восток шли по пути апостасии. Что же особенного было на каждом пути?

В православии и русском мировосприятии сильнее всего была выражена эсхатологическая сторона христианства. По мнению добросовестного исследователя мировоззрения и сознания во всех слоях русского общества Стивен Грэхам, Запад и Россия — это Марфа и Мария, добавим, к сожалению, разделенные. По его мнению, русское христианство сосредоточено даже на пороге XX в. на идее Царства Божия и абсолютного совершенства в нем. Особенно это относилось к простому народу, который считал нашу смертную жизнь не подлинной жизнью, и материальную силу не действительной силой.

Бердяев в своих рассуждениях о России часто подчеркивал, что «русская идея» — не есть идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божия». Наконец, великие слова Св. Серафима Саровского из беседы с Мотовиловым, блестяще выразили идеал — стяжание Духа Святого в себе. Это путь Марии.

У Европы на ее пути были свои грехи, у России на своем — свои. Западный человек свое сомнение обратил в скепсис и нигилизм в отношении к Богу и Божьему. Русский, и вообще православный человек, страстно веруя в Бога, также родил сомнение и скепсис, даже нигилизм. Но это нигилизм в отношении всего, что творит человек в этом земном мире. «Мы русские, апокалиптики или нигилисты», — писал именно в этом смысле Н. Бердяев в своей «Русской идее». К сожалению, такой скепсис также есть порождение гордыни, которая не может смириться с собственным несовершенством и теряет стимул к деятельности в области несовершенного и обреченного. «Уверенность в будущем обожении обеспокоивает настоящее» в отношении к любой деятельности у русского, — точно подметил Л. П. Карсавин.

Подмечено, что даже истоки атеизма у западного европейца и русского различны: европеец становится атеистом из эгоизма и очерствелости сердца. Он признает только себя. В своей самонадеянности он не терпит никаких богов. Русский становится атеистом из противоположных побуждений: из сострадания к твари земной. В своем вселенском чувстве он простирает взор далеко за пределы своего «я». Он больше не хочет совместить страданий, которые видит вокруг себя, с благостью Бога... Он, как Иван Карамазов, теряет веру в Бога из-за слезы невинно страдающего ребенка. Из сострадания к испытывающим мучения русский становится ненавистником Бога.

Поэтому для русских безбожников нет ничего более ненавистного, как монашество и теодицея — оправдание и почитание милостивого Бога. Это объясняет почему воинствующе антихристианский марксизм был столь пламенно воспринят и развит на русской почве — почти как псевдоморфоза религии.

Революция была порождением западного мышления. Сама идея революции, моментального насильственного переворота всех устоев могла родиться только в христианском мире на пути апостасии — отступления от Христа, а не в буддизме, в мире пантеистических представлений о бесконечном круговороте. Это чудовище, порожденное сном разума (Гойя) — порождение человеческого ума, потерявшего связь с Богом и в силу своей гордыни не терпящего собственного и всеобщего несовершенства — всего лишь иной тип нигилизма. Чем сильнее апокалипсическая вера в моментальное уничтожение всех грехов — тем разрушительнее в самопровозглашенной роли высшего судии и творца новой эры по собственным человеческим критериям... Ко времени, когда марксизм довел идею революции до уровня науки, Европой уже слишком овладели скепсис, она уже была теплостуденой и неспособной на революцию, стоившую слишком дорого. Революцию подхватила Россия.

Как это ни парадоксально, критерии этики были объявлены относительными и соответствующими стадии развития общества, «способу производства», цель — оправдывающей средства. Равенство на земле обернулось на практике этическим неравенством для «антиисторических классов и индивидов, которые стали средством. Вызов традиции был всеобъемлющим, и традиционная культура стала первой мишенью.

Западная интеллигенция, атеистичная и материалистичная, вполне почувствовала философским основам марксизма. Она приветствовала Великий Октябрь, но ей не понравился СССР с духом мая 1945 года, который возродил отчасти традиционные ценности. Интеллектуалы разочаровались в СССР, которые утратил должную степень «левизны», но они не разочаровались в идее ниспровержения Богоданного мира и иерархии, то есть в идее революции. Левый дух блуждал от Запада на Восток и обратно меняя свои инструменты по мере их негодности.

Разочарованные «пламенно-левые» (Режи Дебре, Э. Че Гевара, Пол Пот, закончивший Сорбонну) уходят из «декадентского» мира в джунгли делать новые бескомпромиссные революции, поскольку Великая Октябрьская выродилась и провозгласила устами Хрущева бюргерские идеалы: «догнать и перегнать Америку». Разочарованные левые «скептики» демонстрируют характерный для всего западного мира всплеск нигилизма — явления сугубо левого характера в евангельском понимании термина левый — в общественной жизни, культуре и искусстве.

Студенческий бунт шестидесятых был иррационально асоциальным антиэтатизмом; музыка, литература и театр «абсурда» — логическим «общечеловеческим» детищем предреволюционного русского авангарда, В. Мейерхольда с его «эстетическим расстрелом прошлого» и «эпического театра» Б. Брехта. Явление хиппи — это пассивная революция тотального отчуждения от богоданного мира и бытия, демонстративное пренебрежение всеми ценностями и их отрицание — стирание грани между Добром и злом, объясняющее последующую популярность на Западе необуддизма, индуизма.

Наконец, «новые левые» и «новые правые» — разве это не формы одной и той же тоски по планетарным утопиям и по левым и «правым» — «консервативным», но обязательно революциям. Даже в цитадель христианской традиции на Западе — в католическую науку вторглась явно левого толка «теология освобождения» (документы IV конгресса латиноамериканских епископов — CELAM), ярко отраженная в произведении «Бедняк, движущая сила истории» Педро Нуньеса. (P. Nunez's «El Pobre, protagonista de una historia»).

Сегодня же и посткоммунистическая Россия, и остаток европейского духа — подвергаются усиленному давлению со стороны «атлантического» космополитического либерального проекта «единого мира на основе общечеловеческих ценностей». Что произошло?

Характерной философской основой того течения американской идеологии, что породил политическую доктрину «атлантизма» и идею «единого мира» — вторую (после коммунизма) универсалистскую версию царства человеческого является мессианизм, основанный на провиденциализме пуритан, вдохновленных Ветхим Заветом. (Об этом не раз писал патриарх англосаксонской исторической мысли Арнольд Тойнби.) Макс Вебер, указывая на одну из центральных черт философии пуританизма — методически рационализированное осуществление своего мессианского предназначения, утверждал, что настоящий кальвинист гораздо более уверен в своей избранности, чем правоверный и богобоязненный ветхозаветный иудей. С этим нужно согласиться: не Иов многострадальный с его величественно смиренным «отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов. 42.5) вдохновлял янкизм!

Кальвинизм занимает особое место в протестантизме. Если лютеранство — апостасийное явление в самом христианстве, его рационализация, то кальвинизм связывают с альбигойскими ересями, с манихейством, его корни в глубине истории борьбы добра и зла. Сама идея о том, что еще до сотворения мира люди делятся на предназначенных ко спасению и не предназначенных, есть полная противоположность христианскому восприятию мира как всеединства через троичность. Дуалистическое деление мира на несмешивающееся положительное и отрицательное, белое и черное, где зло также признается сущностным, а значит способным к творению, свойственное манихейству, порождает и отказ людям в этическом равенстве, деление людей на ненужных и имеющих ценность, для которых другие могут быть средством. Англосаксонскому кальвинизму безусловно свойственно пренебрежение и безжалостное отношение к другим нациям (истребление индейцев, голодная смерть двух млн. ирландцев после неслыханной в христианской истории экспроприации земли и сгона исконного населения). Мотив цивилизаторской роли англосаксонской расы играл огромную роль в британской колониальной идеологии, что ярко демонстрирует Р. Киплинг в его философии «долга белого человека», оформленной с аристократическим изяществом.

Однако четко и без всякого культуртрегерства идея превосходства, кальвинистская самонадеянность в своей роли орудия Бога выражена британским идеологом Сесилем Родсом: «Я считаю, что мы первая раса на земле и чем шире мы населим мир, тем лучше будет для человечества. Если есть Бог, то я думаю, что Он только радуется тому, что я стараюсь окра-

силь как можно больше частей карты Африки в цвет Британской империи». Немногие задумываются, что белые африканеры Южной Африки, создавшие режим апартеида, — это кальвинисты — голландские и французские гугеноты и английские пуритане. Пуритане в Америке не занимались проповедью Слова Христова местным жителям — они не предназначались к спасению, и пуритане их безжалостно стерли с лица земли.

Пуритане мечтали о разрушении традиционного типа хозяйствования, что можно было осуществить без помех лишь в Америке. Она должна была стать землей обетованной для пуритан, которые полагали, что их избранность проявляется в том, что они становятся орудием Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере мирской активности. Разве эти идеи не близки тем, кто отверг Спасителя? Отчего же им не сделаться охотно «прозелитами» среди пуритан, которые не ищут Царства Божия, в котором не будет ни эллина, ни иудея, и не стремятся стяжать Святого Духа, но сознательно строят царство человеческое, в котором уже прозелитам предоставляется шанс возвести трон для себя? Почему бы «богоизбранным», что мнят себя почти материальной частицей Бога, не воспользоваться плодами рук тех «избранных», что почитали себя «орудием» Бога?

Вебер также утверждает, что пуританизм стал движущей силой западной экономики и общества. Если это так, это подводит нас к выводу об исторической неизбежности перехода Европы под англосаксонскую — американскую эгиду, как и политической и культурной капитуляции Старого Света. Все это и случилось к концу XX века. Европа, начиная с XVIII в. постепенно, а с середины XIX в. окончательно сдавалась либеральным идеям. Но парадокс заключается в том, что родина реформации и революций, либеральной философии и протестантской этики не могла быть ведущей в процессе, который сама же породила.

Европейская философия государства и права, общественное сознание под пеплом богоборческих пожаров имели католическо-христианский фундамент и лишь приспособлялись под нужды ростовщика. Но европейская этика, выросшая из католицизма, не могла быть последовательным носителем и проводником духа ростовщической версии либеральной экономики и неизбежного культа человека, не вступая постоянно в противоречие с христианскими канонами — о природной греховности, об идеале аскезы и добра без земного воздаяния. Выбрав путь к царству человеческому, Европа должна была уступить роль лидера тому, кто эту философию наиболее последовательно воплощал в чистом виде без помех в реальном хозяйстве и государственных формах.

Американские пуритане последовательно с мессианской убежденностью строили царство человеческое и свое владычество над миром, доказывая земным успехом свою богоизбранность, как и учил Кальвин. Пуританизм стал фактическим отступлением от Заповедей Блаженств (сущности христианства) и оказался выбором в пользу власти и хлеба на Горе искушений.

Западноевропейский дух был высоко выработан долгим испытанием свободной воли между добром и злом, и он породил один тип либерального упадка в культуре — отчуждение, рефлексия, самоанализ, отрицание абсолютных моральных критериев, утрата гармонического единства с остальным миром. Американская пуританская самоуверенность в своем

предназначении и провиденциальной роли орудия Бога освобождали человека от мук выбора и породили иной тип либерального упадка: отсутствие страстей и метаний свободной воли и долга между добром и злом не способствовало высокой выработке духа — отсюда цивилизация без культуры в понимании ее как порождения человеческого духа (О. Шпенглер), налицо культ человека, который на глазах превращается в языческий культ человеческого тела и панический страх перед физическим несовершенством, старением и смертью. Это Спарта и Рим, но только Рим не христианский, а Рим языческий. Российские посткоммунистические либералы — прошедшие школу атеизма и материализма, воспринимают именно этот американский гедонистический тип либерального общества, и поэтому Россия, как и Европа, капитулирует перед «атлантическим» цивилизационным проектом.

В России наше самопредательство привело к крушению всей русской истории, в котором Россия утрачивает не только свою роль великой державы, но и себя как самостоятельную историческую личность с собственным поиском универсального смысла исторического бытия.

Сегодня достаточно оснований развенчать философское заблуждение, что европейский либерализм является антиподом коммунизма. С христианской точки зрения марксизм — не что иное как «кузен» европейского либерализма, оба они — версии царства человеческого без Бога». Марксизм и либерализм разными путями строят безрелигиозный, материалистический, космополитический мир, достигая объявленную масонами цель «уничтожить между людьми различие ранга, верований, мнений, отечества...» (Клавель).

Самопредательство, совершенное Европой, позволяет космополитическим финансовым механизмам, опирающимся и на военную мощь, вести себя как вездесущее мировое правительство, диктующее волю Его величества Ростовщика поработленным нациям, состоящим, разумеется, из совершенно свободных индивидов. Земной успех ростовщика — вот итог всех универсалистских проектов, что соблазняли самонадеянного человека на Западе и на Востоке — всемирное братство труда, общеевропейский дом, единый мир на основе общечеловеческих ценностей и универсальных прав человека, главным из которых является право на незнание истины и на благоустроенную неспричастность к мировой борьбе добра и зла...

Проявления этого очевидны и в области культуры. Культура отражает состояние и настроение духа и одновременно воздействует на него, либо сопротивляясь, либо уступая добру и злу. Сегодняшняя дехристианизация всех основополагающих этических измерений культуры явилась неизбежным результатом. Соперничество между коммунизмом и либерализмом было лишь семейным спором о владычестве и троне в их «едином мире», о другом этом Левиафанам было спорить нечего. Ставка на западного «прометеевского индивида» оказалась успешнее, чем на русского «иоанновского человека». Запад построил свой рай на земле, который действительно поражает своим благосостоянием, но вряд ли чем-то другим.

Но именно это что-то другое занимало западного человека в период возрастания европейской культуры и европейского величия. Русский интеллигент прошлого, околдованный улыбкой Джоконды и шекспировскими страстями, жаждой познания Гете и блеском картезианской логики, павший перед заклинанием «свободы, равенства и братства», увидел бы на рубеже XXI в. лишь кабалистические столбики «Internet» и следы ростовщика во

всем. Этот подлинный хозяин «liberte» сумел под прикрытием соблазнительной триады, неосуществимой без Бога, протащить разрушительное: «laissez passer, laissez faire» — «пропустите всюду, не мешайте действовать», «что не запрещено — дозволено». С этим ключом удалось отделить полностью понятие греха от преступления (идеал Кавура — La loi est la thee — закон атеистичен). Наконец, удалось извратить понятие «свободы» от простительной слабости ко греху и бесспорного права на творчество и сомнение, воплощенных в Фаусте и превратить его в право объявлять красоту и уродство, порок и добродетель, истину и ложь равночестными, соблазнив человека в нигилизм и цинизм Мефистофеля, объявляющего равными добро и зло.

Но столь же очевидно, что такая свобода утрачивает всякий стимул и побуждение к творчеству культуры. Этот импульс был задан ни чем иным как ясными границами добра и зла. Свобода без границ теряет свою субстанциальную сущность и определение. Свобода без абсолютных параметров добра и зла приходит к энтропии и приводит к полной творческой импотенции. Это всего лишь очередное наглядное проявление теперь в области культуры давно установленной богословием и философией истины — зло не имеет потенциала к творению, зло не субстанциально, определение его псевдо-существования — это отрицание и коррупция добра.

Западный человек не раз протестовал против де-сакрализации и де-христианизации своей природы, против того, что Шиллер называл Entgottung — обезбоживанием. В этом была суть периодических всплесков романтизма в европейской культуре. В то время как реальный Сирано де Бержерак так способствовал материалистическому вырождению, разве не лебединый крик раздавался из уст роستانовского Сирано, который тщетно зывал к персонажам Золя о вечному стремлению человеческой души к идеалу... Но красота богоданного мира не может отражаться в сознании человека, отвергнувшего Творца, такое гордое сознание рождает лишь «черный квадрат» Малевича, этот «манифест коммунистической партии» либеральной эстетики.

Все это побуждает к выводу: высокий человеческий дух был выработан на Западе в первое тысячелетие христианства, объявленное теперь презрительно либералами как «темный век» — «Dark Age». Все, чем христианство и Запад, как часть христианского мира, обогатили человечество — преданность истине, любовь, честь, долг, семья, нация, государство, отечество, культура, наполненные невиданным ранее содержанием, — было достигнуто вовсе не прометеевской дерзостью. Кровавый пот Франциска Ассизского и слезы Блаженного Августина, — вот что выковало в дисциплине высокий дух, который обрел способность к высокому культурному творчеству. Прометеевский индивид поразил этот дух гордыней и после возрождения неминуемо последовало вырождение того самого единого мира общечеловеческих ценностей.

Кредо современного либерала включает сегодня тезис, что в мире нет таких ценностей, ради которых стоит умирать. Но это подрыв фундамента всей христианской культуры. И на Западе, и на Востоке для мучеников за веру, для всех погибших за отечество, долг, честь, любовь вдохновляющим образом была Искушительная Крестная Жертва Спасителя, примат духа над плотью.

Позитивист, наверное, скептически отнесется к тому, что в христианской эсхатологии и историософии это общество предсказано. Идея «единого

мира» посягает на Божественный замысел о многообразном мире, где путь к Христовой Истине прокладывает собственный, а не чужой духовный опыт. Этот разрушительный проект крушит все цивилизации — опыты творческого акта «народов, что получили Дары Святого духа и претворили Их по-своему» (Иван Ильин). Результатом является гибельное всесмешение на безрелигиозной основе культур, народов и государств — их обезличенный раствор. Может эксперимент «solve-coagula» — «растворяй и сгущай», наконец, перешел к настоящему делу после упражнений в колбах алхимиков? Но по Откровению именно из этого хаоса и явится в мир князь тьмы. Цель современного либерализма — подняться над «относительными» истинами — духовная средина, теплохладность — определена в Апокалипсисе как симптом царства зверя, проявление сущности сатаны: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15–16).

Когда ради совладчества над миром Европа провозглашает теперь устами своего атлантического пресвитера единое «постхристианское общество», Европа тем самым отрекается уже от себя самой, от собственного великого прошлого и его исполинской культуры. Ее героика, идеал, романтизм и подвиг, даже Декартово сомнение, само «безумство гибельной свободы», — все было задано христианским духом. Либерализм со своими добрыми намерениями лишь вымостил дорогу к «закату Европы» к шпенглеровскому «Untergang des Abendlandes». Но на этом витке истории замена Священной Римской империи на Pax Americana — была эсхатологически неизбежна — он лучше служит ростовщику и его земному успеху. Велика плата за царство человеческое.

Конец истории, объявленный Фрэнсисом Фукуямой, действительно грядет для Запада, не только для коммунизма. Американский философ, может быть, произвольно обнажил внутреннюю пустоту либерализма, не имеющего внутреннего импульса к продолжению всемирной истории вне соперничества со своим «дебильным кузеном» (Драгош Калаич) — коммунизмом.

Утраченный смысл исторического бытия для России и для Европы можно обрести лишь на пути нового осмысления вселенской истории как соперничества двух идей — искания Царства Божия и строительство царства человеческого, в котором трон не окажется пуст.

Черты и проявления этого мира уже слишком очевидны — «гражданское общество» неких «Homo globalis» — индивидов, утративших связь с высшими ценностями веры, нации, семьи и живущих идеалом «ubi bene ibi patria» — «Где хорошо, там и отечество» — то есть «хлебом единым». Это уже не нации, а эгоистическая толпа — охлос. Но за слепой и самодовольной охлократией всегда прячется олигархия. Этот неизбежный удел демоса и извращение его кратии были еще описаны Аристотелем и Полибием двадцать три века назад. Тип такого олигарха превосходно являет собой Жак Аттали. Этот высокопоставленный мировой ростовщик уже не скрывает, что является не менее высокопоставленным философом и архитектором будущего. Сегодня он, смакуя и без тени смущения предлагает когда-то христианскому Западу свою весьма реальную антиутопию «Царства Банка» («Lignesd'horizon», 1979).

Только нация, которая не утратила Дары Святого Духа, может в качестве метафизического Рима противостоять злу. Такие нации имели великую историю. Они не были простой численной массой. Подлинная нация — это преемственно живущее целое, связанное духом, мирозерцанием, общими представлениями о добре и зле, общими историческими переживаниями. Они составляют единый мир как гармонию многообразия и всеединства, где каждый индивидуальный и национальный опыт, даже отрицательный для воплощения Христовой истины имеет всемирно-историческое значение, где свободный выбор между добром и злом будет определять итог.

Наше будущее в основе своей зависит не столько от успешных экономических реформ или удачных международных соглашений. Пример России весьма назидателен: ни громадная территория, ни внушительная экономика, ни даже ядерное оружие не спасают от упадка и унижения. Ибо материя без духа не творит историю.

Что касается некогда величественной Европы, то ее роль может символизировать двусмысленная гримаса Хавьера Соланы, улыбка, с которой шакал Табаки из «Книги джунглей» Р. Киплинга извещал народ о самонадеянной, злой и грубой воле своего хозяина — Шер Хана, попирающего Закон... Это и есть Рах Americana, заместивший не только Священную римскую империю и Москву — Третий Рим, но и все материалистические универсалистские миражи земного рая без Бога — «всемирное братство труда», «общеевропейский дом», «единый мир».

Сотрудничество России и Европы действительно может дать обоим мощный и столь необходимый импульс. Но его даст Европе вовсе не унижительный экзамен России на западноевропейский либерализм, а плодотворное и конструктивное взаимодействие и соединенные осознанные духовные усилия всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: романской, германской и славянской, Европы латинской и Европы православной. Настало время в полной мере осознать значимость русского православного форпоста для всего христианского мира в целом перед лицом не только геополитических и демографических, но и духовных вызовов грядущего столетия.

После падения Константинополя Господь освободил русских отмонголов, и Русь попыталась хранить метафизический Рим. В это же историческое время Испания успешно завершает реконкисту и также считает себя Римом. (В устах Тирсо де Молины им становится Толедо — «императорский град и Второй Рим».) Может это Господь оказал Свою Милость всему христианскому миру от Атлантики до Урала, даруя ему возможность общеевропейского дома — Его дома... И разве не «libido dominandi» — «похоть властвования», о которой предупреждали в эсхатологических тонах и великий европеец — Блаженный Августин, и старец Филофей — совратили нас по-разному в силу наших разных слабостей и привела нас всех к одному трагическому исходу...

Европе нужно христианское возрождение и новая реконкиста!

Точка ЗРЕНИЯ

Александр КАЗИН

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. И. о. директора Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Живет в Санкт-Петербурге.

В последнее время в связи с событиями в Малороссии/Украине обострился старый спор о том, какая идеология нужна России. В своей недавней статье на РНЛ с выразительным названием «Боюсь вымолвить» Н. В. Сомин даже усомнился в нашей победе в этой спецоперации — именно по причине, как он считает, отсутствия у нашей страны (в отличие от националистической Украины) внятной государственной идеологии. «Идеология — это то, что двигает народами и государствами в земной истории. И как раз с идеологией в России дела неважные — прямо по дедушке Крылову: “Лебедь рвется в облака, Рак пятится назад, а Щука тянет в воду”. Как в воду глядел баснописец: Лебедь-Церковь тянет в мир иной, раки-консерваторы призывают вернуться к царской России, а либеральная щука тащит нас в омут рыночной экономики. “А воз и ныне там”, — никакой идеологии нет».

Неужели, в самом деле, с идеологией у нас такой провал? Для начала давайте вспомним, что идеология, в собственном смысле слова, — это «реальность понятия», как сказал бы Гегель. Проще говоря, идеология — это идея у власти, властвующая идея, которая на практике предопределяет действия (поступки) страны, нации, отдельного человека. Одна из главных ошибок марксизма и состояла в том, что он бытие ставил впереди сознания. На самом деле наоборот — сознание определяет бытие, как личное, так и общественное. Во всяком случае, это прямо следует из христианского понимания человека как образа Божия, которому дана свобода полагать свою жизнь в перспективе высших духовных целей, а не только в интересах той или иной — технологической или политической формации. Точно так же народ, как соборная (коллектив-

ная) личность, строит свою судьбу как творческий процесс, за который он даст ответ на Суде, а вовсе не как пассивный «экономический персонаж», автоматически следующий за продиктованными ему «базисом» рыночными законами и т. п. М. Хайдеггер в свое время убедительно показал, что сама постановка вопроса о материальном успехе (фаустовской власти над сущим) в рамках западной цивилизации в истоке связана с забвением бытия (читай — Бога) как следствия превращения мира в предмет потребления, в подручный материал. Здесь и пребывает начало западной — в том числе марксистской — идеологии, которая еще со времен Возрождения и Просвещения подавала себя (особенно в англосаксонском варианте) как агрессия, как «знание-сила» (Ф. Бэкон).

Какое это имеет отношение к России? Самое прямое. Со времен Крещения *русской идеологией — правящей идеей — у нас явилось Православие*, которое Ф. М. Достоевский в XIX веке совершенно справедливо назвал «нашим русским социализмом». Именно с этой идеологией под водительством московских царей Русь стала крупнейшей империей Евразии, от Днепра на западе до Тихого океана на востоке. О метафизических границах русского царства гениально написал Ф. И. Тютчев в своей «Русской географии», имея в виду перемещение христианской столицы — сакрального Рима — в пространстве земной истории.

Первым *западническим* (модернистским) испытанием русской христианской идеологии стала цивилизационная революция Петра Великого, попытавшегося в конкретных политических условиях вписать в вертикальную парадигму православного народа атеистические европейские технологии «подручного существования». Что из этого получилось — хорошо известно. Петр построил на берегах Невы сказочный город-парадиз, завел флот и Академию наук, стал выпускать газету «Санкт-Петербургские ведомости» (все как в Европе) — но в глубине своей русский народ (и даже, в конечном счете, русская интеллигенция, несмотря на свой немецко-французский язык) остались христианами по вере, то есть продолжали требовать от жизни и от самих себя не столько «успеха», сколько *правды*, с которой не стыдно будет предстать перед Господом. И даже крепостное право оказывалось тут, конечно, грешным, но своего рода «семейным» делом. Об этой особенности русской «политической этики» хорошо сказал С. А. Аскольдов в 1918 г.: «Русь была до отмены крепостного права, а отчасти и после него, страной рабов и рабовладельцев, но это не мешало ей быть Святой Русью, поскольку Крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те и другие с верою подходили к одной и той же Святой Чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех часто ясно не признаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной». Добавлю, что дело тут не в «рабах» и «рабовладельцах» (остатки просветительской терминологии у Аскольдова), дело в сообща несомом Кресте, по отношению к которому и те, и другие равно грешны и равно святы.

Что касается буржуазной идеологии, то она была решительно отвергнута Россией в 1917 году — как раз в тот период, когда отечественные капиталы, казалось, торжествовали победу над «разложившимся царизмом», а русский рубль стал чуть ли не самой надежной валютой в воюющей Европе.

Временное правительство не смогло предложить стране, в которую можно «только верить», ничего, кроме учредительного собрания и умеренной кадетской идеологии на французский манер, по причине чего и было выброшено из Зимнего дворца, а потом и из Кремля восставшим народом, а его «белые» (а на самом деле антимонархические, февралистские, с розовым оттенком) армии отступили под натиском красных аж до Тихого океана. Массонской идеологии Керенского-Милюкова Русь не могла принять по определению — для этого надо было действительно стать «последними людьми» и «убить Бога». Как говорит царский генерал в полилоге о. С. Булгакова, Россия есть царство или же ее вообще нет. Этому достаточно научило нас и Смутное время. Этого не понимали только тупоголовые самодовольные «вожди» (либерал-кадеты. — А. К.), которые самоуверенно расположились в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные, зато более решительные, и без церемонии сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, иных и помяли при этом, — без этого перевороты не обходятся. А я вам скажу: и отлично сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной, «конституционно-демократической» России. Нет, лучше уж большевики «style russe», сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного Собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести, А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбраться б!

Что касается русского социализма, то точнее называть его национальным коммунизмом, потому что он изначально ставил себе именно космические, в известном смысле сверхчеловеческие задачи, опираясь не только, и даже не столько, на Маркса, но и (тайно или бессознательно) на учение о богочеловечестве Владимира Соловьева и на «общее дело» Николая Федорова. «И ты, огневая стихия, бузуствуй, сжигая меня!» — обращался к Родине интеллигент-символист Андрей Белый, и в этом его совершенно поддерживал крестьянин-имажинист Сергей Есенин («Ради вселенского братства людей радуюсь в песне я смерти твоей»), так что блоковский невидимый Христос был отнюдь не одинок среди этой огненно-снежной бури. «Они все думают о конце света», — отвечал на вопрос об «ихней идеологии» герой платоновского «Чевенгура». Русский коммунизм победил нордический фашизм в 1945 г., и начал медленно вырождаться в пошлый буржуазный социализм только в 1960-х гг. XX века, когда бывший верный сталинец Хрущев провозгласил целью страны догнать и перегнать США по производству мяса и молока на душу населения. Можно, конечно, квалифицировать все это как ересь и пародию на христианство, но в Писании прямо сказано: кого люблю, того наказываю (Евр. 12:6). Кто без греха, первый брось в Россию камень.

Новый февраль — необуржуазный переворот и соответствующая русофобская идеология 1991 года — только подтвердили по своим катастрофическим для страны результатам, что антинациональный либеральный строй с компрадорами во главе несет нашему Отечеству только разложение. Сдали всё, что можно сдать, и разрушили всё, что можно разрушить. Правда, чудом (в прямом смысле слова) сохранились некоторые оборонные технологии, и некоторые люди, которым они были небезразличны. Не случайно, наверное, город святого Серафима Саров стал называться в свое время Арзамасом-16. Термояд попал в надежные руки, защитив в последний момент то, что осталось от Великой России. И защищает до сих пор.

После 2000-го года в России началась другая эпоха. Медленно, но верно страна возвращала себе дыхание и сознание. Под каким знаменами это делалось и делается? Об этом мы до сих пор спорим, хотя предпринимались попытки чуть ли не приказом сформулировать современную русскую идею (идеологию). У нас и имперский герб (двуглавый орел), советский по мелодии гимн, славящий Бога и хранимую им страну, а также «демократический» флаг. Это означает, что искомая русская идея должна совмещать в себе наследие православного московского Царства, западнической петербургской Империи, социалистического Советского Союза и демократическо-капиталистической Российской Федерации. Как вообще это возможно?

Три года назад я опубликовал на РНЛ статью о православном социализме, где писал, что любая религия предполагает, наряду с Абсолютом — источником блага и бытия, — набор практических уложений, регулирующих поведение человека/народа/цивилизации в этой жизни. Существует 613 заповедей Моисея, и по субботам, как известно, социальная жизнь в Израиле почти замирает. По-своему (вплоть до исламского банкинга) заповеди пророка осуществляет мусульманская умма. Всякая цивилизационная — развернутая по вертикали совокупная деятельность человека — в конечном счете, религиозна, даже еда и питье, в чем сомневаются только «исторические материалисты». Даже атеизм — эта «религия с отрицательным знаком» — предполагает свой, материалистический и нигилистический «социализм», то есть свободу делать «что хочешь» перед лицом ничто, потому что ничто (смерть) и есть настоящий бог атеистов и материалистов.

Сегодня, спустя три года, на фоне происходящего на наших глазах судьбоносного расставания с постхристианским Западом, я могу повторить, что *русская идея* — есть осуществленная и осуществляемая отечественная история, и плод ее, подобно зерну, растет медленно и прикровенно. Она всегда *уже-но-еще-не*. Не претендуя на *исполнение* рая на земле, как противоречащее самой сути христианской веры, русский социализм есть национальный *ценностный идеал отечественного пути*, какие бы государственно-культурные и социальные формы он ни принимал на протяжении протекшей тысячи лет нашей истории. Первична здесь не «общественная собственность на средства производства» (она может быть и государственной, и групповой, и частной), а соборная — церковная и государственная — установка на *восходящий*, трансцендирующий, *ответственный перед Творцом смысл народной и личной жизни*. В таком плане он, в конечном счете, совпадает со смыслом жизни человека и народа, формулируемым другими традиционными религиями России, прежде всего исламом. Более того, в условиях современного противостояния с постмодернистской «цивилизацией заката» (Abendsland — страна вечера) отходят на второй план конкретные общественно-экономические формы построения русского (российского) социализма. Народная монархия на Руси — такой же естественный способ осуществления социального (соборного) единства общества, как и государственно-частное партнерство в экономике, при обязательном условии, разумеется, что капитал служит стране и народу, а не наоборот. Монархисты, коммунисты и капиталисты сегодня по жизни одинаковые «работники трудового фронта» (те, которые не хотят, уже убежали или собираются в бег). В лице Президента (81 % поддержки) мы имеем сегодня такого свободно избранного «народного монарха», которому доверяет

народ, и который, со своей стороны, опирается на доверие народа. В этом пункте сближаются ныне на уровне реальной общественной практики главные символы России: православная хоругвь, монархическое знамя, красный флаг и демократический триколор. В данном случае противоречия (и даже антиномии) первого, второго, третьего и четвертого снимаются в высшем синтезе — *синтезе русской идеи как стремления жить по правде, а не по прагматической выгоде и корысти. Не случайно соборно-монархический архетип воспроизводится в русском историческом бытии (в русском социализме) с постоянством закона, независимо от того, в каком веке и каких технологиях это происходит. Это и есть русская идеология.* Когда-то премьер В. С. Черномырдин прославился афоризмом, что у нас какую партию ни создавай, все КПСС получается. Задолго до него православный старец заметил, что у нас что ни строй — строится Святая Русь. А поэт Николай Рубцов сформулировал по-своему: здесь Русь навек произошла, и больше ничего не происходит.

Если нужна краткая формула российской идеологии, то ее можно назвать **русской правдой**, со всеми ее религиозными, нравственными, культурными, политическими и экономическими гранями. Формально-логические дефиниции *правды* непродуктивны, потому что это не логическое понятие, а экзистенциальная истина самого способа существования русского мира, восходящая к его трансцендентным творческим истокам, к его Логосу. Такую истину нельзя просто знать, в ней надо *быть*. Она включает в себя любовь и веру. Русский человек — это тот, кто любит Россию и свободно разделяет ее земную и небесную судьбу.

ВЫШЛА КНИГА

За Русский мир. Сборник поэзии.
Курск. 2022

Курское региональное отделение Союза писателей России создало сборник поэзии и публицистики в поддержку спецоперации на Украине, и в первую очередь поддержку бойцов, которые убыли в зону боевых действий с территории области.

Руководство региона высоко оценило работу курских писателей: принято решениекратно увеличить тираж и, сделав допечатку, отправить книги непосредственно участникам спецоперации.

Точка ЗРЕНИЯ

Анатолий СТЕПАНОВ ОТЕЦ И СПАСИТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*К пониманию мотивации
преобразований первого русского
Императора Петра Великого*

Анатолий Дмитриевич Степанов — родился в 1961 г. в с. Нижняя Кубань Комаричского р-на Брянской обл. Окончил исторический факультет Дальневосточного госуниверситета (ДВГУ), служил офицером в Вооруженных силах. Окончил аспирантуру СПбГУ, занимался исследованием идеологии русского консерватизма. В это же время состоял сотрудником пресс-службы митрополита Иоанна (Снычева). В 1994—1996 гг. преподаватель, зам. декана факультета политологии ДВГУ. С 2004 г. главный редактор РНЛ. Действительный член ПАНИ. Составитель (совместно с О. А. Платоновым) тома «Русский патриотизм» в «Большой энциклопедии Русского народа». Живет в Санкт-Петербурге.

Важнейшим событием нашей истории, раскрывающим смыслы русской цивилизации, является эпоха царствования Петра Великого: Петровские реформы и провозглашение России Империей.

Об эпохе и личности государя Петра Алексеевича нелегко писать, поскольку приходится сталкиваться с множеством стереотипов восприятия личности и понимания сути преобразований первого Русского Императора. К сожалению, и в церковном, и в общественном мнении у нас уже укоренилось негативное отношение к царю-преобразователю, заложенное славянофилами и церковными писателями XIX века, продолженное затем в отечественной публицистике эмиграции. Дело дошло до того, что Петра Великого умудряются обвинять даже в революции 1917 года. Знаменитый поэт Максимилиан Волошин назвал Петра «первым русским большевиком», а философ Николай Бердяев «большевиком на троне». И эти оценки людей, которые сами немало сделали для подготовки революции, с тех пор постоянно воспроизводятся даже в серьезной литературе в качестве экспертных мнений.

Синодальное устройство нашей Церкви, при котором она просуществовала двести лет, искажается и прямо-таки демонизируется, представляется чуть ли не как эпоха деградации Церкви, упадка церковности. И причины этого видят именно в Синодальном устройстве.

Я сам долгое время находился в плену этих славянофильских стереотипов, считал Петра Алексеевича революционером на троне, западником, насаждавшим чуждые порядки, уничтожавшим все русское в угоду европейскому и т. д. и т. п. Усмирившись в этом стереотипном образе

первого русского императора, когда случайно на глаза попало описание того, как происходило провозглашение России Империей.

Как известно, в 1721 г., после победы над Швецией в тяжелейшей Северной войне, собравшиеся на торжества представители церковной и государственной элиты провозгласили Петра Алексеевича Великим, Императором и Отцом Отечества.

Удивление мое вызвали два обстоятельства. Во-первых, в ответной речи Петр Великий заговорил вдруг не о задачах будущего, а решил объяснить своим помощникам смысл им содеянного: **«чтобы с нами не стало как с империей Греческою»**. В 1721 г. Царь вспоминает события 1453 года, падение Константинополя! Меня поразила эта геополитическая глубина Царя-Преобразователя, — он вспоминал события почти трехсотлетней давности, мыслил такими глобальными категориями! Какое тут западничество?! Какой это «большевик на троне»?! Это стало для меня шоком, каким в свое время стало знакомство с обращением И. В. Сталина по случаю победы над Японией, точнее слова советского Вождя: «Сорок лет ждали мы, люди старшего поколения, этого дня». Такое же нарочитое геополитическое мышление великого государственника.

Во-вторых, меня удивил выбор дня, когда происходило это историческое событие провозглашения царя Петра императором. Напомню, Ништадтский мирный договор подписали 31 августа 1721 г. в день памяти прп. Александра Свирского, в этот день через несколько лет в новую столицу России по повелению Петра Алексеевича перенесли мощи благоверного Великого князя Александра Невского, — с тех пор этот день стал праздничным в Российской империи («Александров день», день кавалеров ордена св. блгв. кн. Александра Невского), как и сегодня в Санкт-Петербурге. Вероятно, в России стало известно о согласии шведов на подписание условий мира через несколько дней. Торжества же проходили не сразу, а позднее. И в день памятный для русской истории — 22 октября, т. е. в день Казанской иконы Божией Матери, установленный в память освобождения Москвы от поляков. Символика очевидная! Жаль только, что мы, вспоминая этот день, ставший государственным праздником — Днем народного единства, до сих пор не вспоминаем другой праздник — день провозглашения России империей.

И опять вспоминается Сталин, назначивший Парад Победы на праздник Пресвятой Троицы и отправивший принимать капитуляцию Квантунской армии полковника Ивана Артеменко, отец и дед которого защищали Порт-Артур, а мать была крестницей легендарного генерала Романа Кондратенко, павшего на бастионах крепости. Русские пришли за своим!

Это заставило меня по-иному взглянуть на преобразования Петра Великого и попытаться понять их смысл и в целом понять мировоззрение первого русского императора. Это сделать, действительно, очень трудно. К сожалению, негативное отношение к личности и деяниям Петра Великого засело очень глубоко в нашей общественной мысли. Петр Великий — западник, пренебрегал традициями, полонил Церковь. Такой стереотип глубоко укоренился в традиции национальной мысли.

Вот возьмем такого серьезного, образованного и глубокого мыслителя, как отец Георгий Флоровский, его фундаментальную книгу «Пути русского богословия». Он всегда основателен и обстоятелен в своих суждениях,

когда разбирает любого русского мыслителя или деятеля. Любого ...кроме Петра Великого. Тут он игнорирует и логику, и факты.

Глава книги «Петербургский переворот» наполнена откровенным передергиванием смыслов и искажением логики. Флоровский пытается доказать, что смысл реформ Петра был даже не в западничестве, а в секуляризации, именно поэтому реформа Петра была не просто поворотом, но именно «переворотом». Опять повторяется мысль, что первый русский император имел «психологию революционера» и хотел все переменить «до неузнаваемости». Но в чем же этот переворот? Оказывается в том, что «все должно стать и быть государственным, и только государственное попускается и допускается впредь». И где же тут переворот?! Флоровский видит его в том, у Церкви не остается власти, что **«сама мысль о церковной независимости объявляется и обзывается “папизмом”**». И все это он называет «полицейским государством», которое заводит и учреждает в России Петр Великий. И это «полицейское мировоззрение развивается из духа Реформации». При этом Флоровский вступает в явное логическое противоречие, его Петр был «человеком реформированного мира, хотя в быту и сохранял неожиданно много привычек и прихотей московской старины». Но автор не замечает этой логической неувязки и безапелляционно утверждает, что с Петра «начинается “вавилонское пленение” Русской Церкви».

Еще сильнее достается от отца Георгия Флоровского главному помощнику в деле Петровской церковной реформы архиепископу Феофану (Прокоповичу), который, впрочем, судя по изложению, вовсе не был исчадием ада, а просто имел, как и Царь, имперское мировоззрение. В своем «Духовном регламенте» Феофан объясняет необходимость учреждения Синода монаршим указом тем, что народ не будет рассчитывать «иметь помощь к бунтам своим от чина духовного». Очень верное замечание, **поскольку угроза сращивания революционеров с духовенством всегда и была главной угрозой**. По Флоровскому, Феофан веровал в абсолютность государства, что есть только власть, а всякие разговоры об особенной духовной власти — «папезнический дух».

Однако книга отца Георгия Флоровского заставляет задуматься о ситуации в России и вокруг России, в которой оказался Петр Алексеевич, став Главой государства, понять, чем были вызваны его реформы.

Попытаюсь сформулировать главные смыслы Петровского царствования и Петровских преобразований, в моем понимании.

Во-первых, Петр Алексеевич понимал, даже глубоко чувствовал, что **Третий Рим**, который он должен был сохранить и укрепить, **должен быть мощной державой, империей** в полном смысле слова. И на это превращение Московского царства в мощную державу были направлены все его усилия. К этому призывала его самая суть Третьего Рима. Очень метко об этом позднее напишет философ Александр Панарин: *«Максимализм православной идеи требует по-настоящему сильного государства и по критериям внутренней сплоченности, и по критериям внешнеполитической мощи. Принцип симфонии царства и Церкви, определившийся в эпоху Юстиниана, требует, чтобы государство было достойным партнером Церкви в ее экклезиастическом дерзании. Речь идет о принципе, прямо противоположном западному принципу автономного гражданского общества — и от Церкви, и от государства. <...> Слабое, “минималь-*

ное" государство, о котором твердит западная либеральная традиция, неизбежно превращается в угодника и потатчика сильным и наглым, которые либо игнорируют власть, либо попросту покупают ее. Чтобы идти по пути наибольшего сопротивления — против интересов сильных и бессовестных, государство само должно быть сильным и централизованным, стоящим над противоборствующими общественными силами и интересами». Стремление превратить государство в силу, способную решать поставленные Промыслом Божиим задачи быть Третьим Римом, и являлись главным мотивом действий первого русского императора. Этим продиктованы все главнейшие преобразования Петра, нацеленные на создание мощной армии и флота, работоспособного административного аппарата, обеспечивающего внутреннее единство страны, развитие промышленности и торговли.

Во-вторых, Петр Алексеевич столкнулся с сильнейшим влиянием католического Рима в России и «папешническим духом» в самой Русской Церкви. И многие его действия объясняются именно стремлением **ослабить этот дух властолюбия в православной иерархии**.

Очень сильный удар по Русской Церкви нанес Раскол. Помимо смуты в умах и действиях, ослабления иерархии, Раскол привел к формированию недоверия к грекам, которые оказались активными участниками сначала Никоновской «книжной sprawy», а потом и расправы над самим Патриархом Никоном. Дело дошло до того, что греческий язык стал обязательным для изучения в семинариях и духовных академиях только после реформы 1798 года, до того обязательной была только латынь. И это тоже последствие Раскола, в результате которого учителей семинарий, да и само духовенство и епископат, набирали в основном из малороссиян («черкасс», на языке того времени), которые учились в латинских заведениях, и даже те из них, кто сохранил православную веру в чистоте, по инерции переносили технологию преподавания, которая существовала в католических школах.

Можно предположить, что Петр искал союзников среди протестантских держав не только исходя из тогдашней внешнеполитической конъюнктуры, но и решая внутривластные, в том числе церковные проблемы.

В-третьих, главный упрек, который звучит в адрес первого русского императора из церковной среды, — отмена патриаршества, превращение Церкви в «государственное ведомство церковного исповедания». Все это часто называют рожденным в недрах католической историографии термином цезарепапизм, которым католики, кстати, называли церковную практику в Византийской (Ромейской) империи. Отмена Патриаршества и учреждение Святейшего Синода традиционно считается едва ли не главным преступлением Петра Великого в глазах Церкви.

Давайте все-таки вспомним, как это все происходило. В октябре 1700 г. умер патриарх Адриан, занимавший патриарший престол десять лет. У Патриарха с Царем Петром были непростые отношения. Часто это объясняют тем, что Патриарх отказался постричь в монашество первую жену Петра Евдокию Лопухину. Но это, конечно, только деталь. Патриарх в целом был противником преобразований Петра. **В результате вокруг Патриарха начал складываться кружок противников реформ**, что грозило потрясениями в случае, если бы зашатался царский трон. Противники реформ с надеждой поглядывали на юного царевича Алексея Петровича, которого воспитывали

на иных идеях. Царь, прекрасно помня урок никоновщины, видел опасность противостояния светской и церковной власти, поэтому после избрания Местоблюстителя Патриаршего престола не торопился назначать выборы нового патриарха. Да и не было у него достойного кандидата.

Петр очень уважал и любил святителя Митрофана Воронежского, но тот был уже в преклонном возрасте и преставился в 1703 году. Царь лично приехал на его погребение, сам нес гроб святителя. Но в среде иерархии не было больше Митрофанов, приходилось иметь дело с теми, кто был в реальности, вот и стал думать Петр Алексеевич, как обезопасить Третий Рим от властных амбиций иерархов.

Местоблюстителем Патриаршего престола стал малоросс, выходец из шляхетской семьи, получивший прекрасное образование (но в католических школах, для чего даже переходил в унию, а потом вернулся обратно) митрополит Рязанский Стефан (Яворский). Стефан был ярким противником протестантизма, составил яркое антипротестантское сочинение «Камень Веры», уважаемое многими сторонниками Православия. Но при этом он явно симпатизировал католичеству, поддерживал дружеские отношения с иезуитами, которые его активно защищали, некоторые даже считали Стефана тайным иезуитом. Местоблюститель Патриаршего престола, хотя и был чужим для консервативной московской церковной среды человеком, тоже оказался противником реформ Петра, который стремился поставить Церковь под контроль Государства.

Митрополит Стефан симпатизировал царевичу Алексею, который по факту стал главой оппозиции реформам своего отца. Подозревали, что Стефан поддерживал политические планы царевича. Поддерживали его активно и Ватикан, и главное католическое государство того времени — Австрийская империя (царевич был женат на сестре жены австрийского кесаря). **Так причудливо сложилась историческая ситуация, что противники «западнических реформ» Петра Великого нашли себе союзников в лице... католиков.**

Война со Швецией, потребовавшая величайшего напряжения сил, военные походы и гражданские преобразования не позволяли Государю заняться тесно церковными делами. К тому же Петр, видимо, долго обдумывал модель церковного управления, искал себе помощников в деле ее реализации. В реальности Петру Алексеевичу приходилось выбирать между двумя малороссами: архиепископом Псковским Феофаном (Прокоповичем), который, несомненно, тяготел к протестантизму и ненавидел «папезнический дух», и митрополитом Рязанским Стефаном (Яворским). Позиция Феофана оказалась ближе Императору, ему **импонировало имперское понимание Феофаном места Царя в Церкви.**

В 1721 г. был утвержден составленный архиепископом Феофаном «Духовный регламент», согласно которому вместо персонального учреждался коллегиальный институт патриаршества — Святейший Правительствующий Синод во главе с президентом, который вскоре стал называться Первоприсутствующим Членом. Первым главой Святейшего Синода стал Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Стефан (Яворский), Феофан (Прокопович) возглавил Св. Синод уже после смерти Петра Великого.

В сентябре 1723 г. Константинопольский и Антиохийский патриархи особой грамотой признали Святейший Синод своим «во Христе братом»,

обладающим равным патриаршему достоинством. Таким образом, учреждение коллегиального Патриарха — Святейшего Синода — было признано законным церковной полнотой.

Нам важно понять, что, **учреждая Святейший Синод вместо института персонального Патриаршества, Петр Алексеевич стремился, прежде всего, на корню ликвидировать папистские амбиции иерархии, столь явно проявившиеся в деятельности патриарха Никона.** Поскольку папистские властолюбивые амбиции, попытки церковной иерархии стать над царской властью сохранялись и после Никона, хотя и не в столь явной форме. По сути, **Петр Великий своим синодальным периодом спас Русскую Церковь от рецидива новой никоновщины.**

В-четвертых, наряду с учреждением Святейшего Синода вместо института Патриаршества первого русского Императора обвиняют в ликвидации тайны исповеди. Но тут нужно бы внимательно прочесть и сам текст Синодского указа от 17 мая 1722 г., а также понять контекст этой законодательной меры.

Уже само название Указа заставляет задуматься, оно звучит так: «Об объявлении священником открытых им на исповеди преднамеренных злодейств, если исповедающиеся в оных не раскаялись и намерения своего совершить их не отложили». Получается, что речь идет не о раскрытии как таковой тайны исповеди, а лишь только о тех случаях, когда исповедающийся не только не раскаивается в своем намерении совершить преступление против Государства или Государя, но и не отказывается от намерения это преступление совершить. Указ как раз и предписывает духовнику, как ему следует поступить, когда он узнает о готовящемся преступлении против Помазанника Божия и против Государства. Речь идет о том, что злоумышляющие против государства, которое является Третьим Римом, — злоумышляют против Бога. А потому Царь должен их карать, а священник, как верный подданный Государя, должен ему помогать изобличить преступника.

В тексте документа четко все прописано: «Дабы каждый священник ведал, что если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое неделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену, или бунт на Государя, ли на Государство, или злое умышление на честь или здоровье Государево и на фамилию Его Величества, а объявляя толикое намеряемое зло, покажет себе, что не раскаивается, но ставит себе в истину и намерения своего не отлагает и не яко грех исповедует, но паче дабы тако согласием или молчанием духовного (отца) своего в намерении своем утвердиться».

Речь, таким образом, идет о такой ситуации, когда человек не осознает свои преступные намерения как грех и не раскаивается в своем преступном намерении, а собирается его осуществить. Больше того, поскольку он не раскаивается, то он и не ожидает, что священник разрешит его от этого греха. По сути, преступник втягивает духовника в свой преступный умысел.

Вот как нужно понимать смысл этой законодательной меры. Речь вовсе не о кощунственной попытке отменить тайну исповеди и сделать публичными личные грехи человека, которые он исповедует духовнику.

В-пятых, у многих вызывает смущение обилие иностранцев на государственных постах в Петровское время. Это служит одним из доказательств западничества Петра Великого, его стремления потакать Европе и

даже отдать Россию в плен Западу. Хотя в составе новой петровской элиты ключевые позиции занимали все-таки коренные русаки (Меншиков, Апраксин, Головкин, Голицын, Стрешнев, Шереметев, Чернышев, Прозоровский, Ромодановский и др.), в ее составе было, действительно, немало иностранцев. Причем, в большинстве своем — иноверцев. И русским православным людям приходилось повиноваться иностранцам, служить под началом иноверцев. Это была смелая новация по тем временам, когда вероисповедание было главным элементом идентичности.

Похоже на то, что **Петр Алексеевич сознательно стремился подчинить русских иностранцам.** Зачем он это делал? Думаю, таким образом он хотел смирить народ, вышедший из границ в неистовой борьбе времен Раскола. Для смирения народа, для изжития русской гордыни, которая была одной из важных причин Раскола, и нужны были начальники — иностранцы и иноверцы. В этом можно увидеть реализацию в государственной политике

первой заповеди блаженства — «блаженны нищие духом». Царь Петр напоминал своим подданным заповедь Спасителя: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк. 9:35). На мой взгляд, **подчинение русских иностранцам — гигантская воспитательная мера первого русского Императора, которая должна была смирить русскую гордыню, так явно проявившую себя в Расколе и старообрядческом изоляционизме.**

В-шестых, Петра Алексеевича обвиняют в том, что он не жалел людей, что Петербург построил на костях и проч. Да, петровские преобразования потребовали сильнейшего напряжения народных сил. Даже перенапряжения, не случайно после смерти Петра общество потребовало отдыха. Дей-

Портрет Петра I Великого в Лондоне. На картине изображен 26-летний Петр I. Портрет кисти Годфри Кнеллера был подарен Петром в 1698 г. английскому королю Уильяму III. Он был написан в том же году, когда в период с 11 января по 21 апреля Петр Великий находился в Лондоне

ствительно, и жертв было много. Но недопустимо оценивать эпоху начала XVIII века, исходя из категорий позднейшего времени. И сам Царь Петр, как и современные ему православные русские люди, не мыслили категориями последующей эпохи просвещения и гуманизма. Император мыслил категориями служения Третьему Риму и организации духовного спасения народа, вверенного ему Богом, а не категориями народосбережения, которые появились позже с развитием идей гуманизма.

В-седьмых, думаю, что понять некоторые деяния Петра мы можем только тогда, когда поймем, что он часто юродствовал, был **юродивым на престоле**, как, кстати, и первый русский Царь Иоанн Васильевич Грозный. К примеру, Всепьянейший и всешутейший собор, который вызывает прямые ассоциации со скоморошеством, нужно воспринимать именно как юродство Царя, как **пародию на папистские амбиции современной ему православной иерархии**, а вовсе не как кощунство, издевательство над Церковью и духовенством.

Этим своим юродством Петр Алексеевич высмеивал не только папистские амбиции иерархии, которая тяготилась зависимостью от Царя, но и эсхатологические настроения старообрядцев, которые проповедовали, что «наступили последние времена», что «на престоле царь-антихрист», что «настоящего царя подменили». Ситуация была предельно острая: **Петр строил новую Россию по старому образцу, а тут старообрядцы со своей убивающей всякую государственную энергию эсхатологией**. Поэтому так жестоко подавлял Петр старообрядческие бунты: и стрелецкий, и казачий (булавинский).

Как юродство нужно воспринимать и угрозу Петра Великого Римскому Папе, что он готов принять мусульманство, что пытаются использовать для доказательства религиозного релятивизма Императора. Царь понимал, что Рим, провозглашая идею «крестового похода против неверных», на самом деле стремился только к власти и вовлечению России в антиисламский альянс, чтобы загрести жар чужими руками, чтобы русской кровью защититься от турок.

И, наконец, **последнее**. По сути, **Петр в своей политике реализовывал свое понимание принципа соборности, которое заключалось** не в сосуществовании светской и церковной власти, а **в необходимости для всех граждан Третьего Рима Государевой службы**.

Петр на дух не принимал католическое учение о Церкви, точнее о двух церквях — церкви учащей (духовенство) и церкви учащейся (миряне), которые даже и причащались разным чином. Отсюда его отношение к монашеству, которое его критики называют политикой секуляризации. Царю говорили, что монахи нужны, чтобы молиться, а он отвечал, что все должны молиться. Но еще должно быть участие в соборном деле укрепления Государства, которое является Третьим Римом.

Первый русский Император исходил из того, что государева служба — не просто чиновничья, воинская или иная какая-то повинность, но служба Третьему Риму, Катехону, Удерживающему. **Служба государству, по мысли Царя, является религиозной обязанностью**. Петр, фактически, всех закрепостил в крепость Государству, и первым делом самого себя сделал первым крепостным Третьего Рима. В его понимании, каждый должен тянуть свою лямку на своем месте, а попытка убежать от этой крепости, улизнуть от этой лямки являлась настоящим преступлением перед Богом. И он не

щадил никого, даже собственного сына. Когда Петр увидел, что Алексей не только не проявляет усердия к государственной службе, но и пытается противодействовать преобразованиям своего великого отца, он пригрозил ему лишением всех прав, полученных при рождении. А для убедительности в серьезности своих намерений написал, сам он **«за Мое Отечество и люд живота своего не жалел и не жалею, то како могу Тебя непотребного пожалеть»**.

Я не пытаюсь идеализировать первого русского Императора, конечно, у него были грехи, которые трудно оправдать. Самый явный — жизнь в блуде с его второй супругой будущей Императрицей Екатериной Алексеевной, с которой он обвенчался только в 1712 г., а две дочери, Анна и Елизавета, родились в 1708 и 1709 гг. (почему Елизавете пришлось брать престол силой, путем переворота). Но это — личные грехи Царя, за которые Господь наказал его еще при жизни — пять детей (три девочки и два мальчика), которые родились после венчания, умерли в младенчестве и детстве. Но личные грехи царей нам разбирать неуместно, со своими бы разобраться.

Что же касается первого русского Императора как правителя, можно сказать, что Петр Великий был консервативным православным правителем, благодаря его трудам Россия стала соответствовать тому предназначению, которое ей предписано Промыслом Божиим — быть Катэхоном. Если бы не Петр Великий, Россия перестала бы быть Удерживающим, и дверь для врага рода человеческого была бы открыта.

Ну а завершить стоит оценками великих.

Вот слова из пушкинского стихотворения «Стансы», где гениальный Пушкин в 1826 г. буквально в двух строках дал исчерпывающее определение значению Петра Великого: *«Не презирал страны родной: // Он знал ее предназначенье»*.

И еще важная оценка преподобного Серафима Саровского: *«О Петр! То был Царь из Царей, за что по праву Великим и Отцом Отечества наречен был!»*

И довольно пространная характеристика старца иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), которого многие почитают как святого прозорливца: *«Он сохранил Православие, Он строго берег Православие. Что Он хотел ввести не Православие, а протестантство — это клевета. Сам он ходил в Русскую Церковь. А как государственный деятель — Он величайший, величайший. Он создал Флот! Он создал Армию! Он защитил Россию от силы “Запада”! Мы были бы губернией в лапах немцев... Великий человек! Огромной воли человек! Он спас Россию от шведов... Он понимал, что нас превратить в колонию очень просто. И шведы мечтали об этом. Да! Какой же у шведов был флот, какая была армия. А у нас ничего не было. Бог сохранил Русь, чтобы она не была колонией. Не было чугуна. Пришлось снимать колокола и строить пушки. Он снимал колокола на пушки. Надо было защищать Родину от шведов, от турок. Величайший человек!»*

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Владимир БОЛЬШАКОВ

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Владимир Ильич Большаков — русский философ, социолог, доктор философских наук, профессор. Родился в 1951 г. в поселке Архангельской области. По первой специальности инженер-физик. Духовное чадо архимандрита Кирилла (Павлова). Член «Изборского клуба». Проректор по научной работе РАЖВиЗ Ильи Глазунова (2013–2019). Один из соучредителей Всемирного РНС. Член СП России. Награжден орденом преп. Сергия Радонежского III ст. Автор книг по искусству, истории, нескольких монографий, более 120 научных, научно-публицистских и учебно-методических работ. Живет в Москве.

Император Александр III воспитал у своего сына непоколебимую веру, что основной путь совершенствования жизни в России лежит через нравственное очищение, укрепление семьи и русской соборности. И действительно, все отмечали удивительную атмосферу высокой нравственности, любви и сердечности, царившую в семье Николая II.

Отец Николая II рано и неожиданно для семьи скончался и не успел представить России своего наследника, не дал ему возможности проявить себя. Государь все время находился в тени своего могучего отца, что давало повод для самых разных суждений и даже попыток оказать на него давление. Однако в своей речи 17 января 1895 г. к земским депутатам Государь сразу и прямо развеял сомнения, заявив: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель».

Государь очень хорошо понимал, сколь далека была внутренняя политика Российской империи от идеалов Святой Руси, и всегда стремился вернуться к этим идеалам. Однако за его усилиями по восстановлению христианских норм жизни внимательно следили и внутренние, и внешние враги. Складывалась ситуация, казавшаяся безвыходной: нравственное очищение народа, возвращение его к идеалам Святой Руси невозможно было осуществить без активного участия Православной церкви, а сама сиротствующая церковь, лишенная своего Патриарха, нуждалась в очищении и восстановлении разрушенных за два столетия норм внутрицерковной жизни. И на этом пути Николай II, вероятно памятуя, каким путем Святая Русь вышла из великой Смуты нача-

ла XVII века и о роли в этом патриарха Филарета, решился на отчаянный шаг: создав архиереев из Синода, он объявил им о своей готовности отречься от Престола, передав его своему сыну-наследнику при регентстве Императрицы. А сам он был готов принять монашество и стать патриархом, но... архиереи его не поддержали...

Казавшаяся на первый взгляд странной реакция членов Святейшего Синода на предложение Императора находит свое естественное объяснение в воспоминаниях князя Жевахова, который писал: «Когда же в идею восстановления патриаршества враги церкви вкладывали мысль о разрыве Церкви с государством, когда мечтали создать в лице патриарха оппозицию Самодержавной власти и опору своим революционным вождениям, тогда против восстановления патриаршества возражали не только те, кто видел в нем путь к восточному папизму, но и прежде всего самые наицерковные люди». И это понятно: у них в головах были совсем другие идеи: демократизация церкви и обновленчество. Именно это и расцвело пышным цветом после революции. Действительно, революция в России явила всему миру не только новомучеников российских, но и целую портретную галерею революционеров, облеченных высоким саном пастырей и архипастырей Церкви.

Столь прохладная реакция архиереев не остановила Государя, и он вскоре начал работу по подготовке Поместного собора. Но Поместный собор Русской Православной Церкви, о созыве которого так хлопотал Государь, собрался лишь в 1917-м году, когда уже большевики бомбили Московский кремль. Здесь надо с прискорбием добавить, что никто из выступавших соборян даже не упомянул о том, что, пока они заседают в Кремле, Государь находится в большевистском Тобольском заточении. Но именно на этом Поместном соборе, о многих решениях которого, увы, нам мало известно, был избран первый патриарх после 200-летнего сиротства Русской Православной Церкви — Патриарх Тихон, который сегодня уже прославлен в лике святых.

О так называемой первой русской революции написано немало книг, но там, как правило, ускользает от внимания авторов, казалось бы, заметная реформа: на Пасху 1905 года был подписан Императором Николаем II Указ о веротерпимости. В результате этой реформы православные попали в самое невыгодное положение среди прочих исповеданий империи, а подписание Октябрьского манифеста 1905 года добавило недостающий элемент в победу «общественного мнения» над Самодержавием, которое с этого времени логично назвать «самодержавие с петлей на шее». После Октябрьского манифеста у врагов России оставалась лишь одна задача: уничтожить физически Государя и его семью, поскольку в царствующей династии уже тогда не оставалось более лиц, приверженных идее Православной Самодержавной монархии. Но декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г. ничего еще изменить не могло, пока в русском народе была жива вера в доброго царя-батюшку, пока русский крестьянин и русский солдат еще не были отравлены ядом лжи и безверия.

Годы внешне спокойного развития между двумя революциями: Первой и Второй, по-разному использовали сторонники Государя-императора и враги Империи. И надо признать, что действия врагов империи оказались гораздо более эффективными. Они смогли за эти десять лет фактически разложить ту основу, на которую опирался Государь. А это был Союз русского

*«Боже, Царя храни. Празднование 300-летия Дома Романовых».
Художник Филипп Москвитин*

народа, созданный в 1905 году. Это была могучая многомиллионная сила, куда входили лучшие люди страны: протоиерей Иоанн Кронштадтский, великий ученый Дмитрий Менделеев, известный историк Дмитрий Иванович Иловайский, писатель Мережковский, митрополит Серафим Чичагов и многие другие. Тогда, в первую русскую революцию 1905 года они одним своим величием без применения оружия остановили обнаглевших агитаторов и террористов. Но за десять лет врагам России удалось полностью разложить Союз русского народа: там началась межфракционная борьба между Дубровиным и Марковым Вторым, вдобавок еще возник Союз Михаила Архангела Пуришкевича. И все они противостояли друг другу, и все вместе были против правительства Столыпина и его реформ. Так началась, почти как в Европе, вражда всех против всех. В итоге этот многомиллионный, но разрозненный, лишенный единого руководства и правительственной поддержки Союз оказался неспособным противостоять немногочисленной, но тесно спаянной своей враждой к исторической России, большевистской партии, кавказским боевикам и латышским стрелкам. Впоследствии все активные члены Союза Русского народа были, практически поголовно, истреблены физически. А в начале его создания, на приеме, оказанном депутации Союза русского народа, Государь сказал: «Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью мне и русскому народу удастся победить врагов России».

Следующее средство, которое враги России использовали очень эффективно, это клевета. Его можно назвать самым страшным оружием массового поражения. С этим оружием враги Самодержавия сплоченно выступили против Царской Семьи, используя его весьма эффективно: обвинив Императрицу и ее окружение в симпатии к Германии, намекая на немецкое происхождение Александры Федоровны, клеветники бросили тень на Им-

ператора. В результате простые доверчивые русские люди, поверив гнусной клевете, действительно решили, что царь и царица действуют в интересах враждебной им Германии, и стали даже уничтожать портреты Николая II.

В прессе того времени и в интеллигентских кругах насмешки над деяниями Государя и его личностью считались признаком хорошего тона. Это определялось не тем, что все были против него; против него было меньшинство, но меньшинство активное до агрессивности, мало разборчивое в выборе средств, хорошо сплоченное, поддерживаемое банкирами, биржевыми маклерами и средствами массовой информации; большинство же было пассивным и разобщенным, нестойким в духе православной и русской национальной идеи и, следовательно, легко увлекающимся всякого рода идеями, подверженное воздействию клеветы и провокаций.

Даже Черчилль, бывший в момент переворота в России британским военным министром, в своей книге «Мировой кризис» посвятил русскому Царю Николаю II больше добрых слов, чем наши соотечественники.

Когда было объявлено о начале войны с Германией, у Зимнего дворца на Дворцовой площади собралась многочисленная народная толпа, чтобы приветствовать Государя и выразить ему поддержку в начале Великой войны с Германией. Казалось бы, война должна посеять страх и уныние, но она всколыхнула народ, вдохнула чувство патриотизма и сплоченности, вдохнула надежду на избавление от вековой германской придворной интервенции. Когда вышел Государь на балкон, чтобы приветствовать народ, все опустились на колени. Но эта эйфория продолжалась недолго.

При всеобщем воодушевлении народа тогда только Распутин был активным противником начала общеевропейской войны. Но в эти дни он был далеко от столицы. Раненный в живот подосланной убийцей, он лежал в сибирской больнице. Вообще надо признать, что это один из самых запутанных вопросов русской истории XX века — влияние на Царскую Семью Григория Ефимовича Распутина, а значит, и его роли в истории России. Но, если задаться вопросом, откуда вообще черпается информация о Распутине, то окажется, что о личности, чье имя упоминается в каждой мемуарной книге по истории последней русской смуты, мы узнаем из литературы, вышедшей из-под пера тех, кто либо сам участвовал в его убийстве, либо готовил это преступление.

Оказавшись приближенным к Царской Семье и приобретя широкую известность, Распутин никогда не стремился к внешнему блеску и официальным должностям. Он оставался крестьянином и подчеркивал свое происхождение из народа. Во время своих бесед с Царем Распутин рассказывал ему о простом народе и его страданиях, подробно описывал крестьянскую жизнь. Распутин знал беды и чаяния всех сословий. Он знал о жизни именно то, что было недоступно Императору.

Сегодня, да и в те годы, многим было непонятно, как мог простой крестьянин из сибирской глубинки быть близок Царской Семье. Но в этом нет никакого секрета. Государь очень хорошо понимал, сколь опасно было для Российской империи увлечение западничеством и как велика была опасность той пропасти, которая со времен Петра отделяла российскую интеллигенцию от простого народа, хранящего дух русской народной культуры. Сам Николай II всячески стремился к простому народу, к идее русской соборности. И на Григория Ефимовича смотрел не только как на ангела-

целителя его тяжело болящего ребенка, но и как на человека, посланного ему самим Провидением, чтобы помочь удержать Российскую империю от братоубийства.

Стремление Государя к общению со святыми людьми было естественной потребностью. Та особая мистическая связь, которая была у Государя с коренной Россией, поддерживала его духовные силы. В разных уголках России Николай II, посещая монастыри, старался встречаться со старцами. А тут был старец, промыслительно посланный прямо в столицу и ставший близким другом его семьи. Как свидетельствуют дневниковые записи, Государь воспринимал эти общения с большой радостью тем более, что они были не столь частыми, как об этом писала клеветническая пресса. Последующая история показала, что все обвинения в адрес Распутина оказались сплошной клеветой.

Сегодня нам понятно, что в широкомасштабной кампании оболгания Царя Николая II особую роль играл миф о Григории Распутине как о злом гении, управлявшем Императрицей и через нее влиявшим на все решения Императора. Убийство Григория Ефимовича — одно из самых подлых преступлений того времени. Ведь убили русского крестьянина, представителя простого народа, приближенного самим Царем к своей семье; бывшего искренним и бескорыстным другом всей Царской Семьи и помогавшего ему в несении тяжкого Царского венца в самый критический период истории Российской Империи. И убийцами были члены Императорской фамилии.

Особую тяжесть потрясения от убийства Распутина испытала Императрица — она одновременно пережила много бед: с одной стороны, смерть глубоко чтимого ею старца и ангела-хранителя ее больного сына, а с другой — удар, нанесенный Великим князем Дмитрием Павловичем, которого Их Величества с детства любили как своего сына. Но еще большей неожиданностью для Императрицы было отношение к происшедшему ее старшей сестры, Елизаветы Федоровны, которая своими действиями морально поддерживала убийц, называя их злодеяние «патриотическим актом». Из посланных ею участникам убийства Григория Распутина телеграмм становится понятной вся глубина массового безумства, охватившего всю элиту Российской Империи.

По факту убийства Распутина — Царским Правительством не было проведено серьезного и профессионального разбирательства. Его и донныне нет. Зло осталось безнаказанным, что породило новое беззаконие, и убийство Григория Ефимовича стало роковым шагом к убийству Государя и его семьи.

Уже после февральского переворота 1917 года и отречения Императора Временное правительство сразу же своим постановлением сформировало так называемую комиссию Руднева, которая должна была выяснить роль Александры Федоровны и, как тогда писали, «ее кружка», в частности, в отношении личности Распутина и его влияния на политику России. Свидетельские записи Руднева сверкнули как молния, как неожиданное озарение, и всем вдруг стало ясно, насколько не соответствуют истине сведения, заполнившие все газеты и разносившиеся по всей Руси многочисленными ходами и агитаторами. Разумеется, Правительство Керенского сделало все возможное, чтобы результаты дознания честного и неподкупного судьи не стали достоянием гласности, но, к счастью, текст этой записки сохранился и каждый может с ним ознакомиться.

Еще одно оружие, которое враги России использовали очень эффективно — это внедрение в правительственно-чиновный аппарат так называемых агентов влияния, лоббирующих интересы иностранных предпринимателей. В строительстве железных дорог, новых производств в сырьевых отраслях, всюду внедрялись чиновники, действовавшие в интересах германских промышленников, а французские банкиры навязывали России свои кабальные займы. При этом золотой запас Российской империи хранился в иностранных банках, а бакинская нефть была фактически подчинена интересам семьи Ротшильдов. Получилось так, что при всем благополучии цифр, отражающих состояние России в 1913 году, на деле эти цифры прикрывали губительную и все увеличивающуюся зависимость Российской империи от иностранного капитала и иностранного финансового влияния. В те годы против России, как это бывало нередко и раньше, и мы видим теперь, ополчился весь мир. Все великие державы считали, что уже купили Россию и осталось только ее обезглавить и поделить.

Поэтому, когда мы оцениваем революцию 1917 года и удивляемся, почему наши предки поверили лживым агитаторам, пошли на штурм Самодержавия и до основания разрушили Российскую империю, нельзя забывать, что они, как говорится, «на своей шкуре» испытывали это тяжелое положение. Другое дело, что они не знали о рычагах иностранного влияния, о «пятой колонне», и не могли осознать, что лишь Государь Николай II был той единственной силой, которая способна была спасти Российскую Империю, удержав ее у последней черты падения в пропасть. Это спасение было бы возможно только в том случае, если бы вся русская элита: политическая, военная, промышленная, купеческая, творческая, сплотилась вокруг своего Императора. На деле же произошло строго обратное — все ополчились против него. Даже вся Императорская династия, включая его родную мать, и тем более весь чиновничий аппарат, вся придворная аристократия требовала от него уступок на европейский манер, то есть отречения от своей Самодержавной власти, не понимая того, что только Самодержавие способно было тогда сохранить и спасти империю, иначе — война. И эта братоубийственная гражданская война началась и продолжается до сих пор, потому что и сегодня нет в русском народе ни подлинно христианской любви и взаимного согласия, ни единства целей и действий.

Так уж случилось, что к тому времени, когда носителем Верховной власти Российской империи оказался Николай II, протестный потенциал, отражающий глубину системного кризиса государственности, оказался на критической отметке, так что практически отсутствовала реальная основа его бескровной нейтрализации без разрушения ядра социально-политической системы. Нужны были сверхусилия, общенациональная мобилизационная задача, поддержанная всеми его сословиями и социальными институтами, и тогда, возможно, удалось бы разрешить системный кризис государственности 1917 года без войн и революций. «Если бы у нас теперь оказалась подорванную монархическая власть — это был бы для государственной науки замечательнейший в истории образец того страшного зла, которое составляет для монархической власти ее болезнь — переход в бюрократическое правление», — писал Лев Тихомиров. И действительно, обюрократившаяся Российская империя, поражавшая весь мир блеском и богатством привилегированных слоев, в одночасье рухнула, причем вся глубина духовной

трагедии русского народа может быть понята, исходя из того немыслимого на первый взгляд факта, что чужеземные политические вожди оказались простому люду ближе своих господ. Все это настолько не укладывается до сих пор в умах, что вновь и вновь появляются работы, в которых делается попытка представить и февральский мятеж, и октябрьский переворот нагромождением роковых случайностей, которых можно было бы избежать, отдай вовремя Государь нужное распоряжение, заболел, умри или не родись вовсе какой-нибудь злодей.

Действительно, если проанализировать развитие имперской государственности России к началу XX столетия с точки зрения близости ее к модели христианской социально-политической парадигмы, которая была теоретически обоснована и практически выстроена в восточной части Римской империи как государственность византийского типа, то мы должны признать, что к началу XX века все институты имперской государственности и все элементы социальной системы Российской империи были поражены системным вирусом государственности, что свидетельствует о наличии глубокого системного кризиса императорской эпохи российской государственности. Кризис оказался настолько глубоким, что выход из него оказался невозможен без качественного изменения ее государственной системы.

Тяжелое наследие досталось Николаю II, губительны и непоправимы были последствия петербургского периода развития российской государственности; накалены до предела социальные противоречия между простым народом, в поте лица добывающем хлеб свой насущный, и чиновничьей бюрократией, интеллигенцией, высшим светом. Глубокая трещина прошла через всю Россию. Насколько ясно понимал это Государь? Этот вопрос навсегда останется для нас невыясненным, сокрытым его молчаливо сдержанной и мистически настроенной загадочной личностью. К тому же появление на рубеже XX века новых средств разрушения христианской государственности — политических движений и партий, привело к модному увлечению анти-христианством всех оттенков: оккультизмом, социализмом, коммунизмом и воинствующим безбожием. Они появились в России «вдруг», почти одновременно, хотя оружие это было не новым, а лишь подновленным, ибо еще в Древнем Риме Тит Ливий писал: «Борьба между партиями есть и всегда будет худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев бога!» Путей гибели было множество — на всякий развращенный вкус: от животного материализма до утонченного теософского и спиритического шаманства. А путь спасения был один, но по нему пошли в те годы очень немногие.

Однако из всех средств политической борьбы, изобретенных тем безумным веком, нет более подлого, но нет и более сильного, чем клевета. 1 ноября 1916 г. в Государственной думе Милюков произнес свою «историческую», в сотнях тысяч экземпляров разошедшуюся по всей России речь, в которой он, не имея в своем распоряжении ни единого доказательства и основываясь исключительно на темных сплетнях какой-то английской газеты, обвинил Императрицу в измене. Вслед за ним с такой же бездоказательной и злобной речью выступил в Думе «монархист» Пуришкевич, распространяя, при услужливом содействии печати, в народе убеждение, что при Дворе свила гнездо измена. В прифронтовых учреждениях и в Военно-промышленном комитете бесчисленные приспешники Гучкова си-

стематически отравляли ядом той же гнусной клеветы армию и фабричных рабочих, работающих на оборону. Этот громадный отзвук уже сам по себе превращал парламентское слово в штурмовой сигнал. 1 ноября 1916 г., хотя еще Император был на троне, мы вправе говорить о начале революции.

Клевета сделала свое дело. Потом, в роковые для России февральские дни, когда в Петрограде вспыхнуло восстание, организованное при помощи нескольких запасных полков, отравленный ядовитой клеветой русский народ не встал на защиту своего Государя.

Телеграммы главнокомандующих фронтами выбили у Императора, попавшего в Псковскую западню, последнюю возможность вести борьбу и в то же время раскрыли всю глубину падения, измены и предательства. В этой ситуации перед ним, как Помазанником Божиим, стояла задача сохранения единства русского народа даже в его заблуждениях, чтобы любой ценой предотвратить разделение и неизбежную за этим гражданскую войну, ибо всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Мф. 12: 25).

Оказавшись на станции Дно, в ста километрах от Пскова, Государь осознал всю глубину падения Российской империи. Все командование армии отреклось от него, а начальник штаба Верховного главнокомандующего разослал всем главнокомандующим фронтами от своего имени телеграммы с предложением убедить Императора в необходимости отречения. В итоге весь высший командный состав армии, прикрывая свое слабование и предательство лживыми рассуждениями о спасении России, добивался от Императора отречения от Престола. «Кругом измена и трусость, и обман!» — напишет Император в ту роковую ночь в своем дневнике.

2 марта 1917 г. во Пскове Государем был подписан акт отречения от Престола, в 15 часов 05 минут, и погас тот свет благодати, который охранял Российскую империю и русскую государственность. В этом «похоронном» оркестре Генеральского бунта только один человек сохранил честь и здравомыслие — граф генерал Келлер, единственный из высшего генералитета, кто отказался давать присягу Временному Правительству. А из всех офицерских чинов многомиллионной армии таких, до конца верных Царю, оказалось немногим более трех десятков.

Императора привезли в эту псковскую западню, где он уже был лишен не только власти, но и свободы. Его команды уже никто не исполнял. Командовал здесь главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский, который мнил себя новым Наполеоном, а на деле был простым изменником. Он в грубой форме требовал от Императора отречения от Престола. Воистину «кругом измена и трусость, и обман».

Именно сюда во Псков приехали горе-монархист Шульгин и враг Государя Гучков. Они привезли из Питера проект акта отречения — какую-то писульку, за которую им было стыдно после того, когда Император вручил им дышащий глубокой нравственной и духовной силой тот акт отречения, который он составил, следуя сюда ночью поездом со станции Дно, хотя и подписал его карандашом.

Первоначально Николай II хотел отречься в пользу сына, но, посоветовавшись с врачом, подписал акт отречения не в пользу наследника Престола, как того требуют законы Российской Империи, а в пользу своего брата Михаила, потому что он понимал, что с малолетним Императором враги

России могут обойтись еще более жестоко, что может стоить ему жизни. Государь не смог отдать им своего больного сына на растерзание.

Брат Николая II — Михаил Александрович, в свою очередь, тоже отрекся от престола в пользу Учредительного собрания путем всеобщего, прямого, тайного, равного голосования, на что Император написал в дневнике: «Миша отрекся. Его отречение заканчивается четыреххвосткой¹... Бог знает, кто только надоумил его подписать такую гадость!»

И вот так, этими актами, Российская Империя была направлена в губительную пропасть, где она перетерпела такие испытания и принесла такие жертвы, которые не выдерживало ни одно государство, ни одна цивилизация.

Царская Семья добровольно предала себя в руки Божии. Они прошли Крестным путем, приняв все испытания, и никто из членов семьи не попытался искать путь земного спасения. Это и есть добровольное жертвенное следование по пути Христа, совершенное ради спасения своего народа и государства. *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»* (Евангелие от Иоанна).

Гражданскую войну, как известно, вызвало не отречение Государя от Престола, ее развязали те же предатели — Алексеев, Корнилов, Рузский и другие генералы, когда им стало очевидно, что их «надули» их же тайные руководители, использовав как таран, как грубую разрушительную силу. Они и здесь еще раз предали своего Государя, потому что уже тогда он призывал к покорности всех, кто остался ему верен. Так в 1917 г. началась новая богоборческая Смута XX столетия и «дни окаянные». Эта Смута, как и ей предшествующая, не осмыслена, не изжита нами и продолжается до сих пор.

Действительно, за двести лет всевластия имперской бюрократии и проведения ею антинациональной политики скопились столь непримиримые противоречия, российское общество было так поляризовано, что императорская Россия обречена была пройти через кровавую купель — иное очищение едва ли было возможно. Трагедия состояла лишь в том, что Император Николай II менее всех своих предшественников был повинен в тяжелом положении русского народа, больше всех чувствовал и понимал народные чаяния, ближе всех стоял к простому люду, но, будучи сыном своей эпохи, не мог открыто встать на сторону простого труженика, положить предел бесправии русских и нещадной их эксплуатации инородческими окраинами, германскими промышленниками и французскими банкирами. И не вина, а беда русских людей, что, борясь с имперской бюрократией, они фактически боролись против благочестивейшего из царей и в итоге оказались в оковах самой жестокой и беспощадной на земле диктатуры.

И тот факт, что в числе первых изменников и предателей России оказались ближайшие родственники Государя, архиереи, генералы и политики, не снимает с нас всех, потомков простого народа, ответственности за соучастие в этом массовом преступлении наших предков.

Как только убийством в Екатеринбурге Помазанника Божия Небесный Божественный свет, дававший законность российской власти, погас, начался тот неудержимый разгром былой могучей и сильной духом страны, кото-

¹ Четыреххвостка — термин нач. XX века, означает всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право (подраз.: при полной демократии и свободах союзов, собраний, демонстраций и т. д.) (*прим. ред.*).

рый поверг ее в притупленное и придушенное состояние. Началась та бесконечная Вальпургиева ночь, пляска диких и сатанинских социалистических экспериментов, которая бросила обезумевших и изголодавшихся людей в погоне за куском земного хлеба в кровавую антихристову братоубийственную борьбу. И в триумфе своей победы, упиваясь успехом, вдохновители-изуверы этой бойни готовы были крикнуть: «Мы распяли вашу Россию, мы распяли вашу идеологию...».

Но за десятилетие братоубийства змея революции пожрала своих детенышей. Как ни дико и парадоксально это звучит, но только благодаря Великой Отечественной войне из среды простого русского народа выдвинулась плеяда блистательных полководцев, гениальных конструкторов, выдающихся руководителей промышленности. С солдатами и офицерами, прошедшими войну, произошло в буквальном смысле Преображение. Война вернула армии ее древние святыни, ордена, погоны, знаки отличия и все ее лучшие традиции. В 1943 г. были восстановлены мундиры, погоны дореволюционной армии; учреждаются военные учебные заведения по типу старых кадетских корпусов — Суворовские и Нахимовские училища. Во время войны были открыты многие храмы, духовные семинарии, академии, вернулась жизнь в Свято-Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую лавры, во многие монастыри. Были вновь загнаны в глубокое подполье униаты и прочие еретики; много священников освобождено из тюрем, но еще больше пришлось к алтарю бывших воинов, ставших неоднократными свидетелями Божией помощи русскому воинству.

* * *

Екатеринбург — это большевистская столица Среднего Урала, куда Царская Семья была перевезена из Тобольского заточения и размещена в доме инженера Ипатьева — доме «особого назначения» — это в полном смысле был большевистский застеноч.

Открытая шахта у болота, называемого Ганиной ямой, в двадцати километрах от Екатеринбурга, в урочище Четырех братьев, куда были привезены жертвы злодеяния, — это тот сакральный покаянный рубеж, через который мысленно и молитвенно должен пройти каждый русский человек и весь православный народ, чтобы снять грех богоотступничества и цареубийства и получить надежду возрождения традиционной государственности. В противном случае, раздор и братоубийство будут продолжаться.

Несмотря на официальное крайне враждебное отношение большевистского руководства к Императору Николаю II и к эпохе Его правления, почитание Царственных Мучеников было и в советское время, хотя оно носило разные формы и было тайным, поскольку было преследуемым. Поэтому достоверных, прямых и точных сведений пока просто у нас нет. К дому, где произошло это злодеяние, люди ходили всегда, хоть ничем особенным он от соседних зданий не отличался, заселяли его какие-то мелкие конторки, но страшная трагедия, случившаяся здесь в 1918 г., заставляла людей подходить к этому месту, заглядывать в окна, просто молча стоять и смотреть на этот мрачный серый дом.

Снос сначала флигеля, а затем и главного здания, был проведен в ночь с 16 на 17 сентября 1977 года. Разрушение продолжалось два дня. Был

выставлен караул из учащихся пожарного училища, чтобы горожане не покусились на строительный мусор, который спешно вывозили на свалку. На месте дома Ипатьева остался пустырь. Однако снос дома принципиально ничего не изменил. Почитание Царственных Мучеников не прекратилось. Люди просто приходили к месту, где стоял Ипатьевский дом, убирали мусор на пустыре, который горожане приспособили для выгула собак.

А в 1989 г. состоялся первый открытый молебен на месте Царской Голгофы. В ночь убийства (с 16 на 17 июля) на пустыре, где стоял дом, стали собираться люди. Организующим моментом послужило принесение туда хоругвей, Царского орла и Российского знамени. Когда появились хоругви, то народу прибавилось, люди сгруппировались в круг, в центре круга стали возлагать цветы, прямо на щебень, и там же возжигать свечи. Всего участвовало до двухсот пятидесяти человек самых разных возрастов, в том числе и дети. Русская Православная Церковь в лице ее официальных представителей никакого участия тогда не принимала: ни прямого, ни косвенного. Не принимали участие также и никакие политические или общественные организации. Люди пришли сами, пришли в одиночку, или семьями, или небольшими группами (вроде тех, кто делал хоругви), пришли по велению сердца.

Власти города отреагировали на это событие очень резко, лучше сказать истерично. ОМОН устроил форменное побоище: было схвачено и отвезено в райотдел милиции одиннадцать человек, из которых двое несовершеннолетних — мальчик шестнадцати и девочка четырнадцати лет, но суд оправдал всех задержанных.

17 июля 1990 г. — в присутствии не одной тысячи человек три священника Русской Православной Церкви отслужили панихиду на месте Ипатьевского дома, а 18 августа 1990 г. на пустыре был установлен первый деревянный крест, возле которого верующие люди и стали молиться и читать акафисты. Крест простоял две недели, а затем был сломан неизвестными злоумышленниками; верующие люди снова восстановили его в первоначальном виде.

25 августа 1990 г. у Царского креста архиепископ Свердловский и Курганский Мелхиседек отслужил панихиду по Царственным Мученикам. «Когда я в первый раз совершал панихиду на этом месте, — вспоминал Владыка, — я едва мог произносить слова, потому что десятки лет боязни памяти Императора Николая Александровича, преследования всякой тени, связанной с Его именем, были довольно тяжелым бременем всю мою жизнь...».

20 сентября 1990 г. Президиум Свердловского городского Совета народных депутатов принял решение об отводе земельного участка бывшего дома инженера Ипатьева Свердловскому епархиальному управлению Русской православной церкви и разрешил установить памятную часовню, а 5 октября 1990 г. почитатели Царственных Мучеников установили новый металлический крест.

17 июля 1991 года — участие в «Царских днях» (так стали именоваться в Екатеринбурге дни памяти Св. Царственных Мучеников) Екатеринбургской епархии — у Царского креста была отслужена великая панихида, а ночью в час царубийства был отслужен молебен с водосвятием у креста. В 1991 году Екатеринбург вернул его историческое название, после долгого бездействия был открыт рядом, на Вознесенской горке, для богослужений старейший в городе храм в честь Вознесения Христова.

Наиболее последовательную и активную позицию в распространении правды о державном служении и мученической кончине Николая II занимал Союз Православных братств — добровольная церковно-общественная организация Русской Православной Церкви, созданная в октябре 1990 года по благословению Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Патриарх стал почетным попечителем Союза Православных братств, а в повседневной жизни эту «опекунскую» роль осуществлял Управляющий делами РПЦ архиепископ Солнечногорский Сергей.

Православные братства, как мы помним, возникали на Руси там и тогда, где и когда была угроза Православию; особое распространение они получили в период униатского церковного раскола. В начале XX века Православных братств в России насчитывалось более 10 тысяч. В наше Смутное время Союз Православных братств (СПБ) выступал за строгое сохранение чистоты Православной веры, возврат нашей церковной жизни в каноническое русло, восстановление Церковного суда, за выход Русской Православной Церкви из так называемого Всемирного Совета Церквей. На съездах СПБ с прискорбием отмечались упадок церковной дисциплины, нередкое упразднение личной исповеди перед причастием, небрежное отправление богослужений, неуместный в церкви концертный стиль песнопений. Союз Православных братств, стоя на страже церковного единства, выступал против церковного сепаратизма, за воссоединение с зарубежной частью Русской Православной Церкви, за диалог со старообрядцами на основе верности святоотеческим традициям. Серьезной опасностью Союз Православных братств считал модернизм и обновленчество в церковной среде: намерение перевести богослужение на современный русский язык, ввести новый календарный стиль и т. д. Союз Православных братств выступал за восстановление Самодержавного Православного Царства на Руси, против разного толка антихристианских сил, масонства, сатанизма, стремящихся поработить и окончательно уничтожить Святую Русь; боролся против агрессивных устремлений католицизма и униатства, требовал ограничения деятельности различных протестантских миссионеров.

На 2-м съезде СПБ в Сергиевом Посаде 13 августа 1991 г. было принято следующее решение: учитывая всевозрастающее почитание святых Царственных Мучеников, просить Церковное Священноначалие провести их канонизацию в ближайшее время. По факту многочисленных обращений Православных братств, приходов и отдельных лиц решением Архиерейского Собора РПЦ от 31 марта — 4 апреля 1992 г. было поручено Синодальной Комиссии по канонизации святых начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной Царской Семьи.

3-й съезд СПБ, состоявшийся 17–19 июня 1992 г. в Санкт-Петербурге в Александро-Невской лавре, вновь обратился с «Исповедническим воззванием к его Святейшеству патриарху Московскому и всея Руси Алексию, архипастырям, пастырям и всем чадам Русской Православной Церкви» по поводу скорейшей канонизации Царской Семьи, где подробно изложил свою позицию, историю вопроса и основные факты, основываясь на опубликованных исторических документах. После 3-го съезда СПБ силами Православных братств в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1992 г. был проведен первый Покаянный крестный ход от дома Ипатьева к открытой

шахте у Ганиной ямы, где 18 июля 1918 г. было совершено надругательство над честными телами Царственных страстотерпцев.

23 сентября 1992 г. на месте будущего Храма-на-Крови Владыка Мелхиседек в сослужении с архиепископом Пензенским и Кузнецким Серафимом и епископом Челябинским и Златоустовским Георгием совершили торжественную закладку камня с частицей святых мощей праведного Симеона Верхотурского. Одновременно с закладкой первого храмового камня был совершен чин освящения построенной в 1992 г. деревянной часовни во имя преподобномученицы Елизаветы Федоровны, а через год, в июле 1993 г., была первая попытка поджога этой часовни.

Самый действенный способ проявления соборного единения православного народа — участие в крестных ходах. Вот почему, когда стала возвращаться к нам историческая память, Союзом Православных братств было решено начать традицию проведения Покаянного крестного хода в ночь злодеяния с 16 на 17 июля по пути следования автомобиля с Царскими телами.

Информация о первом Покаянной Царском крестном ходе прошла по всем СМИ. В этой связи важно отметить, что накануне, 15 июля, аэропорт в Домодедово был полностью заблокирован. Тогда это были единственные воздушные ворота, откуда можно было улететь в восточном направлении. Можно представить себе, какой был уровень противодействия, если «некто» был вправе остановить работу целого аэропорта.

Погода в тот год была такая, про которую говорят, «займи, но выпей». Казаки по традиции стали брататься и, конечно, изрядно выпили. В итоге к концу дня (16 июля) остались только трое организаторов Крестного хода. И вдруг появляется группа казаков из Челябинска. Трезвых! Они согласились присоединиться, в итоге в первый Крестный ход отправилось десять человек. Один — из Москвы, двое из Екатеринбурга и семь казаков из Челябинска. Начало было положено. Вдесятером мы договорились, что будем приезжать теперь сюда каждый год. Действительно, так и получилось. Восемь лет до канонизации мы так и приезжали, причем трое из тех казачков стали священниками...

Память сохранила незабываемое воспоминание: на следующий день я, отоспавшись, вновь отправился туда и взял одну из икон Императорской четы и наследника формата А4, положил ее в полиэтиленовый пакет и поставил к кресту, который стоял уже на этом святом месте.

Через год, приехав в Екатеринбург и сразу — в урочище Четырех братьев, подхожу к кресту и был поражен... стоит моя икона. Представляете, обычная бумажка в полиэтиленовом пакете простояла целый год! Какая сила ее хранила? Ни дождь, ни ветер, ни рука хулигана не смогли помешать. Господь услышал нас!..

Следующий Крестный ход 1993 г. выпал на воскресенье. В тот год в автобусе, отправившемся от кафедрального собора после Божественной литургии, оказался человек, которому было 80 лет. Как выяснилось, он являлся основателем станции Шuvaкиш. Начинал жить в вагончике и ни разу не был в урочище Четырех братьев! Это трудно себе представить, чтобы человек, 60 лет прожив в 3-4 км от Ганиной ямы, ни разу там не побывал. От дороги — сто метров! Говорили, что это место внушает мистический страх. Там даже птицы не поют, как будто в склепходишь.

В тот же год мы познакомились с отцом Александром Никулиным, который тогда отслужил первую литургию на Ганиной яме. Прямо в лесу! Он приезжал независимо от нас, мы действовали как бы параллельно. Он приезжал из курганской епархии, привозил с собой целый автобус своих духовных чад. Они начинали молиться у креста на Вознесенской горке, а мы начинали ход к Ганиной яме. Потом мы объединили наши усилия в едином молитвенном действе.

И так из года в год мы стали ходить по этому маршруту, но участников становилось все меньше и меньше: девять человек, восемь, семь... Я с ужасом думал, неужели все заглохнет?!

Если сегодня задать вопрос, кто сохранил традицию Крестных ходов? Не дал свече погаснуть? Ответ будет один: Сам Господь! Откуда-то вдруг стали появляться группы женщин. Как в советский период «белые платочки» спасли церковь, так и на этот раз «белые платочки» спасли Покаянный крестный ход.

В 1998-м году мы решили организовать Крестный ход в честь столетия Священного коронования Императора с иконой Феодоровской Божией Матери — покровительницы рода Романовых и иконой Царя-мученика Николая. Он запомнился мне как один из самых тяжелых с точки зрения духовного подвига. Крестный ход длился неделю. Начался с Костромы, затем — Ярославль, Ростов, Переславль-Залесский, Сергиев Посад и Троице-Сергиева лавра. Нас там встречали колокольным звоном. В лавре, в трапезном храме, стали служить молебен Феодоровской иконе Божией Матери. Воскресный вечер, храм пуст. Затем он стал быстро наполняться монашествующими, во главе со старцами Кириллом и Наумом. Когда по завершении молебна отец Кирилл (Павлов) приложился после иконы Богородицы к иконе Царя, это стало поворотным моментом: каждый из монашествующих последовал за ним: Лавра признала Царя-мученика! И после этого процесс подготовки канонизации Императора принял уже необратимый характер. По завершении этого Крестного хода был освящен памятник Императору Николаю II — 27 мая 1998 г, а 1-го апреля 1999 г. его взорвали. Скульптор Вячеслав Михайлович Клыков установил в тот год два памятника Императору, и оба были взорваны! Оба впоследствии были восстановлены. (Правда, в Википедии в числе памятников скульптора они не значатся!)

Восстановление взорванного большевиками храма Христа Спасителя чудесным образом совпало с подготовкой к празднованию 3-го тысячелетия со дня Рождества Христова. Многие тогда надеялись и верили, что начало 3-го тысячелетия станет знаменательной вехой и началом новой эры в истории России. В православной среде царило необычайное воодушевление. Подготовка к юбилейному Архиерейскому Собору 2000 года, на котором состоялась канонизация Царской Семьи, велась торжественно. На самом соборе все прошло довольно гладко, протестов практически не было, хотя накануне были горячие дискуссии. Действительно, много значительных событий произошло в тот юбилейный год: так, на день Преображения Господня, 19 августа 2000 г. состоялось Великое освящение восстановленного из руин Храма Христа Спасителя, которое совершил Святейший Московский и всея Руси патриарх Алексий II. И именно в этот праздник в храме Христа Спасителя была всецерковно прославлена Царская Семья. В этот день про-

изошло действительное чудо. История не знает подобного примера, когда в один день небесное воинство защитников народа православного увеличилось сразу более, чем на 1200 человек, — это в пять раз больше, чем за всю 1000-летнюю историю Церкви русской. Свидетелями этого торжества стали посланцы со всех концов планеты. Такого числа гостей в архиерейском сане Россия не принимала никогда. И все они были участниками этого подлинного праздника Преображения Русской земли. 23 сентября Святейший Патриарх совершил торжественную закладку памятной капсулы в восточной стене фундамента будущего Храма на Крови. 16 июля 2003 г. состоялось освящение Храма.

После официальной канонизации количество участников Крестного хода стало постоянно возрастать. Если в 2007 г. на торжественных мероприятиях приняли участие более 20 тысяч верующих со всех концов России, то в 2008 г., в связи с 90-летием убийства Царской Семьи, в Крестном ходе приняли участие около 40 тысяч человек. В 2011 г. — 50 тысяч человек прошли этот путь, в 2015 г. Крестным ходом прошли 60 тысяч человек!

В 2016 и 2017 гг. по подсчетам Екатеринбургской Епархии в Крестном ходе приняли участие более 60 тысяч человек, а в 2018 г. — году 100-летия Царской Голгофы — в Царском Крестном ходе прошло 100 тысяч человек!

Еще в 2010 г. открылся Духовно-Просветительский Центр «Царский», тогда — Патриаршее Подворье. Он стал центром проведения фестивалей православной культуры «Царские дни».

В Царские дни на Уральской голгофе снисходит такая же благодать, как в Иерусалиме на Пасху. В эти дни из разных уголков Русского мира в Екатеринбург съезжаются до сотни тысяч человек. Большая группа паломников из Санкт-Петербурга ежегодно идет туда пешком в течение трех месяцев только ради того, чтобы стать участником этого великого покаянного и молитвенного действа, чтобы в эту страшную, но священную ночь, когда произошло злодейское убийство в подвале дома Ипатьева беззащитной Царской Семьи, принести свои плоды покаяния.

Самое священное место монастыря — Ганина яма, где терзали тела Царственных Мучеников, остается до сих пор неприкаемым. Еще до начала строительства монастыря какие-то не в меру ретивые монархисты сломали крест на этом давно почитаемом месте, где прямо в лесу служилась отцом Александром Никулиным первая Божественная литургия. После канонизации Царской Семьи осенью 2000-го года на это же место приезжал патриарх Алексий II, и потом ходили по рукам фотографии, где словно огненный столп снисходил с неба на этот крест и на патриарха. Крест, который сегодня считается главной святыней монастыря, стоит совсем не на этом святом месте, а перемещен метров на 150-200 в сторону. А на самом святом месте, которое было в течении десятилетий символом почитания Царской Семьи, сегодня просто зеленая лужайка, а вместо построенного там некогда храма «Животный источник» — торговый ларек.

Очень важный для Православного христианина вопрос о Царских останках напоминает сегодня нам Смутное время начала XVII века, когда один Дмитрий, точнее Лжедмитрий, был на царском троне в Кремле, а другой — настоящий Дмитрий — в угличской могиле. И оба Дмитрия признавались народом одновременно, и мать даже вынуждена была считать и того, и другого истинными своими сыновьями. То же самое происходит сегодня

у нас, только со святыми мощами Царственных Мучеников. Несгоревшие частицы святых мощей, которые были собраны следователем Соколовым в 1918-м году, находились в его архиве, а другие покоятся в Петропавловской крепости. Совершенно очевидно, что одновременно и те, и другие не могут быть подлинными останками.

Надо отдавать себе отчет, что, когда убивают царя, это всегда ритуальное действие. Они убивали Помазанника Божьего, естественно, преследуя ритуальные цели. Они выполняли приказ на уничтожение Российской империи. Надо быть наивными, чтобы полагать, что деньги на разрушение Империи дают просто так... Сейчас кому-то очень хочется поставить точку в этом важнейшем вопросе, что, мол, все ясно, проблем нет. Всем доверчивым людям через СМИ навязывается мысль, что в деле с царскими останками «эти церковники» опять чего-то требуют, им все не угодить. На самом же деле все запутано до предела, и... единственная открытая и подлинно научная конференция, где действительно попытались разобраться в этом непростом деле, прошла еще в 1993-м году в Международном славянском культурном центре. В ней участвовали тогда все самые крупные эксперты. Ее приветствовал еще здравствующий племянник Государя Тихон Николаевич Куликовский-Романов, а принимала непосредственное участие чудом оставшаяся в живых в советской России Наталья Михайловна, дочь генерала Дитерихса, того самого генерала, благодаря покровительству которого и было расследовано следователем Соколовым дело об убийстве Царской Семьи.

Там, в частности, было показано, что обнаруженные в так называемом Поросенковом логу останки могут принадлежать Великим князьям и слугам Царской Семьи и главный вопрос был в том: где честная глава Императора.

Сегодня единственное, что пока не найдено, — это керамический кувшин с несгоревшими костями Императора, который Ермаков, спасаясь от наступающих отрядов Колчака, опустил в болото у гати, ведущей в Чертово городище. Но, чтобы отыскать этот кувшин и разрешить эту важную для будущего Русской государственности задачу, нужна политическая воля и твердая позиция со стороны руководства церковной и светской власти России.

Если Господь спасал и до сих пор спасает Россию во всех катастрофах мятежного XX века, то, очевидно, не для того, чтобы в итоге привести ее к гибели. Господь спасает Россию для ее возрождения через Православную веру, для восстановления на земле Святой Руси подлинной законности, а не декоративной по образцу современных западных.

Сегодня по всем человеческим меркам, по всем земным законам и расчетам стратегов холодной войны Россия должна была бы пылать в огне не прекращающейся гражданской войны, гибнуть во мраке и гладе хозяйственной разрухи, безвластия, беззакония и хаоса; на месте России должна была бы быть духовная пустыня. Действительно, русский богатырь был связан по рукам и ногам и бессилен против изощренного «коллективного» Запада. Только Господь Бог в нынешней безысходности может Своим Перстом спасти нас. Но для этого нужна горячая вера в Бога. И действительно, сегодня медленно, но неуклонно происходит пробуждение религиозно-национального самосознания, особенно в мироощущении элитарных (не путать с интеллигенцией!) групп народа, которые в значительной мере и определяют

нравственное состояние общества. Если, по словам И. С. Аксакова, Российская империя была «обществом христианским, но отрехшимся от Христа», то нынешняя атеистическая Россия мучительно ищет свой путь возвращения к Богу.

Сможем ли мы сегодня избавиться от «ярлыковой» болезни, сбросить с себя наросты социально-революционной схоластики, всевозможные «измы» и осознать, что прежде всего мы, русские люди — великороссы, малороссы и белорусы — триединый народ, единственные защитники и хранители Святого Православия — неповрежденного вероучения, призванного спасти человечество от безудержной скачки по гибельному пути массового потребления. «Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него». Жажда наживы, которая охватила сегодня всех людей, безропотное поклонение даже не золотому тельцу, а зеленому бумажному идолу лишь заслоняет от нас ту великую историческую миссию, которая уготована России: быть образцом христианского благочестия, нести в мир спасительные идеи любви, оставаться охранительницей Дома Пресвятой Богородицы и освещать неугасимой лампадой все человечество.

Сегодня полем Куликовым стали души русских людей, где идет отчаянная борьба между добром и злом, между законом и беззаконием, между спасением и гибелью.

Как христианство и его спасительная миссия на земле не начиналась и тем более не заканчивалась на Голгофе, так и крах Российской Империи — Русская Голгофа — не начало и, несомненно, не конец истории Русской государственности, Русской цивилизации. Поэтому нам важно сегодня увидеть в Екатеринбургской трагедии залог возрождения грядущей Православной России, «в зримом умирании незримое ее воскресение». И это непременно свершится «по закону исторического возмездия!»

Для того, чтобы сегодня пробудить дремлющее в русском народе национальное самосознание, ничего сверхъестественного не требуется. Надо просто любить свою землю, знать историю Отечества и быть достойными ее сынами, хранить свой род и родовые традиции. Мы должны взять с собой в будущее из прошлого и настоящего все самое лучшее и чистое. Словом, все то, из чего состоит нравственная сила, благородство и совесть русского народа. Нам нужны дерзость мышления и смелость действий, любовь друг к другу и высокая нравственность отношений. Будем же помнить, что все эти качества вытекают из родника души наших древнейших предков. И на каждом витке истории последующие поколения добавляли к ним новые грани, рожденные собственным опытом.

Александр КУГАЙ

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Александр Иванович Кугай — родился в Запорожье, окончил Военно-политическую академию им. Ленина, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург). Полковник. Автор нескольких книг и многих статей. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Мировой опыт свидетельствует о том, что высокий уровень жизни достигается в тех странах, в которых политика выстраивается на фундаменте местного самоуправления.

В европейской традиции возникновение института местного самоуправления связано с реформами Клисфена — афинского реформатора, основателя той республики, которая ассоциируется с древнегреческой демократией. Главное: его реформа была реформой территориального деления. В результате которой были разрушены филы — территориально-родовые округа, как это бывает в архаичных, примитивных обществах, граждане и власть распределялись между кланами — большими разросшимися семьями и их родственниками. Это — то, к чему человеческое общество склонно. Если на общество не налагать силу Закона (как это, к примеру, сделал имам Шамиль, объединивший горские народы Северного Кавказа, заменив кровную месть институтом шариата), то люди сползаются к семейному сообществу, провоцирующему бесконечные межклановые конфликты, соответственно, демонстрируют низкоэффективный способ организации общественной жизни.

Что сделал Клисфен? *Первое:* он на филы наложил другой — более высокий формат, так называемые демы — территориальную принадлежность. В результате возникло не родовое, а территориальное устройство. Тем самым ликвидировался семейный расклад и образовался территориальный. Последний, в свою очередь, наделялся правами местного самоуправления.

Второе — выборы. Человек участвовал в выборах: избирал и был избранным. Распределение должностей происходило на основании жребия на ограниченный срок.

Третье — афинский остракизм, который можно определить как противоядие от произвола власти. То есть, если кто-то получает 6 тысяч голосов «за изгнание», то его изгоняют на 10 лет.

В России Петр I, заимствовавший из Европы все подряд, взял шведскую губернскую систему государственного устройства, но в крестьянской стране не довел реформу до «логического конца» — местного самоуправления. Вердикт Петра был таковым: «Децентрализацию такую мы себе позволить не можем. Поскольку в деревне у нас умных людей нет, у нас будет управлять город».

В Российской истории формирование института местного самоуправления связано с реформами Александра II. Задача, стоящая перед царем, по тем временам была воистину фантастической. Середина XIX века, в мире уже развиты парламентские системы, в Англии прокладывают метро, а парламент заседает с XII века. В России же — 90 % населения страны — крестьяне, в подавляющем большинстве безграмотные. В отдельных местах есть церковно-приходские школы, это приблизительно один класс образования, минимальная грамота, закон Божий, отсутствие медицины. Закон Дарвина: выживает сильнейший.

Каким образом реформировать такую страну? Вместо того, чтобы очерчивать централизованную стратегию, концентрировать деньги в центре, возникает иная идея: позволить людям проявить инициативу. С 1864 г. создается система земств, вначале это строится в губерниях, уездах, а потом к 1917 г. дошли и до совсем мелкого дробления, до волостей. При этом — контроль избирателями за деятельностью этих органов власти, их финансовая самостоятельность.

Как вообще построить органы управления в такой необразованной крестьянской стране? Естественно, была предложена курialsкая система, неравное представительство, преимущественно сословное. (Заметим, что во всех сообществах первоначально народное представительство было ограничено. Не все входили в политику.) Где-то 42 % мест занимали помещики, дворяне и чиновники; крестьяне — более 38 %, там была многоступенчатая система выборов; купцы свыше 10 % и представители других сословий тоже около 10 %. Вот так выглядела картина. Эти местные самоуправления работали не сразу. К концу 1870 г. — 35 губерний, а к 1917 г. — уже 43, с общим числом 110 миллионов человек. Деньги — за счет земского налогообложения, в основном, недвижимости.

Поражает то, что делали земские учреждения. Во-первых, распределение финансов. Сейчас у нас федеральный бюджет забирает из общей суммы финансов 60-70 % налогообложения, 20 % — это регионы, субъекты федерации, и 5-10 % денег остается на уровне местного самоуправления. Хотя, если посмотреть, как утверждают специалисты, основной объем всех услуг люди получали на уровне местного самоуправления.

Ситуация такова: 20 % забирает царская казна, 20 % — губерния, а все остальные 60 % находились на уровне земств. При этом царская казна, естественно, не занималась вопросами хлебо- и мясомолочного снабжения, организации экономики. Всем этим занимались земства. Естественно, в ведении центральной власти — обеспечение порядка, вопросы, связанные с обороной, с военными делами, международные связи и т. д. и т. п.

Обратим внимание на то, как ведет себя земство к 1915 году. Основная статья расходов, 27 % всего земского бюджета — образование. Следующая позиция: 20 % — медицинская помощь. Расходы на экономическое содействие сельскому хозяйству — 10 %, дорожное строительство — 6 %, на земское управление всего ничего, 7 %; содержание государственных учреждений — 5 %. И 10 % расходов земств покрывалось за счет государственных субсидий. Сейчас основной объем денежных средств вначале собирается в центр (по многим местным бюджетам это более 50 %), а потом это все раздается сверху.

В результате, самые главные достижения таковы.

Первое: сфера образования. До введения земств в России не было школ, к 1870 г., за короткое время, было создано уже 10 тысяч земских школ; к 1903 г. это 18 тысяч, а 1917 г. — более 30 тысяч. То есть, страна начала решать проблему образования задолго до революции, а не как нам рассказывали. И в некоторых местах земства требовали и ставили вопрос о том, что надо организовать всеобщее обязательное начальное образование. Закон такой принят не был, но ряд земств реально этого добились, в них все люди получали начальное образование, как минимум. В Ярославской губернии этот вопрос был решен. Земские учителя имели по тем временам хорошую зарплату, получали при школе жилье.

Второе: земские врачи, медицинское обслуживание, которое появилось в стране. Это все сделали земства, без команд, без указов.

Более того, с началом Первой мировой войны 1914 года на плечи уже вставших на крыло земских учреждений легла работа по организации исполнения военного госзаказа, медицины, включая летучие госпитали; организация транспорта.

И вот пришла советская власть. Царская власть развалилась довольно быстро, но Временное правительство не успело ничего толкового отстроить. С кем боролись большевики за установление советской власти? Именно — с земствами. Поскольку земские учреждения обладали легитимностью, реальными рычагами управления. В результате в 1918–1919 гг. происходит повсеместное уничтожение земских учреждений и выстраивание уже вертикальной системы Советов.

Относительно Санкт-Петербурга. В настоящее время в городе 111 муниципалитетов, 81 муниципальный округ, 9 городов, 21 поселок. В каждом образовании есть администрация и совет муниципальных депутатов. Всего 1500 депутатов. Это люди с минимальными полномочиями в результате того, что в этой системе 2 % совокупных бюджетных расходов контролируется 1500 депутатами, а остальные 98 % нашего бюджета распределяют 50 депутатов Законодательного собрания. 50 депутатов — 90 % денег, 1500 депутатам — 2 %. Совершенно фантастическое устройство. В Москве еще хуже — при 45 депутатах в Законодательном собрании.

В обновленной Конституции РФ очевидно особо проблемной, по своим политическим, правовым, организационным последствиям, является имплантация в главу 8 «Местное самоуправление» обновленной Конституции понятия «единая система публичной власти».

Идея создания единой системы публичной власти впервые на официальном уровне прозвучала в послании Президента России Федеральному Собранию 15 января 2020 года, в котором было предложено «закрепить в

Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами»¹. При этом глава государства подчеркнул, что «полномочия и реальные возможности местного самоуправления — самого близкого к людям уровня власти — могут и должны быть расширены и укреплены».

В итоге, в обновленной Конституции РФ в статье 132, посвященной местному самоуправлению, возник 3-й пункт, в котором определено, что «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

В философском плане система представляет собой структуру, основу которой составляет совокупность элементов, взаимодействующих в интересах целого. Элемент коррелирует с системой, часть — с целым. Прибегнем к нестрогой аналогии. Н²⁰ — система, состоящая из 2-х атомов водорода и одного атома кислорода. Водород и кислород обладают уникальными свойствами, но при взаимодействии образуют воду — вещество, обладающее интегративным свойством. Системность элементов как их характеристика означает, что они непременно взаимодействуют друг с другом, в противном случае это не система, а мешок с картофелем, завязанный шпагатом. В отличие от элемента, часть коррелирует с целым. Капля крови сигнализирует о состоянии всего организма. Можно сказать: сдать кровь означает — «слить» информацию о себе.

Подчеркнем, что понятие публичная власть включает не только государственную власть, но и любую другую власть, выделенную из общества и осуществляемую специальными органами или должностными лицами. Ключевыми элементами публичной системы власти выступают местное самоуправление — публичная негосударственная власть, наиболее прилегающая к народу, два уровня государственной власти — федеральная государственная и государственная власть субъектов федерации.

Суть классической модели: существует местное самоуправление и государство, у них разграничены полномочия, они действуют совершенно независимо, все отрегулировано законом, а если возникают дискуссии, все решается в судах. Соответственно в Конституции 1993 года в основы конституционного строя в первую главу было вписано, во-первых, гарантии, что у нас признается и организуется местное самоуправление. И было сказано, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

В обновленной Конституции 2020 г. в главе 8 «Местное самоуправление» у государственных органов в соответствии с Федеральным законом определяется право участвовать в формировании органов местного самоуправления, в назначении и снятии должностных лиц местного самоуправления. Заметим, что данное положение, продиктованное преимущественно геополитическими факторами, по крайней мере — ослабляют положения первой главы Конституции. Хотя государственное начало всегда присутствовало в историческом сознании русских людей.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию / <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

Анализ геральдики сознания Тверского княжества XIV—XV вв. позволил исследователям сформулировать исторический принцип, которым оно руководствовалось: «Думать глобально (государственно), а действовать локально».

Но сама по себе новая конституционная фраза о единой системе не преобразует мешок картофеля в систему, каким шпагатом его ни завязывай. Но это возможно, если:

- *будут четко очерчены компетенции;*
- *обозначатся источники финансирования функций и полномочий;*
- *вырастут институты гражданского общества;*
- *развернется институт территориального общественного самоуправления.*

Каким образом активизировать народное представительство в решении местных проблем? К примеру, как это делается в Берлине, — в кварталах, где проводились эксперименты по созданию плановых комиссий, привлекавших к своей работе население. Там берется 50 % представителей от муниципальной власти и от официально зарегистрированных организаций гражданского общества при таких квази-общественных палатах при местной мэрии, а 50 % набирается жребием из жителей квартала. Делается это следующим образом. Всем рассылается вопрос: «Хотите поучаствовать в принятии решений, которые затрагивают вас как жителей квартала? Вы сможете участвовать в обсуждениях на следующую тему. Тот план архитектурной перестройки, который вы примете, мы обязуемся реализовать. С одной стороны, будут сведущие люди, а именно: представители союзов архитекторов, застройщика и т. д., с другой стороны, вы придете со своим обычным опытом, послушаете соревнование экспертов перед вашими глазами, потом сами поговорите друг с другом, и в конце концов примете общее решение. Мы не гарантируем, что вы попадете на обсуждение, так как выбор будет по жребию, но если вы готовы в это поиграть, напишите “да”». Рассылается около 2000 приглашений, ответов обычно около 200, т. е., двести «не против». Из 200 выбирается 30 жребием, 5 отказываются в последний момент, присылают письма или звонят: «Извините, теща заболела». Тогда плановая комиссия добирает с помощью жребия еще пять из тех, кто придет. И, поучаствовав раз в принятии решений, набранные из квартала участники подобных ассамблей почему-то начинают верить, что от них что-то зависит. Соответственно, вот так появляются те, кому не все равно.

- *обретут силу отделения политических партий;*
- *сформируется институт муниципальной элиты.*

В отличие от достаточно узкого слоя состоятельных людей, входящих в федеральную и региональную элиту, людей узнаваемых, часто появляющихся на телеэкране, муниципальная элита в силу своего большого количества и известной удаленности от СМИ находится в тени. Однако, именно здесь — в стихии повседневности — создаются семьи и рождаются дети, заселяются дома.

- *наладится система повышения квалификации муниципальных служащих, обмена опытом их работы;*
- *возникнет реальное понимание значения местного самоуправления на всех этажах публичной власти.*

«Какое правительство лучше всех? То, которое научает нас управлять собою» (Иоган Гете).

Тогда не только виды из наших окон станут более привлекательными, но и большинство жизненно важных вопросов будут решаться в интересах граждан, проживающих в нашей замечательной стране.

Очевидно сравнением, подходящим для опознания места о роли местного самоуправления в современном обществе, является знаменитый конфуцианский принцип: «Для сына Неба — благо в Поднебесной — есть порядок в доме, для остальных же благо собственного дома — есть порядок в Поднебесной».

ВЫШЛА КНИГА

Свете Тихий — защитникам Отечества. Сборник поэзии. Пресс-Экспресс. Луганск, 2022.

Союз писателей России совместно с Православным литературным объединением «Свете Тихий» подготовили и выпустили сборник патриотической лирики «Свете Тихий — защитникам Отечества», посвященный эпохальным событиям: признанию Луганской и Донецкой народных республик и специальной военной операции России по демилитаризации, денацификации Украины. Книга с камуфляжной обложкой и знаменем Победы на ней издана за счет пожертвований патриотов России в Луганском издательстве «Пресс-Экспресс». В нее вошли поэтические и прозаические произведения современных авторов из ЛНР и Российской Федерации. Среди них — председатель Правления Союза писателей России, полковник Николай Иванов, секретари Правления СПР Алексей Шорохов и Алексей Полубота. Инициатором и составителем сборника стала Председатель ПЛО «Свете Тихий» писатель и поэт Светлана Тишкина. На инициативу живо откликнулись известные в ЛНР писатели: Елена Заславская, Нина Ищенко, Людмила Деева, Марк Некрасовский, Людмила Гонтарева, Александр Сигида, Лариса Даншина и другие. Животрепещущие временем «Z» произведения, вошедшие в сборник — это подарок военным, нашим дорогим и бесконечно любимым героям, рискующим жизнью ради спасения русского мира. Мы, русские писатели, надеемся, что книги станут той народной поддержкой, той весточкой из надежного тыла, с которой легче победить врага, выполнять поставленные боевые задачи. Ангела Хранителя всем, всем, всем! Ждем с Победой домой!

ПОЭЗИЯ

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ГИМН САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор 5 книг поэзии, книги критики «Резонанс жизни», книг по искусству. Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь СП Рос.сп. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ГИМН САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Твердыня, торжество

Петровой воли...

Храним ты свыше данною судьбой,
Молитвами, поэмами отмолен

От тьмы времён,

светлейший город мой!

Искуплен ты стараниями и жертвой
Заморских зодчих, русских мужиков,
Несокрушим в своей

красе бессмертной

На зыбкой почве древних берегов.

Сполна познавший муки ран и глада,

Непознанный отчаянным врагом,

Ты — «долги наша»,

«на земли» — награда

Грядущему, прославленный в былом.

Ковчег ты, к небу души возносящий,

И — колыбель

для грешных и святых.

Жизнь вечную

невечный ты обрещаешь.

Велик Господь в творениях своих!

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Святому — тезка, детище Петрово,
Санкт-Петербург —

наследник царской крови,

Ответственного права родового —

Защитником быть людям и герою.

Какая б в небе ни змеилась буря,
Какая б ни плевала тварь на Солнце,
Любой поползновенный аспид будет
Здесь уничтожен к славе змееборца,

Чей конь врага с дыханьем ядовитым
На камне одоления и веры
Сминает остро-кованым копытом,
В веках являя уровень примера.

ПАРАД КОРАБЛЕЙ ПАРУСНОГО ФЛОТА

С резной кормы измайловского бота
Во благо не морской своей земли,
Как лебедей, из юных рук царь Петр
Пускал в стихию моря корабли.
Пронизаны враждебными ветрами,

Подняв с молитвой кроткой якоря, —
Руси потомки, встав под парусами,
Вели свою Россию на моря,
Не приспуская марселей и флагов —
Будь то сражение, рейд или парад,
Чтя достославных отпрысков варягов,
Кто хаживал по водам на Царьград.

Скрипели мачт высоких перекрестья,
Шли корабли в кильватерном строю,
И отдавали адмиралы честь им
И кровушку геройскую свою.
Свершая православные моления,
Басили «Святый Боже!» моряки,
Лишь не творили крестного знамения
Те, кто теперь без правой был руки.

БОТИК ПЕТРА I

Чья в ряду стихий сила главная?
В чем достоинство первородства?
Морем — да по небу —
 поступь плавная,
Яко по суху, не дается
Люду глупому, бесполезному,
Тем, кто Отчиной не заботится.
Зыбь свинцовая, твердь небесная

Покорились Петрову ботику,
Чьи наследники — «Беспокойные»,
«Беспощадные», «Стережущие»
Претворили Русь, встарь опольную,
С Божьей помощью, с верой сущую
В океанскую, всемогущую,
Облеченную мудрой силой, —
В вечно будущую Россию.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП

Священны русские вершины,
Средь них —
 Александрийский столп.
Любимый внук Екатерины
Восславлен Ангелом с крестом.
Не покидает фронт воитель —
Ему в веках нести труды.

Благословенный победитель
Наполеоновской орды
Служил в Германскую, в Блокаду.
Не унимаются враги...
В строю «Наш Ангел», правший гада,
Вновь окрыляет он полки.

«МОИ»

Николаю Станкевичу

Никого не осталось, почти — никого,
Я и сын — чтим наследие рода.
Из наследства того не спаслось ничего,
Ни дворцов, ни картин, ни комодов,
Даже Грамоты славной, мной виденной раз
В безразличном к минувшему детстве,
Не понявшем, что с подписью царской Указ
Был дарован и мне, как наследство.
Есть лишь фото, поблекшему солнцу под цвет:
Прадед сдержан в достоинстве чинном,
А прабабушка — юных, восторженных лет —
В платье модном, тугом, с кринолином.
Это ей в Тонком сне прошептала Звезда,
Что измене сродни эмигрантство.
Крымский рейд беспощадно для русских тогда
Разделил мировое пространство.
Все родные мои в русской почве лежат,

Кто-то — в общей блокадной могиле,
Кто-то — на поле пал... Не за ранги наград,
За Россию России служили.
За нее и лишения чтили как дар,
Не боялись ни жизни, ни смерти,
Под защитой молитв, не снимая креста,
Богатели трудом милосердья.

ЖЕНЩИНА С ВЕСЛОМ

*Скульптура «Навигация» на крыше Ботного дома,
построенного для хранения ботика Петра I, существует с XVIII века.*

Пошли на слом все «Девушки с веслом»,
Что украшали парки и причалы.
Праматерь их — в служении былом
На Ботном доме внемлет крикам чаек.

Ее весло — острастка берегам.
Сама — как парус в штормовой стихии.
Путь «Навигация» по Невским облакам
Вершит, не разминутись чтоб в веках
Небесный и морской пути России.

АВРОРА

Упала в Летний сад звезда,
Рассветом разбудила город.
Не катастрофа, не беда —
Вселилась в Петербург Аврора!

Снежинки на ее плечах,
Из мрамора или живая?
В ночи — в мерцающих лучах,
Днем — Ева, ищущая рая.

Кому невянувший букет
Она несет? Пред кем в ответе?
Но никого с ней рядом нет.
И только ветер, только ветер...

ДВЕ РЕКИ

Там, где Адмиралтейский флюгер-вектор
Был установлен Богом и Петром,
Нева и русло Невского проспекта
Слились почти Андреевским крестом —
Знак православный питерскому люду:
Не доверяйте западным ветрам!
Стоять Петрову городу, покуда
Храм и дворец стоят по берегам
Двух этих рек — морской и сухопутной...

Войислав КАРАДЖИЧ

«И ПАМЯТЬ МЧИТ МЕНЯ В РОССИЮ СНОВА...»

Войислав Караджич — сербский поэт, литературовед, переводчик. Окончил филологический факультет Белградского университета. Переводил на сербский язык многих русских поэтов. Опубликовал 10 сборников поэзии и две книги мыслей-афоризмов. Стихи получили наивысшую оценку литературных критиков, публикуются в престижных литературных журналах, газетах и монографиях, переведены на русский, польский, белорусский, китайский языки. Организует Вечер поэзии в деревне Петница у памятника Вуку Стефановичу Караджичу, реформатору сербского языка, при участии поэтов из России. Член СП Черногории. **Живет в Никшиче (Черногория).**

СВЕТ ВОСПОМИНАНИЙ *О даль, мать всех рассветов!*

Россия никогда мне не наскучит:
Сибирь, багрянец леса под луной,
В сны залетают белой ночи стужи,
Лазурь над черноморскою волной.

Слеза скатится из очей невольно,
Как будто запрягаю фаэтон,
И память мчит меня в Россию снова —
Мне золотую нить свивает сон.

Я пробуждаюсь весь в воспоминанье,
Обнимет душу нежная тоска,
Заката холод музыкой желанья
России свет явит издалека.

РАСКАЧИВАНИЕ МЫСЛЕЙ

Я бродяга бездомный
И моряк без штурвала,
И озябшее утро,
И шаг, запряженный ветрами,
И сеть, которой ловлю слова,
И фонтан памяти,
И бунтующий день,
Мечтающий отомстить ночи,
И песня, которая лучше всех песен,
И любовник на глыбе льда,
И неисцелимая рана,
И надежда над бездной тленности,
И горн, играющий нам гимн победы!

ПОТОК ВРЕМЕНИ

Будут идти караваны
Растают ночные туманы
Будет буря жизнь сотрясать
Небо звездами будет сиять
Пока существует планета
Будут и зимы, и лето
Будет и друг, и недруг
И горы золота в недрах
Янтарь с застывшею мошкой в нем,
Который в озере мы найдем
И чудо выйдет из древней тьмы
Когда минувшее вспомним мы
И будут столетий руины
И корабли в пучине

И новые будут Хафизы
Бросать современности вызов
Бесславию будет во все времена,

Которым издревле Земля полна
И миру конец в итоге придет
Если ребенок слезинку прольет!

ОТСВЕТЫ ПАМЯТИ

Тот, кто в груди родники не сберег,
Жаждет рассветов и новых дорог,
Тот, кто не греб среди бурных пучин,
Сути не знал океанских глубин,
Кто не испытывал голода, тот
Вряд ли страдальцев голодных поймет,
Кто не изведал удела бойцов,
Тот не касался зудящих рубцов,
Тот, кто в тюрьме никогда не бывал,
Скорби не пил за бокалом бокал,
Тот, кто не целился в брата, не смог
Сердце свое запереть на замок,
Кто в свою жизнь не впускал божество,
Солнце, прищурясь, слепило того.

ЧАША БЛАЖЕНСТВА

В танцующем на волнах челноке,
Который почти обнимается с берегом,
Расплескивая озерную гладь,
Качается влюбленная пара.

Согретая солнцем вода подрагивает
И, гримасничая, переливается,
Как из сосуда в сосуд.

Две грациозные птицы с крыльями ангелов
Пылают в воздухе
И падают друг другу в объятия.

Травы перешептываются,
А роса, что светлее света, смеется жемчужно.
Тишина все прибывает
И прижимается к ушам, давая простор глазам.

И глядя на это, осмелюсь сказать:
Природа — самый лучший поэт!

ПРИЗЫВ О ПОМОЩИ

Кто, скажите, мне поможет?
Правда — если не исчезла,
Вера — если твердой стала,
Солнце — если не погаснет,

Слово — если не изменит,
Вздох — коль есть еще желанье,
Раковина — если только ее пленником не стану,
Время — если не минуло,
Чаша — если не допита,
Тишина — коль безмятежна и невинна,
Словно совесть,
Ключ — коль жажду утоляет,
Край родной — не ставший сирым,
Бог — покуда не иссякнет милосердие Его!

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ С ХЕПИ-ЭНДОМ

Когда я родился,
Сбежалось почти все село,
Отец веселился, не чувствуя ног под собой,
Срезал из винтовки черту горизонта.

Когда же на свет появилась сестра,
Он только слегка кашлянул,
Процедил непонятное что-то
И глубоко вздохнул.

Когда я учился в университете
И с наслаждением отлынивал от экзаменов,
Высасывая до последнего цента
Деньги из кошелька отца —
Он стал совершенно седым.

Когда настала пора сестре
(ставшей прекрасным врачом
и лечившей всю нашу округу)
Замуж идти, то на свадьбе
Звучала ликующе песня отца!

ПОД КРЫШЕЙ БЫСТРОТЕЧНОСТИ

Вся наша жизнь — как бледный отблеск дня
Как ликование едва проснувшейся агавы
Размытые дождями кольца пня
Родник, который поглотили травы
Ячмень созревший голову подставивший серпу
Пылинка радости, что время сдунуло с меня
Небесный благовест, предрекший нам судьбу!

*Перевел Игорь Елисеев
(В авторской пунктуации)*

**Митрополит
ТИХОН (ШЕВКУНОВ)**

НАС ВЕДЕТ ГОСПОДЬ

*Духовные ориентиры,
по которым необходимо
строить жизнь
христианам сегодня*

Митрополит Псковский и Порховский Тихон (Г. А. Шевкунов) — родился в Москве, епископ РПЦ, митрополит Псковский и Порховский с мая 2018 г., священноархимандрит и игумен Псково-Печерского монастыря. С 1995 по 2018 гг. был наместником Сретенского монастыря в Москве. Председатель Патриаршего совета по культуре. Церковный писатель, сценарист, является главным редактором интернет-портала Православие.Ru.

Если мы зададим себе вопрос: «Какое из творений Божиих самое прекрасное, самое величественное, самое главное?» — то, наверное, многие из нас ответят, что это — человек. И будут неправы. Потому что самое главное, самое прекрасное и величественное творение Божие — это Его Церковь. Церковь — это мы с вами и продолжение Боговоплощения в истории человечества.

«Каждый день — Литургия!»

Глубоко убежден: ни Церковь во всей своей полноте, ни какая-либо Поместная Церковь без монашества существовать не могут.

* * *

Когда мы начинали в Сретенском монастырскую жизнь, отец Иоанн (Крестьянкин) сказал: «Каждый день — Литургия!» Каждый день. Я тогда был один. Мне такое благословение поначалу показалось даже перебором. Зачем каждый день-то? Народ не соберется, вполне можно два-три раза в неделю послужить, тем более надо постоянно бегать по разным хозяйственным вопросам и делам. Но ослушаться не посмел — и очень рад, что не дерзнул воспротивиться благословению батюшки.

Это очень важно для монастыря — ежедневное совершение Божественной Литургии. Для прихода, наверное, — многократно в неделю. Литургия — основа основ духовной жизни и общины, и священника.

* * *

Есть старинная русская поговорка: «Две самые тяжелые на свете вещи — выхаживать старых родите-

лей и Богу молиться». Как говорил один подвижник: «Богу молиться — это кровь проливать».

Труды и дни монастырские

Потребность в уединении, внутреннем и внешнем, есть у каждого монаха. Если бы с самого начала мне кто-нибудь сказал, что, убежав из столицы, придя в монастырь, я снова окажусь не просто в Москве, а в ее центре, я бы, наверное, ужаснулся. Думаю, точно так же все, кто мечтает о монашестве, даже не предполагают, где им придется оказаться со временем и какие нести послушания. Но Господь очень милосердно ведет нас Своими путями к тому, что нам необходимо исполнить.

Жизнь священника, жизнь монаха — это постоянный труд

Жизнь священника — это постоянный труд. В монастыре каждый монах плотно занят с понедельника по субботу: постоянные службы плюс послушания, а зачастую таких послушаний по два-три. В субботу вечером все-нощная. В воскресенье одна или две Литургии. Выходных не существует.

* * *

Для монастыря считаю правильным и полезным — в том числе, не побоюсь этого слова, и духовно полезным, — когда насельники в большой степени или полностью сами содержат свою обитель.

* * *

Хотя Сретенский монастырь и расположен в центре города и вокруг нас мало жилых домов, к нам на службы приезжают люди со всей Москвы, тянутся из Подмосковья. Мы, конечно, очень этому рады, но в то же время это и огромная ответственность.

Главная задача монастыря — помочь монаху оставить мир и все, что в мире, для служения Богу и людям во спасение своей души.

Если монастырь Промыслом Божиим расположился в центре большого города, и если Господь привел в него монаха, он не должен отказываться от духовнического и просветительского служения, если Церковь к таковому служению его призывает.

Современный монастырь в городе, в поселке обязан нести христианскую просветительскую миссию. И она тесно связана с тем путем личного спасения, который проходит здесь каждый насельник, — так же, как путь спасения священника, духовника неразрывно связан с теми людьми, которые к нему приходят: Се, аз и дети, яже ми даде Бог (Ис. 8:18).

Господь призывает нас строить Церковь Христову

К чему Господь призывает всех нас, собравшихся здесь для начала труда на Божией ниве, подготовке к служению Богу? Что делают в этом мире разные люди? — Ученые строят науку, строители строят здания, политики строят государство, врачи выстраивают здоровье людей.

А к чему призваны мы с вами? — Только к одному: Господь призывает нас строить Церковь Христову. Никто другой в мире, кроме епископов, священников и диаконов, не поставлен Богом для этих дел.

Приводить людей к Богу — дело для всех без исключения поколений христиан

Приводить людей к Богу — это дело на всю историю человечества, для всех без исключения поколений христиан. Говорить, свидетельствовать своей жизнью, благовествовать о Боге, Который является Отцом всех людей, воскресит каждого человека, уготовал для каждого Царствие Свое Бесконечное.

Как говорить об этом? Это вопрос, который стоит перед каждым христианином. И каждый должен и жизнью своей, и словом на него ответить, потому что это — заповедь Христова. Это то, что Он заповедал всем нам перед Своим исшествием из мира.

Священство — великое благословение Божие

Дай, Господь, чтобы предстоящее служение, предстоящая жизнь христианина и священника Бога Вышнего были бы для вас радостным осознанием, что все это — великое благословение Божие, что все это не что иное, как особый путь, путь Божественного познания, с которым никакое познание в мире не может сравниться. Дай, Господь, чтобы этот путь для вас был путем Жизни, путем в Царствие Небесное, которое предназначено Господом Богом для каждого идущего за Ним.

* * *

В деле предстоящего служения Церкви Божией все зависит только от каждого из вас. Сможете ли вы понять, что такое полное доверие Промыслу Божию? Сможете ли вы понять, что такое послушание, понять всю высоту его, понять, что такое самоотречение, что такое смирение? Если вы сможете стяжать это понимание, то охотник за человеческими душами — диавол — никогда не сумеет так коснуться нашего сердца, чтобы завладеть им. Диавол подойдет к каждому без исключения, но мы предупреждены об этом грядущем испытании. А посему, уповая на силу Божию, смело вступайте на этот прекрасный путь. И помните: немногих Господь призвал на служение Себе. И помня это, благодарите Бога. Повторю еще раз слова Евангелия: Он «призвал тех, кого хотел», апостолов и вас, их будущих преемников. Он шаг за шагом будет открывать вам красоту восхождения к Богу и понимание, как вести к этой Божественной высоте людей, которых Он вам вверит.

Употреби свои силы на стяжание смирения. А Господь пошлет тебе любовь истинную и непреходящую

Один молодой человек, готовящийся стать священником, подошел ко мне и сказал, что хочет изо всех сил, всей своей душой подвизаться в стяжании любви к Богу и ближнему, все свои силы хочет положить именно на

это. Он спросил, правильно ли он делает. Я ответил ему: «Лучше употреби свои силы на стяжание смирения. А Господь пошлет тебе любовь истинную и непреходящую, не подверженную никаким изменениям, за то, что ты посвятишь свои труды стяжанию смирения, узнаешь, что это такое».

Найти волю Божию

У священника, у духовника одна задача: вместе с человеком, пришедшим к священнику как к духовнику, искать и найти волю Божию о нем. Не поспешно сказать: «Вот, воля Божия такова», а постепенно отыскать ее в тех или иных обстоятельствах жизни человека. Самонадеянно и глупо, когда человек утверждает: «Мне открыта воля Божия». Отец Иоанн (Крестьянкин), старец, которому, по моему глубокому убеждению, Господь действительно открывал волю Божию о людях, только один раз мне сказал: «Вот воля Божия о тебе».

В каких-то обстоятельствах жизни найти волю Божию совсем несложно, потому что в Евангелии она выражена самым прямым образом. Но порой эти обстоятельства так запутаны, что очень сложно понять, как должен человек поступать.

Да, духовнику порой очень непросто подвести человека к пониманию воли Божией. Недаром святые отцы писали, что пастырское служение — это «искусство из искусств и наука из наук».

Сила веры

Есть самая великая, самая всемогущая сила в человеке. Это не сила власти, это не сила убеждения, это не сила ума, это не сила денег. Это — сила веры. Никакой другой большей силы в человечестве не существует. Но это — особая вера. Вера, которая подвигает Самого Господа совершать то, о чем просит человек.

Нас ведет Господь

Вся наша жизнь — это учение и урок, «наказание» по-славянски, потому что уроки эти иногда бывают совсем не безмятежными, а наоборот, иногда болезненными, жесткими, сложными. Но всегда надо помнить, что уроки нашей жизни преподает нам, каждому человеку, Своему творению, Своему чаду, — Сам Господь Бог.

* * *

Нонконформизм, где нет никакого соглашательства с тем, что противоположно нашим убеждениям, — вот это и составляет наш крест

Путь христианина в Царствие Небесное всегда входит в противоречие, всегда противоположен пути в мире сем. И это и составляет крест — путь в Царствие Небесное и путь мира сего. Это и есть наш крест. Это и есть те неизбежные трудности, наш неизбежный нонконформизм, то есть принципиальный такой взгляд, где нет никакого соглашательства с тем, с чем ты

не согласен, что противоположно твоим убеждениям, — вот это и составляет наш крест. Заповеди Божии и наши страсти и жизнь по законам мира сего — это ежедневный и ежечасный наш крест.

* * *

Нас, немощных и расслабленных, поддерживают, нас ведут. Господь Промыслом Своим и через Своих верных учеников — святых устроят по жизни все так, чтобы вести нас ко спасению. Лишь бы мы не испортили этот свой собственный путь.

* * *

Господь проводит падшее человеческое существо, проводит каждого из нас через испытания, утверждающие в нас веру, истину и духовную свободу. Но выше сил искушений не попускает. Он знает, как любящий Отец, когда пришло время посрамить наши греховные человеческие надежды и слабые, немощные мечты. И знает, когда мы становимся готовы к раскрытию перед нами истины Божественной любви, чтобы увидеть бесконечное изобилие того, что Бог уготовал каждому любящему Его.

* * *

Мать Божия — особый, бесконечно святой и великий дар христианскому миру. Опыт жизни поколений и поколений христиан, всех христианских народов было осознано особое место Пресвятой Богородицы в жизни христиан и отдельных людей — учеников Христовых. Поэтому мы так особо молимся Ей, поэтому мы так с доверием, с упованием относимся к молитвам Пресвятой Богородице.

* * *

Что такое чудо? Чудо — это когда Господь поступает неправильно. Вместо того чтобы тонуть в водах, Он идет по ним. Вместо того чтобы дать женщине спокойно умереть от кровотечения, Он исцеляет ее. С точки зрения мира сего, то, что делает Бог, — это неправильно. С точки зрения мира, надо не подставлять другую щеку своим личным врагам, а жестоко им отмстить, и так далее. Но мы видим, как прекрасно, справедливо, совершенно то, что Господь делает с точки зрения этого мира неправильно.

Пусть любовь Божия отзовется и в наших сердцах

Что может связывать человека с Богом? Только одно — Любовь. Только ее Он ждет от нас.

Если мы — ученики Христовы, то должны помнить, что все наши искушения — ничто перед благодатью и силой, всемогуществом, милосердием и любовью Божией.

Дай Бог, чтобы среди братии монастыря, студентов, сотрудников, прихожан царили бы заповеданная Христом любовь, горячая вера, искренняя и охотная забота друг о друге. Чтобы всегда царили мир и радость о Христе.

А для этого нужно лишь одно: чтобы Господь Иисус Христос, верность Ему, исполнение Его заповедей были бы главной целью жизни и братии, и прихожан. Тогда все наносное, все завистливое, злое и искушительное, встающее на пути человеческой жизни, отойдет в сторону, не будет иметь никакого существенного значения, превратится в ничто — в пар, в туман рядом с Иисусом Христом, Господом и Богом нашим.

Знать одного лишь Бога Господа Иисуса Христа, стремиться лишь к Нему. И только тогда все без исключения проблемы, беды, сложности, все испытания будут легко преодолимы.

Мы живем в других ценностях, других измерениях, мы живем особой единой семьей. Далеко не совершенной, земной семьей. Чтобы, пройдя через испытания, через осознание и покаяние в грехах, стать семьей совершенно иной, семьей святых, семьей, в которой есть одно только чувство — любви, благодарности, радости о Боге, а все чувства эгоистические, все чувства заблуждений уже далеко позади.

* * *

Бог показывает Свою любовь в надежде на то, что эта любовь отзовется и в наших сердцах. Любовь к человеческому роду до страданий и самой смерти.

Прощать надо легко

Прощать надо легко и с радостью. С таким душевным расположением, чтобы у нас на душе осталось светлое чувство, что мы, по милости Божией, наконец-то совершили что-то действительно очень необходимое, важное и для нас самих, и для нашего ближнего. Да так оно и есть! Мы отпустили, сколько это от нас зависело, человека на свободу от вечной смерти. Мы исцелили, по мере наших немощных возможностей, человека от вечной смерти и от ада.

Родители, воспитывайте в детях благодарность. Это самое главное, что вы можете в них взрастить

Бойтесь неблагодарных людей! Родители, воспитывайте в детях благодарность. Это самое главное, что вы можете в них взрастить. Я не говорю о внешних знаниях. Но духовно воспитайте в своих детях веру и благодарность, и все остальное — приложится. Но если в силу каких-то обстоятельств вы смущаетесь и считаете, что благодарность сама по себе должна произрасти в сердце вашего ребенка, — вы жестоко ошибаетесь: диавол не будет сидеть сложа руки и станет насаждать подобную ему самому, диаволу, неблагодарность в сердца ваших чад. А вы пожнете плоды вашего бездействия и самого страшного человеческого порока — неблагодарности, от которой и сами будете в ужасе и смятении.

Все христиане — удивительно творческие люди

Художник украшает холст и приносит его в дар людям. Композитор создает музыкальное произведение. А христианин пытается очистить, пре-

образить свою душу и принести ее Богу. Это самое потрясающее, самое интересное творчество из тех, что есть на земле. Поэтому мне кажется, что все христиане — удивительно творческие люди.

* * *

Тот, который взял пять талантов, и тот, который взял два таланта у Господина своего, умножили Ему эти таланты в два раза. Но Господин ведь их не взял. Ему эти таланты не нужны, Он отдал их опять... А что же Ему нужно? Ему нужно творчество, какое бы оно ни было, потому что эти рабы созданы по Его образу и подобию.

Моему поколению, по-светски говоря, повезло. А если сказать с нашей, церковной позиции, то нам выпала великая милость Божия: мы, священники, монахи, епископы, сподобились возрождать епархии, монастыри, храмы. Мы счастливые люди.

Уроки старцев

В первую очередь свои наставления нам давал отец Иоанн (Крестьянкин), который благословил создание московского подворья. Я вот недавно был в Печорах, поехал к нему на могилу, на один денечек. Потом мы с архимандритом Таврионом, нынешним монастырским духовником, стояли вместе в храме на службе, и во время кафизмы он вдруг говорит: «Слушай, ты помнишь, какой сегодня день?» — «Какой?» — «Иверской иконы Божией Матери. В 1993 году отец Иоанн именно в этот день благословил создавать подворье Псково-Печерского монастыря». И от этого знаменательного совпадения, от этих слов стало мне очень тепло и радостно. Действительно, именно семнадцать лет назад отец Иоанн совершенно неожиданно для меня, да и для всех, вдруг сказал: «Ты будешь создавать подворье Псково-Печерского монастыря в Москве. Ничего не бойся!» Когда подворье стало расти, отец Иоанн благословил создавать монастырь, который все равно останется связанным с Псково-Печерским монастырем. Здесь у нас останавливаются братия из Печор, и мы часто туда ездим, и по-прежнему Псково-Печерский монастырь, его богослужебные традиции, духовные заветы его старцев во многом определяют нашу жизнь.

Отец Иоанн очень много писал об устройстве монастырской жизни, следил, особенно в первые годы, за тем, как монастырь развивается, следил за той непростой ситуацией, которая разворачивалась вокруг подворья в связи с известными событиями 1994—1995 годов в церковной жизни города Москвы. И для нас его внимание, конечно, было просто бесценным. Отец Иоанн не говорил нам ничего принципиально отличавшегося от того, что написано в его письмах о монашестве. Но это были его сокровенные мысли, выстраданные и опытом проверенные пути устройства монашеской жизни.

В книге «Несвятые святые» документально рассказывается о мире, которой находится рядом. Совсем поблизости от нашего обыденного и привычного. Только мы среди важных и суетных дел этот мир не замечаем. Пока не выясняется, что проживаем жизнь, не замечая главного.

Самое главное, о чем сказано в «Несвятых святых», — об общении человека и Бога и как удивительно и прекрасно это происходит.

Как слабый человек, я часто нуждаюсь в утешении, в том числе и в борьбе с помыслами сомнения, маловерия, уныния... Книгу «Несвятые святые» я написал в том числе и для самого себя, чтобы перечитывать и говорить себе: «Слушай, дружок, а ты помнишь, какие были события, какие события Господь посылал тебе в твоей жизни? И ты еще смеешь что-то хрюкать?!»

Это победа святых новомучеников

Мысль создать храм и посвятить его новомученикам появилась у нас давно, практически с начала возрождения обители. Место, на котором стоит монастырь, — Большая Лубянка — это место заключения, страданий и мученической смерти многих исповедников, верных Богу православных христиан — иерархов, священников, мирян. Построить храм, прославляющий их верность, мужество, духовную красоту и подвиг, призвать их молитвы за нас было нашей важнейшей духовной задачей.

Вся земля на Большой Лубянке — единый большой антиминос

На территории Сретенского монастыря, который был закрыт в 1920-е годы, тоже располагались подразделения ЧК, НКВД. Здесь тоже были казематы, здесь тоже пытали. Мы говорим, что земля Сретенского монастыря — это антиминос.

В антиминос, на котором служит Божественная Литургия, — особый плат, благословенный архиереем, который кладется на престоле в алтаре, — вшиваются мощи святых мучеников. А земля на Большой Лубянке — единый большой антиминос.

Что может быть лучше для осмысления трагических событий нашей истории, как не храм Божий? Словами-то не осмыслишь. Ну, скажут правильные слова, выразят правильные мысли, дадут правильные оценки. Но здесь нечто большее. Должен быть храм-памятник нашим новомученикам — удивительно светлый. Храм, идеей которого будет переход от страданий к радости, от тьмы к свету, от тленного к нетлению, от нашего времени к тому состоянию, когда, как Господь сказал, времени больше не будет, — в Царствие Небесное.

Разве не светло и радостно это событие? Победа святых новомучеников!

Эпитафией можно было привести слова отца Иоанна (Крестьянкина), который говорил, что дни, проведенные им в лагере, были самыми счастливыми его в жизни годами, когда Христос был рядом.

Новый храм Сретенского монастыря назван в честь всепобеждающего Воскресения Христова и в честь верных учеников Господа Иисуса Христа — Его святых новомучеников и исповедников. Мы осмысливаем путь, пройденный нашей страной, народом, мы прислушиваемся к урокам, которые должны извлечь, и понимаем главное: все — только в руках Божиих.

Господь низводит во ад и возводит. Это и случилось с нашим Отечеством, низведенным во ад и возведенным вновь к Воскресению Христову, к воскресению жизни о Боге для многих миллионов наших соотечественников.

**Надо помнить: мы живем в Святой Руси.
Верую, что молитвами новомучеников,
под покровом Божией Матери Россия воспрянет!**

Конечно, только очень предвзятый и злобный ум может утверждать, что в России ничего не происходит к лучшему, что тщетны молитвы новомучеников. Я вспоминаю покойного насельника Донского монастыря отца Даниила, который часто удивлялся: «Как вы можете не верить в возрождение России? А молитвы сонма новомучеников?! Тех, которые кровь пролили за Христа, которые молятся теперь у Престола Божия за нас, за нашу Россию, за нашу Церковь?!» Он говорил: «Верую, что молитвами новомучеников, под покровом Божией Матери Россия воспрянет!»

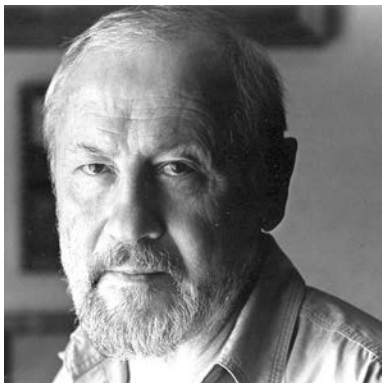
Повторюсь, только очень пристрастный и не любящий Россию ум может утверждать, что в России положительного ничего не происходит. Конечно же, происходит. Мы видим в храмах уже новое поколение молодежи, которая воспитана в Православии. Таких молодых людей очень и очень немало. Мы видим множество людей, пришедших к вере, спасающихся, кающихся. Мы видим и внешнее возрождение.

Если бы только золотили купола, а Православная Церковь духовно умирала — это было бы ужасно. Но, к счастью, Церковь не изменяет своему Учителю, Господу Иисусу Христу. Она идет за Ним, она ведет множество людей в Царствие Небесное.

Главная задача Православной Церкви — препровождать своих граждан в Царствие Небесное.

Один из святителей, почивших в XX веке, сказал: «Не нужно искать святую Русь, надо жить в ней». И мы, по милости Божией, живем в ней, в святой Православной Церкви, которая одна может даровать нам мир, утешение, смысл этой жизни и вечное спасение.

Юрий ЛОЩИЦ

КИРИЛЛИЦА И ГЛАГОЛИЦА

*Глава из книги
о Кирилле и Мефодии*

Юрий Михайлович Лошиц — родился в 1938 г. в селе Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 г. окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

I

И по сей день в ученой среде не снят с обсуждения вопрос: какая из двух славянских азбук была первоначальной? Какую из них создал (сам или при участии брата Мефодия) младший солунянин? Вроде бы, по логике вещей, доступной и человеку, малосведущему в вопросе, Кирилл — автор как раз той азбуки, которая названа его именем.

Но в кругу исследователей в XX веке прочно утвердилось и теперь преобладает противоположное мнение: создатель славянской азбуки изобрел не кириллицу, а глаголицу. Именно она, глаголица, древней, первородней. Именно ее совершенно необычным, оригинальным буквенным строем были исполнены старейшие из славянских рукописей.

Следуя такой убежденности, считают, что кириллическая азбучная традиция утвердилась поздней, уже после кончины Кирилла, и даже не в среде первых учеников, а после них — у писателей и книжников, трудившихся в Болгарском царстве в X веке. Через их посредство, как известно, кириллическая азбука перешла и на Русь.

Казалось бы, если авторитетное большинство отдает первенство глаголице, то почему бы не успокоиться и не возвращаться больше к изжившему себя вопросу? Однако старая тема то и дело возобновляется. Причем, эти порывы чаще исходят именно от адвокатов глаголицы. Можно подумать, что они намерены отшлифовать до блеска некоторые свои почти абсолютные результаты. Или что у них все еще не очень спокойно на душе, и они ожидают каких-то неожиданных дерзких покушений на свою систему доказательств.

Ведь, казалось бы, в их доводах все очень наглядно: кириллица

вытеснила глаголицу, причем, вытеснение проходило в достаточно грубых формах. Обозначена даже дата, от которой предложено отсчитывать силовое устранение глаголицы с заменой ее на кириллическую азбуку. К примеру, по убеждению словенского ученого Франца Гревса, такой датой рекомендуется считать рубеж 893—894 годов, когда Болгарское государство возглавил князь Симеон, сам по происхождению полугрек, который получил отличное греческое образование и потому сразу же стал ратовать за утверждение в пределах страны алфавита, буквенной своей графикой живо перекликающегося, а по большей части и совпадающего с греческим письмом.

В культурное творчество якобы вмешались тогда сразу и политика, и личная прихоть, и такое смахивало на катастрофу. Целые пергаменные книги в сжатый промежуток времени, в основном приходящий на X век, спешно зачищались от глаголических начертаний, а на промытых листах повсеместно появлялась вторичная запись, исполненная уже кириллическим уставным почерком. Монументальным, торжественным, имперским.

Перезаписанные книги историки письма называют *палимпсестами*. В переводе с греческого: нечто свеженаписанное на соскобленном или промытом листе. Для наглядности можно вспомнить обычные пометки в школьной тетради, второпях подтираемые ластиком перед тем, как вписать слово или букву в исправленном виде.

Обильные соскабливания и смывки глаголических книг вроде бы красноречивей всего и подтверждают старшинство глаголицы. Но это, заметим, и единственное документальное свидетельство силовой замены одной славянской азбуки на другую. Никаких иных достоверных подтверждений происшедшего катаклизма древнейшие письменные источники не сохранили. Ни ближайшие ученики Кирилла и Мефодия, ни их продолжатели, ни тот же князь Симеон, ни кто-либо иной из современников столь заметного происшествия нигде о нем не сочли нужным высказаться. То есть, ни-чего: ни жалоб, ни запрещающего указа. А ведь упорная приверженность к глаголическому письму в обстановке полемики тех дней легко могла бы вызвать обвинения в еретическом отклонении. Но — молчание. Есть, впрочем, довод (его настойчиво выдвигал тот же Ф. Гревс), что отважным защитником глаголицы выступил в своей знаменитой апологии азбуки, сотворенной Кириллом, славянский писатель начала X века Черноризец Храбр. Правда, почему-то сам Храбр ни словом, ни намеком не проговаривается о существовании азбучного конфликта. К разбору основных положений его апологии мы обязательно обратимся, но позже.

А пока не помешает еще раз зафиксировать распространенное мнение: кириллице отдали предпочтение лишь из соображений политического и культурного этикета, поскольку в большинстве буквенных написаний она, повторим, послушно следовала графике греческого алфавита, а, значит, не представляла собой какого-то чрезвычайного вызова письменной традиции византийской ойкумены. Вторичная, откровенно про-греческая азбука и была-де людьми, учредившими ее приоритет, названа в память Кирилла Философа.

В таком, по видимости, безупречном доводе в пользу первенства глаголицы есть все же один странный коллективный недогляд, почти несусазица. Право же, как это книжники, своевольно отвергшие глаголическое азбучное изобретение Кирилла, посмели бы назвать его именем другую азбуку,

к созданию которой он не имел совершенно никакого отношения? Такое самоуправство, близкое к кощунству, могло быть допущено только лицами, по сути совершенно не уважавшими труд своего великого учителя, святого мужа, а только делавшими вид, что истово чтут его память. Но подобное лицемерие в среде учеников и последователей наших солунян просто непредставимо. Оно по своей циничной сути совершенно не соответствовало бы этическим принципам эпохи.

Эта странная исследовательская неувязка, согласимся, сильно обесценивает доводы сторонников глаголицы как безусловного и единственного детища Кирилла Философа. И все же существование палимпсестов заставляло и будет заставлять каждого, кто притронется к теме первенствующей славянской азбуки, снова и снова проверять логику своих доказательств. Не до конца вычищенные первоначальные буквы пергаменных книги и по сей день поддаются если не прочтению, то узнаванию. Как ни промывались листы пергамена, следы глаголицы все равно проступают. А за ними, значит, проступает или криминал, или какая-то вынужденная необходимость той отдаленной поры.

II

К счастью, о существовании глаголицы сегодня свидетельствуют не одни лишь палимпсесты. В разных странах сохранился целый корпус древних письменных памятников глаголической буквенной графики. Это книги или их фрагменты давно известны в науке, тщательнейшее изучены. Среди них в первую очередь нужно упомянуть Киевские листки X—XI в. (памятник хранится в Центральной научной библиотеке АН Украины, Киев), Ассеманиево Евангелие X—XI в. (в славянском отделе Ватиканской библиотеки), Зографское Евангелие X—XI в. (в Российской Национальной Библиотеке, Санкт-Петербург), Мариинское Евангелие X—XI в. (в Российской Государственной Библиотеке, Москва), Клоциев сборник XI в. (Триест, Инсбрук), Синайская Псалтирь XI в. (в Библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае), Синайский требник XI в. (там же).

Ограничимся хотя бы этими, древнейшими и авторитетнейшими. Все они, как видим, не относятся к твердо датируемым памятникам, поскольку ни в одном не сохранилось записи с точным указанием года создания рукописи. Но даже округленные, «плывущие» датировки, не сговариваясь, подтверждают: все рукописи возникли уже по кончине основоположников славянской письменности. То есть, во времена, когда, по убеждению сторонников «глаголического первенства», традиция этого письма усиленно вытеснялась приверженцами про-греческой азбуки, возобладавшей будто бы вопреки намерениям «глаголита» Кирилла.

Вывод, который неумолимо напрашивается: уже сами по себе датировки старейших глаголических источников не позволяют чересчур драматизировать картину противостояния двух первых славянских азбук. Заметим, что к XI веку относятся и несколько старейших кириллических рукописей Древней Руси: это всемирно известные Реймское Евангелие первой половины века, Остромирово Евангелие 1056—1057 гг., Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г., Архангельское Евангелие 1092 г., Савина книга, — все, кстати, на чистых листах, без следов промывок.

Так что излишняя драматизация неуместна и в вопросе о палимпсестах. К примеру, при тщательном исследовании страниц глаголического Зографского Евангелия неоднократно обнаруживаются следы промывок или подчисток старого текста и новых написаний на их месте. Но что же на промытых от глаголицы страницах? Вновь глаголица! Причем, самая большая из таких реставраций (речь идет о целой тетради из евангелия от Матфея) относится не к X–XI, а уже к XII веку.

Есть в этой рукописи и кириллический текст. Но он скромно появляется лишь на страницах ее дополнительной части (синаксаря). Этот раздел относится уже к XIII в., и текст нанесен на чистые, а не промытые от глаголицы листы. В статье, посвященной Зографскому Евангелию (Кирило-Методиевска енциклопедия т. 1, София, 1985), болгарский исследователь Иван Добрев упоминает, что в 1879 г. глаголическая, то есть старейшая часть памятника была опубликована в кириллической транслитерации. Тем самым создавалась база для более внимательного научного анализа двух азбук. Упрощалось знакомство с оригиналом и для читателей, лишенных возможности вчитываться в забытую за прошедшие века глаголицу. В любом случае такой способ обращения к древнему источнику никак не спутать с промывкой или соскабливанием.

Из сохранившихся древних рукописей, пожалуй, лишь единственную можно отнести к числу целиком промытых от глаголицы. Это кириллическое Боянское Евангелие XI века. Оно поневоле приобрело несколько одиозную известность, как наглядное доказательство жесткого вытеснения одной традиции в пользу другой. Но все перечисленные выше старейшие памятники глаголического письма свидетельствуют как раз о другом — о мирном сосуществовании двух алфавитных традиций в пору строительства единого литературного языка славянства.

Как будто во исполнение устного завета своих учителей, продолжатели дела Кирилла и Мефодия приходили к негласной договоренности. Смысл

Свв. равноапостольные Кирилл и Мефодий

же ее попробуем свести к следующему: раз уж славянству, в отличие от других насельников земли, так здорово повезло, что их письменный язык создается сразу с помощью двух азбук, то не нужно особенно горячиться; пусть эти азбуки постараются как следует, доказывая свои способности, свои лучшие свойства, свое умение легче и надежнее запомниться, войти на глубины людского сознания, прилипнуть прочнее к вещам видимым и смыслам незримым. Понадобилось несколько десятилетий, и стало проступать наружу, что состязание — все же не идиллия. Оно не может слишком долго проходить на равных.

Да, глаголическое письмо, добившись немалых успехов на первом этапе строительства нового литературного языка, поразив поначалу воображение многих своей свежестью, небывалостью, яркой и экзотической новизной, своим таинственным обликом, четким соответствием каждого отдельного звука определенной букве, постепенно стало терять позиции. В глаголице сызначала присутствовало качество предмета нарочитого, намеренно закрытого, годного для узкого круга посвященных лиц, обладателей почти тайнописи. В обликах ее букв то и дело проступала какая-то игривость, кудреватость, мелькали то и дело простецкие манипуляции: повернул вверх кружками — одна буква, вниз кружками — другая, кружками вбок — третья, добавил рядом схожую боковушку — четвертая... Но алфавит как таковой в жизни народа, им пользующегося, не может быть предметом шутки. Это особенно глубоко чувствуют дети, с великим вниманием и прямо-таки молитвенным напряжением всех силенок исполняющие в тетрадах первые буквы и слоги. Азбука слишком тесно связана с главными смыслами жизни, с ее священными высотами, чтобы перемигиваться с читателем. Неграмотный пастух или землепашец, или воин, остановившись у кладбищенской плиты с большими непонятными буквами, вопреки своему незнанию все-таки прочитывал: тут выражено что-то самое важное о судьбе неизвестного ему человека.

III

Еще и по той причине нет до сих пор умиротворения вокруг вопроса о глаголице, что чем дальше, тем сильнее зыбится перспектива самого происхождения феноменальной азбучной доктрины. Ее облик и по сей день будоражит воображение исследователей. Не иссякает соревновательная активность в изыскании все новых и новых доказательных догадок. Ее вычурно называют сакральным кодом, матрицей вселенского звучания, к которой нужно, как к великому святилищу, развернуть и кириллицу, и другие европейские алфавиты. Кому выпадет честь окончательно высветлить родословную диковинной гостыи на пиру письмен?

Клубок научных, а с недавних пор и любительских, гипотез на глазах растет. Их объем к нашим дням стал таков, что знатоки вопроса, похоже, уже и сами приходят в смятение при виде безостановочной цепной реакции версетворения. И многие задумываются: не пора ли, наконец, остановиться, сойтись на чем-то одном. Иначе тема генезиса глаголицы однажды захлебнется в воронке дурной бесконечности. Не в последнюю очередь смущает и то, что в разное и сумятице споров о происхождении имярек часто обнаруживаются не очень привлекательные приемы спорящих авторитетов.

Понятно, наука не бесстрастна. В пылу интеллектуальных баталий не зазорно настаивать на своем до конца. Но неловко наблюдать при этом, как намеренно забываются чужие доводы, обходятся стороной общеизвестные письменные источники или даты. Лишь один пример. Современный автор, описывая в научно-популярном труде Реймское Евангелие, вывезенное дочерью князя Ярослава Мудрого Анной во Францию, называет его глаголическим памятником. И для вящей убедительности помещает изображение отрывка, написанного хорватским почерком в стиле готической глаголицы. Но рукопись Реймского Евангелия, как хорошо известно в научном мире, состоит из двух весьма неравноценных по возрасту частей. Первая, старейшая, относится к XI в. и выполнена кириллическим письмом. Вторая, глаголическая, была написана и прибавлена к первой лишь в XIV столетии. В начале XVIII в., когда во Франции гостил Петр Первый, рукопись в качестве драгоценной реликвии, на которой присягали французские короли, была показана ему, и русский царь тут же стал читать вслух кириллические стихи евангелия, но озадачился, когда дело дошло до глаголической части.

Болгарский ученый XX в. Емил Георгиев однажды задался целью составить опись существующих в славистике вариантов происхождения глаголицы. Выяснилось, что в качестве образца для нее разными авторами в разное время предлагались самые неожиданные источники: архаические славянские руны, этрусское письмо, латиница, арамейская, финикийская, пальмирская, сирийская, еврейская, самаритянская, армянская, эфиопская, староалбанская, греческая алфавитные системы...

Уже этот чрезвычайный географический разброс озадачивает. Но полувековой давности опись Георгиева, как теперь очевидно, нуждается в дополнениях. В нее не вошли ссылки еще на несколько новых или старых, но подзабытых разысканий. Так, в качестве наиболее достоверного источника, предлагалось рассматривать германское руническое письмо. Образцом для глаголицы могла, по другому мнению, послужить алфавитная продукция кельтских монахов-миссионеров. Недавно стрела поиска с запада опять резко отклонилась на восток: русский исследователь Гелий Прохоров считает глаголицу ближневосточным миссионерским алфавитом, автором же его — загадочного Константина Каппадокийца, тезку нашего Константина-Кирилла. Воскрешая древнее предание славян-далматинцев, как о единоличном создателе глаголицы снова заговорили о блаженном Иерониме Стридонском, знаменитом переводчике и систематизаторе латинской «Вульгаты». Предложены были версии возникновения глаголицы под воздействием графики грузинского или коптского алфавитов.

Е. Георгиев справедливо полагал, что Константин-Философ по темпераменту своему никак не мог походить на собирателя славянского алфавитного скарба с миру по нитке. Но все же болгарский ученый упрощал себе задачу, неоднократно заявляя, что Кирилл ни у кого ничего не заимствовал, а создал совершенно самобытное, не зависящее от внешних влияний письмо. При этом с особым жаром Георгиев опротестовал концепцию происхождения глаголицы от греческого курсивного письма IX века, предложенную еще в конце XIX столетия англичанином И. Тейлором. Как известно, Тейлора вскоре поддержали и дополнили русский профессор из Казанского университета Д. Беляев и один из крупнейших славистов Европы В. Ягич,

который роль Кирилла как создателя новой азбуки сформулировал предельно лаконично: «der Organisator des glagolischen Alfabet». Благодаря авторитету Ягича, признает Георгиев, теория «получила громадное распространение». Позже многих к «греческой версии» присоединился и А. М. Селищев в своем капитальном «Старославянском языке». К такому же мнению осторожно склоняется ученый из Принстона Брюс М. Мецгер, автор исследования «Ранние переводы Нового Завета» (М., 2004): «Судя по всему, — пишет он, — Кирилл взял за основу затейливое греческое минускульное письмо IX в., возможно, добавил несколько латинских и древнееврейских (или самаритянских) букв...». Примерно так же высказывается немец Иоганнес Фридрих в своей «Истории письма»: «...наиболее вероятным кажется происхождение глаголицы из греческого минускула IX столетия...».

Один из основных доводов Тейлора состоял в том, что славянский мир, благодаря своим многовековым связям с эллинистической культурой, испытывал понятное тяготение к греческому письму как образцу для собственного книжного устройства и не нуждался для этого в заимствованиях из алфавитов восточного извода. Алфавит, предложенный Кириллом Философом, должен был исходить именно из учета этой встречной тяги славянского мира. Здесь нет нужды разбирать контрдоводы Е. Георгиева. Достаточно напомнить, что главный из них всегда был неизменен: Константин-Кирилл сотворил совершенно оригинальное, никакому из алфавитов не подражающее письмо.

Дополняя разработки Тейлора, Ягич опубликовал и свою сопоставительную таблицу. На ней греческие курсивные и минускульные буквы той эпохи соседствуют с глаголицей (округлой, так называемой «болгарской»), кириллицей и греческим унциальным письмом.

Рассматривая таблицу Ягича, нетрудно заметить, что расположенный на ней слева скорописный греческий курсив (минускул) своими плавными закруглениями то и дело перекликается с глаголическими кругообразными знаками. Невольно напрашивается вывод о перетекании буквенных начертаний одного алфавита в соседний. Так это? — не так?

Немаловажно другое. Вглядываясь в греческую скоропись XI века, мы как бы на расстоянии полусага приближаемся к рабочему столу Константина, видим взволнованные беглые заметки на тему будущего славянского письма. Да, это, скорее всего, черновики, первые или далеко не первые рабочие прикидки, наброски, которые легко стереть, чтобы исправить, как стирают буквы со школьной восковой дощечки или с разглаженной поверхности сырого песка. Они легки, воздушны, скорописны. В них нет твердой напряженной монументальности, какая отличает греческий торжественный унциал той же поры.

Рабочий греческий курсив, словно летящий из-под пера братьев, творцов первого славянского литературного языка, как бы возвращает нас снова в обстановку монастырской обители у одного из подножий горы Малый Олимп. Мы помним эту тишину совершенно особого свойства. Она наполнена смыслами, которые к концу пятидесятих годов IX в. впервые обозначились в противоречивом, сбивчивом славяно-византийском диалоге. В этих смыслах отчетливо прочитывалось: до сих пор стихийное и непоследовательное сосуществование двух великих языковых культур — эллинской и славянской — готово разрешиться чем-то еще небывалым. Потому что, как

никогда прежде, проступало теперь их давнее, сначала по-детски любопытное, а затем все более и более заинтересованное внимание друг к другу.

IV

Уже отчасти говорилось о том, что греческий классический алфавит в пределах древнего Средиземноморья, а затем и в более широком евроазиатском ареале на протяжении не одного тысячелетия представлял собой культурный феномен совершенно особой притягательной силы. Влечение к нему как образцу для подражания наметилось еще у этрусков. Пусть огласовка их письменных знаков до сих пор недостаточно раскрыта, но латиняне, сменившие этрусков на Аппенинах, для устройства собственного письма успешно подражали уже двум алфавитам: и греческому, и этрускому.

В таких подражаниях нет ничего обидного. Не все народы выходят на арену истории одновременно. Ведь и греки в многотрудных, растянувшихся на века заботах о восполнении своего письма использовали поначалу достижения финикийской алфавитной системы. И не только ее. Но в итоге совершили подлинный переворот в тогдашней практике письменной речи, впервые узаконив в своем алфавите отдельные буквы для гласных звуков. За всеми этими событиями не вдруг обнаружилось со стороны, что греки — еще и создатели грамматической науки, которая станет образцовой для всех соседних народов Европы и Ближнего Востока.

Наконец, в век явления человечеству Христа именно греческий язык, обогащенный опытом перевода ветхозаветной Септуагинты, взял на себя ответственность стать первым, подлинно путеводным языком христианского Нового Завета.

В великих греческих дарах миру мы по привычке все еще держим на первом месте античность, языческих богов, Гесиода с Гомером, Платона с Аристотелем, Эсхила с Периклом. Между тем, они уже сами смиренно ушли в тень четверых евангелистов, апостольских посланий, грандиозного видения на Патмосе, литургических творений Иоанна Златоуста и Василия Великого, гимнографических шедевров Иоанна Дамаскина и Романа Сладкопевца, богосведения Дионисия Ареопагита, Афанасия Александрийского, Григория Паламы.

Не прошло и века после евангельских событий, как разные народы Средиземноморья возжаждали узнать Священное Писание на языках, им родных. Так появились ранние опыты переводов Евангелия и Апостола на сирийский, на арамейский, на латынь. Немного позже вдохновенный переводческий порыв был подхвачен коптскими христианами Египта, армянской и грузинской церквями. В конце IV в. заявил о своем праве на существование перевод для христиан-готов, выполненный епископом готским Вульфиллой.

За вычетом сирийско-ассирийских рукописей, исполненных с помощью традиционного ближневосточного букваря, во всех остальных по-своему проявлено почтение к алфавитному строю греческих первоисточников. В коптском алфавите христианских переводов, заменившем древнее иероглифическое письмо египтян, 24 буквы начертаниями подражают греческому унциалу, а семь остальных добавлены для записи звуков, несвойственных греческой речи.

Похожую картину можно увидеть и в готском Серебряном кодексе, самом полном рукописном источнике с текстом перевода Вульфила. Но здесь к греческим буквам добавлен ряд латинских, а сверх того, знаки из готских рун — для звуков, внешних для греческой артикуляции. Так вновь созданные готский и коптский алфавиты каждый по-своему дополняли греческую буквенную основу — не в ущерб ей, но и себе не в убыток. Тем самым загодя обеспечивался для многих поколений наперед более легкий способ знакомиться — через доступный облик букв — с самими соседними языками общего христианского пространства.

При создании армянского, а затем и грузинского алфавитов был избран иной путь. Обе эти кавказские письменности без колебаний приняли за основу алфавитную последовательность греческой азбуки. Но при этом сразу же получили новую самобытную графику восточного пошиба, внешне ничем не напоминающую письмо греков. Знаток кавказских старописьменных инициатив академик Т. Гамкрелидзе по поводу такой новации замечает: «С этой точки зрения древнегрузинская письменность *Асомтаврули*, древнеармянский *Еркатагир* и старославянская *Глаголица* подпадают под общий типологический класс, противопоставляясь коптской и готской письменностям, а также славянской *Кириллице*, графическое выражение которых отражает графику современной им греческой письменной системы».

Это, конечно, не оценка, а невозмутимая констатация очевидного. Более определенно высказывается Гамкрелидзе, рассматривая труды Месропа Маштоца, общепризнанного автора армянского алфавита: «Мотивом для подобного свободного творчества графических символов древнеармянского письма и создания оригинальных по начертанию письменных знаков, отличных графически от соответствующих греческих, должно было быть стремление скрыть зависимость вновь создаваемой письменности от письменного источника, использованного в качестве модели для ее создания, в данном случае от греческой письменности. Таким путем создавалась внешне оригинальная национальная письменность, как бы независимая от каких бы то ни было внешних влияний и связей».

V

Невозможно допустить, что Кирилл-Философ и Мефодий, представители первенствующей греческой письменной культуры, не обсуждали между собой, чем отличаются по характеру своих алфавитных знаков коптские и готские книги от тех же грузинских и армянских рукописей. Как невозможно представить, что братья были безразличны к множеству примеров интереса славян не только к греческой устной речи, но и к греческому письму, его буквенному строю и счету.

По какому пути было следовать им самим? Вроде бы ответ подразумевался: строить новую славянскую письменность, равняясь на греческий алфавит, как на образец. Но обязательно ли все славяне единодушны в своем почитании греческого письма? Ведь в Херсонесе братья в 861 г. листали книгу славянскую, но записанную буквами, непохожими на греческие. Может, и у славян иных земель уже есть свои особые виды, свои пожелания и даже встречные предложения? Не зря же Константин двумя годами позже, во время беседы с императором Михаилом о предстоящей миссии в Велико-

моравское княжество, сказал: «...пойду туда с радостью, если есть у них буквы для их языка». Как помним, агиограф, описывая ту беседу в «Житии Кирилла», привел и уклончивый ответ василевса касательно славянских букв: «Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу их обрести?» На что последовал похожий на горестный вздох ответ младшего солунянина: «Кто может записать на воде беседу?..»

За этим разговором — внутреннее противоборство, сильно смутившее Константина. Можно ли выискать письмо для народа, который сам до сих пор не искал для себя письма? Допустимо ли отправляться в путь с чем-то заранее готовым, но совершенно неизвестным для тех, к кому идешь? Не оскорбит ли их такой не вполне прошенный дар? Ведь известно — из того же обращения Ростислава-князя императору Михаилу, — что к моравянам уже приходили с проповедью и римляне, и греки, и немцы, но проповедовали и службы служили на своих языках, а потому народ, «простая чадь», поневоле оставался глух к непонятным речам...

В житиях братьев отсутствует описание самого посольства из Моравии. Неизвестен ни его состав, ни сроки пребывания в Константинополе. Неясно, была ли просьба князя Ростислава о помощи оформлена в виде грамоты и на каком языке (на греческом? на латыни?) или это было только устное сообщение. Можно лишь догадываться, что у братьев все же имелась возможность выведавать заранее у гостей, насколько их славянская речь схожа с той, какую солуняне слышали с детских лет, и насколько моравяне наивны во всем, что касается общения на письме. Да, понимать речь друг друга, как выясняется, можно вполне. Но такая беседа что-то рябь, поднятая ветерком на воде. Совсем иного рода собеседование — церковная служба. Для нее нужны понятные моравянам письменные знаки, книги.

Буквы! Письмо... Какие все-таки буквы, какие письма им ведомы и насколько? Достаточен ли будет для знакомства моравских славян со святыми книгами христианства тот алфавитный и переводческий склад, который в монастыре на Малом Олимпе братья и их помощники готовили несколько лет подряд, еще не зная, найдется ли в этом их произведении надобность за стенами обители.

И вдруг неожиданно открылось: такая надобность — вовсе не мечта! Не блажь малой горстки иноков и приехавшего к ним на затянувшуюся побывку, увлекшего их небывалым почином Философа.

Но сам-то он, вызванный вместе с игуменом Мефодием к василевсу, — в какое вдруг впал смущение! Уже и книги на Малом Олимпе готовы, и читают по ним, и поют, а он, больше всех потрудившийся, теперь как будто попятился: «...поеду, если есть там у них свои буквы для письма...».

А если и нет, то у нас-то уже есть! Им же самим, Философом, собранные в алфавитный чин, пригодные и приглядные для славянского слуха и глаза письма...

Но если у них уже есть и свои буквы, то какое же оттого может быть расстройство? Ну, есть и есть! Даже хорошо, что есть. Значит, можно сравнить, чем-то поделиться, от чего-то отказаться. Еще посмотреть надо, чей подбор полнее, чье письмо удобней для чтения. Черновой ли работы страшиться, когда уже столько ее проделано в поисках лучшего рисунка для букв, изображающих славянские звуки?

КИРИЛЛИЦА			Буквы глаголицы	КИРИЛЛИЦА			Буквы глаголицы
Буквы кириллицы X-XI вв.	Название букв	Звуковое сочетание		Буквы кириллицы X-XI вв.	Название букв	Звуковое сочетание	
А	Аз	[a]	Ѧ	Ф	Ферт	[f]	Ф
Б	Буки	[b]	Ѣ	Х	Хер	[x]	Ѧ
В	Веди	[v]	Ѥ	Ѡ	От (Омега)	[o]	Ѧ
Г	Глаголи	[g]	Ѭ	Ч	Цы	[tʃ]	Ѧ
Д	Добро	[d]	Ѯ	Ѣ	Червь	[tʃ]	Ѧ
Е	Есть	[e]	Ѥ	Ш	Ша	[ʃ]	Ш
Ж	Живите	[ʒ]	Ѧ	Щ	Шта	[ʃtʃ]	Щ
З	Зело	[dʒ]	Ѧ	Ъ	Ер	[ɐ]	Ѧ
З	Земля	[z]	Ѧ	Ѧ	Еры	[ɐ]	Ѧ
И	Ижи	[i]	Ѧ	Ѧ	Ерь	[ɐ]	Ѧ
И	Иже	[i]	Ѧ	Ѧ	Ять	[jɐ]	Ѧ
И	(Г'ервь)	[rʲ]	Ѧ	Ю	-	[ʲu], [jy]	Ѧ
К	Како	[k]	Ѧ	Ѧ	-	[ʲa], [ja]	Ѧ
Л	Люди	[l]	Ѧ	Ѧ	-	[ʲe], [je]	Ѧ
М	Мыслите	[m]	Ѧ	Ѧ	Юс малый	[e]	Ѧ
Н	Наш	[n]	Ѧ	Ѧ	-	[ʲe], [je]	Ѧ
О	Он	[o]	Ѧ	Ѧ	Юс большой	[q]	Ѧ
П	Покой	[p]	Ѧ	Ѧ	-	[ʲq], [jq]	Ѧ
Р	Реки	[r]	Ѧ	Ѧ	Кси	[ks]	Ѧ
С	Слово	[s]	Ѧ	Ѧ	Пси	[ps]	Ѧ
Т	Твердо	[t]	Ѧ	Ѧ	Фита	[f]	Ѧ
У	Ук	[u]	Ѧ	Ѧ	Ижица	[i], [ɪ]	Ѧ

Не с любым ли делом так: сколь тщательно ни готовь, а кажется, что объявить его перед людьми все еще рано. Целая гора причин сразу же находится, чтобы еще промедлить! И нездоровье, и боязнь впасть в грех самонадеянности, и опасение осрамиться в неподъемном деле... Но разве и раньше избегали неподъемных дел?

...Пытаясь представить себе внутреннее состояние солунских братьев накануне их отбытия с миссией в Великоморавское княжество, я, по сути, не отхожу от скупых подсказок на эту тему, изложенных в двух житиях. Но уточнение психологических мотивировок того или иного поступка моих героев — это и не домysel вовсе! Надобность в домysле, предположении, версии возникает, когда подсказки, даже самые скупые, в источниках отсутствуют. А рабочий домysel мне просто необходим. Потому что недостает его по вопросу, составляющему пружину всей славянской азбучной двоицы. Ведь жития, как уже говорилось, молчат о том, какой именно алфавит Мефодий и Константин взяли с собой в неблизкий путь. И хотя преобладающее ныне убеждение, кажется, не оставляет никаких путей для иномыслия, я все более и более склоняюсь к следующему: братья никак не могли повезти с собой то, что называется сегодня глаголицей. Они везли свою первоначальную азбуку. Исходную. То есть, исходящую в своем строе от даров греческого алфавита. Ту самую, которая теперь называется кириллицей. И везли не одну лишь азбуку, как таковую, а и первоначальные свои книги. Везли переводческие труды, записанные на языке славян с помощью азбуки, исполненной по образцу греческого алфавита, но с добавлением букв славянского звукоряда. Сама логика становления славянского письма, если быть до конца честным по отношению к ее законам, держит, не позволяет оступиться.

Глаголица? Она впервые заявит о себе немного позже. С нею братья будут иметь дело уже по прибытии в Велеград, столицу Моравской земли. И, судя по всему, это произойдет не в год приезда, а после чрезвычайных происшествий следующего, 864-го. Именно тогда восточно-франкский король Людовик II Немецкий, заключив воинский союз с болгарами, в очередной раз нападет на великоморавский град Девин.

Вторжение, в отличие от предыдущего, предпринятого королем почти десять лет назад, окажется успешным. На сей раз Людовик принудит князя Ростислава принять унижительные условия, по сути вассальные. С этого времени работа греческой миссии в пределах Великоморавского государства пойдет под знаком непрекращающегося натиска со стороны западных противников византийского влияния. В переменившихся обстоятельствах братьям и могла помочь вынужденная разработка иной азбучной графики. Такой, которая бы своим обликом, нейтральным по отношению к про-греческому письму, сняла, хотя бы отчасти, напряжения юрисдикционного, да и чисто политического характера.

VI

Нет, никак не уйти от саднящего, как заноза, вопроса о происхождении глаголицы. Но дело теперь придется иметь уже с самым малым числом гипотез. Их, за вычетом многочисленных восточных, остается всего две, от силы три. Они в числе иных уже упоминались выше.

Нет перевешивающих доводов ни «за», ни «против» в связи с предположением, что глаголица вышла из кельтской монастырской среды. В связи с этим адресом обычно ссылаются на работу слависта М. Исаченко «К вопросу об ирландской миссии у моравских и паннонских славян».

Допустим, некая «ирландская подсказка» сгодилась Философу и его старшему брату. Допустим, они нашли и в ней нужные знаки для чисто славянских звучаний. (Значит, с двух сторон идут в правильном направлении!) И даже обнаружили, что эта ирландского пошиба азбучная последовательность в целом соответствует законодательному греческому букворяду. Тогда им оставалось бы вместе со своими сотрудниками быстро выучиться этому письму, пусть и замысловатому. И перевести в его графику славянские, уже привезенные из Константинополя богослужебные рукописи. Пусть их малоолимпийские книги, после сотворения с них списков на новый лад, отдохнут немного на полках или в сундуках. По крайней мере, в случившемся есть повод и для доброй шутки! Это что же за славяне такие? Везет же им!.. ни у кого еще на свете не заводилось письмо сразу на двух азбуках.

Более слабой по сравнению с «кельтской» версией выглядит старинная, но живучая легенда: якобы автор глаголицы — блаженный Иероним Стридонский (344—420). Предание основано на том, что почитаемый по всему христианскому свету Иероним вырос в Далмации, в славянской среде, и сам, возможно, был славянином. Но если Иероним и занимался алфавитными упражнениями, то никаких достоверных следов его просветительской деятельности в пользу славян не осталось. Как известно, колоссального напряжения всех духовных и гуманитарных способностей Иеронима потребовала работа по переводу на латынь и систематизации корпуса Библии, названного позже Вульгатой.

Братья не понаслышке знали труд, занявший несколько десятилетий жизни отшельника. Они вряд ли обошли вниманием отточенное переводческое искусство Иеронима. Этот удивительный старец не мог не быть для них образцом духовного подвижничества, выдающейся целеустремленности, кладезем технических приемов перевода. Останься от Иеронима хоть какой-то набросок алфавита еще и для славян, братья бы, наверняка, с радостью принялись его изучать. Но — ничего не осталось, кроме легенды о славянолюбии блаженного труженика. Да вряд ли слышали они и саму легенду. Скорее всего, она родилась в тесной общине католиков — «глаголящей», упорных далматинских патриотов глаголического письма, много позже кончины Кирилла и Мефодия.

Остается третий вариант развития событий в Великоморавии после военного поражения князя Ростислава в 864 году. И. В. Левочкин, известный исследователь рукописного наследия Древней Руси, в своих «Основах русской палеографии» пишет: «Составленный в начале 60-х годов IX в. Константином-Кириллом Философом алфавит хорошо передавал фонетический строй языка славян, в том числе и славян восточных. По прибытии в Моравию миссия Константина-Кирилла убедилась, что там уже была письменность, основанная на глаголице, которую просто “отменить” было невозможно. Что оставалось делать Константину-Кириллу Философу? Ничего, кроме как настойчиво и терпеливо внедрять свою новую письменность, основанную на созданном им алфавите — кириллице. Сложная по своим конструктивным особенностям, вычурная, не имеющая никакого основания в культуре славян, глаголица, естественно, оказалась не в состоянии конкурировать с гениальной по простоте и изяществу кириллицей...».

Хочется целиком подписаться под этим решительным мнением о решительности братьев в отстаивании своих убеждений. Но при этом как же быть с происхождением самой глаголицы? Ученый считает, что глаголица и «русские письмена», которые разбирал Константин три года назад в Херсонесе, — одна и та же азбука. Получается, что братьям вторично пришлось иметь дело с какими-то уже очень широко — от мыса Херсонес в Крыму до великоморавского Велеграда — распространившимися письменами. Но если в Херсонесе Константин с почтительным вниманием отнесся к показанным ему Евангелию и Псалтыри, то почему теперь, в Великоморавии, братья восприняли глаголицу чуть ли не враждебно?

Вопросы, вопросы... Будто заговоренная, не спешит глаголица подпустить к своей родословной. Иногда, кажется, уже никого не подпустит.

VII

Пора, наконец, призвать на помощь автора, писавшего под именем Черноризец Храбр. Он ведь — почти современник солунских братьев. В своем апологетическом труде «Ответы о письменах» он свидетельствует о себе как о горячем защитнике просветительского деяния солунских братьев. Хотя сам этот автор, судя по его собственному признанию (оно читается в некоторых древних списках «Ответов...»), с братьями не встречался, но был знаком с людьми, которые Мефодия и Кирилла хорошо помнили.

Небольшое по объему, но удивительно смысловое сочинение Храбра к нашим дням обросло громадным частоколом филологических толкований.

Это не случайно. Черноризец Храбр — и сам филолог, первый в истории Европы филолог из славянской среды. И не какой-нибудь из начинающих, а выдающийся для своей эпохи знаток и славянской речи, и истории греческого письма. По сумме вклада в почтенную дисциплину можно без преувеличения считать его отцом славянской филологии. Разве не достойно удивления, что такой вклад состоялся на первом же веку существования первого литературного языка славянства! Вот как стремительно набирала силы молодая письменность.

Могут возразить: настоящим отцом славянской филологии надо назвать не Черноризца Храбра, а самого Кирилла Философа. Но все громадные филологические познания солунских братьев (за исключением диспута с венецианскими триязычниками) почти полностью растворены в их переводческой практике. А Храбр в каждом предложении «Ответов» просто блещет филологической оснасткой своих доводов.

Он сочиняет одновременно и трактат, и апологию. Точные, даже точнейшие для той эпохи сведения по орфографии, фонетике сопоставляемых письменностей и языков, подкрепленные сведениями из античных грамматик и комментариев к ним, чередуются под пером Храбра с восторженными оценками духовного и культурного подвига братьев. Речь этого человека местами похожа на стихотворение. Взволнованные интонации отдельных предложений вибрируют как песня. В речи Храбра, даже если он углубляется в подробности буквенного устройства азбук, нет ничего от толдычения схоластика-зануды.

Почему этот литературный памятник назван «Ответами...»? Духовный переворот, совершенный Кириллом и Мефодием на общем поле двух языковых миров, славянского и греческого, можно догадываться, породил в поколении монаха Храбра великое множество вопросов среди славян. Вот он и собрался ответить самым настойчивым из искателей истины. Да, события небывалые. Еще живы их деды, «простая чадь», которые и слыхом не слыхали об Иисусе Христе. А сегодня в каждом храме звучит всем понятная притча Христова о сеятеле, о добром пастыре, о первых и последних на пиру, и громко разносится призыв Сына Человеческого ко всем труждающимся и обремененным... Как это вдруг заговорили для славян книги, прежде им непонятные?... Прежде ведь не было у славян своих букв, а если были у кого, то никто почти не разбирал их смысла...

Да, соглашается Храбр:

*Прежде славяне не имели букв,
но по чертам и резам читали,
или же гадали, погаными будучи.
Крестившись же,
римскими и греческими письменами
пытались писать славянскую речь без устроения...*

Но не всякий славянский звук, замечает Храбр, «можно написать хорошо греческими письменами».

*...И так было долгие годы,
потом же человеколюбец Бог, правя всем*

*и не оставляя человеческий род без разума,
но всех в разум приводя и к спасению,
помиловал род человеческий,
послал им святого Константина Философа,
нареченного Кириллом,
мужа праведного и истинного.
И сотворил он им букв тридцать восемь —
одни по образцу греческих букв,
другие же по славянской речи.*

«По образцу греческих букв» сотворено было, уточняет Черноризец Храбр, двадцать четыре знака. И, перечислив их, чуть ниже вновь подчеркивает: «подобных греческим буквам». «А четырнадцать — по славянской речи». Настойчивость, с которой Храбр говорит об «образце» и следовании ему, о звуковых соответствиях и различиях двух писем, убеждает: чрезвычайно важна для него эта причинно-следственная сторона дела. Да, Кирилл Философ многое взял в свою азбуку как бы почти задаром. Но много важного и добавил впервые, самым смелым образом расширив ограниченный греческий букворяд. И Храбр перечислит все до единой буквы Кириллова изобретения, соответствующие именно славянским артикуляционным способностям. Ведь грек, добавим от себя, просто не умеет произнести или очень приблизительно произносит целый ряд звуков, широко распространенных в славянской среде. Впрочем, и славяне, как правило, не очень чисто произносят некоторые звуки греческой артикуляционной инструментовки (к примеру, то же «с», которое у грека звучит с некоторой шипинкой). Словом, каждого на свой лад одарил-ограничил *Создатель всяческих*.

Нет нужды сопровождать пояснениями любую строку Храбра. Его «Ответы о письменах» достойны самостоятельного прочтения, и такая возможность будет предоставлена ниже, сразу после основного текста нашего рассказа о двух славянских алфавитах.

А здесь достаточно подчеркнуть: Храбр честно и доказательно воспроизвел логику развития славяно-греческого духовного и культурного диалога во второй половине IX века.

Сожаления достойно, что иные из защитников «глаголического первенства» (особенно тот же Ф. Гревс, доктор теологии) постарались и ясные как день доводы первого славянского филолога перевернуть с ног на голову. Он-де, по их убеждению, выступает именно как отважный сторонник... глаголического письма. Даже когда говорит о греческом алфавите как безусловном образце для Кирилла. Потому что Храбр якобы имеет в виду вовсе не сами буквы греческой графики, а лишь последовательность греческого алфавитного порядка. Но уже и в кругу ученых-глаголитов раздается ропот по поводу таких слишком рьяных манипуляций.

VIII

Что ж, и невооруженным глазом видно: в наши дни (так было и в IX в.) вопрос о кириллице и глаголице, как и вопрос о первенстве кириллицы или латинице в землях западных славян — не только филологический, но, по-неволе, и конфессиональный, и политический. Насильственное вытеснение

кириллического письма из западно-славянской среды начиналось еще в век солунских братьев, в самый канун разделения церквей на западную и восточную — католическую и православную.

Кириллица, как мы все видим и слышим, и сегодня подвергается повсеместному силовому натиску. В нем задействованы не только «орлы» — устроители однополярного мира, но и «агнцы» — тихие миссионеры Запада на Востоке, а с ними и «голуби» — ласковые гуманитарии-слависты.

Как будто никто из этого стана не догадывается, что для нас, более тысячи лет живущих в расширяющемся пространстве кириллического письма, наша родная, от первых страниц букваря возлюбленная кириллица — такая же святыня, как стена алтаря, как чудотворная икона. Есть национальные, государственные символы, перед которыми принято вставать, — Флаг, Герб, Гимн. К ним относится у нас и Письмо.

Славянская кириллическая азбука — свидетельница того, что уже с давних веков славянство Востока пребывает в духовном родстве с Византийским миром, с богатейшим наследием греческой христианской культуры.

Иногда эта связь, в том числе не имеющая себе аналогов в пределах Европы близость греческого и славянского языков, все же получает тщательно выверенные подтверждения со стороны. Брюс М. Мецгер в уже цитированном труде «Ранние переводы Нового Завета» говорит: «Формальные структуры церковнославянского и греческого языков очень близки по всем основным признакам. Части речи, в общем, одни и те же: глагол (изменяется по временам и наклонениям, различаются лицо и число), имена (существительное и прилагательное, включая причастие, изменяются по числам и падежам), местоимения (личные, указательные, вопросительные, относительные; изменяются по родам, падежам и числам), числительные (склоняются), предлоги, наречия, разнообразные союзы и частицы. В синтаксисе тоже обнаруживаются параллели, и даже правила построения слов очень схожи. Эти языки настолько близки, что во многих случаях вполне естественно выглядел бы дословный перевод. В каждой рукописи есть примеры чрезмерной буквальности, но в целом создается впечатление, что переводчики в совершенстве знали оба языка и старались воспроизвести дух и значение греческого текста, как можно меньше отходя от оригинала».

«Эти языки настолько близки...» При всей своей академической бесстрастности, оценка Мецгером уникальной структурной схожести двух языковых культур дорого стоит. Во всем исследовании характеристика такого рода прозвучала единственный раз. Потому что сказать о подобной же степени близости, какую он отметил между греческим и славянским, ученый, рассмотрев другие старые языки Европы, не нашел оснований.

IX

Но пора напоследок вернуться и к сути вопроса о двух славянских азбуках. Насколько позволяет сопоставление старейших письменных источников церковнославянского языка, кириллица и глаголица достаточно мирно, хотя вынужденно, соревновательно сосуществовали в годы миссионерской работы солунских братьев в Великой Моравии. Сосуществовали, — допустим модернистское сравнение, — как в пределах одной целевой установки соревнуются два конструкторских бюро со своими самобытными проектами.

Первоначальный алфавитный замысел солунских братьев возник и реализовался еще до их приезда в Моравскую землю. Он заявил о себе в облике перво-кириллической азбуки, составленной с обильным привлечением графики греческого алфавита и прибавкой большого ряда буквенных соответствий чисто славянским звучаниям. Глаголица по отношению к этому азбучному строю — событие внешнее. Но такое, с которым братьям пришлось считаться, находясь в Моравии. Будучи азбукой, вызывающе отличной по облику от самого авторитетного в тогдашнем христианском мире греческого письма, глаголица достаточно быстро стала терять свои позиции. Но ее появление было ненапрасным. Опыт общения с ее письменами позволил братьям и их ученикам усовершенствовать свое изначальное письмо, придав ему постепенно облик классической кириллицы. Филолог Черноризец Храбр не зря же заметил: «Легче ведь после доделывать, нежели первое сотворить».

А вот что, спустя многие столетия, сказал об этом детище Кирилла и Мефодия строгий, придирчивый и неподкупный писатель Лев Толстой: «Русский язык и кириллица имеют перед всеми европейскими языками и азбуками огромное преимущество и отличие... Преимущество русской азбуки состоит в том, что всякий звук в ней произносится, — и произносится, как он есть, чего нет ни в одном языке».

ВЫШАА КНИГА

Память поколений. Сборник поэзии. Псков, 2020.

Этот сборник издан Псковским региональным отделением Союза писателей России по итогам литературно-исторического проекта «Чтобы помнили». Проект реализуется с использованием средств гранта Президента Российской Федерации. Основными мероприятиями проекта стали: Всероссийский поэтический конкурс «Высота», посвященный 20-летию подвига десантников шестой парашютно-десантной роты сто четвертого гвардейского парашютно-десантного полка семьдесят шестой гвардейской воздушно-десантной дивизии, международная историко-литературная акция «Бессмертный полк русской поэзии», посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и юбилейный, десятый фестиваль исторической поэзии «Словенское поле».

Все ключевые мероприятия проекта нашли отражение в книге. Отдельной главой представлена подборка духовной лирики конкурса «Свет обители», который проводился в рамках фестиваля «Словенское поле — 2020» по благословению митрополита Псковского и Порховского Тихона и был посвящен 110-летию со дня рождения старца Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоанна (Крестьянкина). По количеству стран-участниц эта книга является международным сборником памяти: Россия, Беларусь, Израиль, Казахстан, Украина — авторы из этих государств стали участниками данного проекта.

Владимир КРУПИН

ПЕРЕБИРАЯ ДАВНИЕ ЗАПИСКИ О ПУШКИНЕ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Москве.

Название записок отсылает к словам Пушкина из «Арапа Петра Великого»: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая поучительная», и в самом деле, однажды насмелясь написать о «Повестях Белкина», я не мог не заниматься темой творчества Пушкина и далее. Пусть кому-то угодно посчитать мои записки слишком личными, но безграничность пушкинской темы, особенно для литератора, ее оживляющие ум и совесть уроки подвигают к ее познанию.

Чем влюбленнее открываешь книги Пушкина, тем более они очаровывают, тем более мерцает и светится «магический кристалл» его гения.

Перебирая свои давние записки, отчеркивания и заметки на полях, вижу несколько этапов в чтении Пушкина.

ПЯТНА НА СОЛНЦЕ

Так, по молодости лет и по навеянной извне низменной страсти и на солнце заметить пятна, я занимался неблагодарной задачей — замечать недостатки у гения. Именно так был направлен ум — поверять алгеброй гармонию. Тут плохую услугу сделали многие книги по литературоведению и критике.

Хватало времени и сил жадно их читать, чтоб, заняв чужого ума, развивать собственный. А получалось хуже — свой ум подавлялся, а заемный развивал самоуверенность, что даже и высшее искусство постижимо. Все казалось просто! Усвоенная сумма приемов должна была давать результат. Тип, характер, метафора, пейзаж, отступление, речевая характеристика... каких только слов ни сыпалось, как из дырявых мешков, из пособий и предисловий, из комментариев и критик. Ну как было не вообразить, что постижимость любо-

го творчества достижима. Другое дело, что тогда почему-то в голову не приходило, что уж если так проста, например, «Капитанская дочка», то почему же вместо того, чтоб заваливать ее горами истолкований, не писать такие же простые повести?

Как было, вооружась карандашом, не подметить, что и Пушкин не без греха, ну, например, то, что он повторяется. Фраза «картечьхватила в самую середину толпы» дважды в разных местах. «Сверкающие глаза» и у башкирца, и у Пугачева. Теперь я думаю: «Ну и что? Ну и еще можно нахватать повторов, и что нового добавится в пушкиноведении?».

Неужели в то время проходили мимо сознания такие фразы:

«Так поэма, обдуманная в уединении, в летние ночи, при свете луны, продается потом в книжной лавке и критикуется в журналах дураками» /«Участь моя решена...»/. В оправдание себе скажу, что фраза была выписана в те же времена, но видно в этом еще не было предчувствия на будущее открытие, ведь я же себя дураком не считал. Куда там!

Вновь и вновь я невольно выискивал что-либо, например, такое. Петр /Ибрагиму/: «Надобно тебе... вступить в союз с русским боярством». Немного ниже, Ибрагим /размышляя/: «Свадьба с молодой Ржевской соединит меня к гордому русскому дворянству» /«Арап Петра Великого»/. Не лучше ли было отослать себя к «Истории Государства Российского», к истории дворянства в России, его рождения из заслуженного перед отечеством боярства. Но и тут можно себя оправдать: у нас, как сказал наш современник, куда доступнее история любого африканского государства, чем своя собственная.

Также бесполезны были сопоставления, например, такого рода:

*Безумец! полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань.*
(«Бахчисарайский фонтан»)

*...но полно, полно, перестань,
ты заплатил безумству дань.*
(«Евгений Онегин»)

Все-таки польза, может быть единственная, в таких выписках была — приучала к внимательному чтению и тем вознаграждала за недостатки школьного образования. Уже начинались постепенно и такие выписки, где сопоставлялись сходные места из произведений разных лет, а тут немало могло быть полезного для раздумья, особенно с точки зрения непрерывно взлетающего роста гения Пушкина. Вот тот же «Бахчисарайский фонтан» /речь о луне/:

*Кто в небе место ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу девы юной скажет:
Люби одно, не изменись...*

И знаменитейшее из «Египетских ночей» и «Езерского»:

*«Зачем кружится ветер в овраге...» и т. д. до слов:
Зачем арапа своего младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.*

Я сокращаю цитаты не только из экономии бумаги, просто представляю себе читателя, знакомого с Пушкиным. Разве не благодарная задача для старшеклассника или младостудента сопоставить Полтавский бой, его описание в «Полтаве», и битву, описанную в «Руслане и Людмиле». Почти одни и те же слова, много одинаковых фраз, но насколько недосыгаемо взлетело дарованное свыше умение. Восемь-девять лет пролегли меж поэмами.

*И день настал. Толпы врагов
С зарею двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой...*
(«Руслан и Людмила»)

*Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки...*
(«Полтава»)

Вне всяких сомнений, подобные сопоставления были, и все они приличествуют приближению к подножию Пушкина. Только чтобы они не становились целью изучения, а шли по нарастающей, чтобы в них появлялись задачи нравственного воспитания. Например, сопоставление «Записок молодого человека», и «Истории блудного сына», и «Станционного смо-

Константин Юон. Портрет
А. С. Пушкина. 1945 г.
Собр. О. И. Юона. Москва

трителя», ведь в них библейская история перекликается с современностью, сюда же добавляется история дочери зрителя, возникает постоянное у Пушкина стремление говорить о понятии преступления и наказания, греха и возмездия /«Какая б ни была вина, ужасно было наказанье»/. Но к этому мы еще вернемся, заметив только себе в оправдание, что для тогдашних читателей Пушкина знание Библии было нормой, для теперешних редкость, а отсюда уменьшение силы восприятия.

ПОДТЕКСТ

От сопоставлений сходных мест путь мой лежал к замечаниям, то есть к обращению внимания на то, что говорится не явно, но подразумевается и расширяет впечатление. Так, например, Гринев, вырвавшийся от строгого отца, крепко загулял в Симбирске. Тут и выпивка с Зуриным, и игра на деньги, и поездка с пьяным Зуриным к Аринушке — полный набор нарушения заповедей. «Молчи, хрыч!» — отвечает он доброму Савельичу. Тот, страдая за молодого барина, пытается понять, в кого бы это быть Гриневу. Все предки — люди порядочные и непьющие. «А кто всему виноват? проклятый мусье, — решает Савельич. — То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: “Мадам, же ву при, водкю”. Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей». Гриневу /и это важно/ стыдно перед Савельичем, тот, следуя своей беспредельной честности, договаривает правду и о себе. Сведя заочно счеты с мусью, он винится: «Сам я кругом виноват... Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме».

Но это признание он делает наутро, а вечером, видимо и сам страдая, делится, назидая на будущее, и своим опытом: «Вот видишь ли, Петр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Вышей-ка огуречного рассолу с медом, а всего бы лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?».

Каких только прозвищ ни заслужил бедный Савельич за то, что Гринев дрался на шпагах со Швабриным, как только его ни обозвал старый барин, за что? За то, что Савельич бежал спасти Гринева? «Бог видит, бежал я заслонить тебя своею грудью от шпаги Алексея Иваныча». Но и тяжело переживая оскорбление упреком и подозрением, Савельич не был бы собой, не показав корни порока. «Нет, батюшка Петр Андреич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием да топаньем убережешься от злого человека!...». И ведь прав Савельич — злодей Швабрин наносит своей клеветой следующие удары куда чувствительней первой раны.

Тут же, попутно, заметим и о Швабрине. Пушкин бы не был Пушкиным, если бы хоть кого-то мазал одной лишь черною краской. Да, Швабрин клятвопреступник, и уже одно это ему не простится. Но он любит Машу Миронову, хотя и тут переступает нравственное правило: разве можно насильно добиться любви, выражение «стерпится — слюбится» не от хорошего, оно от векового русского терпения, ведь по истинной любви душа раскрывается навстречу любимому до донышка, а усмиренная терпением, она в лучшем случае достигает лишь жалости.

Швабрин высмеивает стихи Гринева не только оттого, что в них о Маше, еще и оттого, что сам он такие не способен написать. Он во многом подл: колет шпагой отвернувшегося Гринева, то есть фактически наносит удар в спину, выдает тайну рождения Маши Пугачеву, и все-таки при последнем их свидании для его описания находятся такие слова: «Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом... Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено...».

Деля же ранние заметки по Швабрину, я всего лишь тормозил там, где казалось мне несоответствие. Так, непонятно, когда Швабрин успевает переодеться в казацкое платье и даже обстричься в кружок, ведь совсем за минуты до этого они все вместе стояли на валу крепости. Тут же были сломлены напором пугачевцев, тут же были привлечены на площадь. Еще тогда покорило, что беспредельно честный комендант принимает чуть ли не с благодарностью похвалу своей жене от злодея. Ведь Швабрин говорит о ней иронически, это явно:

«— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин». Тут после издевательской интонации бесцеремонно к коменданту: «Иван Кузьмич может это засвидетельствовать».

«— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузьмич: — баба-то не робкого десятка».

И вот, совсем вскоре и муж и жена жизнями своими доказывают верность Отечеству, а Швабрин с другой, противной, стороны смотрит на их казнь.

Но ирония Швабрина не только не может унижить нас во мнении о коменданте, напротив, ведь для семьи его правда — абсолют, порядочность — норма. Они /родители/ даже не замечают, как больно делают дочери своими словами о ней; говоря за обедом о своем положении, не жалуясь на него, простодушно замечают: «Одна беда: Маша; девка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег /прости Бог!/, с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековой невестою».

Тут далее следует: «Я взглянул на Марию Ивановну; она вся покраснела и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее; и я спешил переменить разговор...».

Здесь, во-первых, проясняется то, что Мироновы — люди бескорыстные беспредельно. Капитан — чин немалый, комендант какой ни есть, а сколько мы начитаны о пользовании служебным положением, уж могли они за всю-то жизнь скопить на приданое единственной дочке, но нет, для этого, видимо, надо было хоть чуточку, а покривить совестью, на что Мироновы ни за что не пошли бы, и второе — Василиса Егоровна, управляющая «крепостию так точно, как и своим домком», вовсе и не мыслит отдать Машу за богатого жениха, хотя узнает из женского любопытства, каково у батюшки Гринева состояние... Для нее дело не в богатстве, а в хорошем человеке. Помыслить же о том, чтоб обменять молодость и красоту дочери на зажиточную семью /а сколько мы и об этом начитаны, особенно такова была тема французских повестей, затем английских XIX века/, об этом Василиса Егоровна даже и слышать бы не захотела.

Тут самое место заметить, что Белинский в письме Гоголю в пылу полемики назвал Василису Егоровну глупой бабой — это нехорошо и непростительно.

Но заканчивая это необходимое предисловие и напоследок следя за давними отметками на полях, одним радуешься, другим досадуешь. О подсказавших к крепостной стене: «...у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам через частокол». Ведь можно было просто: «которую перекинул он к нам», но это жуткое по силе видения — стряхнув — как объяснить? Это движение копья резко вниз после страшного взлета со страшным подарком, автор будто видел это. Конечно, увидеть бы рукопись, как там было — написано сразу или вписано после? Наверное, сразу.

Словом «забегание» я пытался, опять-таки может невольно, поддеть автора в том, что он опережает события. Мне казалось, что сказав о чем-то заранее, можно ослабить читательский интерес, например: литературные «опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял». Вроде бы да, автор забежал, заранее сказав, что герой останется жив, но ведь чтение мое с заметками было куда как после школьного изучения повести, и чтение с интересом. Причем и написана повесть от первого лица, уже одно это говорит, что герой доживет хотя бы до развязки.

Описываемые два военных совета — пугачевский и оренбургский — уже прошли через сравнение в литературоведении, тут, заметим, действительно есть забегание вроде бы в словах: «И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом!».

Но разве от этого менее становится интересно читать. Ну почему же в те времена не замечались такие слова, как эти:

«Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

УЧИТЕЛЯ

В последнее время стало даже модно повторять, чтоб учитель воспитал ученика с тем, «чтоб было у кого потом учиться». Если это и верно, то в отношении к науке, к настоящей же литературе оно не подходит никаким боком. Теперешнюю науку уже уподобляли бесчисленным норкам — направлениям поиска, которые все дальше убегают друг от друга, но в общем смысле наука держится все же на плечах предшественников, в настоящей литературе мы всегда смотрим снизу вверх на вершины. Искусство есть поле, где тесно только терниям и сорнякам, а высающиеся над ними прекрасные цветы нетленны и приветны друг другу. Конечно, не будь их, и любой сорняк мог возомнить о себе, но они есть навсегда. Конечно, допустимо и то, что ученик превысит учителя, но вопрос — кто учитель? Обычно легко превышают тех, кто учит приемам письма, формальным изыскам, эксперименту, то есть всевозможным вставаниям с ног на голову, чему при усердной тренировке научиться доступно.

У Пушкина были превосходные учителя, главные из них: Державин, Жуковский, Карамзин. Если первые два бесспорно вошли в критический

и, что важнее, в читательский и издательский обиход, то Карамзин еще далеко не занял в нашем сознании подобающего ему места. А он-то как раз едва ли не главный, кого Пушкин берет за образец.

Давным-давно цитируются слова Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — но многим ли известно, что сразу же после Пушкин говорит следующее: «Государственное правило, — говорил Карамзин, — ставит уважение к предкам в достоинство гражданина образованному».

Еще и еще пишет Пушкин: «Повторяю, что История Государства Российского есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека».

Ранее, в 1823-м году: «Вопрос: чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ — Карамзина. Это еще похвала не большая...».

Позднее, при издании «Ключа к Истории Карамзина»: Ключ является «...необходимым дополнением к бессмертной книге Карамзина».

В заметках на полях статьи Вяземского об Озерове, когда Вяземский сравнил последнего с Карамзиным, Пушкин заметил: «Большая разница. Карамзин великий писатель во всем смысле этого слова; а Озеров очень посредственный».

Карамзину безо всяких преувеличений мы обязаны сверхразвитым историческим чутьем Пушкина. «История Пугачевского бунта», «Капитанская дочка», «Песнь о вещем Олеге», «Руслан и Людмила», «Борис Годунов», «Полтава», «Арап Петра Великого», «История Петра», даже «Маленькие трагедии» /они же все исторические/ — все это следствие занятий Пушкиным историей. Пушкин как историк ни разу не ошибся. Конечно, в нем как в гении было больше интуиции, но точность его как историка безусловна. А что есть интуиция? это необъяснимое чутье, чтобы книга, рукопись, летопись, взятые в руки, открылись на нужной странице, чтобы знания были только необходимыми.

«История Петра» побуждает необходимость заметить вот что: ведь ею Пушкин стал заниматься, сменив Карамзина на посту придворного историографа. В звании камер-юнкера не было ничего унижительного, не требовать же, чтоб неслужившему человеку сразу дали министерское кресло. Державин, достигший государственных высот, начинал с должностей ничтожных. Пушкин добровольно взялся за прерванное дело учителя. А дело это было государственным.

А. Г. Венецианов.
Портрет Н. М. Карамзина. 1828 г.
Национальный музей
А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

*Митрополит Филарет (Дроздов).
Портрет работы Владимира Гау, 1854 г.*

несомненно верующий, вместе с тем он прошел через искушения периода бури и натиска: представить, что автор «Бориса Годунова» написал «Гавриилиаду», невозможно.

Не смея взять на себя подобный труд, ограничимся параллельной выечаткой двух стихотворений: широко известного пушкинского и стихотворного же ответа на него митрополита Филарета /оба написаны в 1828 году/:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*
(Пушкин)

*Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою мне дана;
Но без правды ею тайно
На печаль осуждена.*

*Сам я своенравной властью
Зло из темных недр воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.*

*Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум.*
(Митрополит Филарет)

Оставив в данном случае напрасную затею судить о качестве стихов и видя одни лишь мысли, заметим, что более подобных стихов Пушкин не писал. Легкое напоминание об этом стихотворении, но с совершенно обратным смыслом, мелькает в восьмой главе «Евгения Онегина»: «Но грустно думать, что напрасно / Была нам молодость дана, / Что изменяли ей все-часно...»

СОКРАЩЕНИЕ «АЛМАЗНОГО ВЕНЦА»

Поучительно и вовсе не ученически, а профессионально-писательски интересно занятие разбирать пушкинские сокращения самого себя. Возьмем драму и сказки, то есть те жанры, где лаконизм доводится до предела и вместе с тем незаметен. Шутливо замечая, что в романе надо «выбалтываться», от драмы Пушкин требовал краткости. Казалось бы, этого можно было достичь контрастом характеров, но именно это противно поэту. Тому же Вяземскому он пишет: «Противуположности характеров вовсе не искусство — но пошлая пружина французских трагедий».

«Борис Годунов». После разговора Отрепьева с Пименом ночью в келье Чудова монастыря следовала дневная сцена в ограде монастыря — разговор с чернецом, который явно подталкивал Григория к мысли выдаться за царского сына. Этой сцены нет, сразу следует сцена в палатах патриарха, где ему докладывают о бегстве монаха Григория Отрепьева. «Уж эти мне грамотей! — говорит патриарх. — Что еще выдумал! буду царем на Москве! Ах, он сосуд диавольский!».

А нам сразу вспоминается — слова Пимена о том, что убиенный царевич был бы сейчас ровесник Григорию, вспоминается и сон Григория о том, что он выше всех в Москве, что толпа внизу, как муравейник, что его «покой бесовское мечтанье Тревожило, и враг меня мучил», что «падая стремглав, я пробуждался...». Сон снится трижды. Конечно, тут срабатывает и наше знание его будущей судьбы. Совершенно были бы ни к чему слова чернеца, прямо подталкивающие и соблазняющие: «Ты царевичу ровесник, если ты хитер и тверд... Понимаешь?». То есть и эта сцена могла бы быть, но снята еще и затем, кажется, чтоб вину самозванца не перекладывать ни на кого. Он сам решил, никто его не заставлял, и отвечать ему. Важно, что Григорий — бывший монах и у него понятие греха, соблазна обострено. Ему не на кого, кроме Бориса, свалить свою вину, и вначале / «Борис, Борис!.. И не уйдешь ты от суда мирского, Как не уйдешь от божьего суда»/ и особенно потом, когда он начинает прозревать, куда заводит Россию его

тщеславие: /«Кровь русская, о Курбский, потечет! Вы за царя подъяли меч, вы чисты. Я ж вас веду на братьев; я Литву Позвал на Русь, я в красную Москву Кажу врагам заветную дорогу!.. Но пусть мой грех падет не на меня — А на тебя, Борис-цареубийца!»/.

Второе сокращение /говорим о значительных/ — это разговор Марины и ее служанки Рузи. Один из наших писателей называл этот разговор совершенно прелестным и сетовал, что Пушкин зря исключил его из окончательной редакции. Но Пушкин зря ничего не делает. Разговор действительно прелестный, и кому-то он сделал бы честь и игрался бы на сцене, и никто бы и в голову не взял, что его могло не быть, но не Пушкин.

Разговор происходит при подготовке Марины к званому вечеру. Убирая госпожу и подавая ей выбранный ею для украшения прически алмазный венец /разумеется, не случайно, что именно венец/, Рузя просит: «Когда в свою столицу Димитрий поведет московскую царицу, вы не оставите меня?» — Марина: «Ты разве думаешь — царицей буду я?» — Рузя: «А кто ж, когда не вы». Далее следует подробно о любви Лжедмитрия к Марине. Теперь же, когда вся сцена убрана, осталось после краковской сцены у Вишневецких сцена в Самборе у Мнишек. Ясно, что и Вишневецкий и Мнишек-старший не такие дураки, чтоб уверить себя в венценосности беглеца. Им лишь бы досадить Москве. Издевательски говорят. Мнишек: «Ну — думал ты, признайся, Вишневецкий, Что дочь моя царицей будет? а?» — Вишневецкий: «Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек, Что мой слуга взойдет на трон московский?». Им друг с другом нечего стесняться. Мнишек даже хвалится тем, что он советовал Марине «не упускать Димитрия»... «и вот Все кончено. Уж он в ее сетях». Далее следует в польском танце /опять-таки не случайно, что в польском/ в паре с Димитрием Марина, еще нам не известная, но выделенная вниманием Самозванца, далее назначение встречи у фонтана, а там она, уже сама, без подсказки Рузи, являет свой характер. Даже узнав, что Димитрий не есть кровный наследник трона, — а он признается в этом от обиды, что полюбили не его, а должность /«Я не хочу делиться с мертвецом Любовницей, ему принадлежащей»/, — даже узнав это, Марина заставляет его укрепиться в мысли, что престол должен быть взят. Это момент, когда она второй раз переступает нравственный закон. Первый раз тогда, когда влюбляет в себя Лжедмитрия, сама его не любя. Дальнейшее известно.

/Пушкин о Марине из предисловия к «Борису Годунову»: «Посмотрите, как она, отведав царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим, (...) всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать хотя бы слабую надежду на более уже несуществующий трон»./

У Пушкина доверие к читателю состояло из безусловного чувства меры, в этой мере он прошел дальше всех — он всегда недоговаривал, и отсюда наш дальнейший разговор. Он собирался писать отдельно и о Марине, и о Шуйском, и не написал. Это оттого, скорее, что их он уже очертил, они были ясны ему, и он дал знание читателю, и ему было бы важнее раздвинуть иные горизонты литературы и истории, да и попросту было бы скучно работать на занятой хотя бы им самим местности. Если же он, пытаясь по своему обычаю сказать как можно больше, сочетал вещи несочетаемые, то после безжалостно херил их. Так, нам никогда не узнать, не нашлось у

него времени или же он сам раздумал писать занимавшую его долгие годы средневековую историю о том, что на католическом троне однажды сидел не Папа римский, а Папесса.

«Если это будет драмой, — писал он в конце составленного плана трех действий, — она слишком будет напоминать “Фауста” — лучше сделать из этого поэму...». Если он и раздумал исполнять замысел «Папессы Иоанны», то лишь потому, что в ее судьбе много сходного с Самозванцем. В католичке Жанне, будущей «папе», то же, что и в Гришке Отрепьеве: то же честолюбие, та же дерзость в исполнении замысла, то же перевоплощение, взятие псевдонима, тот же взлет на вершину власти.

Но немножко жалко, хотя и понятно, сокращение эпизода из «Сказки о рыбаке и рыбке», когда старуха, не захотев быть более царицей, захотела стать «римскою папой». Это желание было исполнено золотой рыбкой, и вот уже «латинские попы поют латинскую обедню», а старуха возглавляет Ватикан. Но это было бы не в стиле русской сказки, хотя и смешно, и сказочно, и отсылало бы к реальной сцене из «Годунова». Самозванец /приняв подношение поэта/: «Что вижу я? Латинские стихи!».

Теперь о «Русалке». Она, и ставящаяся, и поющая, и читаемая, все почему-то считается недоконченной. Если это /по предположению/ либретто оперы, то и тут нам пушкинский урок — вот как пишутся либретто — как законченные художественные произведения, а не как подтекстовка под музыку. Уж в «Русалке»-то все закончено, разумеется — по-пушкински. Неужели еще надо, чтоб князь бросился с днепровской кручи? Ощущение трагедии в этой драме непрерывное, так как проступки совершены в самом начале: сам мельник, сам подталкивает дочь ко греху /«Ох, то-то все вы, девки молодые, Все глупы вы...»/. Советует заманивать князя, а уж если нет надежды на свадьбу, «То все-таки, по крайней мере, можно Какой-нибудь барыш себе — иль пользу Родным да выгадать...». И вот возмездие — он сходит с ума и не просто, а воображает себя вороном — птицей кладбищ и печальных убранных пейзажа после битвы.

И князь совершает неотмолимую вину — склоняет к любви дочь мельника, зная, что не женится на ней. Не будет ему счастья и с княгиней. И та, любя князя, будет из-за него несчастна. Она /мамке/: «...долго ль до беды. Скорей зажги свечу перед иконой».

Драма, выдержанная в религиозно-мистическом тоне, могла быть сведена до конкретности в том куске, который снят, а именно — сокращено место в сцене свадьбы, когда русалка приходит укрытая покрывалом /«Вот след ее, с нее вода течет»/. В беловой редакции оставлен только голос, действующий куда сильнее, чем приход неизвестной. Ведь она могла сойти за наряженку. Дружко объясняет, что эту юродивую, смеясь над ней, облили слуги. Также сняты предрекания свахи; предчувствия дружки. Также сняты жалобы княгини своей няне в светлице, написанные народным стихом, это, в свою очередь, низводило бы трагедию до сказки.

Именно сильнее действует то, что князь оставлен на берегу, что перед ним появляется русалочка — его дочь, что сумасшедший ворон не идет к нему, князь хотел, приютив мельника, хотя бы этим оправдаться. Именно сильнее действует не само наказание, а наше знание о том, что наказание неотвратимо. Сойди и князь с ума, а и до этого недалеко, это бы менее действовало. В «Медном всаднике» Евгений «...вдруг, себя удара в лоб, захо-

хотал», но там совсем другое — там бессилие нашего разума перед природой, там вина размаха исполинского — упрек царю за неразумие.

О РОМАНЕ И ПОВЕСТИ

Так же, как неосновательны доводы в том, что «Русалка» не окончена, так же неосновательны они в отношении романа «Арап Петра Великого» и повести «Рославлев». Именно роман и именно повесть.

Весной 1828-го года Пушкин читал друзьям, а в следующем году напечатал две главы из исторического романа. Ясно, что впечатление, произведенное на слушателей и читателей, возбуждало их вопросы к автору, когда будет закончена работа над романом. Она и была закончена. И роман вышел в год смерти поэта. Но они уже не посмели расставить эпитафии, готовые для пяти не печатавшихся глав, две: «Ассамблея при Петре I» и «Обед у русского боярина», названные так самим Пушкиным, были изданы при его жизни. Одна, «Обед», была с эпитафией, другая без. Сам Пушкин поставил еще один эпитафий к первой главе, парижской, о рождении черного младенца у графини. Пушкин обычно конкретен в эпитафиях, вспомним его направляющие внимание простые эпитафии к «Повестям Белкина» или к главам «Капитанской дочки»; эпитафии романа о Петре и крестнике Ибрагиме также легко расставляются, но, применив определение жанра — роман, — следует и требовать соблюдения законов жанра. Но, во-первых, законы эти расплывчаты, во-вторых, к Пушкину ни с какой меркой не подойдешь.

Напоминать сюжет — только огрублять, все не читавшие прочтут роман, а не видевшие безобразнейший фильм «Сказ о том, как царь Петр арапа женил» пусть никогда и не увидят. Это паразитирование на пушкинском тексте, и то ли по незнанию, то ли по злобе, оглушение русской истории. Сколько фальши в фильме: на новостроящемся корабле щели в бортах по кулаку, рубка головы кукле, похожей точно на человека, вышибание подпор из-под ребер судна чуть ли не кулаком, постыднейший обряд омовения актрисы, играющей невесту... Это давняя боль — экранное и сценическое опошление русской классики. Давно пора принять закон об охране классического наследия, есть же Закон об охране памятников истории и культуры.

Итак, парижская графиня, избавясь от ребенка, забывает и его, и Ибрагима. Петр I, Россия, ассамблея, боярство, Ржевские, начинающаяся к ней любовь Ибрагима, ужас Наташи, ее болезнь, интерес к Ибрагиму, то есть наметившаяся линия любви, приезд ее прежнего возлюбленного Валериана, да он и не возлюбленный, а больше друг отрочества, уважительное поведение Ибрагима перед будущим тестем, завоевание им уважения бояр... Эпоха, интерес к ней, перелом на наших глазах устоев жизни, изгибы судеб — чего еще требовать? Стрелецкий сирота Валериан дан таким намеком, так мало вносит в судьбу Наташи, что не будь и его, мы бы понимали ее ужас и ее испуг перед царской и родительской волей. Легко ли выйти замуж за арапа! «Слабой и печальной душой она покорилась своему жребию».

«Рославлев» занял Пушкина вдруг, разом, как ответ на роман Юрия Милославского, но и не только. Даже в «Застольных разговорах» видны, может быть невольные, заготовки к нему. Например: в записи о Пугачеве,

когда тот сидел на Меновом дворе, «...праздные москвичи, между обедом и вечером, заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развезить по городу». В «Рославлеве» гости, когда у мадам де Сталь вырвалось «двусмыслие, и даже довольно смелое. Все подхватили его, захохотали... она сказала каламбур, который они по-скакали развезить по городу». Также в «Записках» рассуждение о женщинах, сходное с «Рославлевым», упоминание об этом потому, что и брат рассказчицы, искренне и давно любя Полину, впал в ту же мужскую слабость суждения о женщинах, что и многие /«Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приносиваясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает свое незнание женщин...». Это из «Записок», а из «Рославлева»: «Глаза ее засверкали. “Стыдись, — сказала она, — разве женщины не имеют отечества? разве нет у них отцов, братьев, мужьев? Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек?”»/. Именно Полина, сказавшая это, сделавшая себе образцом автора «Корины», скажет в конце «с видом вдохновенным; “...твой брат... он счастлив, он не в плену — радуйся: он убит за спасение России”».

Уж Пушкину ли, его ли перу развязывать плетение интриг, когда он сказал главное — русская женщина, эпоха, выражение идеи, — все свершено. Появившийся в имении пленный Сеникур, его начавшаяся романтическая влюбленность раненого пленного рыцаря, когда он согласно французским романам «влюбляется в благородную владетельницу замка, трогает ее сердце и наконец получает ее руку». Так сказано в повести. Но Сеникур, которому это сказано, возражает: «Нет, княжна видит во мне врага России и никогда не согласится оставить свое отечество». Далее стремительный приход Полины и развязка — пожар Москвы. «О, — говорит Полина, — мне можно гордиться именем россиянки! Вселенная изумится великой жертве!».

Согласитесь, Пушкину было бы скучно писать далее то, что ясно. «Нет сомнения, что русские женщины лучше образованны, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог весть чем». Разве не справедливо это замечание и доньне? разве последующие десятилетия русская литература не занималась разработкой и доказательством справедливости этого тезиса?

И какая разница для романиста, решится ли Полина отравить Наполеона /его и без нее сошлют/, или то, что Сеникур добьется расположения Полины, или то, что брат рассказчицы останется жив и они будут стреляться? Интересное другим скучно Пушкину, он сказал, что хотел. А об эпохе, последующей 12-му году, эпохе, столь памятной для России, он скажет в «Метели». И что есть творчество Пушкина, как не непрерывная цепь истории России /«Песнь о вещем Олеге»/ до времен современных в сопоставлении с мировой историей.

Тот же «Рославлев». Многие ли теперь знают Загоскина, но и ему должны мы быть благодарны появлением повести о 12-м годе. Гению все в пользу — злоба ли тайная, зависть ль открытая, гений свободен от обязанности соблюдать законы жанра, он ставит точку там, где нужно, и не наше дело называть что-то вышедшее из-под его пера неоконченным. Не будь ничего о походе Паскевича, нам бы хватило и «Путешествия в Эрзерум», и так далее. Я говорю не о сумме информации, ее любопытным всегда мало,

Н. А. Павлов. Портрет А. С. Пушкина

стому под будущим именем Анны Карениной, «Роман на Кавказских водах» вскоре будет развит в «Героя нашего времени», кроме известных «Ревизора» и «Мертвых душ», данных Гоголю, последний откликнется и в «Невском проспекте» через отрывок «Н. избирает себе в наперсники Невский проспект...», можно возразить, что тут натяжка, вовсе нет, ведь разработка заветов идет прежде в части продолжения состояния души...

О Пушкине никогда всего не допишешь. Вот уже идешь к полкам, вот уже вот-вот ставить тяжелую темно-красную книгу, как она открывается вдруг сама, разумеется не случайно. Итак, напоследок сегодня три выписки.

Когда говорилось о снятой главе из «Годунова», об исчезнувшем алмазном венце, еще не виделось почему-то вот этого места из «Русалки». Князь откупился от дочери мельника дорогими подарками. Она /оставшись/: «Холодная змея мне шею давит... Змеей, змеей опутал он меня. Не жемчугом...» /Рвет с себя жемчуг./ Далее /смает с себя повязку/: «Вот венец мой, венец позорный! вот чем нас венчал лукавый враг... Мы развенчались. — Сгинь ты, мой венец!» /Бросает повязку в Днепр/.

Вторая: «Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата... Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу; и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоёван: я все еще находился в России» /«Путешествие в Эрзерум»/.

И еще. Как схожи по предчувствию сны Тани Лариной и Пети Гринева, как много в Маше Мироновой сходства с Таней. А сны тяжелые: длинный

даже объективной, но их легко отослать к специальным изданиям, нет, дело гения литературы, их у нас пока двое — Пушкин и Достоевский, — очертить движущие силы эпохи, непонятные простым смертным и управляемые волею судеб. Они оттого гении, что в высшей степени выразили национальный характер. А поддался он им только потому, что увидел жертвенную любовь к себе и готовность лучше погибнуть, нежели поступиться его историей, его настоящим, его будущим. «Там радость, да чужая, здесь горе, да свое».

Пушкиным все дописано. А то, что не дописано, оставлено в наследство и до сих пор наследуется. Из отрывков «Мы проводили вечер на даче...», «Гости съезжались на дачу...» — там и там Вольская, завещанная Тол-

нож в руках Евгения и топор в руках мужика — Пугачева. И все предсказано, и все-таки смерть Ленского /она вскоре, сразу после сна бал у Лариных, на котором друзья ссорятся/, смерть его неожиданна. Наказание Онегина в явлениях окровавленной тени, в отказе ему в любви.

И сон Отрепьева — также все предсказано, но вспоминаешь о нем позднее. Также и Пугачевский пересказ калмыцкой сказки про орла и ворона, что «вот, мол, Отрепьев поцарствовал же в Москве». — «А знаешь, чем он кончил?» — спрашивает Гринев. И это вспомнится в сцене казни Пугачева.

И последняя, из пушкинского предисловия к публикации двух заключительных глав «Евгения Онегина»:

«Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, — то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно, — виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед».

ВЫШЛА КНИГА

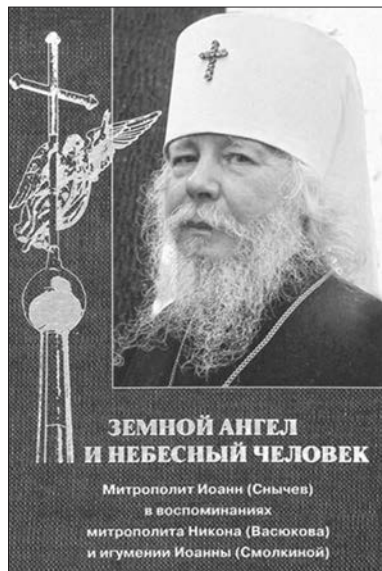
Земной ангел и небесный человек. Митрополит Иоанн (Снычев) в воспоминаниях митрополита Никона (Васюкова) и игумении Иоанны (Смолкиной). Автор-составитель С. И. Саломатова. СПб.: Издательство Царское Дело, 2021. — 368 с.

Книга Светланы Саломатовой «Земной ангел и небесный человек» посвящена Владыке Иоанну (Снычеву), митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому. Это дань благодарности его духовных чад за те уроки смирения и сердечной чистоты, которыми он учил их на примере своей собственной жизни. Это дань восхищения его личностью, повлиявшей на сердца и умы тысяч и тысяч людей, чьи всенародные статьи-проповеди вернули их к своим истокам — в лоно Православной Церкви.

В книгу включены воспоминания всего лишь двух чад приснопамятного архипастыря. В 80-е годы XX века это были неопытные молодые люди, а ныне — митрополит Никон (Басюков), возглавляющий Уфимскую епархию, и настоятельница Богородице-Табынского женского монастыря игумения Иоанна (Смолкина).

Помимо этого, в издание вошло краткое жизнеописание Владыки Иоанна, составленное автором книги.

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви.

Связь ВРЕМЕНИ

Владимир МАЛЫШЕВ

ДОСТОЕВСКИЙ И... КОРОНАВИРУС

Владимир Викторович Малышев — окончил итальянское отделение филологического факультета ЛГУ. Работал корреспондентом и зав. отделением ТАСС и ИТАР-ТАСС в Италии и Греции, а также в центральном аппарате ТАСС в Москве. Публиковался и был заграничным корреспондентом «Литературной газеты», «Известий», «Московского комсомольца». Во время работы в Греции создал русскоязычные газеты. Автор многих книг, а также сценариев художественных фильмов. Был директором санкт-петербургского Дома писателя. Председатель Правления АНО «Книжная Лавка писателей», гл. редактор газеты «Книжная лавка писателей». Член СП России и СП Санкт-Петербурга. Живет в Санкт-Петербурге.

Федор Михайлович Достоевский был не только великим писателем, он был пророком. С величайшей прозорливостью, точностью и с ужасными деталями он предсказал практически все, что случилось с нашей страной: появление терроризма, кровавую революцию, страшную войну, которая перевернет Россию, предательство России «братскими» народами, которых она спасала, и даже собственную смерть. Мало того, Достоевский в романе «Преступление и наказание», во сне Раскольникова на каторге, предсказал «страшную эпидемию из глубин Азии», которая потрясет весь мир, описав все то, что еще только может произойти, если человечество продолжит идти по гибельному пути глобализации, торжества индивидуалистического эгоизма и ничем не ограниченной «свободы», навязываемой под видом «демократии», откажется от Бога.

Когда в январе 1881 года Федор Михайлович серьезно заболел, его жена, проснувшись ночью и увидев, что он не спит, спросила его о самочувствии, на что Достоевский с грустью ответил: «Знаешь, Аня, я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь осознал ясно, что я сегодня умру».

Анна Григорьевна стала горячо возражать, но писатель перебил ее: «Нет, я знаю, я должен сегодня умереть. Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие...»

«Это Евангелие, — вспоминает Достоевская, — было подарено Федору Михайловичу в Тобольске (когда он ехал на каторгу) женами декабристов... Федор Михайлович не расставался с этой святою книгою во все четыре года пребывания в каторжных работах. Впоследствии... он часто, задумав или сомневаясь в чем-либо, открывал наудачу это

Евангелие и прочитывал то, что стояло на первой странице (левой от читавшего). И теперь Федор Михайлович пожелал проверить свои сомнения по Евангелию. Он сам открыл святую книгу и просил прочесть. Открылось Евангелие от Матфея. Гл. III, ст. II: «Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

«Ты слышишь — “не удерживай”, — сказал Федор Михайлович, — значит, я умру». Так и получилось, в тот же день он умер...

«ЗЕРКАЛО РЕВОЛЮЦИИ»

Владимир Ильич был, конечно, не прав (как и во многом другом), назвав Толстого «зеркалом русской революции». Таким «зеркалом», вне всякого сомнения, был на самом деле Достоевский. Еще в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых» он поставил главный для всего XX века, да и для нынешнего тоже, вопрос: стоят ли все великие свершения слезинки ребенка? Ну, а в романе «Бесы» Достоевский прямо предсказал появление русского терроризма. Его герой Разумихин так объяснял невозможность появления социализма в России: «...у них все потому, что “среда заела” — и ничего больше. Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так не для чего будет протестовать и все в один миг станут праведниками. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается! У них не человечество, развившись исторически живым путем до конца, само собою обратится, наконец, в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тот час же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути».

ПРЕДСКАЗАЛ ДАЖЕ ДАТЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Еще в 1877 году, почти за полвека до «Великого Октября», Достоевский в своем «Дневнике писателя» предвещал: «Предвидится страшная, стихийная революция, которая потрясет все царства мира изменением лика мира сего. Но для этого потребуется сто миллионов голов. Весь мир будет залит реками крови... Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в стойла».

Мало того, Достоевский даже в точности, что уже совершенно невероятно, предсказал даты двух русских революций. «Когда все начнется? — спрашивает в его романе Петр Верховенский. — Лет через пятьдесят... (роман «Бесы» был начат в 1870 году). Начнется на Масленице (февраль), кончится после Покрова (октябрь)».

Достоевского не послушали, переделали Россию и полмира по проекту, вышедшему из «математической головы» Маркса, и в результате все это обернулось невиданной в истории катастрофой.

Достоевский не только предсказал революцию, но и убедительно объяснил, чем она обернется. «Достоевский, — писал Николай Бердяев, — обнаруживает призрачность демократии в революции. Никакой демократии не

существует, правит тираническое меньшинство. Но тирания эта, неслыханная в истории мира, будет основана на всеобщем принудительном уравнивании».

«Тварь я дрожащая или право имею?» — спрашивал в «Преступлении и наказании» Родион Раскольников, убивший для осуществления своих идеалов старуху-процентщицу. Раскольников, правда, потом раскаялся в содеянном, однако чекисты, тоже начавшие убивать «ради идеи», этого сделать не смогли. Как не раскаялись и офицеры СС, также убивавшие во имя теории, вышедшей из другой «математической головы».

РЕЧЬ О ПУШКИНЕ

Достоевский сделал и еще одно великое предсказание. Он указал на величайшее значение Пушкина для России. Хотя в его время куда более популярными были совсем другие литераторы. Произошло это в дни Пушкинского юбилея в Москве. У Достоевского не было ни сильного голоса, ни яркой внешности. На трибуну поднялся небольшого роста, сутулый пожилой человек с бледным измученным лицом. Писатель не жестикулировал, не делал эффектных пауз. Он заговорил тихо, как будто неуверенно, но постепенно глаза его загорелись, в них засветилась нечеловеческая гипнотическая сила, которая буквально заорожила присутствовавших.

Когда Достоевский закончил свою речь, то произошло нечто невероятное. Вот как описывает это современник: «Когда Федор Михайлович окончил свою речь, то наступила минута молчания, а затем, как бурный поток, прорвался невиданный и неслыханный восторг. Рукоплескания, крики, стук стульями — все сливалось воедино... Многие плакали, обращаясь к незнакомым соседям с возгласами и приветствиями, многие бросились к эстраде,

*Открытие памятника А. С. Пушкину.
Гравюра по рисунку А. Баумана
с наброска М. Чехова. 1890 г.*

у ее подножия какой-то молодой человек лишился чувств от охватившего его волнения. Почти все были в таком состоянии, что, казалось, пошли бы за оратором по первому его призыву куда угодно. Так, вероятно, в далекое время умел подействовать на собравшуюся толпу Савонарола».

— Пророк! Вот пророк! — вихрем пронеслось по залу.

Так юбилей Пушкина превратился в день коронации Достоевского и его новых пророчеств. Аксаков вообще отказался выступать после него, заявив, что ему уже нечего больше сказать. Сам Достоевский

вспоминал: «Тургенев ... бросился меня обнимать со слезами, Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. “Вы гений, вы более чем гений!” — говорили они мне оба».

Но Достоевский говорил в своей речи не только о Пушкине, а о любви, о братской любви и примирении. Он призывал всех русских людей покаяться и объединиться. «Нам надо быть русскими и гордиться этим». «Но, чтобы стать настоящим русским, надо быть братом всех людей». Ибо назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское, всемирное. «О, народы Европы, они не знают, как они нам дороги!»

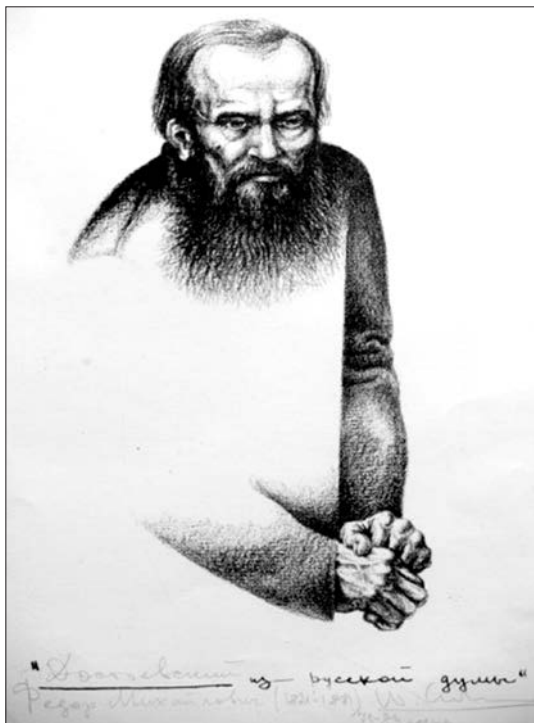
«БРАТУШКИ» ВМЕСТЕ С ГИТЛЕРОМ

Сбылись пророчества Достоевского и по поводу возможного развития отношений с освобождаемыми русским оружием народами, которые, как он был уверен, оплатят России самой черной неблагодарностью. «...По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — писал он, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!.. Начнут они непременно с того, что... объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись...»

Разве не так повели себя болгары, которых Россия кровью русских солдат освободила от турецкого ига? В Первой и во Второй мировых войнах болгарские «братушки» были на стороне Германии. А Украина, которая стала бы колонией Гитлера, если советская армия не разгромила бы фашизм? Сегодня там называют русских «врагами». А те белорусы, которые выходят сегодня на митинги в Минске, заявляя о своем стремлении уйти в объятия Запада, который веками считал славян людьми второго сорта? Такое их поведение было в точности предсказано Достоевским. Даже сербы, ради спасения которых Россия вступила в губительную для себя мировую войну, сейчас пытаются усидеть на двух стульях. А Черногория, где живут те же сербы, уже вообще вступила в НАТО!

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПАНДЕМИИ

Предсказал Достоевский даже и нынешнюю пандемию, которая, как он считал, будет послана человечеству, отказавшемуся от Бога во имя личных свобод и удовольствий. Об этом говорится в пророческом сне Раскольникова на каторге. «...Он пролежал в больнице весь конец поста и Святую, — пишет Достоевский. — Уже выздоравливая, он припомнил свои сны, когда еще лежал в жару и бреду. Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу (из Ухани? — *прим. авт.*). Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя

Достоевский Ф. М. Портрет работы
Юрия Ивановича Селиверстова

так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и

резались, кусали и ели друг друга. (Уж не начало ли таких беспощадных бунтов мы видим сегодня в США? — *прим. авт.*).

В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса...»

ПРОРОЧЕСТВА О ГРЯДУЩЕМ

Нетрудно догадаться, что этот символический сон Раскольникова — предупреждение человечеству, философский итог его романа: герой сознает гибельные последствия, которые имели бы для судьбы человечества торжество индивидуализма, забвение нравственных связей между людьми, т. е. как раз то, что сегодня начинает торжествовать в мире глобализма и либеральной диктатуры «Золотого тельца». А стилистически эти строки навеяны Апокалипсисом, образы которого Достоевский наполняет более широким

содержанием. Это последнее его пророчество еще не реализовалось, как пророчество о революции в России, но грозные признаки того, что и оно вполне может стать ужасающей реальностью, мы уже видим в том, что сегодня происходит в мире.

Признавал ли сам Достоевский свой необычайный пророческий дар? Как свидетельствуют современники, он любил цитировать эти строки Огарева:

*Порой среди ночного бденья,
Глухого полный вдохновенья,
Я в старой Библии гадал
И только жаждал и мечтал,
Чтоб вышли мне по воле рока —
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.*

Для своих современников Достоевский был крупным русским писателем, но не больше. По-настоящему пророческая его сущность открылась много позднее, когда его грозные предсказания стали неумолимо сбываться и ударили по России кровавыми революциями. Когда воцарилось безбожие, как новое грехопадение, расчеловечивание, «если Бога нет, то все дозволено». Свобода на Западе — это отныне не освобождение от уз греха, а наоборот, потакание ему, когда уже сам грех стал ложно оцениваться как естественное и нормальное состояние человека.

Говорят, что по тиражу изданных книг Достоевский стоит во всем мире на втором месте сразу после Библии. Прочитав его книги, люди вдруг поняли, что это — не просто литература. «Не будем называть их романами, — писал С. Цвейг о творениях Достоевского, — не будем применять к ним эпическую мерку: они давно уже не литература, а какие-то тайные знаки, пророческие звуки...»

Немецкий писатель Герман Хессе вообще полагал, что «Достоевский... стоит уже по ту сторону искусства», что, будучи великим художником, он был им все-таки «лишь попутно», ибо он, прежде всего, — «пророк, угадавший исторические судьбы человечества... Роман Достоевского, как особое качество, как определенный способ художественной организации человеческого сознания, и был для писателя формой его страстной проповеди мессианского назначения России».

«Бердяев говорил, что Достоевский оправдывает существование России. Мы же можем сказать, что Достоевский оправдывает существование самого рода человеческого», — с благоговением провозгласил архимандрит Василиос Ставреникитский со Святой горы Афон в Греции.

Пути ПОЗНАНИЯ

Галина СКОТНИКОВА

«...ЧТО БЫЛО И ЧТО ЕСТЬ НА РУСИ»: В. В. РОЗАНОВ «СРЕДИ ХУДОЖНИКОВ»

Галина Викторовна Скотникова — потомственный житель Санкт-Петербурга. Доктор культурологии, ведущий научный сотрудник РИИИ, профессор СПб института культуры. Ведет курсы культурологии, культуры и искусства Византии. Участник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос). Член жюри конкурса «Служение Отечеству: события и имена», проводимого Межрегиональным общественным фондом «Центр Национальной Славы России». Изучает проблемы самобытности русской духовности и культуры. В монографиях «Византийская традиция и русская культура» (2001), «Византийская традиция в русском самосознании» (2002) и в статьях исследовала проблему византизма в русской философии культуры и византиноведении, государственном и общественном сознании. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В литературном наследии Василия Васильевича Розанова (1856–1919) философия и искусство слиты в чудесном единстве постижения истинного смысла предмета.

Под его пером смысл раскрывается как действенная сила умудрения человека, обращенная во всей его духовно-душевной целостности или, как говорил Розанов, к личной «тайне мелодичности».

Приведем характерный пример высказывания Розанова, отражающий строй его философского сознания: «И я вовсе не все сплошь абсолютно записываю, а лишь тогда и то, что попадает на какую-то странную во мне таинственную музыку, сущности которой я совершенно не знаю, но которая заключается в чем-то приятно текущем во мне, что меня успокаивает, от чего мне хорошо, от чего мне гармонично. От чего мне в сущности *мелодично*. Вот нашел слово и, пожалуй, разгадку. Душа моя *мелодически* сложена, ей *поется*, — но глухим, безмолвным пением. Разве бы я мог столько написать (невообразимо), если бы не эта тайна *мелодичности*. При которой, — раз слова попали на эту нить, музыку, — я только “записываю”, а слова безусловно и все уже сами родятся»¹.

В ноябре 1913 г. в канун Нового года в Петербурге увидела свет книга Розанова «Среди художников» (СПб., 1914). Это собрание статей, написанных на протяжении пятнадцати лет, предстало перед читателем как «целая энциклопедия современного искусства»². В книге речь идет не только о художниках,

¹ Розанов В. В. Собр. соч.: Сахарна. / Розанов В. В. М., 1998. С. 27.

² Голлербах Э. Ф. В. В. Розанов как историк искусства и коллекционер / Голлербах Э. Ф. // Среди коллекционеров. 1922, № 2. С. 37.

она содержит работы, посвященные театру, танцу, скульптуре, литературе, музыке. При внешней тематической пестроте и импрессионистичности восприятия она выявляет важнейшие скрепы русской жизни, духовные опоры самосознания.

Статьи были опубликованы В. В. Розановым в газетах «Мировые отголоски», приложениях к «Торгово-промышленной газете», «Новое время», «Слово», «Русское слово»; в журналах «Новый журнал иностранной литературы», «Мир искусства», «Золотое руно», «Русская мысль», «Журнале театра Литературно-художественного общества», «Ежегоднике императорских театров». В книге «Среди художников» эти статьи-эссе были размещены в хронологическом порядке.

*Василий Васильевич Розанов
(1856, Ветлуга, Костромская губерния —
1919, Сергиев Посад)*

И сегодня обращение к розановским мыслям, выраженным в статьях-эссе, сохраняет свою значимость, ибо благодаря волшебству писательского пера погружает нас в ритмы и краски прошедшей жизни как преемственно связанной с нами реальности, открывая возможность ощутить живой пульс внутренней жизни русского человека начала XX века.

Мыслил В. В. Розанов как будто всем существом. Говорил о художниках и искусстве, будучи по складу дарования художником сам.

Его манера отношения к слову может быть описана словами А. А. Григорьева, для которого подлинная жизнь «достигает своей полноты только в связи с *человеческой* мыслью, рефлексией, философией»¹, философия воспринимается как «особая “форма жизни”, новая, более высокая ступень» (там же) в ее развитии.

В сокровищницу же души человека вносится только то, что выражено художественно: «Как скоро знание вызреет до жизненной полноты, оно стремится принять литые художественные формы...»².

«Наши мысли вообще (если они точно мысли, а не баловство одно) суть плоть и кровь наша, суть наши чувства, *вымучившиеся* до формул и опре-

¹ Ильин Н. П. Головная мысль с корнями в сердце. Философское умозрение против «теории» / Ильин Н. П. Трагедия русской философии. Источник: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika/zaklinatel-stihij/3-golovnaya-mysl-s-kornyami-v-serdce.htm> (Дата обращения 19.03. 2020).

² Григорьев А. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства [Электронный источник] / Григорьев А. А. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/kriticheskiy-vzglyad-na-osnovy.htm> (Дата обращения 19.03. 2020).

делений. Немногие в этом сознаются, ибо и немногие имеют счастье или несчастье *рождать* из себя собственные, а не чужие мысли»¹.

Философ В. В. Розанов жил в период «серебряного века», «духовного ренессанса»² в среде русской интеллектуальной элиты, подвергавшейся сильнейшим искушениям безбрежностью духа. Однако Розанов, будучи открыт исканиям деятелей «нового религиозного сознания», «как творческая индивидуальность вышел из XIX века и корнями был связан с вековыми традициями русской культуры»³.

Один из ярких представителей этого творческого времени, Ф. А. Степун, пишет: «...время между революцией 1905 года и войной 1914 года войдет в историю, с одной стороны, порой подлинного расцвета и углубления русской культуры, а с другой — порой явно нездорового, исполненного ядовитых соблазнов, утончения русской интеллигентской духовности. Молодому писателю было в ту пору нелегко внутренне справиться с богатством наступавших на него идей; еще труднее — отстоять себя от внешнего подчинения им. Слева наступала на него политика: Маркс, пролетарий, община, Пресня, Дума; справа эстетика: Ницше, Соловьев, соборность, Бодлер, Малларме, Ибсен, “орхестра”... Этого столпотворения идей и теорий, проповедей и провозглашений не выдерживал почти никто»⁴.

Среди писателей исключение являет И. А. Бунин, среди музыкантов С. В. Рахманинов, среди философов И. А. Ильин.

При более внимательном, непредвзятом и пристальном взгляде, безусловно, и В. В. Розанов, мыслитель, не боявшийся касаться головокружительных вопросов, граничивших с бездной тем, в своем предельно чутком и сложном духовном складе оставался национально укорененным, исконно русским мыслителем.

Для него подлинно русскими философами являлись славянофилы, чья «головная мысль с корнями в сердце», была проникнута, как писал Н. Н. Страхов, «тем духом, который искони живет в народе нашем и содержит в себе всю тайну роста, силы и развития нашей земли»⁵. Напомню слова А. А. Григорьева: «Только за ту головную мысль борются, которой корни в сердце, в его сочувствиях и отвращениях, в его горячих верованиях, или таинственных, смутных, но неотразимых и, как некая сила, могущественных предчувствиях!»⁶.

¹ Григорьев А. А. Письмо Е. С. Протопоповой. 6-7 (18-19) января 1858. Сиенна. [Электронный источник] / Григорьев А. А. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/pisma/letter-201.htm> (Дата обращения 18.03 2020).

² Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») / Бердяев Н. А. // Собрание сочинений. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. С. 684.

³ Фатеев В. А. Розанов и русская культура // В. В. Розанов: Жизнь. Творчество. Судьба. Чтения, посвященные 80-летию памяти В. В. Розанова / Фатеев В. А. Кострома, 1999. С. 4.

⁴ Степун Ф. А. Бунин // Степун Ф. А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 454.

⁵ Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Предисловие [Электронный источник] / Страхов Н. Н. URL: dugward.ru (дата обращения 26.03 2020).

⁶ Григорьев А. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства [Электронный источник] / Григорьев А. А. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/kriticheskij-vzglyad-na-osnovy.htm> (дата обращения 19.03 2020).

Определяя это направление отечественной мысли, Розанов говорил: «А славянофильство есть просто любовь русского к России»¹.

В этом определении нет академической строгости, зато есть дыхание правды. Это один из примеров несравненной пронизательности, присущей розановской парадоксальности мышления. Парадокс у Розанова — не игра, не поза, а искра, высекающая подлинность. Его парадокс, произрастающая из душевных глубин, порожден истовым исканием сущностного смысла вещей.

У В. В. Розанова восприятие жизни легко и естественно переливалось в слово, выявлявшее настоящее содержание бытия, само становящееся его органичной частью. Философ не представлял себя без писания, высказывания, словесной формы мировосприятия. Соответственно, его творческое литературное наследие весьма богато и масштабно.

В 1917 г. писатель составил план своего Собрания сочинений. Сохранившийся в его архиве этот план-замысел охватывает как опубликованные труды, так и задуманные работы, включая 50 томов. Они распределены по следующим, как автор обозначил, сериям: 1. Философия; 2. Религия; 3. Литература и художество; 4. Брак и развод; 5. Общество и государство; 6. Педагогика; 7. Из восточных мотивов; 8. Листва; 9. Письма и материалы (В настоящее время под общей ред. А. Н. Николюкина осуществлено издание Собрание сочинений В. В. Розанова в 30-ти томах).

Материал, посвященный эстетической тематике, был весьма обширный. В серию «Литература и художество» Розанов включил целых три тома: «О писательстве и писателях» («Легенда о Великом Инквизиторе», статьи о Достоевском, Лермонтове, Гоголе, Пушкине и проч.): т. 21–26; «Среди художников»: т. 27–28; «Путешествия» (Итальянские впечатления), «По Германии», Русский Нил»: т. 29. Материал, посвященный эстетической тематике, у него был обширный.

При этом вспомним, что Розанов в свое время высказался о повергающей его в ужас мысли увидеть собранными и изданными все его сочинения. Так же, как и об идее памятника, который вдруг задумают поставить потомки, и который он сам видел только в форме руки, кисть которой собрана в однозначно говорящую горсть, кукиш, обращенный к зрителю.

Заметим, кстати, что в февраля 2001 г. в СПбГУ на философском факультете проходил Международный форум «Ритуальное пространство культуры», на котором был представлен «памятник», созданный на основе «завета» философа (ныне сохранившийся в музейных фондах кафедры культурологии, скульптор Б. Берглеумов)².

22 мая 2002 г. в Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова был открыт бюст знаменитого костромича русского философа Василия Василевича Розанова. Автор работы — скульптор Валерий Евдокимов.

Памятник В. В. Розанову был установлен также в 2005 г. в Ельце во дворе Культурного центра имени художника В. С. Сорокина. Автор —

¹ Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников // Сост., предисл. и примеч. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 5.

² Памятник философу Розанову или всенародный кукиш [Электронный источник] // URL:individual-tour.livejournal.com>44950.html (Дата обращения: 12.04.2020).

скульптор П. П. Чусовитин. Здесь после окончания Московского университета В. В. Розанов преподавал географию и историю, здесь состоялась его судьбоносная встреча с Варварой Петровной Бутягиной, ставшей его второй женой.

Памятник установлен на собственные средства основателем центра Евгением Павловичем Крикуновым. Получив от властей города отказ разместить памятник в городе, он поставил его «у себя во дворе». В канун столетия со дня кончины В. В. Розанова проект его памятника создал хотьковский скульптор заслуженный художник России Юрий Павлович Хмелевской. По замыслу автора этот памятник должен быть поставлен в Сергиевом Посаде, где мыслитель провел последние дни жизни и где в ограде Гефсиманского Черниговского скита был похоронен. Вместе с тем эта идея до настоящего времени остается только в проекте.

Интересно отметить, что, как пишет В. А. Фатеев, «над скульптурным портретом Розанова с сыном Василием работала Наталья Гиппиус» (1880–1963)¹, одна из двух младших сестер Зинаиды Николаевны Гиппиус, человек сложной судьбы, талантливая художница².

Однако заметим, что все-таки лучшим памятником Розанову-философу, автору и человеку, являются написанные им тексты, в которых мыслит его русская душа, умная, правдивая, пытливая, жаждущая света, взыскующая добра и истины.

Рассмотрим ряд розановских художественно-философских впечатлений, ставших органичными частями смысловой палитры жизни человека и конкретного времени и входящих в содержание культурно-исторической памяти потомков. Вспомним, что борьба за культурно-историческую память составляет основное содержание духовной борьбы.

Каждая статья-эссе В. В. Розанова написана во имя постижения не только главного, уникального значения конкретного художественного явления, но и выявления его вневременной сути как культурного феномена.

«Работы Голубкиной»

Побывав на выставке «Союза русских художников» (Невский пр., д. 42, армянской церкви), где в феврале 1910 г. были представлены две работы А. С. Голубкиной (1864–1927), В. В. Розанов под впечатлением от одной из них, «Голова мужчины», выполненной из материала полена, расколотого и узкого, задает риторический вопрос: «Что ж сделала Голубкина из этого полена?!». И сам отвечает: «Взглянул — и *знаешь* человека...»³.

Заметим, что скульптурные портреты А. С. Голубкиной, большого мастера, не могут не поражать зрителя. На выставках ее работ посещает ощу-

¹ Фатеев В. А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. ГУИПП / Фатеев В. А. «Кострома» С. 448.

² Павленко А. А. Художник Татьяна Николаевна и скульптор Наталья Николаевна Гиппиус (реконструкция творческой биографии) / Павленко А. А. // Театр. Живопись. Кино. Музыка: ежеквартальный альманах / Рос. ин-т театр. искусства — ГИТИС; [гл. ред. К. Л. Мелик-Пашаева; пер. на англ. Ю. М. Авакова]. М.: ГИТИС, 2016. Вып. 3. С. 121–141.

³ Розанов В. В. Работы Голубкиной // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. 1994. / Розанов В. В., М.: Республика. С. 339.

щение, что их материальная форма существует как будто только для того, чтобы наилучшим образом передать суть духовного наполнения изображаемого человека. Сила их воздействия бывает неотразима.

«Счастливы те, кто может иметь портрет от Голубкиной: ведь это увековечивание личности»¹, — пишет В. В. Розанов.

«Ах, Голубкина, Голубкина: что бы Вам употребить еще полено, чтобы сделать из него меня... Меня, читателя, каждого»².

Создание «портретов», по Розанову, требует «великого, осторожного и религиозного внимания». Удачный портрет закрепляет Божье мгновение навсегда, передает «Божью вещь» поколениям и векам.

При этом философ высказывает мысль, что «портрет, в красках или карандашом, как бы ни был хорош, всегда достигает и никогда не достигает, всегда старается и никогда не успевает, имеет всегда более *иллюзию сходства*, нежели *настоящее сходство*» (курсив мой. — Г. С.), подчеркивает, что «живопись, самая превосходная, есть все-таки *призрак и волшебство* в отношении объемных тел, а не натура и *воспроизведение подлинного*»³.

«Портрет — великое дело: повторение творения рук Божиих, минутного и умирающего — в неумирающем материале»⁴, — такими гимническими интонациями говорит В. В. Розанов, истолковывая *сущностное значение* высоко художественного скульптурного портрета, его уникальную роль в мире культуры человека.

«К открытию памятника государю Александру III» и «Paolo Trubezkoï и его памятник Александру III»

Продолжая тему скульптурного памятника, обратимся к истолкованию В. В. Розановым знаменитой работы Паоло Трубецкого (1866–1938), который работал над памятником с 1900 по 1909 годы⁵. Споры о его монументе не утихают в современном Петербурге, ведутся весьма живо и энергично в разных аспектах, один из которых местоположение памятника (изначальное или новое).

Подобно знаменитому историку искусства, авторитетнейшему критику А. Бенуа, Розанов увидел в этом памятнике глубину проникновения в художественную задачу.

В. В. Розанов написал две работы, посвященные памятнику, созданному Паоло Трубецким. Это достаточно развернутые эссе, внутренне связанные, но различные по конкретным целям.

Статья «*К открытию памятника государю Александру III*» была опубликована без подписи под названием «К открытию памятника императору Александру III» в газете «Новое время» 23 мая 1909 г., в день открытия

¹ Розанов В. В. Работы Голубкиной // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. 1994. / Розанов В. В., М.: Республика. С. 339.

² Там же.

³ Там же. С. 341.

⁴ Там же.

⁵ Талалай М. Г. Паоло Трубецкой: скульптура и генеалогия. К 150-летию со дня рождения. / Талалай М. Г., М.: Старая Басманная, 2016. С. 34.

Памятник императору Александру III — монумент российскому императору Александру III работы скульптора Паоло Трубецкого. Воздвигнут в 1909 г. на Знаменской площади Санкт-Петербурга. Ныне располагается во дворе Мраморного дворца

памятника на Знаменской площади Петербурга перед Николаевским вокзалом. Об этой газете В. В. Розанов писал: «Мне кажется, что великое дело “Нового времени” (поистине великое) основывается на том, что в России рассматривали, и давно рассматривали, что это есть единственно газета собственно русская...»¹.

Выбор места для установки монумента был определен тем обстоятельством, что именно отсюда вела железная дорога к Великому Сибирскому пути, державным строителем которого являлся Император.

Статья предваряла знакомство с памятником, ее автор писал: «А сегодня мы ...все перенесемся воображением и мыслью к благородному прообразу монумента»².

Розанов решает задачу исторической характеристики, называя главные качества императора Александра III, определившие своеобразие и значение его царствования.

Во-первых, Император «принес с собой на трон» важнейшую, редкую черту общечеловеческой — «прямоту, открытость и доброту».

Во-вторых, русские люди увидели на троне лицо «от плоти и кости своей», коего не было со времени Петра Великого. Государь «гордился бо-

¹ Розанов В. В. Сочинения: В 12 т. Т. 2. Юдаизм. Сахарна / Под общ. ред. А. Н. Николюкина / Розанов В. В., М.: Республика, 2011. С. 92.

² Розанов В. В. К открытию памятника государю Александру III // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. АМ.: республика, 1994. С. 311.

лее всего тем, что он был Русский Государь, что он был вождем и главою именно русского народа, русской державы»¹.

Для внутренней жизни произнес он лозунг «Россия для русских». С переменами лозунг распространялся и на внешние отношения: «Россия никого не теснит: но требую, — говорил он как Русский Царь, — чтобы и Россию никто не теснил»².

Вторая статья В. В. Розанова «*Paolo Trubezkoi и его памятник Александру III*» увидела свет в газете «Русское слово» 6 июня 1909 г. под названием «Памятник императору Александру III». Статья была подписана одним из псевдонимов В. В. Розанова — В. Варварин. При этом редакция поместила примечание, в котором сообщала, что решительно не разделяет взглядов «почтенного сотрудника» ни на Россию, ни на интеллигенцию, но ценя свободу мнения, помещает статью.

В памятнике, созданном Паоло Трубецким, Розанов увидел проявление подлинно художественного дара, сильнейшее, очевидное выражение сути вещей — «он здесь выразил Россию». Дара таинственного, не обусловленного ни многознанием, ни образованностью, ни силой рационального мышления: «художник ничего намерено не делает», его рука «знает больше, чем его голова».

Трубецкой, «полуитальянец, флорентиец», не следящий за политикой, не знающий ни фактов, ни толков о них, по виду русских людей, которых встречал за границей, «по лицам и говору русских людей» знает русскую жизнь в ее глубине ее истории и настоящего времени, знает «то счастье и несчастье, надежды и безнадежность, которые могли родить и рожают» этих людей.

В. В. Розанов пишет: «Я не знаю — что и как: но в памятнике он изумительно выразил, все, что *есть*... И монумент Фальконета для меня — опера, феерия невиданной действительности, а памятник Трубецкого — это такое родное, “мое”, “наше”, “всероссийское”, что хочется ... плакать и смеяться, как я смеюсь и внутренне плачу, глядя на этот памятник!...»³.

В восхитительной по артистичности манере В. В. Розанов осуществил искусствоведческий образно-стилистический анализ⁴ памятника русскому государю Александру III.

При этом в вводных строках он отметил, что памятник «бесконечно обезображен» отполированным, вычищенным пьедесталом, напоминающим бонбоньерку, «и на нем ... водружена “матушка Русь” с Царем ее»⁵.

Завершая эссе, Розанов провозглашает: «монумент Трубецкого, — единственный в мире по всем подробностям, по всем частностям, — есть именно наш русский монумент»⁶.

¹ Розанов В. В. К открытию памятника государю Александру III // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. АМ.: республика, 1994. С. 311.

² Там же. С. 312.

³ Там же.

⁴ Губарева О. В.: «Образно-стилистический метод можно охарактеризовать как поиск красоты и духовно-нравственного начала в единстве формы и содержания произведения» / Губарева О. В. Михаил Алпатов об искусстве иконы: особенности метода // Временник Zubovskogo instituta, 2019, № 1. С. 83.

⁵ Розанов В. В. «Paolo Trubezkoi и его памятник Александру III» // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. 1994. С. 324.

⁶ Там же. С. 326.

В. В. Розанов посвятил три статьи истолкованию «зрелища необыкновенного», которое являло собой искусство американки ирландского происхождения, танцовщицы-босоножки Айседоры Дункан (1877–1927), возрождавшей принципы античной хореографии, свободное пластическое движение как естественное проявление души.

«Танцы невинности (Айседора Дункан)», «Дункан и ее танцы» (14 января 1913 г. в Малом театре)

А. Дункан неоднократно посещала Россию: в 1904–1905 гг., в 1907–1913 гг., в 1921–1924 годах¹. В Москве дважды публиковался перевод ее лекции «Танец будущего»². В постоктябрьское время она пользовалась покровительством государственной власти. С 1922 по 1924 гг. Айседора Дункан была женой Сергея Есенина. Школа, основанная ею, существовала в Москве до 1949 года.

Первая статья В. В. Розанова, посвященная знаменитой танцовщице, «имя которой прогремело по всему свету», была опубликована в 1909 г. в газете «Русское слово» под псевдонимом В. Варварин. Розанов сразу замечает, что *не повторит ничего «из итогов, слившихся в общеинтеллигентную молву»* (курсив мой. — Г. С.), «так как смотрел на Дункан со своих особых точек зрения, выразившихся в многолетних ... писаниях о поле и о тех частях человеческой культуры, которые с полом связаны, и так как рассматривал Дункан и изучал ее пляски совершенно так, как если бы их видел впервые, как если бы впервые появилось это зрелище»³.

Описывая состав публики, который «был явно умный и серьезный...», Розанов называет Станиславского, не пропустившего ни одного представления Дункан, что «одно много стоит». Розанов видит в Дункан воскрешение древнего естественного танца, противоположного современному балетному, противоприродному танцу, в котором «все принадлежит ногам и “ножкам”...», все строго, аскетично, жестко культивировано. «...древний танец был более танцем *рук, шеи, головы, груди*, — верхнего, а не нижнего человека, — чем ног...», «в танце Дункан — совершенное отсутствие нашего “па”». «*Танцует дух человека*, древняя “психея” Эллады».... «*Танцует природа*, — не павшая, первозданная природа. Так прыгает Лань около Дианы»⁴.

Автор пишет, что Дункан с босыми ногами в общеизвестном хитоне «Артемиды на охоте» «сказала: “Вот смотрите на меня, вот — человек!”».

В конце статьи Розанов восклицает:

«Ничего мутного — все так прозрачно!

Ничего грешного — все так невинно!

Вот — Дункан и дело, которое она сделала!»

¹ Айседора. Гастроли в России. Сб. рец. и ст., посвящ. гастролям А. Дункан / Сост., подгот. текста и коммент. Т. С. Касаткиной; вступ. ст. Е. Я. Суриц. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992.

² Дункан А. Танец будущего: Лекция. Пер. Н. Филькова. Под ред. и с предисл. Николая Суслова. М.: Типо-лит. К. И. Чероковой, 1907, 16 с.; Дункан А. Танец будущего. Пер. с нем. под ред. Я. Маюцкевича. — М.: Заря, 1908.

³ Розанов В. В. Танцы невинности (Айседора Дункан) // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. 1994. С. 288.

⁴ Там же. С. 293–294.

Розанов полагает, что личность и школа Дункан «сыграют большую роль в борьбе идей новой цивилизации» за «возвращение к природе! возвращение к естественному!»¹.

Вторую статью «“Дункан и ее танцы” (14 января 1913 г. в Малом театре)», опубликованную в газете «Новое время» в 1913 г., Розанов мог бы назвать также словами, заключающими ее, — «Обрывок Олимпа в Малом театре». Вся она посвящена раскрытию именно этой мысли.

Розанов, анализируя смысл самобытного творчества Дункан, пишет, что она показала Грецию, открыв неизвестную область древнего искусства, знаковую прежде только в его неподвижности, «воссоздала *движение античного мира* в прекраснейшем виде его — *в движущемся древнем человеке*»².

Танцы Дункан произошли из внимательнейшего изучения ею музейных коллекций античного искусства: «положенный ею в основу танцев археологический материал — огромен», — авторитетно свидетельствует Розанов из глубины своих нумизматических штудий. Это «ученая и археологически-эстетическая сторона. Это достойно быть увенчанным академиями». Но «Дункан дала кой-что больше»³.

«Дункан именно блаженно танцует», словно чувствуя «брызг весеннего дождя, первые чистые капли его в мае месяце». «“Блаженство” — вот суть богов; греки так и называли их — “блаженные боги”, “μακαρεσθεοι”»⁴. И весь Петербург был счастливо, упоенно молод, благодарно ощутив обрывок, как сказал В. В. Розанов, — «*Олимпа в Малом театре*».

Спустя месяц после публикации второй статьи В. В. Розанов, лично познакомившись с танцовщицей, поместил 19 февраля 1913 г. в газете «Новое время» небольшое эссе «*На печальном остатке жизни*», которое начиналось словами: «Оказывается, самое теплое воспоминание Айс. Дункан сохранила из всех ею посещаемых стран — о России»⁵.

В книге «Среди художников», изданной в конце этого же года, Розанов опубликовал статью уже под другим названием — «*У Айседоры Дункан*», заменив и первые строки следующими: «Я посетил Айседору Дункан. Как и следовало ожидать, она не бездетна».

На вопрос: «Но отчего у Вас все греческое?» А. Дункан ответила: «...я думаю, у греков не специально греческое, а общечеловеческое. Танцы мои — просто танцы будущего». «Разве можно *научить* танцам? У кого есть призвание — просто танцует, живет танцуя и движется прекрасно. Поэтому что он сам прекрасен и прекрасна его душа»⁶.

¹ Розанов В. В. Танцы невинности (Айседора Дункан) // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. 1994. С. 295.

² Розанов В. В. Дункан и ее танцы (14 января 1913 г. в Малом театре) // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. 1994. С. 390.

³ Там же. С. 291.

⁴ Там же.

⁵ Николюкин А. Н. Комментарии // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина / Николюкин А. Н. М.: Республика, 1994. С. 462.

⁶ Розанов В. В. У Айседоры Дункан // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. / Розанов В. В. 1994. С. 396–397.

В. В. Розанов со свойственной ему сверхчуткостью к сути явлений в своих размышлениях рельефно показывает глубинный смысл феномена «танец Айседоры Дункан».

Столь же пронизателен взгляд В. В. Розанова в таких работах как...

«Памяти Серг. Серг. Боткина» и «Памяти В. Ф. Комиссаржевской»

(В литературе России конца XIX в. фамилия известной актрисы В. Ф. Комиссаржевской (1864–1910) обычно писалась через два «мм»).

Говоря о конкретных людях, Розанов выявляет присущие обществу, живущему художественными интересами, архетипические явления.

Сергей Сергеевич Боткин (1859–1910) — выдающийся врач, профессор, сын знаменитого терапевта С. П. Боткина, коллекционер, избранный неперменным членом Академии художеств.

Фигура С. С. Боткина привлекает В. В. Розанова прежде всего потому, что он был душой художественных сообществ в Петербурге, прежде всего молодого кружка «Мир искусства», талантливо определяя общий тонус и интерес жизни.

*Вера Федоровна Комиссаржевская
(1864–1910)*

По складу характера это был человек, щедро излучавший богатство своего внутреннего мира. Лицо его «являло всего более ласковости именно в отношении того, над кем или над чем он шутил, в чем замечал невинно-забавную сторону». «Не было фигуры менее официальной и “должностной”, чем он».

— «Счастливый человек, — невольно приходило на ум».

«Он любил все красивое, характерное, национальное. Любил во всякой вещице ее физиономию, метко улавливая своим глазом, явно художественным». «... поэтизировал, мечтал, объяснял, сравнивал... И больше всего надеялся: “вперед”, “еще”»¹.

«Мысль о шире приходила при взгляде на этого русского человека», так рано ушедшего из жизни, создававшего ощущение ее полноты, насыщенности красотой и теплом общения.

¹ Розанов В. В. Памяти Серг. Серг. Боткина // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 327.

Называя С. С. Боткина «истинно прекрасным и добрым русским человеком», Розанов раскрывает, сколь значима в обществе *роль человека*, обладающего благодатным чувством красоты, душой, взыскующей радости, счастливо открытой в своем пении и щедро одаривающей других. Именно благодаря таким людям, «как жизнь, о, Боже мой, становится полна!»¹.

Статья В. В. Розанова *«Памяти В. Ф. Комиссаржевской»* была опубликована в газете «Русское слово» в 1910 г. связи с ее безвременным уходом актрисы из жизни.

Розанов говорит об особом художественном «или, скорее, ... лирико-художественном» даре В. Ф. Комиссаржевской, благодаря которому в ее игре жило что-то заветное, щемящее, несбыточно-желанное русской души: «Но кое-что из “сценического” каждый смотрел, как на тропочку своей биографии...»².

Комиссаржевская была гражданин, человек; была художница. «“Цехом” и “ремеслом” от нее не пахло». «У нее было большое “я”». «...все чувствовали, что в ней ...не человек служит “актрисе”, а “актриса” служит человеку»³.

Порыв и трепет В. Ф. Комиссаржевской и сегодня живет в Петербурге, он словно растворен в его воздухе, слит с таинственно влекущим светом белых ночей, томящих своей загадочной красотой.

«На концерте Шаляпина»

В эссе «На концерте Шаляпина», впервые опубликованном в газете «Новое время» в 1913 г., потрясающе передана общая атмосфера, картина концерта: и отношение к певцу публики, и состояние души человека, слушающего, смотрящего, общающегося, думающего, восторгающегося. Розанов предстает здесь как волшебник, воспроизводящий явление, погружая в него читателя. «Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это — инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература?»⁴.

«“Бабы” Малявина»

(Картина Федора Андреевича Малявина (1869–1840) хранится в Национальном музее современного искусства в Париже.)

В статье «“Бабы” Малявина» В. В. Розанов пишет, что «Бабы», «уже никогда не исчезнут из истории русской живописи», как «Мертвые души» из истории русской литературы.

¹ Пушкин А. С. Зима. Что делать нам в деревне? // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 тт. Под общей ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксман. М.: Гос. издательство художественной литературы, 1959. Стихотворения 1823–1836. 1829.

² Розанов В. В. Памяти В. Ф. Комиссаржевской // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Розанов В. В. / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина. 1994. С. 331.

³ Там же. С. 329–330.

⁴ Розанов В. В. Уединенное. Соч.: В 2 т. Т. 2. / Розанов В. В. М.: Правда, 1990. С. 277.

Василий Васильевич Розанов.
Старинная фотография

На полотне Ф. А. Малявина представлено, выражено и понято *«русское женское существо»*, как своеобразное и новое среди француженок, немок, итальянок, римлянок, гречанок, грузинок... Нужно, конечно, было изучать и брать не “дам”, *баб.* Отсюда — сюжет и *имя.* «Бабы» — это *вечная суть* русского, — как “чиновник”, вообще “купец”, вообще же, как “боярин”, “царь”, “поп”. Это — схема и прообраз, первоначальное и вечное»¹.

Именно сущностное, вечное, глубинное в русском духовно-душевном мире В. В. Розанов, вдохновенный служитель прав-

ды, постигал и удивительно полноценно, живо, художественно совершенно, передавал в своих статьях-эссе, собранных в книгу «Среди художников».

К Василию Васильевичу Розанову можно отнести слова, сказанные им о К. Н. Леонтьеве: «Он был редко прекрасный русский человек, с чистой, искренней душой, язык коего никогда не знал лукавства...»². Для В. В. Розанова искусство являлось высшей формой выражения смысла бытия народа. Философия мыслителя, будучи укорененной в глубинах исконно национального типа мироотношения, стала полнокровным проявлением ума как части души. Именно этим определяется и такое ее качество как художественность, и несравненная сила ее влияния на национальное самосознание.

¹ Розанов В. В. «Бабы» Малявина // Розанов В. В. Собрание сочинений: Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А. Н. Николюкина / Розанов В. В., 1994. С. 214–215.

² Розанов В. В. Из «Опавших листьев» и «Мимолетного» 18 июня 1915 г. // Розанов В. В. Русская мысль. С. 345–346.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

СКВОЗЬ СМЕРТЬ — К ЖИЗНИ

Елена Заславская — донбасский поэт, писатель, журналист. Родилась в 1977 г. в Лисичанске. Автор семи поэтических сборников, а также публикаций в интернет-изданиях и периодике. Автор книг для детей. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств им. М. Матусовского. Представляла Донбасс на чтениях Literaturwerkstatt в Берлине (2008), на Лейпцигской книжной ярмарке (2012) и на поэтическом фестивале в Берлине (2014, 2016). Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки. **Живет в Луганске, ЛНР.**

Военное стихотворение Михаила Дудина «Соловьи»: сквозь смерть к жизни

В 2014 году началась война Украины и Донбасса, которая продолжается и по сей день. С 2014 г. поэтами Донбасса создано много военной лирики в русле русской поэтической традиции Великой Отечественной войны 1941–1945. Символы, образы и смыслы, проявившиеся тогда, актуальны и в современных условиях. Пережитое и познанное во время Великой Отечественной войны зафиксировано в поэтическом слове и сохранено до наших дней. Эмоциональное наполнение поэзии военных лет передается и людям нашего времени, помогает строить эмоциональную модель своего отношения к военным событиям.

Рассмотрим стихотворение Михаила Дудина «Соловьи» и определим, что узнаёт лирических герой стихотворения и как влияет это знание на его дальнейший жизненный выбор.

Чувство узнавания является проявлением способности чувственного постижения духовных смыслов воспринимаемых предметов. Познавание является важной частью эстетической организации художественного произведения, оно позволяет передать эмоциональное состояние, возникающее у лирического героя и «примерить» его на себя, соотнести со своим жизненным опытом, пережить катарсис.

Дудин Михаил Александрович (1916–1993) — русский поэт, прозаик. Родился в деревне Клевнево Ивановской губернии в семье крестьян. Рано остался сиротой. После окончания ивановской фабрики-школы в 1934-м году работал в молодежной газете. В 1939–1945 гг. был корреспондентом фронтовых газет.

В ежемесячном литературно-художественном журнале «Подъем» писатель Иван Лукин в очерке «У нас сегодня пели соловьи...» рассказывает историю создания стихотворения «Соловьи» Михаила Дудина, ссылаясь на свидетельства друга семьи писателя Евгения Войскунского: «...Это было начало июня 1942 года... возвращаясь домой, попал под очень сильный обстрел, переживал его довольно долго, прижавшись к стене дома, — в общем, выдался трудный день. Вечер был тоже беспокойный, я сидел с двумя-тремя работниками газеты рядом с домом, в котором была наша редакция, в сквере. И вдруг мы слышали, как поет соловей, — типичное такое щелканье. Пощелкал, пощелкал и выдал длинную руладу, очень красивую. Мы замерли. “Надо же, — подумал я, — война, обстрелы, смерть и — соловей!” Это было чудом. В очередном письме я написал об этих соловьях моему другу — Мише Дудину, который работал на тот момент в газете Ленинградского фронта “На страже Родины”».

На сайте «РуСтих» приводится такая история создания стихотворения: «Написать стихи к первой годовщине военных действий поэта попросил батальонный комиссар. Причем, дал свободу в выборе жанра, тем самым позволив вылиться исповедальному лирическому высказыванию. М. Дудин в те дни узнал о гибели двух друзей, В. Чухнина и Н. Майорова. Последний был еще и подающим надежды начинающим поэтом. Поэт писал это стихотворение не за столом, а в зарослях орешника, у озера, под пенье соловьев, подстелив под себя шинель. Он чувствовал ответственность перед погибшими товарищами, воспринимал их смерть как завещание прожить достойно эту жизнь. И как свидетель — рассказать, вспомнить, запечатлеть».

Стихотворение «Соловьи» стало классикой фронтовой поэзии. Но чем же оно так цепляет читателей? Прежде всего, контрастом между смертью и жизнью! Лирический герой видит гибель товарища, смерть предстает перед ним во всем ее неприглядном виде, и тут же рядом он слышит жизнеутверждающий оркестр природы.

*Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.*

И тут же:

*Звонят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядам.
А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.*

И благодаря поэтическому свидетельству Дудина мы становимся сопричастны к постижению подлинного смысла происходящего: «Я славлю смерть во имя нашей жизни». На наших глазах свершается осознание триумфа жизни, несмотря на все ужасы войны. Осознания того, ради чего наши солдаты отдавали свои жизни на этой Великой войне:

*Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.
Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.*

В стихотворении Михаила Дудина «Соловьи» показано чувственное познание, который позволяет читателю постичь духовный смысл смерти солдата на войне.

В 2014 г. началась война Украины и Донбасса, которая в феврале 2022 г. продолжилась в виде спецоперации по принуждению к миру на Украине. События военных лет поставили каждого человека в Донбассе в ситуацию экзистенциального выбора, когда перед лицом смерти он должен был определяться, ради чего он живет и за что он готов отдать свою жизнь. И поэзия Великой Отечественной войны оказалась неиссякаемым хранилищем исторической памяти и духовного опыта народа, актуального и в наши дни.

«ПОТЯНУЛИСЬ ПУШКИ ЧЕРЕЗ КРАСНОДОН»

***Образ Родины в военной лирике
Александра Сигиды-отца и Александра Сигиды-сына***

Вопрос «Что такое Родина?» поставил в своем стихотворении известный советский поэт Михаил Матусовский, родившийся в Луганске и служивший военным корреспондентом в годы Великой Отечественной войны.

Как же отвечают на этот вопрос современные донбасские авторы в условиях новой войны, идущей с 2014 года в Донбассе? Рассмотрим образ Родины в произведениях поэтов, отца и сына, Александра Ивановича Сигиды и Александра Александровича Сигиды.

В русской культуре сильны две тенденции конструирования образа Родины. Одна из них — это географическая конкретность, привязка к реальному месту, индивидуализация образа России в отдельном городе, пейзаже, ландшафте. Вторая тенденция заключается в стремлении найти иные элементы образа Родины, помимо географической реальности.

Два поэта, которых мы рассматриваем, являются представителями этих двух тенденций.

Александр Иванович Сигида-отец (1963 г.р.) — поэт, публицист, член Союза писателей России, Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального Союза Писателей. Автор 12 книг поэзии.

Печатался в альманахах творческого объединения СТАН и «Радуга», журнале «Склянка Часу», альманахе «Свой вариант», антологии «15 веков русской поэзии»; сборниках, посвященных войне в Донбассе: «Ожог», «Час мужества», «Строки мужества и боли», «За други своя», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Воля Донбасса»; в журналах «Молодая гвардия» «Родная Ладога» и мн. других. Лауреат литературных премий им. Михаила Матусовского и «Молодая гвардия»; лауреат международных фестивалей поэзии; основатель творческого объединения СТАН (Луганск). Организатор I поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты-2009», Республиканского фестиваля «Муза Новороссии» (2014–2020).

Александр Сигида-отец — руководитель проекта «Территория слова». Литературный альманах «Территория слова» выходит в Краснодоне (ЛНР) с января 2016 года. На страницах журнала публикуется гражданская поэзия, проза, публицистика, посвященная военным событиям в Донбассе. В числе авторов альманаха «Территория слова. Славяносербия» — писатели ЛНР, ДНР, РФ и Сербии. Живет в поселке Атамановка в Луганской Народной Республике.

В 2018 г. в издательстве «Большой Донбасс» вышла книга Александра Сигиды «Легенда к карте».

Сигида-отец пишет: «Надо показать человеку (и — прежде всего — ребенку), самые “простые” вещи: откуда берется хлеб (пища), как строится дома, как растет дерево — “с чего начинается Родина”».

Его Родина очень конкретна. Большая часть его военных стихов из книги «Легенда к карте» привязана к конкретным локусам к конкретным временным точкам на донбасской карте.

В стихотворении «5 июля 2014» читаем:

*лица соседей суровы — тут по-другому нельзя;
(дети, родители, вдовы, да ополченцы-друзья)
слезы смахнули подруги — нервы запели струной;
«за боевые заслуги перед родной стороной»*

А вот стих, который называется «6 июля 2014»:

это не игрушки и давно не сон...

*душу рвет на части евро-гуманист.
(обстреляли Счастье — прут на Металлист)*

В стихотворении «Братские могилы» поэт задается вопросом:

*бомбовоз уводят на второй заход
на Донбасс вернулся сорок первый год?*

Стихотворение «17 июля 2014»

*современные зомби над лугами парят,
прямо в купол часовни направляя снаряд.*

По словам очевидца:

*нет ни «Варяга», ни «Грека»,
«Ялта» убит разрывной
(чтобы «достать человека,
нужен тебе позывной?»)*

И все-таки поэт настроен оптимистически:

*будем рыть землянки и стараться жить —
миром в Атаманке надо дорожить.*

Александр Александрович Сигида-сын (1986 г.р.) — поэт, переводчик с французского и испанского, член Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик. Родился в семье поэта и учительницы русского языка. Окончил в 2003 г. Луганский лицей иностранных языков, в 2010 г. стал магистром французской филологии. Сигида-сын в совершенстве владеет французским, испанским, английским, немецким языками. С 2014 г. занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Любимые авторы: Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилев, Честертон, Киплинг.

Сигида-сын является лауреатом литературной премии «В поисках правды и справедливости» в номинации «Молодая поэзия России» (Москва, 2015); обладатель серебряной медали Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (Алушта, 2016); участник III совещания молодых писателей в городе Каменск-Уральский и семинара военных авторов в Москве (Переделкино). Участник фестивалей «Большой Донбасс», «Муза Новороссии». Печатался в журналах «Роман-газета», «Александръ», альманахе «Территория слова».

В 2014 г. Сигида-сын принял активное участие в народно-освободительном движении Донбасса: участвовал в военных действиях в рядах ополчения в батальоне «Оплот». Проходил службу в ДНР как минометчик (2015—2016), затем служил в спецназе (2017—2018), затем служил в танковом батальоне отдельной мотострелковой бригаде имени Ворошилова, в настоящее время, в 2022 г., служит в армии ДНР.

В 2019 г. в издательстве «Большой Донбасс» вышла книга Сигиды-сына «Орфография ненависти».

Сигида-сын в своей военной лирике описывает Донбасс как часть разнообразных культурных миров: античного, библейского, европейского, американского. Он вписывает Донбасс в мировой культурный контекст.

В стихотворении «Стены Илиона» читатель погружается в атмосферу античной культуры, прародительницы всех европейских культур, повлиявшей на русскую культуру также после крещения Руси Византии.

*У них разведки были, заграждения,
Траншеи, патрули, ночные бдения,
Военный аналитик звался Нестор,
А вся война из-за одной невесты.*

Конфликт на Донбассе в этом стихотворении расписан по модели Троянской войны.

В стихотворении «1916» описаны добровольцы Первой мировой войны, которые пошли на войну «с Богом в душе и винтовкой в руке». Таким образом, события современной войны в Донбассе моделируются по образцу сражений Первой мировой: «Мы желали гибели гуннам» (гуннами тогда называли немцев).

В стихотворении «Герон Лотреамона» лирический герой признается, что «Не раз от Седово и до Краснодона бывал я с героями Лотреамона». Лотреамон (Изидор Дюкасс) — французский романтик XIX в., предтеча символизма и сюрреализма. Работал в направлении темного романтизма, соответствующем готицизму в широком смысле.

*Блистали зарницы на небе Донбасса,
и я шел путем Исидора Дюкасса.*

События нынешней войны Украины с Донбассом поэт описывает в эстетике французских декадентов, и таким образом вписывает военные действия в Донбассе в общеевропейский контекст конца XIX века.

В стихотворении «Эшли ЛИЯ» присутствует отсылка к конкретному локусу в Луганске — Лицею иностранных языков. В стихотворении описано, как лирический герой и его одноклассники ставят пьесу по роману Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», и все персонажи воплощаются в конкретных жителях Донбасса. Автор идентифицирует себя с Эшли, мятежным сепаратистом, членом «Ку-клус-клана», стойкость жителей Донбасса в борьбе сравнивается с поведением южанина-сепаратиста:

*Он пепел стряхнет, улыбнется
В рыжую ирландскую бороду,
И снова готов
К картофельному голоду,
Гражданской войне,
Работе на лесопилке.
Расставанию со Скарлетт.*

В одном из финальных стихотворений «Люди икс» автор описывает донбасские реалии — шахты, проходчиков — в терминах американской массовой культуры как персонажей голливудских блокбастеров. В то же время он соединяет эти два культурных пространства с античными и библейскими образами:

*Они черны, как люди Икс,
И не отмыть частицы сажи.
Они качают воду в Стикс
Из черных, сатанинских скважин.*

В отличие от отца, Сигида-сын рассматривает реалии не от земли, от конкретной местности, а извне, с позиций мировой культуры. Изображение Александром Сигидой-сыном своей творческой миссии совпадает с творче-

ским вектором «проклятых» поэтов, разрушителей европейской классической культуры, маргиналов, которые философствуют молотом:

*Он собирал стихи и прозу
Индустриального некроза;
И все-таки в тротил
Он тексты превратил.*

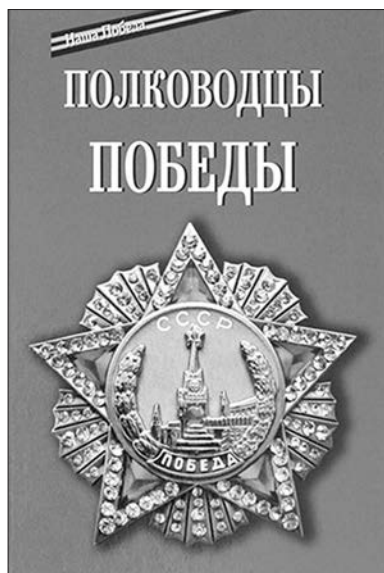
Сигида-отец пишет: «В XXI веке, благодаря компьютеризации и интернету, человечество совершило настоящий мультикультурный скачок (подобный изобретению книгопечатания), способный объединить всех людей доброй воли. Но суровая правда войны не дает забыть, что рождение нового — это всегда “кровь, пот и слезы”, это тысячи и тысячи смертей во имя торжества идей Воли и Труда. “Новороссийская литература” (“неолит”) — это литература Победы. Всё только начинается!»

Итак, оба донбасских поэта, хотя представляют разные тенденции в поэтической традиции изображения Родины, осмысляют на самом деле единый образ, одно и то же культурное пространство. Это пространство — русский Донбасс, который изображается не только как земля Воли и Труда, но и как часть универсума мировой культуры.

ВЫШЛА КНИГА

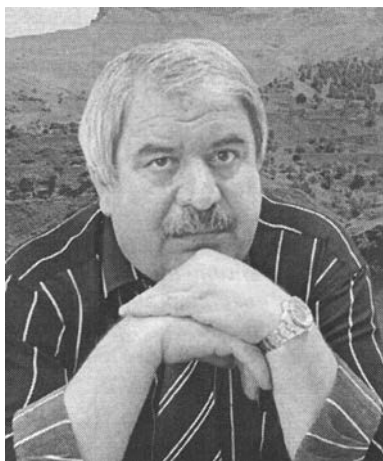
В Издательстве Московской Патриархии Русской Православной Церкви вышла в свет книга епископа Балашихинского Николая (Погребняка) «Полководцы Победы». Издание продолжает серию «Наша Победа».

Книга рассказывает о полководцах Великой Отечественной войны — двенадцать имен, двенадцать судеб самоотверженных людей, которых объединяет любовь к Отечеству и талант побеждать. Этот талант заключается не только в разработке успешных оперативно-стратегических операций, но и в способности вдохновить на подвиг своих воинов. Каждый из героев этой книги внес свой вклад в великую Победу в самой страшной и кровопролитной войне XX века. Все они были людьми несравненного личного мужества и были готовы к подвигу жертвенной любви во исполнение заповедей Христовой: Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15:13), — говорится в аннотации книги. Книга расскажет о тех, кто воевал, и не просто воевал, а побеждал, — о полководцах Великой Отечественной войны, которые в самые тяжелые годы сохранили не только верность Родине, но и ценности отеческой веры.

*Я памятник себе
воздвиг нерукотворный.*

А. С. Пушкин

Магомед АХМЕДОВ

«...ЛЕТИТ СТРОКА СКВОЗЬ ГОРЕСТИ И ГОДЫ»

*Перевод с аварского
Анатолия Аврутина*

Магомед Ахмедович Ахмедов — окончил литературный институт им. М. Горького. Автор многих поэтических книг и литературных статей. Член Союза писателей России. Народный поэт Дагестана. Лауреат Большой литературной премии России. Руководитель Союза писателей Дагестана. **Живет в Махачкале.**

У пирамид стою, где воздух выпит
Тысячелетней сущностью времен.
Не начертал ни слова здесь Египет.
Ползут века... Безмолвен фараон.

Не знаю ничего, хоть мир просторен,
Что было бы вселенского важней —
Два памятника...

Тот — нерукотворен,
За этим — сотни жизней и смертей!

Какая-то неведомая сила
Душой владеет, в память заложив
Хеопса ненасытного могилу,
На «милость к павшим»
пушкинский призыв.

Тропа не зарастает к пирамиде
Не потому, что нету здесь травы...
Я фараона не хочу обидеть —
Ведь с ним тысячелетия на «Вы».

Но для строки
преград нет и кордонов,
А потому, примите без обид —
Поэзия превыше фараонов,
А значит, Пушкин выше пирамид.

* * *

Взглянула...
Эти очи роковые!
Улыбкой мимолетной обожгла
Арабка... Я забыл, Александрия,
Что я здесь гость,
Что есть еще дела.

Бродили рыбаки,
Сновали люди,
Спешил на берег ласковый прибой.
И понял я, что сердце не забудет
Бездонных глаз
Арабки молодой.

Я здесь лишь гость,
Здесь только до зари я,

Брожу, седин от взглядов не тая.
Но все-таки не зря,
Александрия,
Мне улыбнулась
Девушка твоя...

ОБЛАКА

Тучки небесные, вечные странники...

М. Лермонтов

Люблю вас, облака, парящие вдали,
Художники небес, рисующие вечность.
Вы свет людских сердец на небо вознесли,
Чтоб заново уплыть куда-то в бесконечность.

И только ваша тень легла на тень мою,
Две тени на земле одною тенью стали.
Я в горечи своей о Родине пою —
Ей тоже нужен свет средь мрака и печали!

Плывите, облака, мне вас не удержать,
Два облака парят, и лучик солнца — между.
Пусть мне не воротить свою былую стать,
Но, уплывая вдаль, вы дарите надежду.

Довольно ей рыдать бессильно на земле,
Довольно и стихам напрасно ждать свободы!

Дарите белизну, пока вы не во мгле,
Пока летит строка сквозь горести и годы.

Ведь это на земле важней всего — загон,
Где держит властелин доверчивое стадо.
Плывите в небесах, там свет со всех сторон,
И никаких оград ничьей душе не надо.

Но все-таки земле оставьте хоть клочок
Той воли, облака, что вас несет далёко,
Чтоб Родину мою, пусть чуточку, но смог
Он светом озарить, струящимся с востока.

Ведь Родина одна... Люблю ее такой,
Какою даровал Всевышний в миг рожденья.
Гляжу на облака... Им вслед машу рукой.
От Родины своей не жажду снисхожденья.

Забыла про меня она в мой горький час...
Неся небесный свет в медлительном полете,
Парите в небесах... Нет Родины у вас.
Мне жаль вас, облака, — без Родины живете.

ЗОВ СЕРДЦА

Я жив твоей любовью, Дагестан,
Но с дрожью на тебя теперьзираю.
Тебя Аллах создал подобным Раю,
А ты забыл язык, что Богом дан.
Что делать?.. Даже солнечный Хунзах —
Он языка аварского столица, —
На языке твоём устал молиться,
Да и вершит молитву впопыхах.

Неужто мы — теперь уже не мы,
И рабский дух сильнее жажды счастья?
Так солнце превращается в ненастье,
Так горы превращаются в холмы.
Неужто горский дух совсем зачах
И кровь уже не буйствует под кожей?
Без языка на горцев не похожи
Те люди, что рождаются в горах,

Мой Дагестан... И сам ты был орлом,
Когда орлов пускал в полет над кручей.
Казался языков других живуче
Родной... Аварский... В свете золотом.
Не зря ты был землею Шамиля,
Чей дух и в нас присутствует незримо.
Его высоким именем хранима
До сей поры родимая земля.

Мой Дагестан!.. Я вечный пленник твой.
Но мне печаль взрывает подреберье.
Век двадцать первый нам принес безверье...
И душит, вызывая волчий вой.
Поломаны надгробья... И пусты
В родных аулах брошенные сакли.
И никуда не денешься, не так ли,
От этой бесконечной пустоты.

Мой Дагестан!.. Всевышнего молю,
Чтоб воротил он звук родимой речи,
Которая от всех страданий лечит,
В любимый край, на Родину мою.
Ну а пока — не слово, а слеза,
Не отчий дом, а рухнувшие стены.
И я стою, невзгодами согбенный,
И горечь застилает мне глаза.

У РАЗВАЛИН ГОРСКОЙ САКЛИ

Сюда заходишь — и мороз по коже,
Совсем на смерть похожа тишина.

На черноту вороньих крыл похожи
Углы... А у разбитого окна
Зачем-то тени мертвенные пляшут,
Им пустота вопросы задает:
Где люди, что сложили стены наши,
И где орлов над крышами полет?
Сегодня счастье — слышать клекот редкий,
Услышать чей-то грустный разговор.
Но здесь веками жили ваши предки,
Зачем ушли? — не ясно до сих пор...
Конечно, я стара... И надоело
Здесь строить жизнь, хоть так велел Аллах.
Не нужен труд изнеженному телу,
И горский дух не нужен во дворцах...
Детей растил здесь горец... Счастье строил.
Так жили деды, прадеды, отцы...
Но не рожают воинов-героев
Добытые изменою дворцы.
Негоже, горцы, предков забывая,
Пускать нам души горские в распыл.
Ведь сакля — это Родина вторая.
Забыл про саклю — Родину забыл!

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

*Мы дрались там...
Ах, да! Я был убит...*

Н. Гумилев

Брожу по Петербургу... Ночь темна.
Мелькнула тень... Ушла... Мелькнула снова.
Неверный свет из тусклого окна...
Чья это тень? Неужто Гумилева?

Остановился... Начал свой рассказ.
Холодный вечер обжигал метелью:
«Для русских стихотворцев стал Кавказ,
Как для тебя мой Питер, — колыбелью!»

Я помолчал... Потом сказал в ответ,
Боясь — растает этот образ милый,
Что Питер сам — и город, и поэт,
Поэтам ставший братскою могилой.

Вот Пушкин умирает на снегу,
Вот гибнет Блок без воздуха и звука.
Есенин в «Англетере»... Не могу
Иначе думать — вот какая штука.

На небе Петербурга столько звезд!
И каждая звезда — душа поэта.

В мой Дагестан стремится звездный мост.
И здесь свинец — мне помнится про это.

Лишь горы знают тайны их смертей:
Друг застрелил Махмуда — кровь кипела,
Хан ослепил Саида без затей,
Анхил Марин с зашитым ртом запела.

В Сибири побывал Казак Ирчи,
Петь песни запретили Батараю.
Судьба поэта... Сколько ни кричи,
Иной судьбы для гения не знаю.

И снова темень... Узкий двор тюрьмы,
Выводят на расстрел приговоренных.
Сто лет прошло... Тесней прижались мы —
Стоим среди Всевышним не спасенных.

— Кто здесь поэт известный Гумилев?
Вас отпускает наша власть Советов...
...Он будто бы не слышит этих слов:
«Я — офицер, не вижу здесь поэтов!»

Переспросил я: «Вправду было так,
Иль кто-то фантазирует без меры?»
Он усмехнулся: «Жизнь — такой пустяк!
Я был поэт, да вышел в офицеры!»

И снова по Гунибу мы бредем,
Как только что брели по Петербургу.
И снова с Гумилевым мы вдвоем
По-братски делим теплую тужурку.

И снова понимаю я — Поэт
Весь шар земной своим спасает словом.
А значит, в этом мире смерти нет,
Пока шагаешь рядом с Гумилевым!

* * *

Чья-то старая мать сиротиной живет,
Одиночество в детских глазенках несмелых...
Одинаково страшно и в доме сирот,
И в постройке с табличкою «Дом престарелых»!

Как похожи они в одинокости дней —
И дитя, и старуха с обугленным взором!
Сны им черные снятся... И нету черней
Одинокой тоски за казенным забором.

К ним не ходит никто... И никто не придет.
Позабыли старуху и бросили сына...

Ничего нет печальнее этих сирот:
Там и мать — сирота, и дитя — сиротина...

Ну а люди? А людям не снится беда...
Не считая себя за сиротство в ответе,
Все бегут по делам, поспешая туда,
Где их бросят когда-нибудь взрослые дети.

ПТИЦА

Мне даже по ночам порю снится
Крик белой птицы, потерявшей птицу.

Тот крик любви... Тот горький крик разлуки.
Моей душе знакомы эти муки.

Когда не видишь сполохов зарницы,
Крылом взмахнешь, а в небо не летится...

День наступал, но солнце не вставало.
А это птица птицу потеряла.

* * *

Я пил вино, хоть против был пророк,
Оно меня в печали веселило,
Стихам дарило мужественность строк
И в черных жилах вместе с кровью стыло.
Я пил вино... А Родина ждала...
Я пил вино, колена преклоняя...
Я пил вино... И делались дела.
Я пил вино... И край мой был без края.
Писал стихи и снова пил вино,
Свои стихи читал большим поэтам.
И ЦДЛ был с нами заодно,
И зал гудел, вина хлебнув при этом.
Я пил вино... Давно не пью вина,
И думаю вечернею порою,
Что без вина родная сторона
В глаза мне смотрит с горькою виною.
Стихи писались, если пил вино,
Была в любой строке земная тайна...
Я пил вино... То было так давно...
И все казалось так необычайно.
Пустой бокал давно стоит вверх дном —
Иные времена, иные сроки.
Но помню — строчки делались вином,
И головы хмелили эти строки.

Александр ПАНКРАТОВ-ЧЕРНЫЙ

«Я ЛЮБОВЬ ПОСЕЛИЛ В СВОЕМ СЕРДЦЕ»

Александр Васильевич Панкратов-Черный — актер, кинорежиссер, Народный артист РФ, поэт — родился в 1949 г. в Панкрушихинском р-не Алтайского края, окончил Горьковское театральное училище, режиссерский факультет ВГИКа, служил в гвардейской Таманской мотострелковой дивизии пулеметчиком. В 1996 г. выпустил первый поэт. сб. «Шаги к стихам». Лауреат премий «Петрополь», им. Пушкина, им. Франца Кафки, премии Ксении Блаженной. Член СП России. Президент фестивалей искусств «Южные ночи». Член Совета благотворительной организации «Благомир». Президент детского спортивного фонда «Наше поколение». **Живет в Москве.**

* * *

Господи! Дай же мне волю!
Рощу с березовым соком,
Песню с печалью и болью
О птице, парящей высоко,
О маме,ждавшей сына,
О сестрах, встречающих брата —
А не о вдовах, застывших у тына,
Убитых бессмертьем солдата...
Господи! Дай же мне волю!
Солнце, горящее в синем,
Звезды на черном с луною,
Но не войны над Россией,
Но не стрельбы надо мною...
Дети, смотрящие в небо,
Пусть удивляются птицам,
Запаху свежего хлеба
И улыбнувшимся лицам...
Господи! Дай же мне волю!..

* * *

Дорога долгая, ночная,
Без песни и без ямщика.
Куда ведет? Никто не знает,
А мы с тобой из далека...
На небе тучи, как собаки,
Обкусывают край луны,
И ветер рвется к этой драке
От нас с тобой и тишины,
И ничего душе не надо —
Тоска и боль сжимают грудь —
Им щедрой кажется наградой —
Ночной и долгий этот путь.
Вокруг огней и сёл не видно —
Лишь в черном небе клоч луны...
Как грустно нам и как обидно —
Мы никому здесь не нужны...
Но, ничего...
С тобой мы знаем,
Что этот край — любимый, наш —
Алтайский край!
Он вечно с нами —
Его не купишь, не продашь!
Но, в душах боль, тоска с печалью,
И жить без этого нельзя.
Мы мчимся в даль, а там — за далью
Нас ждет такая же стезя!..
Дорога долгая, ночная,
Без песни и без ямщика...
Куда ведет — с тобой мы знаем —
Конечно, в даль — из далека...

* * *

Не ищите меня в поднебесье!
Не теряйте меня на Земле...
Я слова собираю для песни —
Все слова о добре и тепле.
Я любовь поселил в своем сердце,
Выгнал ненависть вон из души —
Православные, чтоб с иноверцами
Стали в дружбе и мыслить, и жить...
А еще я хочу, чтобы рядом,
В ожиданье добра и тепла,
Вся земля моя, вся перед взглядом,
Не закатов — рассветов ждала!
Чтобы Солнца росинки, как слезы,
Вытирало с земного лица,
Чтоб шумели в Алтае березы
Возле окон и возле крыльца.
Чтоб смеялись смешные мальчишки,
В чистых водах купая коня.
Чтоб Россию хранил наш Всевышний
Во Вселенной для всех и меня!..

* * *

А у меня сегодня День,
И солнце лезет через раму,
И чья-то маленькая тень
Напоминает очень маму.
«Господь накажет за грехи», —
Всегда мне говорила мама.
«Ты перестань писать стихи...».
А я писал их и немало.
Мне больно, мама, коль молчу,
Печально, если не читаю
Стихи рассветному лучу,
Все, посвященные Алтаю.

Но, если в этом тяжкий грех, —
Господь простит меня за это,
Не для себя пишу — для всех —
Ведь не случайно стал поэтом...
К оконной раме, как к кресту,
Печаль и боль меня прижали...
И по бумажному листу
Стихи, как прежде, побежали.
А тень скользнула по стене
И тихо-тихо удалилась,
И непонятно стало мне —
Простила мама
Иль простилась...

* * *

Евгению Леонову-Гладышеву

Железной дорогой — «Москва-Петербург»
Сегодня мне ехать всю ночь до рассвета.
Там встретит меня закадычный мой друг,
Как Сашку Панкратова, как не поэта,
И как не артиста, сыгравшего роль
Смешного бродяги из тьмы захолустья...
Он встретит в душе моей горечь и боль,
И черный мой взгляд с затаившейся грустью,

С вокзала к «Октябрьской» мы быстро дойдем.
Бармен, как всегда, нам нальет по рюмашке,
Мы выпьем за встречу, мы выпьем вдвоем,
Чтоб радостно было и Женьке, и Сашке...
А после на Невский — в Казанский собор —
Молиться и каяться... Старец Владимир
Тишайшей молитвой прервет разговор
И с душ окаянных грехи наши снимет...
У дома на Мойке мы вспомним слова
Онегина, Пушкина у парапета.
Мосты, как браслеты, покажет Нева,
В гранитное платье навеки одетая...
Васильевский, Лиговка, ну, а потом —
На площадь Искусств и к «Бродячей собаке»,
Где пил я с друзьями за первый свой том,
Как будто за Разина, шедшего к плахе.
Мы горечь и боль, затаенную грусть
Утопим, до поезда, в полном стакане.
Мы выпьем до дна за Великую Русь,
За русский народ, всех ушедших помянем,
За то, что есть поезд «Москва — Петербург»,
В котором мне ехать всю ночь до рассвета,
За то, что встречает Панкратова друг —
Не так, как артиста, не так, как поэта.

* * *

Вижу море народного горя —
Волны боль в мою душу толкают...
Им не надо моих историй,
Им не надо любви к Алтаю,
Им не надо ни слез, ни крика,
Ни разрыва больного сердца,
Ни молитв у Святого Лика,
Ни проклятия от иноверца.
Им не надо, чтоб кто-то рядом
Улыбался счастливым лицам
И бросался открытым взглядом
К улетающим в осень птицам,
Им не надо... Да, что им — смутным,
Гневом брызнувшим, как слюной?..
...Поскорее пришло бы утро,
Солнцем вставшее надо мной —
Солнцем добрым на небе синем,
Обнимающем все и вся,
Где зовется моей Россией,
С морем горя моя Земля,
На которой живет и мыслит,
В двадцать первый шагнувши век,
Ради радости, ради жизни,
Богом созданный человек!

Северная СТОЛИЦА

Борис ПОДОПРИГОРА РОДОМ С ИСААКИЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ

Борис Александрович Подопригора — родился в Ленинграде, прозаик, сценарист, публицист, поэт, полковник запаса. Окончил полный курс ВИИЯ (Военный институт иностранных языков). Является участником событий в семи горячих точках. Покинул Афганистан после выхода последней советской колонны. Возглавлял «информационный фронт» во второй Чеченской кампании, принимал участие в урегулировании конфликта в Абхазии, был советником Главы Респ. Карелия. С 2017 г. — советник Председателя ЗакСа СПб. Член Союза журналистов, член СП России. Автор киносценариев, книг прозы, публицистики, стихов. Награжден орденами «Красной Звезды», «За военные заслуги» и др. наградами. Живет в Санкт-Петербурге.

Сначала было...

Начну с благодарности Татьяне Захаровне Протасенко, придавшей нашей памяти неожиданный ракурс — «мою жилищную историю». Вряд ли сохраню чистоту заданного ею жанра. Но вспомню, как заинтересовался им сам.

Дело было так: во второй половине 90-х мне довелось служить российским представителем в американском штабе международных миротворцев в Боснии. В главном американском гарнизоне — Тузла-мэйн — находился их же офис Красного креста. Туда я зачастил не за символическими подарками, а из-за хозяйки учреждения — Кэтлин, призванной из запаса специалиста Вооруженных Сил США.

Уже улавливаю ухмылки, поэтому спешу добавить: обаяние этой немолодой мормонки (поясню: целомудренной по вероисповеданию, правда, представившейся по родному штату — ютианка), сочеталось с доброжелательной любознательностью, да и прекрасным языком многоопытного школьного учителя. Кстати, из ее школы чуть ли не еженедельно поступали подарки в виде носков-носовых платков с несколько слащавыми, хотя и трогательными рукописными записками типа: «Солдату, промокнушему в карауле (вариант: получившему обидное взыскание), от 3-го-бис класса (или детского хора мормонов), который любит защитника Америки».

Речь, впрочем, о другом. Миссис Кэтлин подробно рассказывала не только о своем детстве, учебе, детях-внуках, соседях-друзьях-одноклассниках, приводя массу часто непривычных для нас подробностей: антураж-одежда-стол, привычки-слабости, даже болезни и т. п. Не знаю, насколько наше общение было

интересно ей, хотя, по ее словам, русских она до того времени не встречала. В разговорах с Кэтлин каких-либо подвохов я не чувствовал. Без задней мысли предавался под «гостевой» кофе (мормоны его не пьют) филолого-страноведческому времяпрепровождению.

А потом Кэтлин неожиданно заменили. О причинах могу только догадываться... С этой никак не «приключенческой» истории я ощутил интерес к биографическим деталям как не очень привычному, но «напрашивающемуся» жанру. К тому же нескучному — при хорошем рассказчике.

Позднее я познакомился с книгами Владимира Евгеньевича Чурова — их легко найти в интернете. Он известен не только как политик, но едва ли не родоначальник, по меньшей мере, энтузиаст авторского жанра — «путешествий» по истории страны через рассказы о своих родственниках. Своего рода отечествоведение через «отчествоведение». Во всяком случае, традиционными литературоведческими понятиями этот жанр характеризовать трудно. Зато очеловечивание истории через «конденсацию» памяти не только стимулирует интерес к родовым корням, но и «электризует» совесть: уже поэтому постесняешься сфальшивить...

Ну, а теперь — моя расширенная жилищная история.

Как «коты принесли мир». И про архив Плеханова

Большая коммунальная квартира под номером 47 по адресу: улица Союза Связи, 1/7. Дом на углу с Исаакиевской площадью.

Большой двор, перегороженный двумя старыми «каретниками» — в одном стояла бежевая «Победа» самого известного жильца дома — профессора-хирурга Александра Александровича Лимберга. Он — сын одного из основоположников отечественной стоматологии Александра Карловича Лимберга, имя которого увековечено мемориальной доской. До начала 60-х двор был заполнен «разнокалиберными», в том числе «двухэтажными», дровяными сараями.

В самой квартире больше всего запомнился длиннющий коридор с комнатами по одну сторону. По нему мне не разрешали бегать. 11 комнатных окон, как и тогда, смотрят с третьего этажа во двор. Сам он ассоциируется с зычными криками точильщиков, а заодно жестянщиков и старьевщиков. Они же служили почти бескорыстными посредниками между продающими и ищущими домашнюю утварь. При чем тут бескорыстие? А при том, что чем честнее мастер, тем больше у него клиентов. О тогдашней честности: помнится, водитель такси несколько дней искал хозяев забытой сумки... Вернул и попросил стакан чая — ему предстояло работать в ночную смену.

Говорили, что максимальное число наших послевоенных квартирантов достигало 39 человек. Но при мне, жившем здесь с 1955-го до конца 1964-го, их стало намного меньше — человек 15, максимум 20.

Самая просторная (до потолка — метра четыре) — 25-метровая комната в два окна. В ней и жила наша семья. Остальные комнаты были чуть ли не наполовину меньше. С долгожданным для нас переездом в отдельную квартиру на Охту стало уже по-другому. Из того, первого в моей жизни, десятилетия запомнилось, главным образом, то, что позже вспоминали бабушка и родители. Без них не обойтись даже теперь, десятилетия спустя.

Оказывается, многие тогдашние коммуналки делились на «пьющие» и «непьющие». К «пьющим» — с эвфемизмами и без — причислялись те, где жили по несколько инвалидов. Таких квартир было много. У нас же, простите за цинизм, инвалид с протезом был лишь один — прокурор, его звали Вадим Степаныч. Трезвенником он не был (как и все остальные), но наша квартира относилась к числу «непьющих», к тому же «женских». А женское большинство действовало отрезвляюще.

Но не все так просто: периодически шумела дочь самой авторитетной соседки. Именно их — старейшую с начала века, к тому же ответственную квартиросъемщицу Зою Александровну Короткову и ее дочь Женю, кондуктора автобуса — мои домашние считали самыми бескорыстными. И вот почему. Та и другая, выходя из дому, спрашивали, не нужно ли что купить. У тех, кто победнее, за четвертинку хлеба или пару луковиц денег не брали. Сухонькая Зоя Александровна иногда встречала меня, второклассника, из школы (на углу переулка Гривцова и улицы Плеханова), вечером «выгуливала» таких, как я, вокруг квартала и иногда даже покупала пирожок. А Женя могла даже ночью подменить маму плачущего младенца — чтобы та чуть-чуть отдохнула.

Разночинского происхождения Зоя Александровна — воплощение эпохи. В октябре 1917-го она работала на том самом телеграфе на Большой Морской, который вместе с вокзалами взяли большевики.

Мне еще не было десяти, когда я уже запомнил, что к 25-летним телеграфисткам тогда пришли такие же по возрасту «революционные офицеры» (так запомнилось), пококетничали, угостили девушек и в скором времени ушли, никак не повлияв на рабочую атмосферу.

Но больше меня поразило другое: на параллельной Большой Морской — набережной Мойки, находился узел связи главного штаба, то есть, военного министерства. Он был укомплектован такими же девушками (возможно, офицерами — Зоя Александровна точно не помнила) и в привычном режиме существовал до переезда правительства в Москву в марте 1918 года. Причем, девушки, приходя на службу, надевали военную форму, а завершив смену, переодевались в гражданку.

На мой «октябрьский» вопрос (нужно ли пояснять, кто такие октябрята?) «Хорошо, что произошла революция?», Зоя Александровна ответила приблизительно так:

— Конечно, хорошо. А то и в «Генеральском» пропал хлеб...

Главными продуктовыми магазинами (слово «гастроном» было не на слуху), которыми пользовались мои домашние, были «Почтамтский» (напротив входа в почтамт), «Звездочка» (угол улиц Гоголя и Дзержинского — эту улицу, в отличие от других, переименованных после революции, называли по-старому — Гороховой) и «Генеральский» (угол улицы Гоголя и Невского проспекта).

Если не считать хлеба-круп-сахара-соли, другие продукты, в основном овощи, чаще покупали на рынках. Самым дешевым считался Троицкий (до деноминации 1961 г. курица там стоила 30 руб., потроха — 7 руб.). Дешевой «молочкой» отличался Сенной рынок, знаменитый еще и тем, что прямо среди прилавков находился пивной ларек. Поэтому мужикам его без нужды «не доверяли». За картошкой ходили в магазин напротив дома (сейчас там отель «Ренессанс»), но иногда мы с отцом отправлялись за ней на Кузнечный рынок.

В день получки мама заходила в кондитерскую «Север» (обыденнее — «Норд»), покупала шоколадные конфеты «Антракт», «помадку» «Старт» (граммов по 200) и шоколадные батончики — они были дешевле пирожных и почти такие же вкусные, как «картошка».

Коллективно, на всю квартиру — правда, не всегда — заготавливали торф. Его покупали в полуметровых кубках, обернутых плотной хозяйственной бумагой, в «низóчке» (полуподвальном магазине) ближе к переулку Подбельского. До парадной везли на санках. Потом распределяли по комнатам.

Обсуждали и то, кто как убрал места общего пользования, но громких скандалов не помню. Зато помню (в начале 60-х) долгую кухонную дискуссию о преимуществах и недостатках водяного отопления — торф считался более надежным топливом.

Курящие, в том числе женщины, предпочитали дешевые папиросы «Север», которые иногда оставляли на кухонном подоконнике...

Кухня — центр «мироздания». Подоконник. Сажу и смотрю во двор. 31 августа 1962 года. Завтра впервые — «на уроки». Входит бабушка:

— Бабушка, а что такое «уроки»? »

— Ну, не знаешь, как писать, кОза или кАза — можно спросить.

А я думаю шире. Впервые по-взрослому. Начинается что-то важное в жизни. А я? За лето так и не осилил «Комаровых-братьев»... А еще года три назад захлопнул в комнате дверь, не смог изнутри открыть и разревелся. Всей квартирой взламывали. Позор...

Тоже детское воспоминание: игрушки. Их даже в относительно благополучной нашей семье было мало. Остались в памяти два велосипеда (трехколесный и «Орленок») и полуметровый «коняшка» из папье-маше, две лодочки (одна утонула в фонтане перед Адмиралтейством), а еще — выструганные папой «машинки», потом к ним добавились металлические «конструкторы».

Зато отдельным аттракционом запомнилось нечастое посещение секции игрушек в ДЛТ. Именно там у меня зародилась мечта о заводной машинке с поворачивающимися передними колесами. Ее цена считалась «неимоверной»: насколько помню, 160 рублей (до 1961 г.). Зоя Александровна и еще одна соседка, Юзефа Николаевна, иногда давали мне по 10 копеек, чтобы я на нее накопил. Но не судьба... Зато однажды у того же фонтана я увидел обладателя вожаденной машинки. Она лежала вверх колесами. Вокруг нее между такими же дошкольниками расхаживал гордый владелец, со значением повторявший «взрослую» фразу:

— Не допускайте скопления народа.

Много позже я узнал его имя: Боря Вишневский. Тогда он жил в «доме со львами», только по проспекту Майорова. Теперь он — известный петербургский депутат — давно живет по другому адресу.

Почти там же, на пустынной площадке за Исаакиевским собором, потом учился кататься на велосипеде. А на улице Якубовича находились конюшни — отец, будучи казачьего рода, частенько водил меня посмотреть лошадок и даже на них сажал. Поблизости по однопутной насыпи выезжали со второго этажа Манежа (из исполкомовского гаража) сверкающие красной машиной. И это тоже было «аттракционом». Перед тем, как машине съехать вниз, над правой аркой (теперь окном) загорался красный огонек: интересно...

Именно в нашей семье появился первый в коммуналке телевизор — «Неман». Соседи иногда стучали:

— Можно с вами посмотреть «Телевизионную хронику»?

В остальном квартирный быт был незамысловат. Мужчины общались редко, ибо общего у них было немного, да и приходили они поздно. А так: торф-ремонт-баня-футбол-«почему твоя к телефону не позвала?» Поясню: некоторые соседи, дожидаясь «важного» звонка, могли и сподличать — если спрашивали соседа, склонного «повисеть» на телефоне (А2-00-22), лукавили, мол, нет дома. Хозяйки тоже не искали поводов для осложнений, да и в большинстве работали допоздна. Даже дома — шили на заказ. Что было «полузаконно». Бабушка, например, самый большой гонорар (рублей 300) получила за пошив рясы готовившемуся стать священником. Я, тогда пятилетний, «обметал кромочку» — мое первое общественно-полезное дело.

Вечер (часов с восьми) был «расписан» с учетом «очереди к плите» (одна — на четыре, другая — на две конфорки), молодым мамам шли на встречу, остальные — строго по графику.

По квартире ходили: женщины в сколь-нибудь опрятных ситцевых халатах, мужчины — в пижамах, часто заношенных, причем, верхнюю часть надевали на такие же заношенные майки. Самыми неприличными казались тапки-«шлепки» — с зияющими пятками.

Запомнились воскресенья. «Дальний» по коридору мужчина часов в восемь утра стучал веником в дверь:

— В ба-а-ню-ю!

Лет с пяти в Фонарный переулок ходил с отцом и я. Там почти клубная атмосфера: например, врачи давали советы обратившимся и даже приглашали на прием. После бани болельщики (в сезон) собирались на «Зенит». Более переполненных, в том числе «зацеперами» на подножках, заднем бампере и крыше, чем троллейбусы 9-го маршрута, я не видел больше никогда.

О моральной атмосфере впечатления сбивчивые. Общим местом остались воспоминания бабушки (ленинградки с 46-го года) о том, что сразу после блокады отношения между квартирантами оставались натянутыми, иногда скандальными. Многие стеснялись того, что во время блокады на глазах соседей прямо из окон выливали на улицу содержимое ведер-горшков. Бывали случаи и «позорнее» (съели чужую кошку). А дальше — суждение, в объективности которого не уверен. Говорили, что выжившие были крепче и здоровее прочих. Но из кухонных воспоминаний следовало: значительная часть блокадников ушла из жизни в последующие пять-десять лет, чаще из-за проблем с сердцем. В их жилье заселялись «понаехавшие», такие как мои родители. Они-то, как ни странно, смягчали квартирную атмосферу, поскольку в массе с уважением относились к блокадникам, во всяком случае не претендовали на большее, чем «коренные ленинградцы».

Еще одной особенностью — может, и отдельно взятой квартиры — запомнилась частая смена жильцов. Едва ли не ежегодно в какую-нибудь из комнат въезжали новые соседи. О многих и вспомнить нечего.

Возвращаясь к теме морали, приведу воспоминания опять же бабушки. Сегодня они кажутся скорее парадоксальными. Так, среди «постоянно-одиноких» дам выделялись две — уже упомянутая пожилая Юзефа Николаевна и относительно молодая Стали'на, кажется, парикмахер. Женское большинство видело в них угрозу для семей. «Доказанных» улик за

ними, судя по всему, не числилось, если не считать, что над кроватью Юзефы Николаевны висело ее откровенное изображение 20-30-х годов. Поэтому родители меня к ней не пускали, но я все равно ходил. Ведь у нее жили «ке'ночки» — канарейки. К «местной фауне» вернусь позже. Претензии к Стали'не состояли в том, что подвыпившие отцы семейств иногда (вечером в субботу) заходили к ней на чай-кофе. О большем история умалчивает.

Но в целом правила приличия соблюдались. Почти анекдотический эпизод: жена по ошибке приняла в намыленном соседе своего мужа. Ну и повела себя игриво. Во избежание пересудов паре (с непосвященным мужем) помогли побыстрее переехать в другую квартиру — благо они ее и искали.

Правда, был такой нюанс. Практически вся комната блокадницы Юзефы Николаевны была заставлена «музейным» гарнитуром красного (или даже «сверхценного» черного) дерева. О его происхождении полной ясности не было. Для блокадников, а вслед за ними и остальных, это было важно. Тем временем ненадолго поселившиеся в нашей квартире мать и дочь (их называли «фигуристыми») особенно не скрывали своей «самозанятости». Запомнился ничего для меня тогда не значащий эпизод — удивление отца, преподавателя техникума. Он застал на нашей кухне своего студента, ожидающего, так сказать, «своей очереди». Этим дамам скорее сочувствовали: «Надо же, жизнь до чего довела... А ведь еще молодые...» Претензии к ним, в основном, касались «внеочередного» использования кухонных плит: они грели воду для «санитарных процедур».

А вообще, намеренно подчеркну, публичных оценок скорее сторонились, как и разговоров на «общественные» темы. Во всяком случае, в присутствии детей. О войне, впрочем, говорили. В основном, в связи с чьей-то кончиной. Особо острые сюжеты обходили стороной. Так, подозрения в каннибализме тут же «зашикивали». Как это могло быть, мне расшифровывали годы спустя. Правда, иногда некто, вполне «сытно» переживший блокаду, потом намекал на «запредельные» способы добычи пищи: вот, мол, до чего жизнь доводила! Вслед ему бросали: «Ищет оправданий. А тогда присосался к пайкам...»

Я с тех пор свято усвоил: хлеб ни при каких обстоятельствах выкидывать нельзя. Но раз уж зашла речь о войне, напомним: до 1965 года, то есть ко времени, когда у меня, родившегося в 1955-м, закладывались первые представления о Великой Отечественной, 9 Мая особо не праздновалось.

Общим фоном запомнились застольные споры (максимальное число мужчин-участников войны, включая отца, было трое-четверо), о том, какой командир, точнее командарм, берег людей, а какой нет.

И все же один эпизод, рассказанный отцом, врезался в память. Это был единственный случай, когда отец заплакал. Дело, по его словам, было так: пожилой комиссар прибыл в полевой госпиталь, чтобы из раненых (на Невской Дубровке) собрать хотя бы взвод. Комиссар обратился к лежащим на шинелях-носилках, а то и на ветках, с вопросом: «У кого в Ленинграде остались родные, кто их может защитить?» Откликнулись все без исключения. Даже те, кто не мог встать. И уж точно далеко не у всех откликнувшихся оставались в Ленинграде родственники...

Не знаю, почему, но отец и впоследствии не любил торжественных собраний, посвященных Дню Победы. И посещал их только по разнарядке.

Но на повседневном пиджаке носил орденскую планку. Без юбилейных медалей.

Теперь — о квартирной фауне. У Зои Александровны жила рыжая кошка Пэшка (в младенчестве Пушок). Соседскую кошку (такая тоже была) она в коридор «не пускала», по-видимому, из-за «гендерного диссонанса». Собак в квартире никто не держал.

У Пэшки, судя по воспоминаниям, было казанское происхождение. Дело в том, что к концу 44-го года в Ленинграде практически не осталось котов. Зато развелись крысы и мыши. Поэтому из Казани доставили один или два вагона с кошками — на «развод», много рыжих. В дороге выжили не все. Вагоны остановились до Обводного канала. Открыли двери. А далее, как запомнилось очевидцам, уже вечером в день прибытия нескольких «посланцев Татарстана» заметили где-то на Лиговке у Московского вокзала.

Валентина Ивановна Матвиенко, следуя на 1000-летие Казани с подарком в виде белого барса, была «вооружена исторической родословной»: вот кого вырастили из ваших кошек! Именно их появление в питерских дворах означало: мирная жизнь возвращается.

И еще несколько штрихов. До того же 65-го года с перекрестка улицы Союза Связи и переулка Подбельского исчезли часто подвыпившие (сильно шумели) безногие инвалиды с «утюжками». На некоторых были гимнастерки еще военного времени. С медалями, от которых оставалась только верхняя часть. С запачканной, а то и отсутствовавшей муаровой ленточкой — орденов не помню. Они там собирались чуть ли со всего Октябрьского района — каждый вечер, когда не было снега. В доме, где сегодня находится музей религии, размещалась «столовая—вечерний ресторан». Директор заведения по фамилии Пидгайло — сослуживец по Невской Дубровке и к тому же кубанский земляк отца — выносил инвалидам нехитрую снедь: смутно запомнились котлеты... (О спиртном не говорили.) Так вот. Эти инвалиды, как мне в последствии рассказали, исчезли за неделю. Во всяком случае, их стало в разы меньше. Потом кто-то чуть ли не шепотом поведал: их увезли на Валаам, «и жена одного из них отправилась вслед за мужем».

Следующий сюжет. Перед новогодним праздником с 63-го на 64-й год в нашу школу пришли работники почтамта и предложили оплачиваемую работу — разнести телеграммы утром 1 января. Похвастаюсь: заработал около 2 рублей, включая полученные от адресатов копеек 20 «на чай». Часов в восемь утра, получив штук 20-30 телеграмм, отправился по родной улице — на «чужие» школьников не пускали... Практически везде предлагали поест. Угощали тем, что оставалось от праздничного стола, давали с собой. Вареную картофелину, реже яблоко или конфету, совсем редко — мандаринку.

В этом был контраст с родной квартирой. У нас по праздникам делились, по крайней мере, ватрушками... Но в память врезалось другое: по ошибке позвонил в дверь, из-за которой не сразу послышалось:

— Некого тут поздравлять. Как умер мой (*Васенька*), так никого не пускаю.

Потом, когда я об этом рассказал, мне поведали большее: в одном из соседних дворов однажды сгорели два тополя. Это стало безутешным горем для двух пожилых соседей: «Это ведь был мой... (*Володенька*)» — «А мой ушел еще на финскую...» Эти женщины «их» с тех пор «поливали». Слезами...

Если вспоминать, как было, не обойтись без щекотливой темы возвращения домой эвакуированных (остались «народные термины»: «блокадники» и «доблокадные» (те, кто блокаду пережил в эвакуации)). В этих разговорах часто звучали еврейские фамилии — им якобы благоволило начальство. Моя мама, к тому времени директор школы, объясняла, что среди вернувшихся, в том числе евреев, оказывалось много преподавателей, прежде всего школ. Им действительно помогали с жильем. Особенно если учителя соглашались работать еще и в вечерних школах рабочей молодежи — их открывали на большинстве предприятий (оплата — производственной «натурой»). Впрочем, крайне немногочисленные немцы, особенно сохранявшие акцент (до войны, как рассказывали, этого не стеснялись, скорее, наоборот, подчеркивали), пиететом точно не пользовались.

О репрессиях говорить избегали. Но в нашей семье бывал сослуживец отца Михаил Григорьевич Шевяхов. Он в послевоенное время занимал должность, по-моему, секретаря райкома. Поэтому с другими заключенными оказался на одной из барж. К счастью, она не затонула на Ладоге... Потом его освободили. Кто-то из соседей его знал по не забытому «ленинградскому делу» и, не заботясь о впечатлении, пожимал руку, сочувствовал.

...И еще одна подробность нашей коммунальной жизни — культмассовый сектор.

До войны, потом с конца войны, затем годы спустя наша Зоя Александровна работала смотрителем в Исаакиевском соборе. Во время блокады — санитаркой. А на моей памяти — билетершей в театре, скорее всего, в Музкомедии. Поэтому с неприличным пожеланием «пустить в штаны цикорий» («донэльзя», мол, обхохочетесь!) раздавала контрамарки.

Театры у нас в квартире посещали, хотя и не все. Чаше ходили в кино, в основном в ДК связи. Мой первый кинопросмотр состоялся в конце 50-х. Фильм назывался «Машина 22-12». Вел я себя буйно, ерзал по креслам. Обычно после таких культпоходов жильцы делились на кухне впечатлениями. Кто-то рекомендовал прочитанную книгу: ее тоже обсуждали. А вот библиотеками пользовались редко. Считалось, что это почти как признак безделья. А кроме того, из-за трудно постижимой **вины** перед книгами.

...Зоя Александровна рассказывала, как большие семейные библиотеки в блокадное время спасали от холода:

— А ведь сжигали ТАКОЕ...

И вот, возможно в 42-м, одна из ее знакомых пришла с тревожным сообщением: кто-то протапливает печь архивом, точнее письмами, Плеханова!

— Надо срочно спасать. Такой ведь человек! Его и Ленин уважал...

Зоя Александровна отправилась по адресу, кажется, на одноименной улице. Оставшуюся часть писем и что-то еще обменяли на привезенные на санках стулья (в ту пору на растопку шли даже кладбищенские кресты: лавра, Волково, Митрофаньево).

Если ничего не путаю, к этому «архивному делу» имела отношение и вдова писателя Куприна — Елизавета Морицовна, работавшая, как и Зоя Александровна, санитаркой и ушедшая в 1942 году. Письма и прочее снесли в комнату Зои Александровны. Потом она их переместила «от греха подальше» (чтобы соседей не искушать) в подвал Исаакия. Уже в конце войны бумаги забрали, поблагодарив персонал за сохранность.

Не упоминая о Георгии Плеханове, сам факт нахождения архивов блокадного времени в подвалах собора подтвердил в конце 90-х тогдашний директор музея Георгий Петрович Бутиков.

Память вне политики

Мне кажется, что подробности о войне и блокаде — пусть даже в пересказах — в первую очередь достойны памяти. Особенно, когда видишь выброшенные на помойку старые фотографии.

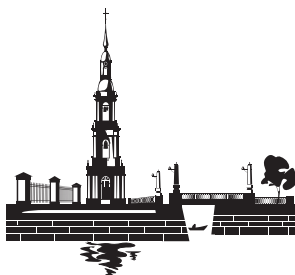
Когда первый раз *коснулся войны*, для меня это стало генетической точкой отсчета — тогда неосознанно. В конце 50-х отец вывез нас с мамой на Невскую Дубровку, где он воевал. Пройдя к берегу Невы, он закричал: — Сюда нельзя, здесь кости!

До сих пор запечатлелось то, что потом стало частью моего мировоззрения: война — это то, что «нельзя». Может, и поэтому я заинтересовался конфликтологией.

Из мирно-квартирных эпизодов тоже многое заслуживает памяти: панихида по ушедшей в конце 60-х Зое Александровне. Ее отпевал один из столпов тогдашнего ленинградского священства. Моя мама так и не узнала, чем она того заслужила.

Приезжая с мест службы в Ленинград, я каждый раз навещал свой двор, вглядывался в родные окна. До середины 90-х нашу комнату освещала пятирожковая люстра, купленная отцом в конце 50-х. Первая люстра в квартире, в остальных комнатах еще долго висели лампочки под ветхими абажурами.

Добавлю: многие собеседники, к которым с разрешения Татьяны Захаровны я предлагал поучаствовать в сборнике, с порога объявляли политический «суд памяти» с позиции сегодняшней «умудренности»: эти «белые», другие — «черные». Но те и другие до сих пор представляются незабвенно «нашими». Ибо все они доверчиво смотрят из неоцифрованных семейных альбомов. У кого они остались. И дай Бог, чтобы оставались подольше...

Михаил ЗАРУБИН

СТРОИТЕЛЬ

Новелла

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

Многие стороны жизни немислимы без строительства и строителей. Жилой дом, железная дорога, мост, аэропорт, больница и многое-многое другое — все построено руками и науками человеческими.

Кировский завод, где я проработал на строительстве и реконструкции цехов с десятков лет, тоже не мог обойтись без «нашего брата». Обойдись, попробуй, если необходим конвейер для трактора К-700М, призванного заменить устаревшие модели; если надо построить новый цех для ходовой части танка Т-80; выполнить реконструкцию цеха, чтобы на новых площадях выпускать паротурбинные установки для гражданских судов и кораблей ВМФ. Да только по одному нашему заводу всё, подпадающее под категорию «стройка», и не перечислить.

Как тут обойтись без строителей? Тем более, что каждое сооружение сегодня — сложнейшая конструкция, а ведь еще встречаются в строительной практике уникальные объекты, требующие особых решений и технологий. Уверен, старожилы помнят, что Кировский завод и теперешние Северные верфи у Алексеевской проходной разделяла речка Емельяновка. Была эта пограничная река довольно широкой, поэтому перебраться с завода на завод было невозможно. Да и причин тому не находилось, а может, мне так казалось.

Часть этой речки от Комсомольской площади по улице Корабельной давно угомонила в подземных железобетонных трубах, и только на территории заводов можно было увидеть ее в природной красоте. Правда, лучше бы эту красоту не видеть. Вся поверхность воды была покрыта мазутом, а берега, слева и справа, пропитались им так глубоко,

что их уже и не было, они превратились в зловонную студенистую массу. Откуда здесь появлялся мазут, можно было только догадываться.

Чтобы избавиться от этого чудовищного экологического просчета, было решено на истоке Емельяновки построить очистные сооружения. Другого места не нашли?!

Работы по строительству этого объекта достались моему управлению.

Основными рабочими на строительных площадках были военные строители, то есть солдаты-срочники. Работали они плохо, старались рассредоточиться по действующим цехам, искали себе место полегче, по известной солдатской мудрости «солдат спит, а служба идет». Поэтому в летнее время любимые места у них были крыши. Там всегда тепло, светло и начальство не достанет. А глаз за ними нужен был особый, острый, непримиримый с разгильдяйством. Нужно было вовремя дать работу, обязательно поставить «надсмотрщиков» из гражданских рабочих, которые в управлении были на вес золота. Да и мастер, и прораб должны были быть с опытом и ни на шаг не отходить от этих молодых хитрецов. Короче, проблем полон рот. Кому об этом расскажешь?

По статистике, правда, все выглядело как норма. Рабочих столько, сколько надо. Техника любая есть. Материалов привезут с лихвой. Строй, быстро и качественно.

Каждое утро начиналось у меня с объекта на мазутной речке, каждый вечер я там и заканчивал свой трудовой день.

II

Этот день выдался такой же, как и все предыдущие, с теми же проблемами и заботами. В конце дня я пошел проверять сделанное за смену, полез в котлован.

— Михаил Константинович, — догнал меня звонкий девичий голос. Посмотрев вверх, увидел склонившуюся над котлованом Валю, кадровичку из управления. Поднявшись наверх по деревянной лестнице, с опаской спросил:

— Что-то случилось? Ты с дурной вестью?

— Да нет, можно сказать, с доброй.

— Говори быстрее, зачем в наши неблагоприятные края пожаловала? — я почему-то, действительно, взволновался.

— Мастера привела, — со смешком ответила улыбающаяся молодая женщина.

— Кого привела? — удивился я неожиданному сообщению.

— Мастера. Хорошего. Его из треста к нам направили.

— Подождать в конторе не могли? — строго сказал я, делая вид, что рассердился, мол, отвлекают не вовремя.

— Так в конторе нет никого, все разошлись по домам, день-то рабочий закончился, — щебетала Валя, не смущаясь моим недовольством.

— Неужели закончился? А я и оглянуться не успел. Хотя нет, успел, дел много мы переделали. Так где же твой мастер? Давай его сюда. Пригодится, — с показной суровостью распорядился я. Валя приняла мою игру и, кокетливо вскинув руку, указала на молодого парня в парадной солдатской форме, стоявшего поодаль.

— Вот он, — торжественно произнесла молодая женщина.

Я ожидал увидеть умудренного опытом мужика, строительного «волка», а тут — худенький солдатик.

— Это мастер? — я от удивления даже закашлялся. — Он что, тоже из военно-строительного отряда?

— Я не знаю, — похлопала густо накрашенными ресницами Валя.

— А чего ты знаешь, девонька? — ласково пожурил я смутившуюся сотрудницу.

— Подойти поближе, сержант, — скомандовал я молодому человеку. Тот подошел строевым шагом, вытянулся в струнку, подбородок вверх, грудь колесом, руки по швам.

— Ну, рассказывай, — улыбнулся я молодому человеку, понравившемуся мне своей армейской опрятностью и подтянутостью.

— Что рассказывать? — не пошевелившись, спросил новоявленный мастер.

— Что за вопрос? Рассказывай, как звать, в каком отряде служил, да все о себе рассказывай.

— Ну, я тогда пошла, — защебетала Валентина. — Домой пора. И вам тоже.

— А пропуск ты ему на выход оформила?

— Конечно, оформила. Не ночевать же такому красавцу на стройке, — кокетливо ответила кадровичка.

— Тогда иди. Спасибо тебе. — Я сердечно помахала раскрытой ладонью вслед смешливой Валентине и обратился к незнакомцу: — Давай, парень, говори быстрее. А то наши солдатики уже лыжи наострили. Сейчас все разбегутся.

— Зовут меня Григорий Череповский, я уже отслужил, прибыл сюда по направлению из треста.

— Как отслужил? А почему в форме?

— Так я до дома еще не доехал, — смущаясь, отвечал парень.

— До дома не доехал? Дома-то надо было побывать. Там, небось, родные ждут, мать волнуется?

— Дом далеко, в Курской области.

— Так ты не в нашем военно-строительном отряде служил? — не переставал удивляться я получаемым от сержанта сведениям.

— Я не слышал о таком.

— Так откуда же ты взялся на мою голову? — с отцовскими интонациями подшучивал я над солдатом.

— Из армии, проходил службу, но не в строительных частях.

— Еще и не в строительных? — это было выше моего понимания. — А как сюда попал? И зачем?

— Да все просто, — солдат, было видно, перестал волноваться, принял позицию «вольно» и стал отвечать понятнее и подробнее. — Окончил архитектурно-строительный техникум, получил направление работать в вашем тресте, но тут меня в армию забрали. Сейчас вернулся, прибыл к месту назначения.

— Так ты на стройке не работал?

— Нет, не успел еще.

— Твои начальники заболели, что ли? Я ведь просил человека с опытом, а мне солдатику желторотого прислали. У меня таких солдатиков двести человек. Не собрать в кучу, разбегаются как цыплята.

— Так вы меня не берете? — огорченно спросил мой новый знакомец.

— Куда?

— На работу.

— Честно сказать, не знаю, что делать, видишь, какой трудный объект. Сложностей хватает. Проектанты расписали на бумаге, да забыли про овраги, как говорит народная мудрость. Картинки нарисовали и на каждом листе надписи сделали: «решить по месту». А как решить? Тут не теория, практика нужна. Вот я и просил кадры в тресте подыскать мне опытного специалиста.

— Они, наверное, еще ищут.

— Ищут, говоришь, а если найдут, я его куда оформлю? В штатном расписании одна свободная должность. Давай, парень, сейчас спрашиваемся, а утром жду тебя в конторе. Я еще переговорю с управляющим. Жить-то есть где?

— Нет.

— Как нет? Что, в городе нет никого из знакомых?

— Знакомые есть. На одну ночь пустят.

— Ну и лады, а завтра все остальное решим.

С этими словами я попрощался с молодым человеком, который при своей профессиональной неопытности и понятной застенчивости, однако, мне чем-то понравился. Своей открытостью, готовностью ринуться в бой. В нем чувствовался исконный русский характер.

Утром я увидел Гришу у проходной.

— Ты чего здесь?

— У меня ведь нет пропуска.

— Да, вчера не сообразили. Надо было выписать. Ладно, пошли в кадры треста, там пропуск оформим и направление в управление, а также место в общежитии.

— Так вы берете меня на работу? — с надеждой спросил мой новый подопечный.

— Беру. Управляющий пообещал еще одну штатную единицу открыть. Но учти, пойдешь работать на строительство очистных сооружений.

— Пойду.

— Не убежишь?

— Не убегу.

Я и не сомневался. Я почему-то верил каждому слову этого немногословного симпатичного молодого человека.

III

Прошло пять лет. Меня назначили главным инженером Треста. Расставаясь со своим родным управлением, я спросил Виктора Васильевича Волкова, моего заместителя по производству и техническим делам, проще сказать, главного инженера:

— Что, Виктор, потянешь работу начальника управления?

— Боязно, конечно, но потяну, — ответил инженер.

— Чего боязно-то? Ты же все знаешь. На стройке не новичок, — подбадривал я товарища.

— Одно дело работать с прикрытием, другое дело оказаться в первом ряду, когда ты сам лично за все отвечаешь и не на кого понадеяться.

— Ну, ты мне тут не придумывай про прикрытие, про первый ряд. Еще скажи, что в атаку идти надо.

— Про атаку я не говорил, но если прикажут, пойду. Когда планерки у генерального директора объединения идет — тут не атака, а целый армейский штурм.

— Главным инженером кого хотел бы видеть?

— Гришу, — не задумываясь, ответил Волков.

— Не рано ли Гришу в главные инженеры? Недавно только до начальника участка дослужился, да и с утверждением сложности будут.

— По годам, может, и рано, но по уму — в самый раз. Он — талантливый и ответственный специалист. Да что я тебе говорю, ты сам его знаешь неплохо.

— Я-то знаю, но ведь тебе работать.

— Да, мне работать, потому и называю Григория. Если трудности будут при утверждении, попрошу помощи.

— Хорошо, Виктор. Я согласен. Действуй, — ответил я с ощущением правильности решения вопроса.

Дня через три меня вызвал управляющий трестом, мой непосредственный начальник.

— Послушай, Михаил, твоего ставленника в главке не утверждают, говорят, молод еще. Забери его документы.

Он пренебрежительно, через стол перебросил мне тонкую папку моего протеже, я с трудом поймал ее на лету, еще мгновение, и она оказалась бы на полу.

— Прости, — искренне извинился за свою неловкость управляющий. И сразу продолжил мысль сдержанным, казалось безразличным тоном: — Да, вот еще что: просили тебя в течение двух дней найти кандидатуру из нашего треста. Не найдем, пришлют со стороны, на такие должности очередь.

— Вы же в кадровой службе вели разговор о главном инженере? — попытался я защитить свои кадровые интересы.

— А что, надо было с технической службой согласовывать? — невесело хихикнул управляющий. — В кадровой, конечно, она решает, кому быть, кому не быть.

— Понятно, — ответил я, осознавая бесполезность дальнейшей дискуссии.

— Ничего тебе не понятно. А должно быть понятно, что завтра у меня должен быть кандидат.

Управляющий шлепнул по столу своей мощной рабочей ладонью, что означало окончание разговора.

Нигде не задерживаясь, я после этой аудиенции поехал в главк. Оставалась надежда на встречу с заместителем начальника главка, курирующего инженерные службы.

Помню, при моем утверждении на должность мы долго говорили с ним о работе, о людях, окружающих нас, о технических возможностях совре-

менной стройки. Мне тогда показалось, что мы понравились друг другу, и я тешил себя надеждой, что могу обратиться к нему за помощью в случае особой необходимости.

Удача мне сопутствовала. Заместитель начальника главка был на месте и сразу меня принял. Вслушиваясь в мой монолог, он с удивлением спросил:

— Так в чем нужна тебе моя помощь?

Я сформулировал свою просьбу точнее и короче:

— Нужно утвердить талантливого, хорошо зарекомендовавшего себя парня на должность главного инженера.

— Ну так и утверждайте, — оптимистично пробасил мой визави.

— Так главк против.

— А при чем тут главк, это должность — трестовская номенклатура.

— Да?! — Я очень удивился этому своему незнанию.

— Да, по крайней мере, так было до вчерашнего вечера, может, что-то с утра изменилось. Сейчас спросим.

Он позвонил в управление кадров главка, там подтвердили его слова.

И тут я понял двуличность, а то и скрытую собственную заинтересованность своего непосредственного начальника — управляющего треста.

По приезду из главка разговор с управляющим был неприятен. Узнав о моей встрече с вышестоящим начальством, он, склонившись над бумагами, недовольно и осуждающе пробурчал:

— Чего по главку бегать, меня позорить?

— Ну вы же... — неубедительно пролепетал я, пытаюсь скрыть свою неприязнь к «добрейшему» начальнику.

— Чего я? — он высокомерно перебил меня, резко отодвинул бумаги и высказал свои подозрения:

— А зачем ты его проталкиваешь, нужный тебе лично человек? Какие тут твои интересы? Наверное, имеются?

— Это нужный для работы человек, для строительного дела, — с нескрываемым раздражением парировал я.

— Да, я понимаю, только ты один знаешь, кто нужный, кто ненужный для работы.

Потом он тяжело запыхтел, отер лоб носовым платком и надолго замолчал. Когда молчание превысило нормы приличия, я поднялся и пошел на выход.

— Постой, Михаил! — прозвучал за моей спиной хриплый бас.

Повернувшись, я увидел откровенно недовольное лицо начальника. Он, встав из-за широкого стола, покрытого зеленым сукно, нелюбезно подытожил наш разговор.

— Не хочу я ругаться с тобой с первых дней совместной работы. Ладно, готовь приказ на своего выдвиженца. Это я делаю, для тебя в первый и последний раз, учитывая твой авторитет.

— Учти! — Это предостережение он зловеще добавил после короткой паузы.

Я, ничего не ответив, вышел из кабинета начальника победителем в непростой ситуации.

IV

Время, как известно, лучший лекарь и самый честный судья. Оно показывает, кто был прав, кто ошибался. Я радуюсь своей правоте, любуюсь творениями своего треста.

Радуются и жители жилых домов на проспекте Стачек, на улицах Корзуна и Стойкости, мои кварталы видны в Стрельне, на улицах Маршала Казакова и Бурцева, на проспекте Ветеранов и улице Генерала Симоняка. Во многих районах высятся новостройки, украшающие мой любимый город.

Много оригинальных идей вложено в каждый строительный объект, в организацию современного строительного производства. Важна работа инженерных служб. Во главе службы — главный инженер. В идеале такой человек должен обладать навыками всех строительных профессий: каменщика, бетонщика, кровельщика, плиточника. Если все их перечислить, то только основных профессий штук тридцать наберется.

Такие люди редкость, чтобы всё знали, всё предвидели, во всё вникали, чувствовали сердцем, умом, руками. Инженер должен теоретически разбираться во всем, а еще — обладать способностью обучаться, «схватывать на лету», чтобы можно было подстроиться под ситуацию на объекте любой сложности и масштабности.

Нужно уметь вовремя скорректировать производственный процесс, так как должность главного инженера обязывает отвечать за всё, от брака до несчастного случая.

Я знаю работу главного инженера не понаслышке. Сам немало лет отработал на этой должности и в строительном управлении, и в огромном тресте. Потому с восхищением наблюдал, как великолепен был в своей профессии мой протеже Григорий Череповский. Уверен — это талант, Господний дар. Таких людей по пальцам перечислить можно, они встречаются редко, они — и есть соль земли.

Его удивительная способность проявляется на стройке в момент, когда присутствие его там необходимо, когда требуется рассмотрение узлов, влияющих на прочность и безопасность. Должен быть контакт с бригадами и прорабами. Григорий пользовался огромным авторитетом, многие из них учились у него, пытались подражать.

Но особенно мне нравились его сохраняемое даже в сложнейших ситуациях спокойствие, рассудительность, уважение к окружающим людям и к окружающему миру. Он ко всему относился с бережной любовью, с трепетом перед творениями и природы, и рук человеческих. Позже он мне рассказывал, как сочувствовал несчастной, умученной мазутными отходами речке Емельяновке, на топких берегах которой мы с ним повстречались.

V

В пятницу нас с Ниной обрадовала младшая наша доченька. Завтра к нам привезут внученьку Софью. Это шестилетнее прекрасное создание все года только радовало и вдохновляло нас. Мы любовались ее красивым личиком, длинными кучерявыми волосами, умным взглядом больших глаз, восторгались ее нежным голоском, ее рассудительностью и любопытством. Для меня она — волшебство, чудо жизни, принцесса из моей счастливой сказки.

Видя ее, я не могу наглядеться и повторяю одни и те же слова:

— Ты мое солнышко, самая красивая на всем белом свете девочка, ты звездочка и мой свет в окошке, аленький цветочек, ты моя принцесса. Любимая внученька моя, ты одна у нас такая, милое, нежное дитя, красавица ты наша ненаглядная.

Встречи наши были редки из-за большой занятости внучки. Во-первых, детский сад, во-вторых, вечерами музыкальная школа, оставшиеся свободные часы заполняли занятия балетом и рисованием. А суббота и воскресенье отводились для поездок с родителями на дачу. Взрослому человеку такой распорядок жизни трудно выдержать, а здесь — ребенок. Но выдерживает моя ненаглядная Сонюшка.

Ее мать, моя младшая дочь Наташа, мои предостережения пропускает мимо ушей. А отец не вмешивается в процесс воспитания, занят на работе. Я один стою на защите своей внучки.

Субботнее утро расстроило. На улице моросил холодный дождь. Было понятно, что солнце сегодня не вылупится. Черные тучи, как ведьмы, носились по небу, пугая птиц. Прощай надежда на нашу прогулку с Сонечкой. Мы собирались идти в Таврический сад на детскую площадку. Там много интересного для детей: и песочница, и качели, и разные лазалки, и горки. А больше всего Соня любит полосу препятствий.

К середине дня моя долгожданная гостья все же появилась. Бабушка сразу усадила всех за стол. Для Сонечки был приготовлен ее любимый куриный суп. Однако сидеть за столом было не для Сонечки. Уже через несколько минут, чуть отведав угощения, она побежала по комнатам, казалось, во всех помещениях разом зазвенел колокольчиком ее голосок.

— Дедушка, дедушка, ну где ты, давай с тобой играть!! — Соня говорила нежно, но неизменно с командирской интонацией.

— Давай, внученька, я готов, только об этом и мечтаю. А в какие игры мы будем играть?

— Не в игры, а в профессии! Я принесла инструмент и сейчас буду тебя подстригать.

— Подстригать?! — я в ужасе зажмурился.

— Ты не бойся, дедушка, инструмент игрушечный.

— Тогда ладно. Подстригай. Я согласен.

Сажусь на стульчик, Соня закрепляет большую марлевую салфетку скрепками вокруг моей шеи и «стрижет» меня. Но это ей быстро надоедает. Она вспоминает, что я старенький, и укладывает меня в кровать, проверяет мне температуру и давление игрушечными приборами. После этого дает мне лекарства — маленькие бусинки — шоколадки. Минут через десять она замечает, что я совсем выздоровел.

Бабушка из своих тайников достает подарки, всегда припасенные для любимой внучки.

Соня, увидев коробку с фломастерами, запрыгала от радости и сразу взялась за дело.

— Дедушка, я буду рисовать, пожалуйста, дай мне бумаги.

— У меня нет ватмана, Сонечка.

— Дай любую.

Я с трудом нашел на своем столе большой развернутый лист, и внучка сию же минуту приступила к работе. Она самозабвенно рисовала домик,

речку, на берегу лавочку и солнышко. Когда я спросил, где она подглядела этот пейзаж, Сонечка с обидой в голосе ответила:

— Дедушка, неужели ты не узнаешь нашу дачу.

— Ой, прости, Сонечка, я просто о ней не подумал.

В рисунке внучки, действительно, возникали знакомые места.

— Сейчас зима, а я рисую нашу дачу осеннюю. Видишь желтые листочки, некоторые оторвались и кружатся по воздуху. А еще осенью ясное небо и теплое солнышко.

Рассматривая рисунок, я вспомнил об осени, о моем любимом времени года. Услышал шуршание листвы под ногами, журчание воды в реке, вспомнил сложный возбуждающий воспоминания запах прели. Сонечка и здесь права и искренна.

Она еще долго оттачивала свой рисунок, попробовала все фломастеры. Получалось, действительно, красиво. Но ей хотелось звучной похвалы. В конце своей работы она настойчиво спросила:

— Нравится, дедушка?

— Очень, внученька, я рад за тебя, что ты такая талантливая.

Девочка радостно засмеялась и крепко меня обняла.

— Дедуля, хочешь, я подарю тебе этот рисунок?

— Конечно, хочу. Я вставлю его в рамку и повешу на даче в своей комнате.

Девочка, солнечно улыбаясь, протянула мне свою работу. Я помедлил, не взял, пояснив:

— Обычно художники, Соня, подписывают свою работу.

— Как подписывают?

— Пишут внизу свое имя.

— Я только научилась писать буквы, дедушка. У меня получится не-красиво.

— Постарайся, родная. Напиши буквами свою фамилию. Тогда это будет твоя авторская работа.

— Хорошо. Постараюсь.

Неровными печатными буквами Сонечка вывела черным фломастером: Череповская Софья Григорьевна.

— Так, дедушка?

— Так, моя умница. Хотя отчество можно было не писать.

— Что ты, дедушка! Нельзя не писать. Без отчества могут подумать, что у меня нет папы. А он у меня есть, да еще какой. Самый умный, самый любимый.

Соня мечтательно заулыбалась и добавила:

— Нет, дедушка, я всегда буду подписывать свои картины именем с отчеством. Ведь я такая талантливая в своего папу. И пусть все это знают.

Виктор ПОТАНИН

А ГУСИ ЛЕТЕЛИ ВЫСОКО, ВЫСОКО...

Из новой повести
«НА СЕМИ ХОЛМАХ»¹

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, Литературный институт им. М. Горького; работал в областной газете Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

¹ Продолжение. Начало в № 4. 2020, № 3 2021.

Сегодня беру с полочки новую тетрадку. И почему-то волнуясь. А если кто-то спросит меня: откуда это волнение, Семен Петрович? Я не отвечу на этот вопрос, потому что и сам не знаю, что со мной происходит. Правда, ясно пока одно: все эти тетрадки — это мое утешение. Ведь в ранней, далекой юности я мечтал стать писателем. Что поделишь — «мечты, мечты, где ваша сладость?..» Вот я мечтал и надеялся, и даже уверял себя — что бы ни случилось со мной, какие бы ветры ни били в лицо — я все равно буду писать книги, все равно, все равно. Но шли годы, и за моими окнами дули уже другие ветра и метели, и в моей душе тоже что-то сжималось и таяло, как тает мартовский снег под первым лучом. И, конечно, все мысли стали другими, и я теперь как-то навсегда понял и догадался — зачем мечтать о чем-то чудесном и невозможном, ведь писатели — это какие-то совсем не земные, а почти небесные люди. Такие, к примеру, как протопоп Аввакум или тот же Сергей Есенин. И еще я понял, что мечта мечте рознь. Можно, например, мечтать о том, чтобы стать в этой жизни врачом, агрономом или даже летчиком, космонавтом. И вот прошло время, — и мечта стала былью. А вот о писательстве мечтать бесполезно. А все потому, что писательская судьба находится в руках Отца нашего — Бога. И потому нужно его внимание, прикосновение, его награда. А награда — это всегда талант. И если нет его, то и писательства нет. Но все равно... Все равно ничто не проходит бесследно и всегда от большой мечты что-то остается в душе. И это что-то — может быть, любовь к нашему русскому слову, а может быть, неумная тяга к сочинительству — это

как жажда в теплый июльский день. А может быть, это все-таки какая-то болезнь без названия, но которая лечится всегда одним способом — человеку надо начать писать. И писать все, что придет в голову. Это могут быть какие-то воспоминания, различные были, — да и мало ли что случилось на веку. Я и сам немало встречал таких людей, да и сам, видно, такой же. Да, такой же, — я не рисуюсь. Вот и сейчас в моей голове оживает одна история, которая так и просится на бумагу. И я сижу за столом и гадаю — что же мне делать? Конечно, эту историю хорошо бы рассказать на уроке или на воспитательном часе, — я ведь хорошо владею методикой, да и дети меня привыкли слушать — порой даже не шелохнутся. Но со школой я распрощался и возле меня только ручка и белый лист. Но все равно меня не исправишь, и сейчас я буду писать так, словно я снова на школьном уроке. И мне опять будет легко, к тому же эта история наша родная, сосновская, и потому мне ничего не прибавить и не убавить.

А случилось все это в семье Сорокиных, которые живут недалеко от меня, на Береговой улице. И рос в этой семье хороший паренек Миша Сорокин. И все в жизни у него выходило правильно, по уму. Вот только после школы мать задумала отправить сына в город на учебу. И выбрали хорошее училище, после которого у Миши была бы профессия крановщика и еще кое-что в запасе. И Миша был доволен, но все помешала осень. А что делать — осень-то не отменишь. И вот начались холодные дожди и злые ветра. А над городом полетели дикие гуси, и Миша Сорокин затосковал. В парке на танцах — все локти обдерешь, пиво надоело пить по каким-то углам, а по улицам холодно гулять, да и, говорят, это смешно. И стало скучно Мише. Одно развлечение — по субботам в деревню ездить. Там и арбузы поспели, дыни налились, помидорчики — прямо ешь не хочу. И Миша стал часто ездить в Сосновку.

В нашу деревню возил Мишу на совхозном автобусе Степан Шутов. Автобус еще новенький, чистенький, ходил до города два раза в день. С последним рейсом и забирал Мишу.

К остановке Миша выходил сердитый, надутый. На шее — розовый шарфик, в кармане поет транзистор. Все глядят на Мишу — не моргнут: «Какой американец!» Он не узнавал знакомых, глядел поверх них отрешенно и гордо. О чем с ними говорить, коли у тех на уме сенокос да коровы. Ничего они в жизни не видели, в большие города не ездили, с великими артистами не знали. Головешки. Не горят — чадят.

К автобусу пропускали Мишу без очереди. Степан открывал дверцу, кланялся весело, с размаху:

— Милости прошу к нашему шалашу!

Миша суровел совсем:

— Опять график прыгает!

— Пять минут опозданияца, Михаил Егорович, — смеялся Степан, щуря большие карие глаза.

Миша садился на переднее сиденье к окну.

Выезжали в степь, в приволье: в автобусе горячо пахнет донником, пшеничной соломой. Миша наблюдает природу, курит сигарету. Сосед на разговор тянет:

— Когда, Егорович, женимся?

Миша молчит, шевелит бровью, ведь глупый же вопрос. Сосед хмыкает, сиденье скрипит: стыдно.

— Я ж по-свойски, Егорович, а ты губы втянул...

Автобус бегал хорошо: шины не лопались, мотор не глох, и все за это любили Степана. А больше всех мать Мишина — каждую субботу автобус ей сына к ограде подвозил. Мать топила для Миши баню, ставила на загнетку флягу горячей воды, в магазин за бутылкой беленькой бегала. Из бани Миша выходил гладенький, веселый, пахло от него березовым веником и сосной. Подолгу у зеркала стоял — прическу делал набекрень. К столу садился молча, пальцем по шее щелкал:

— Сообрази!

«Как уж мужик, приказы шлет», — угрюмо думала мать, ставя на белую скатерть бутылку и хрустких огурчиков с рассолом. Миша наливал в стакан до середины, сильно носом шмыгал, глаза скашивал:

— За тебя, мать, жить тебе столько же.

— Много ложишь, сынок. Только б тебя поженить. Поглядеть...

— Завела...

— Внучонка ж охота...

— Э-э, — свирепел Миша, еще в стакан наливал. Разнимались стены, пела в груди музыка, и все, что держалось там на запоре, лезло: — Скоро мастером буду. Почет, денежки... Хату в центре отхвачу, мотор куплю! «Той-оту» знаешь? Не знаешь... Эх, коровы подоюники. Ничего вы не знаете.

— Не ладно так, Миша. От подоюников сам пошел. Все летичко молочком занимаюсь.

— Не трепитесь, мамо...

И мать обижалась, становилось ей горько. Плакала, плакала...

— Хватит нюни-то. Хочешь, завтра платье куплю? Станешь теткой городской.

— Все, сынок, есть. Ходим чисто и про запас держим.

— Тогда фартук сними. Как баба.

— И так баба. Всю жизнь на ферме. Тут и рученьки насадила.

— Ы-ых, мама! Я сотовый телефон куплю...

— Кого?

Миша губами чмокал, голова клонилась на скатерть.

Мать стелила белые простыни, клала красные подушки из гусяного пера... Миша на простыни переползал. На живот ему Сашка, котенок, прыгал, рубашку лапами скреб. Губы у Миши раскрывались во сне, лоб потел сильно, мать его полотенцем вытирала. Потом садилась возле Миши. Только хотелось, чтоб он снова был маленьким, пас бы телят с соседом Семкой Катайцевым, вставал и ложился по солнышку, а зимой, когда стемнеет и деревня уснет, читал бы ей книжки и разные стихи.

— Эх, Сашка, женить бы его на нашей сосновской, возле себя оставить... Хоть бы в старости-то погреться...

Молчал Сашка. Ночным холодом несет от окна. Мать в платок куталась и пела сухим простуженным голосом:

— Люли-люли-люленьки,
Прилетели гуленьки,
Стали гули толковать,
Куда Мишеньку девать...

Эту песню она пела ему над люлькой. А потом отец умер, муж ее. На мельнице лишний куль поднял — надорвался.

Так что одна с Мишей осталась. Все загляденье ее — в нем. Старалась покрасивее одеть, обусть, ведь об отце Миша сильно ревел. Не верил, что его нет, что он никогда не войдет в дом. Все думал, что он куда-то уехал и скоро вернется. Ждал его тоскливо, постоянно, как большой: вечерами, не мигая, смотрел в окна, вздрагивал, если неслись по улице кони к речке, сжимался, если копыта стихали у ворот. Тогда бежал к двери и шало орал: «Пап!» И мать хотела отблагодарить Мишу за его боль, жила только ради него, хоть мучило ее одиночество, вдовство, хоть сватались к ней дважды хорошие люди, хоть и желал ее муж перед смертью — найти родного человека и зажить снова. Когда подрос сын, отпустила в город в училище учиться. Закончил училище, дали ему работу хорошую, да радости нет. А потом и горе пришло: чужой совсем стал. Говорят, стукнулся в городе с каким-то вороньем. Домой приедет — стопку подавай. Ни одного слова — прямо, все — вкось. Что ни скажи, головой завертит: «Чухлома вы, мамо. Жизни не знаете...» Только на Мишину женитьбу надеялась — вдруг к лучшему переломится.

Засыпала трудно. Сон долго не шел, далеко в бору сова кричала, и грудь сильно болела. Хотела скипидаром натереться, да Миша не выносил запаха его. К середине ночи он начал ворочаться, скидывал с себя одеяло и стонал. Иногда слова выговаривал. Она хотела понять их, но они не давались, прятались от нее. Мать мочила полотенце в холодной воде, прикладывала ему на лоб. Миша слабо сопротивлялся, на шее всходили напряженные пятна, но засыпал снова, а руки были холодные. Ей хотелось лечь рядом, согреть сына своим теплом и дыханьем, но она боялась, что он проснется и крикнет на нее. Только раз легла рядом, и он не заметил, потому что был тяжело и страшно пьян. А ей все равно всю ночь было хорошо и легко.

Утром он забирал отцово ружье, уходил на охоту на весь день. Уток мало встречалось, зато ноги убивал. Приходил злой, все время фыркал. Вечером за ним заезжал на автобусе Степан. Любил он Мишу — с его отцом когда-то он был не разлей вода.

Часто, когда автобус был совсем пустой, Степан в дороге рассказывал об отце. И отца вспоминал, и свою молодость, и всю жизнь от края до края, и разные истории, хорошие и плохие, хмелел от своих слов, забывал о нудной, тряской дороге, о своей беспокойной шоферской судьбине и начинал думать о счастливом, о тайном — о том, что будет с ним впереди. Степан, хоть и думал чаще о прошлом, но жил всегда тем, что будет впереди — и знал твердо, что радости его впереди, а все печали уже прошли. И оттого любил людей крепко, по-отцовски, гордился друзьями, был желанным на всех свадьбах, гулянках, там угощал всех за хозяев, после первой же рюмки прижимал всех к груди и тискал, и думали в деревне, что он самый счастливый и довольный на свете. Была у него дочь Лена. Степан мыслил отдать ее за Мишу, сына своего друга любимого. И в этом была его радость, которая — впереди, его сны наяву.

Уезжал автобус с Мишей, и матери не сиделось дома. Она боялась одиночества, тишины, тяжелого стука часов. Шла на ферму к девочкам, где была старшей дояркой. Еще издали у телятника замечала белый платочек Лены Шутовой. Сразу же начинала думать о ней и о Мише. Если б она

стала женой Миши, то, может, он бросил в городе дружков, перестал бы ломаться, приехал бы жить в родную деревню и остался бы навсегда возле матери, среди своих людей, бросил бы гусарить с водкой по воскресеньям, срубил бы себе дом — нынче всем лесу дают на дом. Платочек Лены белел все ближе, мать улыбалась ему, и делалось ей тепло. Лена смотрела на нее и чего-то стыдилась или уже знала потаенным девичьим чутьем все ее мысли, и осуждала их, и не хотела понять, и оттого была не в себе. Но все равно возле Лены работалось хорошо, покойно, и той ночью сразу засыпала, не ворочалась, вместе с Сашкой в обнимку, и утром выпивала полную кринку холодного молока с лепешками и казалась себе моложе.

Шла на работу и опять старалась быть возле Лены, точно возле дочки. За последний месяц у Лены вышел самый большой надой по ферме. Наградили ее отрезом на платье. Взяла сшить платье Мишина мать — многие у нее обшивались. Первую примерку назначила на вечер в субботу.

В субботу приехал Миша. Снова пошел в баню, березовым веником хлестался, крикал. Зашел в избу веселый, румяный, смотрит — Лена:

— Ой, тут дамы...

Лена не поняла его, только вдруг застыдилась. Был он без рубашки, в майке, она открыла его крепкие, красивые плечи; к щеке родинкой капля пристала.

— Я пойду...

— Посиди, Лена. Сейчас мы чайку... — сказала мать.

Чай пили молча, с вареньем: Лена из чашечки отпивала потихонечку, краска с щек не сходила, было чего-то боязно. Мать пила из блюда, улыбаясь своим думам, и жалела только, что умер отец — не поглядит. А Лена смотрела в стол, ресницы шевелились, чашку держала как-то сбоку от себя, и мизинец на этой руке оттопырился и дрожал. И мать вспомнила, как сватался к ней Егор, как гуляли потом на свадьбе две недели, как косили они в тот июль вдвоем сено: она стояла на зароде, а Егор подавал, и были таинственны его глаза, безучастны.

Миша пил много, потел, злился на себя, что не ведет разговор. Заглянул Степан Шутов. Ни с того, ни с сего:

— Так я завтра, Егорович, за тобой приворочу.

Мать засмеялась:

— Свои люди, не разбежимся...

Степан помялся, обласкал глазами дочь и Мишу, вышел.

Миша заговорил:

— Ну, как надой для страны?

— Не жалеемся, — засмеялась Лена, — а мы оркестр для клуба купили.

— Бацаете?

— Чего?

Разговор пошел не туда, и мать переживала. Ей хотелось поговорить о тихом, домашнем, сдружиться сейчас всем за столом, чтоб бывать потом все чаще и чаще втроем. Она нарочно не включала свет, чтобы оставались полумрак, тишина по углам и захотелось бы в этой тишине душевного слова, какого-то таинства, но оно не шло. И мать сказала:

— У нас Мишу мастером могут сделать. Начальником!

— Здорово! — удивилась Лена.

— Потрясно! — поправил Миша.

Лена не выдержала — прыснула в блюдце, и смех, который давил давно, прорвался — не унять. Она смеялась громко, шея над кофточкой покраснела, из блюдца чай полился. Сашка еще ногу укусил, было щекотно. Смех не проходил. Хотелось Мишу по голове погладить: «Ну, не воображай... Чего ты?» Но за столом вдруг стало тихо. Очнулась Лена. Почувствовала тишину. Миша соскочил со стула, щелкнул выключателем. Свет вспыхнул яркий, ударил больно в глаза, и слова Мишины прорвались, как злые горячие угли. Он понял, что смеялись над ним, и еще понял, что нужно дать сдачи. Хотелось Лену, замарашку, доярку грязную, потную, которая из-за подойника жизни и света не видит, ударить больно:

— Размычалась, корова... Смеешься, а от самой навозом прет.

Вздрогнула Лена.

— Ты мне, Миша? Мне?

— Тебе, тебе. Жуй...

— За что? За что ты, Миша? Там ведь наше молочко-то пьешь.

Миша тяжело ступал, сверкал глазами, брезгливо обходил Лену, точно замараться боялся. Лена поняла это, разревелась.

— Сам-то какой. Я в институте второй год. А ты-то... А ты-то...

Она закрыла лицо руками. Мать у ней по волосам рукой провела: «Будет, ну будет...» У Лены плечи затряслись. В сени выскочила. Миша к столу подошел, пальцем по шее ударил:

— Достань!

Пил как всегда неумело, а сегодня еще торопился, видно, внутри горело. Быстро захмелел, водил кругом дурными глазами, не понимая, что с ним, где он. Только немного помнил Лену.

— Мать, а Ленка зря, зря...

— Эх, сынок, стыдоба...

Он еще долго кружил по комнате, потом залез на кровать, тяжело задыхался, уснул.

Мать села рядом. Смотрела на его уставшее, серое лицо, на волосы, на макушке в комок скатанные, и думала: «Кто это, Миша ли?» Все его слова вспомнила и старалась понять, кто их в душу ему сунул и забыл там, зачем они к нему прицепились репьем. К полуночи выключила свет, легла на диван, но сна не было. Пришла снова жалость к себе. Прежде ее не знала. Но сейчас, когда отошел от дома сын, связался с плохими людьми, стало жаль и себя, и своей жизни, и своих рук, работой замученных, и появился у нее этот страх тишины, одиночества, и она боялась тяжело заболеть. А засыпая, видела Егора. Он смотрел ей в глаза, седой и печальный, сутулился, кривил плечи, точно осуждая за сына, за всю ее жизнь после него, Егора. Она плакала, молила о чем-то мужа, — он не прощал, а все смотрел издали, потемневший, безмолвный. А ей хотелось объяснить ему, что она-то не виновата, что беда идет не от нее, а от сына. Но сын-то ее? Значит, она все равно виновата — и руки слабели, задыхалась во сне, но Егор не прощал, и беда дальше катилась, болело сердце. И она кричала во сне горьким, неясным голосом, в этот миг открывались глаза, упирались в потолок, в темноте он нависал на лоб, придавливал своей смутной громадой, рождался где-то в затылке страх, доходил до ног, скручивал, давил, и в эти часы казалось, что пришла смерть, стоит у затылка и ждет, темная, дышащая. Она стояла, пока не начинало синеть окно, пока не вставал рассвет, после которого бе-

дели темные стены, означивались на окнах герани, пробуждался Сашка, — и гасла в затылке боль. Глаза слабо мигали при свете, руки выкладывала сверху на одеяло. Они шевелились, узкие, сухие, котенок их боялся. А ей было хорошо, что пережила ночь, не задохнулась в своей тоске. Уже до солнца теперь не спала, только дремала и слушала, как на улице гремят ведрами бабы, ругаются, как кричат гуси, и голоса их гулко летят, растягиваясь в утренней пустоте. И мать боялась дожить до зимы, когда ночи долги — не переждать, когда сдует за окном метель, а в душе нарывает болезненное, давнишнее, от которого теперь не уйдешь. И в этой жизни матери не на что опереться. Только Лена в глазах. А сейчас — и Лена ушла.

В то утро Миша долго хлебал суп, потом снова лег спать. Шел дождь на улице. Станный и чудной. Сверху дождь, а далеко, за последними домами, солнце, и все поля, огороды, тополя — в свете золотом, и дальние сосны в бору от солнца медны и влажны, и по дороге у самых полей бродит золотой луч, и еще дальше — золото и свет.

Мать сидела все время на крылечке, заказала на ферму, чтоб подменили — спина разболелась, и ноги распухли, видно, от непогоды. Мать смотрела на дальний золотой луч и думала о вчерашнем, о том, как больно, навсегда обидели Лену, да и сама обижена Мишей насмерть. Но как всегда судила не сына, судила себя, отыскивала память новые обвинения в своих уголках — вспомнилось, в каких ботинках — в старье отправила его в первый класс, сколько лет копила ему на новый костюм, а другие уж ходили в новых давным-давно, — и вот теперь сын мстит ей за все, и в этой мести она виновата сама. Золотой луч зашел в их огород, ударил в раму, вздрогнули и вспыхнули стекла, потом погасли. Хотелось жить сначала, и чтоб был бы жив муж Егор, и чтоб Миша снова был маленьким, не знал городских дружков, кривлянья, походил бы на человека. И больше бы ничего не надо. Золотой луч погас совсем, — вот уже вся туча обвила небо. Дождь пошел по всей земле. И в этом дожде показались вдруг дикие гуси. Они летели к синим озерам, солнышку, а может, и к дальним морям. Кончики крыльев у них смыкались, получалась живая непрерывная линия, сдвинутая вперед острым клином. Они летели быстро, безмолвно, и, казалось, они никогда не устанут — так мерно качались их крылья, не уставшие еще от дороги, от ветра. «Люли-люли-люленьки, прилетели гуленьки...» — вспомнила мать — и сердце зашлось.

Забрела в дом. Миша собирался в дорогу. Глаз не поднимал: молчал встревоженно.

— Сядь, поешь, — сказала мать.

— Ладно, в городе...

У ограды Степана зашумел автобус. Миша торопливо перед зеркалом завязал шарфик. Автобус уже шел навстречу. Шел медленно, качаясь, обходя лужи. Миша подбежал, стукнул в дверцу. Автобус не останавливался, шел дальше. Миша забарабанил в дверцу. Степан прибавил скорость. Миша закричал отчаянно: «Остановись!» Но автобус двинулся еще быстрее. И Миша испугался. Стало больно в спине — из рук выпала сумка. Бежать больше не мог, волосы смокли, по щекам катились дождины. Стало совсем жутко, хотелось чего-то крикнуть, рвануться, но задохнулся. Подошла мать, подобрала сумку. В небе опять показались гуси. Они не смотрели на землю, очень спешили.

— Значит, презируют...

Мать молчала.

— Мама. Ну, мама же?..

Но она молчала.

— Жить-то как? Как, мама? За человека же не считают?.. Ну, мама...

А гуси летели высоко, высоко. Где-то опустятся...

Вот и закончилась моя история про Мишу Сорокина. И закончилась как-то грустно, на печальной, щемящей ноте. Но печаль — это грех, и поэтому обещаю его замолить. К тому же и в жизни вокруг — много радости. Так что напиши об этом, Семен Петрович, и мы — люди — будем тебе благодарны. И что мне на это ответить? Да только одно — буду стараться!

К В Ш Л А К Н И Г А

Сквозь время — навсегда. Стихи о войне и Победе. — СПб.: Издательство писателей «Дума», 2020. — 352 с.

«Сквозь время — навсегда» — сборник поэзии, подготовленный к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. В него вошли как стихи советских поэтов-фронтовиков, так и современных поэтов. Стихи поэтов разных поколений представлены четырьмя разделами: «Защитники Отечества», «Дети войны», «Дети Победы» и «Внуки Победы».

Вступительная статья написана Игорем Кравченко, главным редактором сборника, членом Союза писателей России.

Составители сборника надеются, что он будет положительно оценен читателями любого возраста, для которых тема Великой Отечественной войны является важной составляющей серьезного разговора об истории нашей страны. Издание выпущено при поддержке Комитета по печати взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга. Директор проекта Борис Орлов.

Александр ОРЛОВ

«ЧЕТЫРЕ ПРАДЕДА МОИХ ЖИВЕИ ЖИВЫХ»

Александр Владимирович Орлов — родился в 1975 г. в Москве. Поэт, прозаик, историк, имеет несколько высших образований, в т. ч. Литературный институт им. А. М. Горького. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 1861. Автор 5-ти стихотворных книг, сборника малой прозы, нескольких исторических произведений. Лауреат многих Всероссийских литературных конкурсов, Международного литературного форума «Золотой Витязь» (2017 и 2019), обладатель специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017). Лауреат открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018 и 2019). **Живет в Москве.**

КРОВ

Вновь чувствую: исходит от окна
Дух прошлого, и он подслеп и стоек,
И там, внутри
бревенчатых построек —
Иконы, благовестки, ордена...

Там чугунки, наблюдники, скамейки,
Отцов тепло — его хранила печь —
Оно мгновенно может нас обжечь —
Там валенки, ушанки, телогрейки.

И запах ладана из красного угла,
Молитвы, что хранили на делянках,
И детские мечты на старых санках,
Одежда, что давно уже мала.

В обнимку там с ухватом кочерга,
С лопатой хлебной
рядом сковородник,
Под сундуком — пропавшая серьга,
А на портрете —
мой погибший сродник.

В ряд с кружками встал
глиняный горшок,
Во тьме сеней скучают бочки, кадки.
Там жизнь идет
в незыблемом порядке,
И русским отовсюду виден Бог.

И кажется, что этот волжский терем,
Впитавший столько радости и нужд,
Так мной любим и бесконечно чужд,
Что видится
древнеславянским зверем.

* * *

Жизнь от лунного света бледна,
И ее не объять, не измерить.
Она словно простора княжна,
Ну а я — ее крепкая челядь.
И она показала мне вновь
Расставаньем отточенный ноготь,
Мне ее в этот раз не растрогать:
Все не так, сколько ни многословь,
И слова мои — стынувший деготь.

Знаю я, что закончился вар,
И от старой прикрытой дегтярни

В звездный сумрак березовый пар
Вновь уходит, как в армию парни.
И от шпал, от колес и сапог
Запах тянется бережной смазки,

И глядит без всевышней подсказки
Поседевший дегтярь, словно Бог,
На солдатские сумки и каски.

ВДОВИЦА

Ирине Васильевне Мазановой

Ты от слез не ослепни,
Не копн горе впрок.
Нет хозяина хлебни,
Запропал хлебопек.

Не нашелся кормилец,
Что любил цвет муки,
Может, однофамилец,
Свое сердце не жги.

После смены по-свойски
Обустроим помин,

Он пропал по-геройски,
И такой не один.

Шла вселенская схватка,
Но всему свой черед.
Разыскала солдатка
Кимряка через год.

Пал на Ладоге хлебник,
Есть он в списках потерь.
Жизнь его, как учебник,
Я читаю теперь.

* * *

На заготовках чахнут лица,
Грузили немцы ночью торф
И ожидали, что приснится
Им Кобленц или Дюссельдорф,

И вспоминали Рейн вестфальцы,
Нацистов шабаш в пивной,
Немели щеки, губы, пальцы,
За ними наблюдал конвой.

Не думали они всерьез,
Что русский снег, небес посланник,
Вояк в тряпье от Хуго Босс
Прогонит навсегда в торфяник,

И там на дне прочтет пехота
Слова на пряжках: «С нами Бог!»,
И выпустит из тьмы болото
Пленных душ холодный вздох.

* * *

Федору Ивановичу Мазанову

Темень звезды отправит
В предрассветную даль,
Ты, пожалуйста, прадед,
Мне с небес посигналь.

После адовой гонки,
Вспоминая семью,
На груженной трехтонке,
Ты ушел в полыню.

На порог похоронка
С горькой вестью легла,
И завyla девчонка,
И в глазах ее мгла.

И жена свое горе
Скрыла в черный платок.
Знаю: в ангельском хоре
Ты их жизни сберег.

РОД

Четыре прадеда моих
Живей живых.
Четыре прадеда моих
В снах дождевых.

Четыре прадеда моих
В лучах дневных.
Четыре прадеда моих
В словах мирских.

Четыре прадеда моих
В цветах степных.
Четыре прадеда моих
В лесах глухих.
Четыре прадеда моих
В делах земных.
Четыре прадеда моих
В крестах резных.

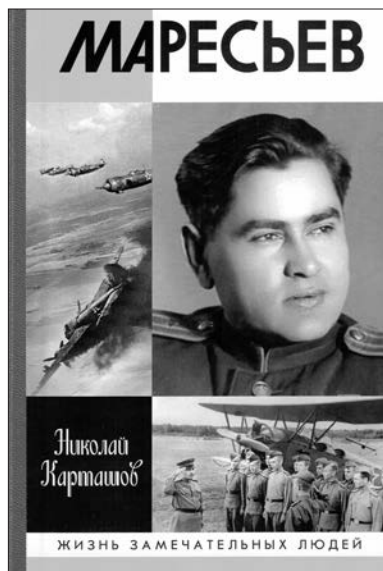
Четыре прадеда моих
В мирах иных.
Четыре прадеда моих
Среди былых.
Четыре прадеда моих —
Я возле них.
Четыре прадеда моих
Живей живых.

ВЫШЛА КНИГА

Карташов Н. А.

Маресьев. М.: Молодая гвардия. Серия: Жизнь замечательных людей, 2021.

Николай Карташов решил воссоздать жизнеописание легендарного советского летчика объективно, без прикрас, исключительно на документальной основе. По словам Николая Карташова, сподвигло к работе над книгой, в том числе, исключение книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» из школьной программы. Важно помнить героев и гордиться ими. Кроме того, по словам писателя, работая над художественным произведением, Полевой имел право на вымысел. В книге о Маресьеве, которая вышла в серии ЖЗЛ, изложены факты и только факты.

Дмитрий ФИЛИППЕНКО

«Я ЖИВУ НА УЛИЦЕ ШАХТЕРОВ»

Дмитрий Александрович Филиппенко — родился в 1983 г. в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Поэт, издатель, главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Автор четырех книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В. А. Макарова (Омск). Награжден медалью «За веру и добро Кузбасса». Член Союза писателей России. **Живет в г. Ленинске-Кузнецком.**

* * *

Куда же вы уходите, друзья?
Я верю, что уходите вы в детство.
И пишете там письма для меня,
И шлете мне их в преданное сердце.

Не знаю, будет встреча или нет,
Но нашей дружбы
свет неразделимый.
Я нарисую каждого портрет,
И подпишу я:
«Коля», «Миша», «Дима».

Бессмертен воздух и жива вода,
Пока есть память и стихи сияют.
Меняют нас и горе, и беда.
Друзей и после смерти не меняют.

* * *

Я живу на улице шахтеров,
Той, что пахнет хлебом и углем...
Я люблю шахтерские просторы,
Я люблю свой дворик и свой дом.

И рассвет ленинск-кузнецкой лапой
Гладит землю моего двора...
Я люблю шахтера — он мой папа!
И Кузбассу — дружное УРА!

КОЛЫБЕЛЬ

В подземной колыбели тишина,
ползет змеею ленточный конвейер.
Мужская дружба
здесь всегда сильна.
Прохладой взвезенной по шахте веет.
Проходчик знает, знает каждый ГроЗ,
что шахтная вселенная мгновенна.
По квершлагоу плывет дизелевоз.
И подвигов история бесценна.

СЛУХИ

По шахте тоже ходят слухи,
И с каждым годом все сильней.
Как осланцованные духи
Распространяются по ней.

Звонят по переулкам шахты,
На почве крысами сидят.

На них шахтеры-космонавты
Глазами медленно глядят.

По слухам, слухам все печальней,
Они остались взаперти.
Участка доблестный начальник
По шахте слухи запретил.

А ламповщицы на скамейке
Сидят и шутят про ребят.
И побрили по шахте фэйки —
Пылинки сланцевых утят.

О ГОРОДЕ В СЕБЕ

Монеты кидайте, кидайте монеты
В могилы шахтерские вновь.
Кровавою смесью стекают рассветы
По окнам страдающих вдов.

Мы черное небо оставим потомкам
И грязные лица берез.
Убейте природу — не трогайте только
Сибирский колючий мороз.

Но с каждой тонной теряем мы воздух
И нежность весенних дождей.
Добились того, что не падают звезды
На травы кузбасских полей.

ТРАМВАИ

Огонь в руках сгорает, тает,
В ладонях мы любовь хранили,
Ползли по улицам трамвай,
Троллейбусы им вслед шутили.

И на конечной остановке
Я вышел, но тебя не встретил,

И помогла тогда толстовка
Мне переждать колючий ветер.

Я шел по ребрам тротуара,
Светились фонарей ресницы,
Любовь в ладонях догорала
И заново ей не родиться.

МОЛЧИМ

Мы молчим. Семь тысяч расстояний
Прерывают наши голоса.
А в душе дожди воспоминаний,
Осенью наполнены глаза.

Между нами горы, люди, слухи...
Тихо гаснут наши голоса.
На границе счастья и разлуки
Часовыми стали пояса.

Слово РЕДАКЦИИ

«НА ПОСТУ!»

*Журналу
«Родная Ладога»
15 лет*

На посту!

В. В. Путин¹

*Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.*

П. Богданов

На протяжении столетий идет ожесточенная битва за Россию. Запад, «видящий в России только материальный факт, материальную силу»² не оставляет попытки присвоить наши богатые земли, искоренить высокий русский дух, переформатировать сознание русского человека, установить свои богопротивные и человеконенавистнические порядки. Мы, люди, во всех поколениях любящие свое Отечество, отчаянно сопротивляемся, где-то отступаем, но потом, путем кровопролитных битв, возвращаемся в исконные, богоданные пределы земли Русской. Велика в этом сражении слава русского воинства и оружия, но не меньшее значение имеет русская культура, особенно литература, формулирующая духоподъемные образы, вздымающая знамена жизнеутверждающих идей.

Русское слово тем действеннее, тем боеспособнее, чем шире распространяется, чем длительнее его эхо. Поэтому важное значение имеет не только содержание литературного процесса, но и внешние его проявления, видимые формы, одной из которых является литературный журнал, объединяющий многих писателей-единомышленников. Конечно, художественный уровень произведений, печатающихся в нашем журнале, имеет разноуровневые градации, понятно, что русская мысль и литература состоят не только из творений

¹ Заставка канала «Россия 24».

² *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: книга пророчеств. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. С. 100.

гениальных авторов, но именно перемерение разных величин делает наше издание объективным зеркалом, правдиво отражающим историю и современность. И в этом самобытность нашего издания и значимость в общественном процессе.

Журнальная форма объединения идейных единомышленников, существовавшая и в прежние времена, прошла проверку временем, необходима она и сегодня, когда требуется творческое объединение писателей, поддерживающих традиционные исторически-общероссийские ценности, сущность которых испокон веков определялась такими вечными категориями, как вера, душа, честь, совесть, свобода, любовь. Это не отвлеченные, не сами по себе существующие понятия. Они всегда имели и имеют по сей день конкретное содержание, своих носителей и защитников. Этими понятиями определяется жизнедеятельность всех социальных систем, всех областей общественной жизни — политики и экономики, армии, внутренних и внешних систем государственной безопасности, права и педагогики, философии и науки.

Журнал «Родная Ладога» издается по благословению и при постоянном участии митрополита Константина (Горянова)¹. Издание с первого номера создается главным редактором поэтом Андреем Ребровым²; заместителем главного редактора, поэтом, литературным критиком Валентиной Ефимовской³; руководителем редакционно-издательского отдела Татьяной Макаро-

¹ Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г., окончил Винницкий мед. институт, кандидат медицинских наук. Окончил МДА, пострижен в монашество в 1981 году. С 1991 г. — епископ Новгородский, викарий Минской епархии. В 1996 г. — назначен ректором СПДАиС с титулом «епископ Тихвинский». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин, с 2003 — архиепископ. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными и светскими наградами. Член Союза писателей России, лауреат ряда литературных премий, автор шести больших исторических книг, нескольких десятков статей в периодической печати. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

² Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 г. в Ленинграде. Поэт, автор четырех книг стихов, ряда публикаций в периодической печати. В 1993 г. стал одним из основателей Православного общества Санкт-петербургских писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Секретарь Союза писателей России, академик Академии Российской Словесности и Петровской Академии Наук и Искусств, действительный член Императорского Православного Палестинского Общества, член правления Санкт-Петербургского отделения СП России, член Высшего творческого совета СП Союзного государства (России и Беларуси), Член Совета Собора Православной интеллигенции. Имеет награды: Почетный знак Св. Татьяны в номинации «Наставник молодежи», медали в честь «300-летия Санкт-Петербурга», медаль «За доблестный труд во славу Отечества», золотой орден Международной академии культуры и искусства «Служение искусству», две медали в честь 65-летия Победы, медаль Грибоедова, им. Шукшина, медаль Св. Анны, медаль Св. Апостола Петра, медаль прп. Далмата Исетского, патриаршая медаль в честь Бородинской битвы и др. Гл. редактор журнала «Родная Ладога», лауреат Всероссийской премии им. Св. Александра Невского и Международной премии «Серебряный Витязь». Живет в Санкт-Петербурге.

³ Валентина Валентиновна Ефимовская (Станкевич) — поэт, литературный критик, редактор, член Союза писателей России с 1999 г. Родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Автор более пятидесяти публикаций в периодической печати, пяти книг стихов, книги литературно-критических статей, текстов к альбомам живописи. Имеет многие светские и церковные награды, в том числе: медали им. Пушкина от Академии Российской словесности, им. Карпова, им. Станюковича, медаль к 300-летию Санкт-Петербурга, Патриаршую медалью «В память 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года», медаль св. Дал-

вой; корректором, поэтом Галиной Ильиной; художником-дизайнером Генриеттой Алкаевой; консультантом, поэтом Сергеем Корытиным; бессменным, работающим безвозмездно бухгалтером Ириной Рисунковой; поэтом Владимиром Марухиным (1952–2018). Журнал, издающийся в Санкт-Петербурге и распространяющийся по России и в зарубежные страны, 15 лет назад взял на себя миссию литературной защиты традиции во всех сферах российской жизни. Осознавалось, что художественная традиция не есть застывшая форма, что она может обладать множественностью и противоречивостью. Жизнеспособность традиции коренится в ее дальнейшем развитии последующими поколениями в новых исторических условиях. В нашем понимании современное художественное новаторство, являющееся обязательным элементом любого творческого процесса, состоит не в разрыве с традицией, как сегодня модно, а в усвоении, осмыслении и укоренении духовного, творческого и художественного богатства предшествующих эпох. Не вседозволенность, унижение человеческого достоинства и ненормативная лексика, а многообразие точек зрения, многослойность, антиномичность должны лежать в основе диалектики современной литературы, стремящейся к всепроникающей полноте смысла и всеединству от природы ей присущим. Этими задачами определяется одно из главных направлений литературной традиции — преемственность мастерства. Только мастерство, высокий художественный уровень литературных — поэзии и прозы, публицистических и научно-популярных материалов, всегда отличавший русскую литературу, позволяет успешно решать поставленные журналом задачи.

Слова «На посту!» в полной мере относятся к нашему Президенту В. В. Путину, показывающему пример высшего уровня служения Отечеству. Этой фразой, имеющей нравственно-идеологические корни и литературные аналогии, можно оценить и наше издание. Для служивого человека, принявшего Пост, его охрана, его стояние на этом посту сравнима с Присягой. Журнал своей верностью, заявленной в первом номере патриотической позицией ценен и дорог его авторам и читателям. Интерес к журналу «Родная Ладога» определяется тем, что он является одним из необходимых звеньев современной отечественной культурной политики, он связан с государственными ценностными ориентирами, направленными на возрождение духовно-нравственного потенциала народа, на укрепление многонационального единства.

Это не просто журнал, но духовно-культурное пространство единомышленников, людей, обеспокоенных настоящим и будущим России. Журнал на своих страницах сблизил российских политиков, идеологов высших ран-

мата Исетского и мн. др., а также орден Анастасии Узорешительницы в честь 400-летия Дома Романовых и медаль св. Анны. Лауреат премий им. Николая Гумилева и «Прохоровское поле». За литературно-критические статьи награждена премией «Имперская культура им. Э. Володина». За книгу критических статей о современной русской литературе получила Бронзового Витязя на VI Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь». За книгу избранных стихов награждена бронзовой статуэткой X Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Стихи В. Ефимовской переведены на сербский, черногорский, китайский, азербайджанский языки. С первого номера В. Ефимовская является зам. гл. редактора журнала «Родная Ладога». Член правления Санкт-Петербургского отделения СП России, с 2011 г. — руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности. С 2014 г. — советник Российской академии естественных наук (РАЕН). Потомственный житель Санкт-Петербурга.

гов и простых людей, болеющих душой за свое Отечество, известных представителей культуры, литературы и молодых начинающих авторов, ищущих творческие опоры. Мы публиковали статьи и литературные произведения авторов, теперь уже вошедших в историю России. С добрыми словами и чувствами свои произведения нам присылали известный политический деятель Евгений Примаков (в «Родной Ладоге» опубликована его последняя прижизненная статья); знаменитый советский дипломат, референт А. Громыко — Валентин Фалин; всемирно известный художник Илья Глазунов; выдающиеся русские писатели Валентин Распутин, Василий Белов, Валерий Ганичев.

О величии России, о том, как надо защищать наше Отечество в его богоданном пространстве и в духе, со страниц нашего издания говорили и говорят многие известные люди нашего времени. В нескольких номерах журнала были опубликованы по согласованию с Пресс-службой Президента РФ статьи, выступления Владимира Путина. Также нашими авторами были и являются министр иностранных дел Сергей Лавров; министр ЕАЭ Сергей Глазьев; политик Дмитрий Рогозин; депутат ГД РФ, политолог Вячеслав Никонов; кинорежиссер Никита Михалков; депутаты ГД: прозаик Анатолий Грешневиков; кинорежиссер, актер, президент международного форума «Золотой Витязь» Николай Бурляев; прозаик Сергей Шаргунов; а также член Совета Федерации Алексей Пушков, доктор исторических наук, президент «Фонда изучения исторической перспективы» Наталия Нарочницкая; известный российский писатель Владимир Крупин; директор Российского фонда культуры Елена Чавчавадзе; философ Александр Щипков; литературовед Александр Ужанков; поэт иеромонах Роман (Матюшин) и мн. др. политики, писатели, деятели науки и культуры современной России.

Мы особо ценим сотрудничество с иерархами Русской Православной Церкви. Нашему изданию доверяют свои статьи митрополит Петрозаводский и Карельский Константин, митрополит Псковский и Порховский Тихон, митрополит Калужский и Боровский Климент, митрополит Узбекский и Ташкентский Викентий, многие другие архиереи и священники.

Такие высокие слова сказал о журнале «Родная Ладога» в письме в 2012 г. нашему изданию выдающийся русский писатель Валентин Григорьевич Распутин: «Дорогие друзья, создатели журнала “Родная Ладога”! Прочел юбилейный номер журнала от корки до корки с удивлением и радостью: ничего подобного, если говорить об авторах и их работах, у нас еще не было. И по именам, и по текстам, и по статьям, и по поэтическим работам. Да, это наше Бородино! Именно так: Бородино! Не напрасно ему в этом номере посвящена не одна статья, и не напрасно весь этот номер дышит им и на него равняется. И поэтому же вам удалось собрать воедино самых лучших и талантливых авторов-патриотов-государственников. Не помню (да и не было этого), чтобы они прежде выходили столь единым фронтом и говорили столь отчаянно и мудро... Вы всегда держите журнал на высоком уровне. Но тут Сам Господь помогал вам. Низко кланяюсь вам, дорогие!».

Богословие и философия, литература и история, политология и филология, психология и искусствоведение в материалах авторов «Родной Ладоги» предстают единым просветительским фронтом. Наши читатели письменно и устно благодарят редакцию за возможность почерпнуть со страниц журнала духовную мудрость, прикоснуться к настоящей литературе, услышать

мнение компетентных профессионалов своего дела, писателей, ученых, государственных деятелей.

Вокруг журнала по благословению и при участии митрополита Константина (Горянова) сформировался коллектив постоянных Санкт-Петербургских авторов, среди которых академик Академии наук РФ В. С. Мясников; доктор философских наук, профессор А. Л. Казин; гл. редактор всемирно известного сайта «Русская народная линия» А. Д. Степанов; доктор психологических наук, профессор В. Е. Семенов; доктор философских наук, академик РАО А. А. Корольков; доктор культурологии, профессор Г. В. Скотникова; доктор философских наук, профессор А. Л. Вассоевич; общественные деятели А. М. и В. В. Бунеевы и многие другие выдающиеся наши современники. Они, являясь членами редакционной коллегии и редакционного совета издания, имеют влияние на редакционную политику, консультируют, корректируют содержание номеров, активно помогают в других областях нашей деятельности.

Журнал известен за рубежом. Более 10 лет, до последних известных событий, он высылался в Русский культурный Центр в Праге, где имел большую читательскую аудиторию, что называется, каждый экземпляр «зачитывался до дыр». Авторские экземпляры высылались в Сербию, Черногорию, Болгарию, также в Аргентину, много лет мы сотрудничали с недавно почившим известным историком, публицистом И. Н. Андрушкевичем. Мы публиковали испанских писателей, это: Э. Мога, А. Гонсалес, Г. Табернилья. Во Франции наш автор — князь А. А. Трубецкой, в Австралии — писатель Г. Кучина, в Эстонии — главный редактор журнала «Балтика» В. Ильяшевич. Много лет журнал высылался в Германию по просьбе эмигрантов из России. Наше издание — многонациональное. Наши почтенные авторы — люди разных национальностей, проживающие в России и в мире. Мы гордимся творческой дружбой с дагестанским поэтом М. Ахмедовым, белорусским поэтом А. Аврутиным, публикуем статьи белорусского политолога А. Дзерманта, статьи философа, литературоведа Ч. Кирвеля, стихи Н. Советной и др. Наши читатели интересуются исследованиями известного чеченского языковеда, доктора филологических наук З. Хамидовой. Регулярно присылают свои материалы писатели и ученые с Украины, из Харькова, и, конечно, из ДНР и ЛНР — В. Даренский, Е. Заславская и др. Наши авторы — национальные писатели из Якутии, Башкирии, Татарстана, республики Коми и других областей России.

Мы сотрудничаем с Государственной Думой РФ, с Ассоциацией российских дипломатов, с руководством Союза писателей России, с Санкт-Петербургским отделением Союза писателей России и многими региональными писательскими и общественными организациями, с Издательским отделом Русской Православной Церкви и некоторыми епархиями.

«Родная Ладога» — всероссийское и международное издание, несмотря на свое конкретное название, связанное с Северо-Западом России. Но, если заглянуть в историю, можно понять, что оно имеет исторические, объединяющие смыслы. Это название было рекомендовано и благословлено митрополитом Константином (Горяновым) в бытность его архиепископом Тихвинским и ректором Санкт-Петербургской Духовной академии.

«...все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается», — этот художественный образ целостности

мироздания, духовной сверхпроводимости, найденный великим писателем Ф. М. Достоевским, понятен русскому человеку, особенно через сравнение с водной стихией. Кажется, что каждый русский — моряк. Да так оно и есть. Генетическая любовь к морю, к водам бескрайним, коренится не только в особом Божественном жизнеобеспечивающем свойстве воды, но и в ее родительской, воспитательной функции. Где, как не на водах, то ласковых, то гневно бурливых, человек учится преодолевать трудности, бороться и побеждать.

Может быть неосознанно, храня в памяти сердца образ реки Жизни, истекающей от Престола Господня и, сделав круг, возвращающейся к Нему обратно, наши северные предки доверили свои жизни великому Ладожскому озеру, которое в старину называли «Морем русских». Наши предки поселились на каменистых берегах Ладоги пять-шесть тысяч лет назад, когда еще и в помине не было ни реки Невы, ни Свири.

О бурых водах Ладоги и мутных водах Волхова сложено немало легенд, связанных с военной историей. Само название «Ладога» происходит от древнерусского корня, означающего — мирный, спокойный, ладный, красивый, доброжелательный. Вероятно, существует синонимическая связь этого корня с греческим — спокойствие, мир, тишина, звучащем на русском как — исихазм. В исконном понимании исихазм имеет отношение к человеку и означает путь духовного делания, направленный на очищение сердца от страстей, на созидание внутренней духовной «тишины», на соделывание себя «чистым сосудом» для принятия Божией благодати. Исихазм — монашеский подвиг, направленный на обретение целостного видения бытия, неотделимый от исконных церковных таинств — покаяния, молитвы, поста. На берегах Ладожского озера, где Богом созданы природные условия для монашеской жизни, где по преданию в древние времена Апостол Андрей Первозванный разрушил языческие капища и воздвиг христианский каменный крест, где монашеский подвиг может проявиться во всей полноте, образовалась Северная Фиваида. Несколько древних великих монастырей — Валаамский Свято-Преображенский, Александро-Свирский, Коневецкий — по сей день оберегают славу Божьего мира. Воистину, есть на земле места особо предназначенные для прославления величия Творца. Своим трудом, воплощением деятельной любви, монахи всегда создавали подобие рая на земле. Но главное предназначение инока — молитва за ближних и дальних, за «ненавидящих и любящих», за весь мир, лежащий во грехах, может быть, еще и существующий благодаря совокупной молитве праведников. Особенно сильна эта молитва за Отчизну, за нашу Россию-Русь.

Ладога испокон веков своей природной мощью, своей победной историей, как могучий единый организм, давала пример величия, постоянства, целостности, державности. Кажется, только вблизи такого источника жизни и могло зародиться и выжить государство с первой своей столицей, основанной 1250 лет назад — Старой Ладогой. Старая Ладога — один из десяти древнейших русских городов, долгое время — самый северный портовый город России, «окно в Европу» за 900 лет до Петра I. Этот город, созданный усилиями многих славянских племен, открытый всему миру, корнями своей истории уходит вглубь Древней Руси. Славна судьба Старой Ладоги. Долгое время она была центром евразийской торговли и судоходства, столицей сначала северных славянских племен, а затем и государства, управляемого

династией Рюриковичей. Древнерусский город был хорошо укрепленной крепостью на северных русских рубежах. В военных действиях ладожане участвовали и самостоятельно, и в составе новгородской рати. Наряду с новгородцами и псковичами они составляли костяк общерусского войска и сражались против шведов и немцев во многих крупных сражениях, таких как Раковорская и Невская битвы.

«Недаром Ладога родная “Дорогой жизни” названа». Обладая могучей творческой, воспроизводящей силой, давшая жизнь Неве, а значит, и Санкт-Петербургу — столице на беспокойных западных рубежах, Ладога может считаться и прародительницей русского флота, и культуры, и литературы в новой истории России. Не потому ли Ладога спасала свое детище в дни смертельных испытаний Ленинградской блокады вместе со всем героическим народом, проложившим по ее льду, действительно, Дорогу жизни. Кем бы мы стали, не будь литературных памятников, отразивших эти исторические события в жизни Отечества, великие победы Российского государства?

Журнал «Родная Ладога» осознает себя воином на современном духовном бранном поле, понимая, что творчество не предполагает лишь ряд профессиональных количественных манипуляций, которые сами по себе бесплодны. Творение создается вследствие напряженного духовного процесса, который есть кеносис, самоистощение, жертва во имя жизни, — это, действительно, «дорога жизни». Не все, даже талантливые, современные литераторы находят в себе силы встать на эту труднейшую дорогу. Им легче отказаться от своего исконного богоподобия, искать вдохновение в бесплотных мечтаниях, иллюзиях. Те, кто не способен творить, кто заботится лишь о своем материальном благополучии, тратит силы в индустрии массовых развлечений, массовой литературы, создавая миражи, ведя человека к гибели, к звероподобию, торит «дорогу смерти». Как копыта Пересвета и Челубея, сегодня скрестились эти две дороги — «дорога жизни» и «дорога смерти» в смертельной схватке за путь к душам русским. Это роковой поединок не только за жизнь России, за ее будущее, а за существование Божьего мира вообще. Сегодня, когда под угрозой оказалась жизнь мира, подвергшегося нападению адовых сил, каждому человеку приходится выбирать одну из этих двух дорог. В этом выборе следует помнить, что темные силы не обладают творческой силой, они способны лишь подражать или разрушать. Они не способны к правде, ведь дьявол — отец лжи. Это мы сегодня наблюдаем в новом мировом противостоянии, о сути которого сказано было еще в Библии: *«Ваш отец — диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он — лжец и отец лжи»* (Ин. 8:44).

15 лет мы боремся за Правду. 15 лет мы стоим «на посту» в прямом и образном смысле этого выражения. То есть 15 лет с честью и ответственностью исполняем свои редакторские и административные обязанности, понимая их как бескорыстное служение, как исполнение долга. Будучи людьми литературно одаренными, пишущими, имеющими собственные изданные книги, мы, делая журнал, вкладываем в него душу, все свои умения, любовь, причем безвозмездно. Сегодня наше издание признано и высоко оценено в литературных, научных, политических кругах, о чем свидетельству-

ют награды, полученные журналом и его делателями. Журнал награжден «Премией им. Александра Невского», «Золотым Дипломом» международного литературного форума «Золотой Витязь» и др. Отмечены многими наградами личные заслуги главного редактора журнала А. Б. Реброва и В. В. Ефимовской.

Конечно, имя нашего журнала и его содержание могут только объяснить, но не объять духовную сущность, истинные размеры которой гораздо больше территории Северо-Западного края и глубины Ладожского озера. По нашему мнению, эти размеры верно определил повидавший мир выдающийся русский писатель Иван Гончаров, однажды воскликнувший: «Свет мал, а Россия велика!». Воистину, — велика Россия, но отступать некуда! Сегодня эти слова имеют актуальный смысл, который по мере своих сил и возможностей делатели журнала с Божией помощью будут и в дальнейшем раскрывать на страницах «Родной Ладоги».

Может, промыслительно, что первый номер журнала «Родная Ладога» вышел весной. Ведь говорил же великий провидец Ф. И. Тютчев:

*Уж третий год беснуются языки,
Вот и весна — и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.
В раздумье тяжком князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской —
Мечты людей, как сны больного, дики.
Но с нами Бог! Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина, —
Но твоего не помutilа зрака!..
Ветр свирепел. Но... «Да не будет тако!» —
Ты рек, — и вспять отхлынула волна¹.*

Мы надеемся, что в дальнейшем с нашей помощью и с помощью авторов и читателей «Родной Ладоги» будет унижена и обуздана волна беззакония, волна «грозы и мрака», лжи — нового оружия массового поражения, сегодня обрушившаяся на мир. Ведь победоносно правдивое русское слово. «Родная Ладога» как могучий единый организм являла на протяжении 15 лет своего существования и будет являть впредь пример постоянства, целостности, державности. Остаемся и далее **на посту** — у знамени, у духовных границ Отечества, у Слова Правды!

¹ Цит. по.: Тютчев Ф. И. Россия и Запад: книга пророчеств. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. С. 28.

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексеева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 10.06.2022 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 500 экз. Заказ 22060025.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.